ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩ-ВО ПОЛИТИЧ. КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ДЕКАБРИСТ И. И. ПУЩИН

ЗАПИСКИ О ПУШКИНЕ

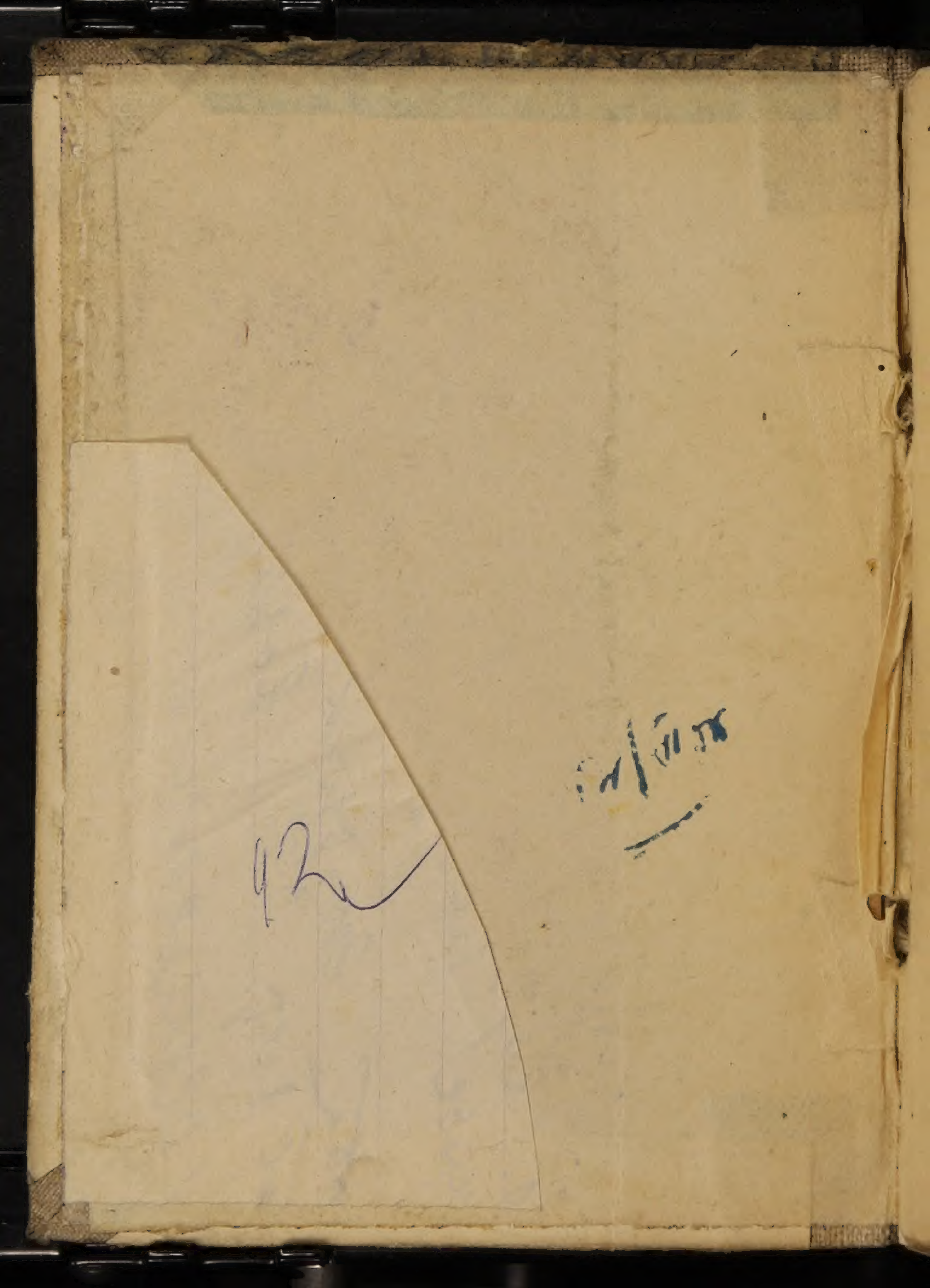
И

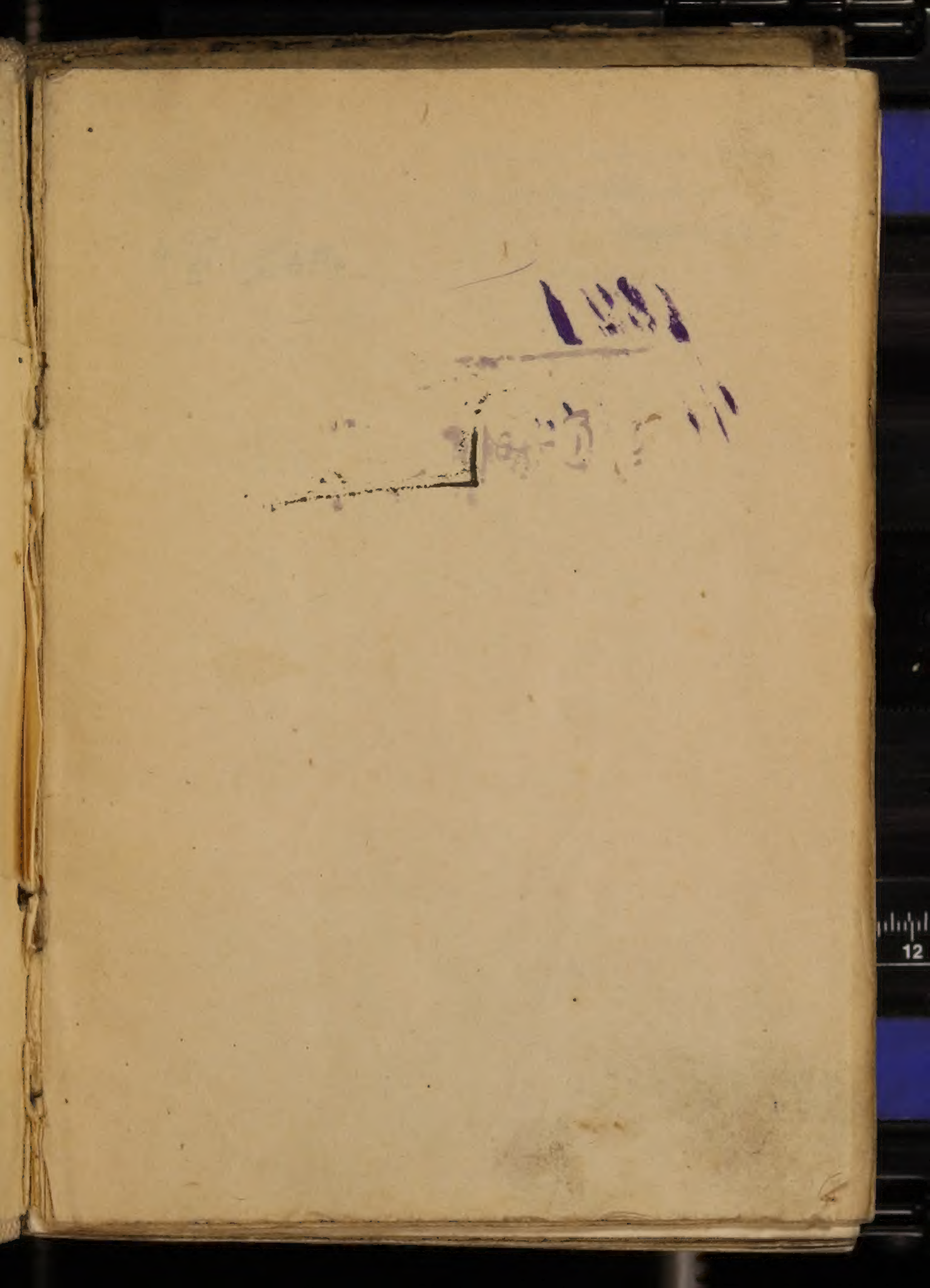
ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ

Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха

4 портрета И. И. Пущина

МОСКВА 1925

Мой первый друг, мой
друг бесценный...

Пушкин о Пущине.

Издано постановлением Комиссии Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов.

Всесоюзное Общ-во Политич. Каторжан и ссыльно-поселенцев

Декабрист И. И. Пущин

Записки о Пушкине

и

Письма из Сибири

Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха

4 портрета И. И. Пущина

Москва 1925

Главлит № 27.228. Тираж 2.500

Типография Центр. Т-ва «Кооперативного Издательства». Москва.

Предисловие

Важнейшее в этой книге—записки Пущина о Пушкине. Ценные сами по себе, как прекрасный образчик мемуарной литературы, в котором совершенно отсутствует авторское тщеславие, а личность пишущего, помимо его стремлений, вырисовывается в неотразимой привлекательности,—записки эти — общепризнанный крупный вклад в литературу о Пушкине. Тоном своего писания и манерой изложения Пущин до осязательности ясно воссоздает обстановку, в которой рос Пушкин и развивался его гений. Вместе с автором переживает читатель те дни, когда в садах лицея безмятежно расцветали великий поэт и его первый бесценный друг. Исторически верно и поэтически правдиво изображает Пущин атмосферу знаменитого учебного заведения, в котором воспитывались многие выдающиеся русские политические и государственные деятели, в котором вырос он сам—героически-самоотверженный и рыцарски честный представитель русской интеллигенции.

А. И. Герцен, по поводу записок Пущина, воскликнул: «Что за гиганты были эти люди 14 декабря, что за талантливые натуры». Эта характеристика оправдывается и письмами Пущина, приведенными во втором отделе этой книги и ярко освещающими прекрасный нравственный облик русского идеалиста 20-х годов XIX века. Тонкий юмор, проникающий их, изящный стиль автора подтверждают мнение А. С. Пушкина о большом литературном таланте его лицейского товарища.

Крупный политический деятель виден в показаниях Пущина по делу о восстании 14 декабря. В них—отражение мудрого спокойствия его духа и засвидетельствованного многими декабристами героизма его поведения на Сенатской площади в день восшествия на престол Николая I.

Во вступительном очерке сгруппированы материалы для характеристики Пущина, дополняющие изящные черты его, вырисовывающиеся в его собственных произведениях, — материалы, необходимые вследствие чрезвычайной скромности Пущина и скупости его на автобиографические подробности. В примечаниях к тексту даны историко-биографические и библиографические пояснения, без коих многое в книге, особенно в письмах, осталось бы затененным. Чтобы не рассеивать внимание читателя, примечания даются в конце книги. Пользование ими облегчено указанием страниц, к которым они относятся. В конце книги дан указатель,

очень полезный в виду ценных фактических сообщений, имеющихся в записках и письмах Пущина.

Многим я обязан возможностью выполнить свою работу в достигнутых пределах. На первом месте—содействие Бориса Львовича Модзалевского. Благодаря его указаниям и любезному содействию Нестора Александровича Котляревского удалось использовать в этой книге письма Пущина, хранящиеся в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук. Константин Яковлевич Грот предоставил в мое распоряжение свое собрание писем Пущина и этим дал возможность напечатать здесь опубликованные письма с дополнениями и поправками, а также включить в книгу ряд новых интересных писем Пущина с каторги и из ссылки. Названные лица и многие другие, в их числе Николай Осипович Лернер, Сергей Николаевич Тройницкий, Павел Елисеевич Щеголев, Владимир Иванович Саитов, Эрнст Петрович Юргенсон—помогали мне в работе советами и указаниями. Всем им глубокая признательность.

Образ Пущина занимал меня давно. Этот труд—посильная дань любви к тому, кто был достойным другом величайшего поэта России, чье имя было на устах Пушкина в часы житейских утех и радостей, в минуты предсмертных страданий. Но вдохновили меня на эту работу поучительные для меня беседы с умершим в 1916 году Василием Ивановичем Семевским—лучшим знатоком истории русского общественного движения и авто-

ром самого ценного и глубокого исследования о причинах и условиях восстания 1825 года. Его светлой памяти посвящается эта работа.

Записки Пущина проверены по авторской рукописи, хранящейся в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук.

С. Штрайх

1918 года, 4 мая (день рождения Пущина),
Петроград.

По обстоятельствам, пережитым нами в первые годы революции, эта книга не была выпущена в свет своевременно. Затем причины личного свойства мешали мне осуществить свой давнишний замысел, вплоть до наших дней. Конечно, я внес в свою работу все вызванные ее пересмотром поправки.

С. Штрайх

1924 года, 4 мая. Москва.

И. И. Пущин — 1825 г.

Из группы Д. М. Соболевского.

Иван Иванович Пущин

(Биографический очерк)

1. Пущин и Пушкин

«Мой первый друг, мой друг бесценный»,—писал Пушкин о Пущине. «Если бы я был на месте Данзаса, роковая пуля встретила бы мою грудь, я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России», — писал И. И. Пущин из Сибири в Россию через несколько лет после смерти Пушкина. «Как жаль, что нет здесь Пущина, мне бы легче было умирать»,—сказал Пушкин в последние минуты своей жизни.

И так, от самого начала сознательной жизни, от первых лет учения до могилы, пронес великий поэт нежную любовь к Ивану Ивановичу Пущину, который так же верно и горячо был предан своему лицейскому товарищу. Связанные тесной дружбой с первого же дня вступления в Царскосельский лицей, в котором они целых шесть лет, безвыездно, прожили почти в одной комнате, значительно различавшиеся характерами, Пущин и Пушкин взаимно влияли друг на друга и воздействовали они на друг друга лучшими сторонами своих личных свойств, укрепляя под этим взаимным влиянием свои

природные дарования. По выходе из лицея, друзья разошлись в разные стороны, но взрощенная в отроческие годы любовь продолжала благоухально цвести в их сердцах, и каждому из них пришлось быть впоследствии, в разное время, ангелом-утешителем другого в тяжкую пору невзгод и лишений. Разобщенные, идущие разными путями к своим жизненным целям, Пушкин и Пущин черпали силу и вдохновение из глубины своих чистых и светлых сердец, в которых прочное место занимала их лицейская дружба.

Зародилась она в августе 1811 года, в огромной зале дворца министра народного просвещения А. К. Разумовского, куда были свезены малолетние сыновья лучших дворянских фамилий того времени для определения в новое учебное заведение—императорский Царскосельский лицей. В первый же день знакомства мальчики подружились, и в свободное до начала лицейских занятий время много раз сходились в доме Василия Львовича Пушкина, откуда часто отправлялись гулять в Летний сад.

Но в особенно благоприятные условия развития их дружба была поставлена, когда, по переезде в Царское село, Пущин и Пушкин были поселены в смежных комнатах, разделявшихся тонкой перегородкой, не препятствовавшей им переговариваться даже шопотом. В долгие зимние ночи мальчики, лежа в своих комнатах, поверяли друг другу свои тайны, сомнения и надежды. И все более и более закреплялась их дружба, все глубже и серьезнее проникала в их нежные, богато одаренные души взаимная любовь.

Настало 19 октября 1811 года, когда Куницын возжег в сердцах обоих друзей «чистую лампаду», так красиво разгоревшуюся в груди Пушкина божественным огнем пророческого вдохновения и столь ярким пламенем свободолюбия вспыхнувшую в груди Пущина, в сонтав его борцом, воодушевленным самоотверженной любовью к народу-страдальцу. Пущин в своих записках подробно описывает этот день в его историческом и бытовом значении. Миновал торжественный день открытия

лицея, сильнее, чем у других, запечатлевшийся в памяти Пушкина и Пущина, наступили будни наполеонской жизни.

Резкий характер Пушкина мешал ему сразу сойтись с другими товарищами, которые несколько чуждались вспыльчивого, раздражительного мечтателя-поэта, и на первых порах Пущин был почти единственным товарищем его детских игр и шалостей, единственным поверенным его вольнолюбивых, не укладывавшихся в рамки лицейского регламента стремлений. Не обходилось, конечно, между мальчиками без размолвок, но они лишь сильнее укрепляли их дружбу, как свидетельствует сам поэт в лицейской пьесе «Пирующие студенты».

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку.
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем
И тотчас помиримся.

Пущин подробно описывает в своих воспоминаниях историю происхождения этого стихотворения и обстановку, в которой оно было Пушкиным, в 1814 году, прочитано. Как и другие лицеисты, Пущин, конечно, не мог избегнуть влияния крупного, уже тогда проявлявшегося, литературного таланта Пушкина: несомненно, он также участвовал в школьных журналах лицеистов 1-го курса. Профессор К. Я. Грот, перепечатавший в своей книге «Пушкинский лицей» журнал «Лицейский Мудрец», высказывает предположение, что заметки о попытке В. К. Кюхельбекера утопиться и об истории с гогель-могелем написаны Пущиным. В своих записках И. И. также рассказывает про историю с гогель-могелем, и почти в тех же выражениях, что и в лицейском журнале, конечно, с изменениями, об'ясняемыми почти полувековым расстоянием между одним и другим рассказами.

В лицейские же годы И. И. Пущин напечатал в «Вестнике Европы» два прозаических отрывка, при чем один из них в

сотрудничестве с Пушкиным. Так, в № 18 названного журнала за сентябрь 1814 год, напечатан переведенный Пущиным отрывок из знаменитого сочинения Лагарпа «Lycée ou Cours de litterature ancienne et moderne»—статья «Об эпиграмме и надписи у древних» (из т. III, гл. IX). Примеры эпиграмм, взятых Лагарпом для иллюстрации своих положений, приведены Пущиным в переводах И. И. Дмитриева, К. Н. Батюшкова и других русских поэтов, а некоторые специально переведены для его статьи, по его же просьбе, лицейскими поэтами А. Д. Илличевским и А. С. Пушкиным. Вот текст эпиграммы, включаемой теперь издателями в собрание сочинений Пушкина, с пояснением, предшествующим ей в статье Пущина: «Последняя есть одно из прекраснейших произведений в сем роде: состарившаяся Лаиса приносит зеркало свое в храм Венеры с сими стихами»:

Вот зеркало мое—прими его Киприда.
Богиня красоты прекрасна будет ввек,
Седого времени нестрашна ей обида:
Она не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой ныне.

Так взаимно влияли товарищи лицеисты друг на друга, выступив одновременно в печати. Другое печатное выступление Пущина—переводный отрывок с немецкого, из сочинения Лафатера «О путешественниках» («Вестник Европы», 1814, № 22, за ноябрь). Это довольно обширная статья—в 20 печатных страниц, и, подобно первой (в 5 страниц), переведена она довольно литературно и гладко.

Не установлено, были ли еще другие школьно-литературные выступления Пущина, но его литературный вкус развивался, несомненно, в одном направлении с пушкинским. Он сам в своих записках свидетельствует, что влиял на Пушкина в смысле выбора тем, и есть ряд доказательств влияния Пушкина на критические взгляды Пущина. Таковы, например, те

места писем Ив. Ив. к Е. А. Энгельгардту, а также его записок, где он говорит о поэзии В. К. Кюхельбекера: «У него все пахнет каким-то неестественным, — пишет Пущин о Кюхельбекере, — расстроенным воображением: все неловко, как он сам, а охота пуще неволи. И говорит, что наше общество должно гордиться таким поэтом, как он... Сравнивает себя даже с Байроном и Гете и т. д.» (см. письмо от 25 мая 1845 года). Здесь же любопытен отзыв о «Тарантасе» В. А. Соллогуба, в другом месте (письмо от 26 февраля 1845 года) — отзыв о сибирском писателе Словцове, слог которого «тяжел, изложение странное», в котором «трудолюбия было много, но мало даровитости».

О литературных влечениях Пущина свидетельствует и то, что Н. И. Тургенев, затевая в 1818 году политический журнал (как он писал позже, «независимо от тайного общества», и к «соучастию» в котором он приглашал «членов и не-членов общества, известных русских литераторов»), предлагал Пущину сотрудничество в нем. Ив. Ив. должен был для этого издания написать статью о книге г-жи Сталь «Considerations sur la revolution francaise». О своих литературно-переводных занятиях в Сибири Пущин говорит в письмах к Энгельгардту за 1841 и 1845 годы. Сам Пушкин заявлял, что Пущин обладал большим литературным талантом.

О совместных лицейских шалостях Пушкина и Пущина, об их лицейской дружбе говорится подробно в записках Ив. Ив. Отличие взаимоотношений Пущина с Пушкиным от взаимоотношений поэта с другими лицеистами объясняется особенностями характера Пущина, сумевшего лучше других товарищей понять душу Пушкина. Редкая сердечная доброта Пущина, тонкая наблюдательность и критическое чутье помогли ему взглянуть на Пушкина «с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище». Поэтому-то он полюбил Пушкина

«настоящим образом», и между соседями в лицейском общежитии «как-то это скоро и незаметно устроилось».

И здесь Пущин проявляет не изменившую ему до самой кончины благородную скромность. Говоря о нарастании и закреплении его исключительной дружбы с Пушкиным, Пущин об'ясняет это тем, что он чаще других имел возможность интимно беседовать с товарищем-поэтом о всех их повседневных переживаниях, о тревогах и волнениях их юношеских лет: «Я, как сосед,—с другой стороны, его нумера была глухая стена,—часто, когда все уже засыпали, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня: тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало».

П. В. Анненкову Пущин рассказывал, что содержание их ночных бесед с Пушкиным состояло «из жалоб Пушкина на себя и на других, скорбных признаний, раскаяния и, наконец, из обсуждения планов, как поправить свое положение между товарищами или избегнуть следствия ложного шага и необдуманного поступка». Пущин был первым из товарищей, отозвавшихся, как он выражается, на привязанность Пушкина к лицейскому кружку, и Пушкин умел ценить эту отзывчивость.

Пущину посвящен и целый ряд стихотворений его гениального друга. Конечно, не без преувеличений говоря о «пуншевых пирушках» в стихотворении «Воспоминание» (1815 г.), поэт писал, обращаясь к Пущину:

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом пенистом вине.
Как укрывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Вакхом нежились лениво
Школьной стражи вдалеке.
Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых.

Закипев, о сколь прекрасно
Токи дымные текли...
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали —
И бутылки вмиг разбиты —
И бокалы все в окно,
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.
Убегаем торопливо;
В миг исчез минутный страх.
Щек румяных цвет игривый,
Ум и сердце на устах,
Хохот чистого веселья.
Неподвижный тусклый взор —
Изменяли чад похмелья.
Сладкий Вакха заговор.
О, друзья мои сердечны
Вам клянуся, за столом.
Всякий год, в часы беспечны.
Поминать его вином.

И позже в стихотворении «19-е октября» (1825 г.), в первоначальной редакции знаменитого «Роняет лес багряный свой убор», поэт вспоминал их детские годы:

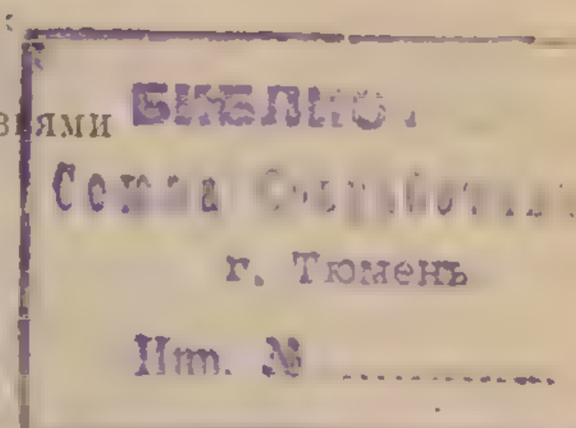
Мы вспомнили, как Вакху приносили
Безмолвную мы жертву в первый раз,
Как мы впервой все трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказ...

Любовь эта была — чистая юношеская любовь Пушкина, Пущина и И. В. Малиновского (или А. Д. Илличевского — по другим указаниям) к сестре их лицейского товарища Е. П. Бакуниной, которая жила с матерью в Царском Селе до 1816 г. О тех же студенческих пирушках и вообще о тесных товарищеских отношениях Пушкина и Пущина говорится в стихотворении 1815 года «К Пущину», напечатанном тогда же в «Российском Музеуме». В нем — отклик задушевности их тесной дружбы; оно интересно и для личной характеристики Пущина:

Любезный именинник,
О, Пущин дорогой,
Прибрел к тебе пустынник

С открытою душой;
С пришельцем обнимися,
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца:
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты.
Устрой гостям пирушку:
На столик вощеной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник,
Забудемся на час.
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас.
Пускай старик крылатый
Летит на почтовых.
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних.
Ты счастлив, друг сердечный:
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем,
И ты в беседе Граций,
Не зная черных бед,
Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт.
Под кровом небогатым
Ты вовсе не знаком
С зловещим Гиппократом,
С нахмуренным попом;
Не видишь у порогу
Толпящихся забот:
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот;
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой,
И демон метроманов
Не властвует тобой.
Ты счастлив в этой доле:
Скажи, чего же боле,

Мне другу пожелать?
Придется замолчать...
Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок, наливай.
Веселье, будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш.

Эта настойчивость в упоминании пуншевых чаш ввела даже в соблазн одного из благонамеренных биографов И. И., который приписал Пущину качества, ему несвойственные. Вець сам И. И. в письме к Энгельгардту от 8 мая 1845 года (день его именин) вспоминает, что «бывало в лицее, в этот день, в столовой, вместо казенного чаю, стоят чашки, наполненные кофеем, со стопкой сухарей, и вся артель пьет с поздравлением». Но стихотворение это ценю, как свидетельство общей любви лицеистов к Пущину и особенной привязанности к нему товарища-поэта.

Не только в совместных пирушках проявлялась дружба наших лицеистов, не только в умелом пользовании пуншевой чашей выразилась общность их стремлений. «Мы с ним постоянно были в дружбе,—сообщает И. И. Пущин в своих записках,—хотя в иных случаях смотрели на людей и вещи разно, откровенно сообщая друг другу противоречащие наши воззрения, мы все-таки умели их сгармонировать и оставались в постоянном согласии». А Пушкин в стихотворении «В Альбом И. И. Пущину» (1817 г.) писал:

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
Всесильной сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,

Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будет вновь...
И с тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой друг, она прошла... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О, милый, вечен он.

Пушкин словно предчувствовал на пороге лицея, при прощании с первым и бесценным своим другом, что грозная судьба разбросает их далеко друг от друга, и подчеркивает вечность их товарищеского союза. То же он повторяет в «19 октября» 1825 года, обращаясь к лицеистам-товарищам:

Друзья мои, прекрасен наш союз,
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И щастие куда б ни повело,
Все те же мы; нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

Совсем, казалось, разошлись пути друзей по окончании лицея в 1817 году. Пушкин уехал в деревню к родным. Пущин, больным, остался лежать в лазарете лицея, а по выздоровлении поступил в гвардейскую конную артиллерию и через несколько лет переехал в Москву на должность надворного судьи, пробыв недолго в такой же должности в Петербурге. Один пошел по пути общественно-политического служения, другой стал петь гимны солнцу и любви.

Но в далеких, на первый взгляд, направлениях деятельности обоих друзей было много общего и, главное, вдохновляемого их взаимной любовью. Еще в лицее Пущин интересовался вопросами политическими и социальными, и в год окончания курса он был принят полковником Н. Г. Бурцовым в тайное общество. Вместе с ним был принят в общество другой лицеист—Вл. Дм. Вольховский—лицейский Суворочка, впоследствии свойственник Пущина по женитьбе на М. В. Мали-

новской, брат которой, лицеист-первокурсник И. В. Малиновский, женился на сестре Ив. Ив. «Бурцов нашел,—пишет Пущин,—что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из лицея, я готов для дела».

Вступил Пущин в тайное общество потому, что считал себя обязанным работать для освобождения родного народа от рабства физического и духовного. Вспомнив беседы с Пушкиным, он немедленно по вступлении в тайное общество хотел посвятить в это дело товарища-поэта: «Он (Пушкин) всегда согласно со мною мыслил о деле общем (respublica),—по-своему проповедывал в нашем смысле—и изустно и письменно, стихами и прозою». Уверенность Пущина в том, что Пушкин не только сочувственно относится к идеям общества, но способен также всецело отдаться борьбе за их осуществление, была настолько велика, что он не сомневался в присоединении поэта к движению, если бы тот знал о существовании кружка.

Скоро Пушкин приехал в столицу и, конечно, увиделся с первым своим другом, а немного спустя, он заболел, и Пущин почти ежедневно навещал его. В долгих задушевных беседах они затрагивали так волновавшие их в лицейские годы вопросы, и Пушкин, подозревавший, что друг его знает что-то особенное, просил посвятить его в тайну общества. Но Пущин уже тогда решил не привлекать своего лицейского товарища к активной деятельности: «Я, как умел, отделывался, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели»...

Вопрос об отношении к Пушкину членов тайного общества обсуждался в верховных думах северного и южного отделений его. Как свидетельствует член общества соединенных славян И. И. Горбачевский, будущим декабристам было прямо запрещено посвящать Пушкина в дела общества из опасения, что поэт может проговориться своим светским и придворным знакомым и, таким образом, выдать тайну общества правительству. Это подтверждает и член северного общества М. А. Бестужев, у которого находим также любопытное сообщение о

отношении главарей общества к исключительным по дружбе взаимоотношениям их сочлена Пущина и столь легкомысленного в их глазах Пушкина. Зная нежную любовь И. И. к его другу-поэту, руководители общества стеснялись прямо сказать Пущину о запрете делиться сведениями о заговоре с Пушкиным, предоставляя это дело природному такту Пущина. Как видно из записок последнего, он и сам не хотел, правда, по причинам другого порядка, посвящать своего лицейского товарища в дела общества: Пущин сознавал, что Пушкину предназначено иными путями действовать, как нельзя лучше, для благой цели (подробнее об отношении декабристов к Пушкину—в примечании к письму И. И. от 14 июня 1840 года).

Когда Пущин, в сознании своего гражданского долга, перешел из военной службы в гражданскую, заняв должность надворного судьи, шокировавшую его светских друзей и знакомых, Пушкин по достоинству оценил побуждения своего лицейского товарища. Позднее, в первоначальной редакции «19 октября» 1825 года, он говорит, вспоминая юность и обращаясь к Пущину:

И все прошло—проказы, заблужденья...
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан...

В рукописи вторая, перечеркнутая, строка этой строфы, читалась так: «смирен. суров тобой избранный сан». Но Пушкин хотел выдвинуть на первое место не должность Пущина, которую он также ценил, а высокие нравственные качества его друга, освящавшие эту должность. Много говорили они об этом в январе 1825 года, когда Пущин посетил Пушкина в его изгнании, в селе Михайловском.

Шло время по окончании лицея. Друзья виделись редко. Пока Пущин служил в Петербурге, Пушкин был на юге и на Кавказе. Письма Пущина, не дошедшие до нас, были ему отрадою. В конце 1823 года Пушкин писал А. А. Дельвигу:

«Вчера повеяло мне жизнью лицейскою: слава и благодарение за то тебе и моему Пущину». Потом Пущин переехал в Москву, а Пушкин был сослан в Михайловское. Ближайшие друзья и даже родные, если не отшатнулись от поэта, то остерегались иметь непосредственные сношения с ним, боясь репрессий со стороны зорко следившего за Пушкиным правительства. Поэт изнывал в Михайловском от бешеной скуки, мучительность которой усугублялась назойливым надзором настоятеля Святогорского монастыря, имевшего поручение заботиться об исправлении поэта-атеиста.

Когда в Москве, в конце 1824 года, узналось, что Пушкин из Одессы сослан в деревню отца, в Пущине болезненно отозвалось это известие. Немедленно в нем зародилось желание навестить товарища и, вопреки запрещению начальства, он свою мысль осуществил. Выхлопотав себе отпуск для поездки в Петербург к родителям, Пущин испросил также разрешение на поездку в Псков (влекло его туда и чувство любви к О. И. Пальчиковой, сестре будущей жены его брата М. И.) к сестре Ек. Ив. Набоковой, а оттуда уже рукой было подать в село Михайловское, и никакие запреты не могли его остановить.

Ни запреты, ни предостережения общих знакомых. Пущин так передает об этом: «Перед отъездом, на вечере у князя Голицына, встретился я с А. И. Тургеневым, который незадолго до того приехал в Москву. Я подсел к нему, и спрашиваю, не имеет ли он каких-либо поручений к Пушкину, потому что я в январе буду у него.

— Как, вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором—и полиции и духовным?

— Все это знаю, но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно, когда буду от него с небольшим в ста верстах. Если не пустят к нему, уеду назад.

— Не советовал бы, впрочем, делайте, как знаете, —добавил Тургенев.

Почти те же предосторожности выслушал я от В. Л. Пушкина, к которому заезжал проститься и сказать, что увижу его племянника».

Не зная еще, что Пущин собирается к нему, но узнав о его пребывании в Петербурге, Пушкин в письме к брату Льву предлагал последнему заехать к Пущину и передать ему привет.

Побыл Пущин у родных и поехал к Пушкину. Поэту передалось волнение друга, приближавшегося 11 января 1825 г. к с. Михайловскому, и в неоконченном отрывке, датированном этим числом, он писал:

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет белая сорока
И пророчит мне гостей.
Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах,
Луч зари сияет алый,
Серебрится снежный прах...

Велика была радость друзей при этом свидании. Пущин в своих записках оставил красноречивое, обвеянное нежною любовью, описание этого дня. Страницы записок Пущина, посвященные январьскому свиданию его с Пушкиным, — самые нежные, задушевные страницы, в обширной литературе, посвященной поэту. Увидев в окно Пущина, Пушкин, босиком, в одной рубашке, выбежал на крыльцо, с поднятыми руками. Не менее был взволнован и гость. Через 30 лет после этого слеза прошибала его при описании памятного свидания: «Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке. Наконец, пробила слеза, и мы очнулись». Пошли нескончаемые разговоры. Пушкин жадно слушал друга, выспрашивал его, сумел вынудить у него признание в существовании тайного общества. Но о подробностях Пущин умолчал, переменив тему разговора. Говорили много о лицейской жизни. Отклик политических бесед в с. Михайловском—в пометке

Пущина на письме к Пушкину от 12 марта 1825 года. Интимная близость и единомыслие видны в словах: «Знаменательный день», напоминающих восшествие Александра I на престол после убийства 11 марта 1801 года его отца.

Приезд Пущина оживил поэта, лицейский товарищ явился непосредственно от московских и петербургских друзей его, связал его с миром, от которого Пушкин был насильственно отторгнут и по котором сильно тосковала душа его. Даже брат Лев Сергеевич опасался приехать к нему на свидание в Михайловское, и Пушкин, около этого времени, с горечью писал ему: «Твои опасения на счет приезда ко мне вовсе несправедливы: я не в Шлиссельбурге, а при физической возможности свидания лишить одного двух братьев было бы жестокость без цели...»

Пущин привез поэту литературную новинку — рукопись «Горя от ума», письма А. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева, новые книги. Было о чем поговорить и помимо политики. Но она все-таки врывалась в беседы друзей, в виде ли письма Рылеева, который напоминал Пушкину, что он живет близ Пскова, где «задушены последние вспышки русской свободы», побуждая Пушкина написать поэму об этом «крае вдохновения»; в виде ли горячих речей Пущина, который в ту пору был в центре заговора, как один из директоров Северного общества, глава московского его отделения.

Гость пристально приглядывался к Пушкину и нашел его «несколько серьезнее прежнего». Поэт читал товарищу новые свои произведения, продиктовал ему для «Полярной Звезды» начало «Цыган» и просил благодарить Рылеева за его патриотические «Думы». Весь день провели друзья вместе. При прощании им стало обоим очень тяжело и грустно: «Как будто чувствовалось,—пишет Пущин,—что последний раз вместе пьем и пьем на вечную разлуку. Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани...»

Оживив своим приездом в Михайловское связь Пушкина с внешним миром, Пущин по возвращении в Петербург и Мо-

скву своими рассказами о товарище освежил интерес общества к поэту-изгнаннику. Пушкин дал другу ряд поручений к столичным друзьям—частного и общелитературного характера. Об этом—в письмах Пущина к Пушкину.

Долго было памятно поэту посещение Пущина. В «19 октября» 1825 года Пушкин посвятил этому событию и теперь волнующие читателя строки:

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада.
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О, Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

После от'езда Пущина, поэт виделся с А. М. Горчаковым и А. А. Дельвигом. Когда Пущин был арестован по делу о декабрьском восстании, Пушкин еще раз вспомнил приезд лицейского товарища в Михайловское и посвятил ему следующее стихотворение:

Мой первый друг, мой друг бесценный.
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое Провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней.

В записках своих Пущин описывает радость и душевное облегчение, полученные им в Чите в начало 1828 года, когда в день прибытия на каторгу, он получил через А. Г. Муравьеву это стихотворение Пушкина. Сердце поэта болело за участь всех привлеченных к делу о 14 декабря друзей его, но тягостнее всего были ему думы о Пущине. В феврале 1826 года он писал Дельвигу: «... Но что Ив. Пущин? Мне сказывали, что

20-го, т.-е. сегодня, участь их должна решиться, сердце не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую...»

Не только значение нравственной поддержки имел для Пушкина приезд его лицейского товарища. Как всегда, гражданский пафос «рыцаря правды»—так называл Пущина князь С. Г. Волконский—повлиял на творчество поэта, и первое произведение Пушкина после от'езда И. И. из Михайловского, отразило содержание их бесед 11 января 1825 года: Пушкин, несомненно, под влиянием этого, написал пьесу «Андрей Шенье», которой он сам придавал значение предзнаменования. В первой половине декабря 1825 года он писал П. А. Плетневу: «Душа! я пророк, ей богу, пророк. Я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя от. и Сы. etc.». В середине лета он по тому же поводу писал П. А. Вяземскому: «Читал ты моего «А. Шенье в темнице»? Суди об нем, как иезуит—по намерению».

Отклик бесед с Пущиным слышен в словах Шенье, в них же—удивительное пророчество поэта о поведении декабристов, особенно его друга, ровно через год:

Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ...

Душевное стремление Пушкина высказалось в стихах, в которых он желает движению, руководимому его лицейским товарищем, успеха. Ему кажется, что он и сам примет участие в восстании:

Я зрел, как их могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли...
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: «блаженство ...

И снова горькое пророчество об участи друзей, болезнен-

ный стон, повторенный потом в словах о Пущине из приведенного уже выше письма:

О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор...»

Но истинное настроение Пушкина, подлинные его политические верования те же, что и у Пущина. Оба они почерпали их у Куницына, который учил царскосельских лицеистов любить и уважать свободу. Поэт высказал это устами Шенье:

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нет не виновна ты:
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа —
Сокрылась ты от нас. Целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщением и славой...
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им...

Ряд других свидетельств влияния Пущина на поэта имеется в литературе. Интересно примечание П. А. Вяземского к записке М. А. Корфа о Пушкине, где черствый бюрократ и благонамеренный служака ставит своему лицейскому товарищу в упрек, что в то время, как «после классных часов прочие бывали или у директора или в других смежных домах,— Пушкин, ненавидевший всякое стеснение, пировал с этими господами (гусарами) на распашку». Вяземский в выноске пишет: «В гусарском полку Пушкин не пировал только на распашку, но сблизился и с Чаадаевым... А дружба его с Пущиным?»

Провал декабрьского движения болью отозвался в сердце Пушкина. Выше приведен отрывок из его февральского письма к А. А. Дельвигу с сокрушением о судьбе друзей, участвовавших в движении. В августе 1826 года он писал кн. П. А. Вяземскому: «Еще таки я надеюсь на коронацию. Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна». Еще когда Пущин сидел в Шлиссельбургской кре-

ности, Пушкин написал и передал А. Г. Муравьевой для доставления его лицейскому товарищу стихотворение: «Мой первый друг, мой друг бесценный»—приведенное выше. В первоначальном наброске этого стихотворения, после слов: «твой колокольчик огласил»,—читаем:

Забытый кров, шалаш опальный
Ты с утешеньем посетил,
Ты день отрадный и печальный
С изгнанным другом разделил...

Утешая друга в его несчастьи, Пушкин вспоминал о той великой радости, которую доставил ему приезд Пущина в с. Михайловское. Так оба они облегчали друг другу тяготы душевные и оба считали такие дни лучшими в жизни. «Преисполненный глубокой, живительной благодарности» к Пушкину за отрадный отклик на его беду, Пущин только жалел, что «не мог обнять» Пушкина, как поэт обнимал его при его посещении Михайловского в январе 1825 года.

Пущин был в Сибири, на каторге, за много тысяч верст от Москвы, где Пушкин упивался успехами творчества, где его на руках носили почитатели таланта, но страждущего друга своего поэт не забывал, как и других борцов за свободу народа. В стихотворении «Арион»—отражение чувств поэта к его сосланным друзьям:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
Вглубь мощны веслы. В тишине,
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я—беспечной веры полн —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце, под скалою.

Декабристов-товарищей утешал он, посылая им следующие стихи:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Возбудит бодрость и веселье.
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут.
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Печально было лицеистам-первокурсникам собираться 19 октября 1827 года без товарищей-декабристов, без Пущина и Кюхельбекера. Пушкину было это особенно чувствительно: он любил обоих нежно и трогательно. Поэт посвятил друзьям-мученикам свой лучший дар—стихотворение на день лицейской годовщины:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви.
Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли.

Пушкину памятны и дороги были побуждения руководителей декабрьского восстания, он с грустью наблюдал отношение к декабристам тех представителей общества, которые пристрастно-несправедливыми отзывами старались оттолкнуть от себя подозрение в сочувствии мятежу. И сосланным было легче от сознания, что сердце поэта с ними. Они в Сибири радовались развитию его творчества. Пущин пишет по поводу

доставленных ему разными путями посланий Пушкина: «в своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина; мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет»...

Пущин вел в Сибири подневольную жизнь каторжника, отверженного законом, гонимого по этапам, из тюрьмы в тюрьму. Пушкин пользовался привилегиями невольника общественных правил и требований житейской морали. Погиб поэт, невольник чести, пал, оклеветанный молвой, и в смертный час свой он вспомнил лицейского товарища-друга. В последние, отравленные, мгновения жизни, он говорил окружающим: «Как жаль, что нет здесь Пущина, мне бы легче было умирать»... Ссыльный Пущин, узнав о смерти друга, был потрясен. Позднее он писал Малиновскому: «Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история... роковая пуля встретила бы мою грудь: я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России...»

И много лет спустя, вернувшись, хотя и измученный тридцатилетними нравственными пытками, на родину из рухнувшей темницы, Пущин отдал долг дружбе, связывавшей его с поэтом. Пушкин обессмертил своего товарища-гражданина целой серией стихотворений, Пущин увековечил в памяти потомства своего друга-лицеиста, нежными, любовными красками, нарисовав в своих записках портрет юноши-поэта, чью душу он лучше всех понимал и которого он умел ценить безотносительно к различию их политических верований и общественных выступлений.

2. Юношеские годы И. И. Пущина

Иван Иванович Пущин происходил из родовитой дворянской фамилии. Он приходился в 12 колене прямым потомком родоначальнику Пущиных и Муравьевых (графы, дворяне, Муравьевы-Апостолы), Василию Тимофеевичу Алаповскому, рязанскому сыну боярскому, жившему в XV веке (А. Б. Лобанов-Ростовский отмечает возможную связь этого рода с родом Радши, от которого происходят Пушкины). Старший сын Алаповского был Есип Вас. Пуща, переведенный из Рязани в поместье в Воцкую пятину Новгородского уезда, около 1500 г., второй сын его—Иван Вас. Муравей, родоначальник Муравьевых.

Дед Пущина—известный адмирал екатерининского времени, Петр Иванович Пущин, род. 11 декабря 1723 года, умер 7 декабря 1812 года, был женат на Евг. Матв. Короткой (род. 4 июня 1726 г., умерла 4 апреля 1810 года). Отец его ген.-лейтенант, ген.-интендант, сенатор (с 1829 года) Иван Петрович Пущин, был женат на Александре Мих. Рябининой; родился около 1755 года, умер 7 октября 1842 года: жена умерла в 1840 году.

Детей у них было много. Из них известны сыновья: 1) Петр, умерший в 1812 году от ран, при Березинской переправе, в самый год выхода из Пажеского корпуса, следовательно, молодым человеком; 2) Иван Иванович—декабрист, родился 4 мая 1798 года, умер 3 апреля 1859 года, был женат с

1857 года на Нат. Дм. Фонвизиной, рожд. Апухтиной (род. в 1805 году, ум. в 1869 г.), детей у них не было; сын и дочь Ив. Ив. Пущина родились в Сибири в ссылке, их матери были вдовы местных обывателей; 3) Михаил Иванович—декабрист, родился в 1800 году, умер 25 мая 1869 года, ген.-майором, комендант Бобруйской крепости, был женат с 1831 года на С. П. Пальчиковой (умерла в 1834 году), и с 1838 года на М. Я. Подкользиной (ум. много лет после мужа), детей не имел; 4) Егор Иванович, родился, повидимому, в 1801 году или в 1802 году, о нем других сведений нет, учился во втором кадетском корпусе; 5) Николай Иванович, родился в 1803 г., был тайным советником (с 1860 г.), женат с 1837 года на Мар. Ник. Завалишиной, имел детей, из них сын Ив. Ник., род. в 1851 г.; 6) Петр Иванович, род. в 1813 году, умер около 1857 года, был не женат, детей не имел; дочери: 7) Екатерина Ив., старшая из детей, замужем за ген. П. А. Набоковым (род. 11 марта 1787 года, ум. 21 апреля 1852 года; были сыновья и дочери); 8) Евдокия Ив., замужем за д. с. с. Барроци (вдова в 1843 г.); 9) Марья Ив., замужем за П. В. Малиновским (лицеист-первокурсник), умерла в 1844 году, имела сына Ант. Ив. Малиновского; девицы: 10) Анна, 11) Варвара, 12) Елизавета; все дочери, кроме Марии, были еще живы в конце 50-х годов, упоминаются в письмах И. И. и М. И. Пущиных.

О воспитании в доме родителей И. И. Пущин не говорит в своих записках. Некоторые сведения по этому поводу находим в записках его брата, Мих. Ив., у которого «из воспоминаний детства более всего внедрились в память серьезность отца, номешательство матери, начальство старших сестер, отсутствие всякого присмотра со стороны гувернеров Тринитте, Вранкена, Тропше и других, баловство старшей, любимой няни Авдотьи Степановны и при ней дружба с горничными. Несмотря, однако же, на такую обстановку,—говорит М. И. Пущин,—научное наше воспитание шло довольно успешно».

Материальные средства Пущиных были скромны. Так,

М. П. Пущин несколько раз возвращается к рассказу о своей стесненности в денежном отношении, говорит об этом в своих показаниях и Ив. Ив. Пущин. К. Ф. Рылеев в письме к жене из крепости, от 20 апреля 1826 года, напоминает ей о долге И. И. Пущина в 1.500 руб., которые он дал ему, как другу, и просит жену не делать шагов к получению денег от родных И. И., а ждать, пока они сами отдадут: «Я не напоминал о том и прежде, а теперь напомнить грешно». В 1826 году директор канцелярии III отделения М. М. Фон-Фок доносил А. Х. Бенкендорфу о чрезвычайной стесненности Ив. Петр. Пущина в денежном отношении—об этом подробнее—письмо Ив. Ив. к Энгельгардту от 14 декабря 1827 года.

В записках своих Ив. Ив. Пущин подробно и обстоятельно рассказал, как дед отвез его в день приемного экзамена в лицей, 12 августа 1811 года, к министру народного просвещения А. К. Разумовскому, как его зачислили в лицей, а также о первых днях пребывания там. И. И. пишет, что из двух экзаменовавшихся внуков своих (И. И. и его двоюродного брата Петра) дед выбрал в лицеисты его потому, что его отец был обременен большим семейством. В сохранившихся лицейских ведомостях находим любопытные указания на обстоятельства, сопровождавшие зачисление И. И. в лицей. В списке кандидатов для приема в лицей сказано, что на экзаменах 12 августа 1811 года И. И. Пущин выказал следующие познания: в грамматике российского языка—хорошо, французского—изрядно, немецкого—читает, в познании общих свойств тел, в основных началах географии и истории—хорошо. П. И. Пущин (родился в 1800 г., ум. в 1878 г., генерал-лейтенантом) некоторых предметов не знал, в других проявил посредственные знания.

Условия жизни лицеистов в Царском селе описаны И. И. Пущиным в его записках. Кроме того, что он сам рассказывает о своих школьных годах, известно еще, что Пущин принимал участие в лицейских спектаклях. Так, он выступал в пьесе лицейского гувернера А. Н. Иконникова «Добрый поме-

щик», в роли Альберта, брата помещика Доброва. Спектакль был публичный, и министр сделал за это лицейскому начальству выговор, что повело к временному прекращению спектаклей. Позже они возобновились.

Вообще жизнь лицеистов в Царском селе была вольная. А. Д. Илличевский писал в 1814 году П. Н. Фусу, своему гимназическому товарищу из лицея: «У нас, по крайней мере, царствует, с одной стороны свобода (а свобода дело золотое). Летом досуг проводим на прогулке, зимой в чтении книг, иногда представляем театр, с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся». В выборе книг для чтения лицеисты были вполне свободны. Илличевский пишет тому же другу своему: «Чтение питает душу, образует, развивает способности; по сей причине мы стараемся иметь все журналы и взаймы получаем: Пантеон», «Вестник Европы», «Русский Вестник» и пр.». Даже М. А. Корф, в своих воспоминаниях отнесшийся отрицательно к лицейскому воспитанию, признавал, что лицеисты учились много — в чтении и беседе, при беспрестанном трении умов». О литературных занятиях Пущина в лицейские годы сказано выше.

Счастливый характер Пущина, необыкновенная доброта его, постоянное стремление, так или иначе помочь каждому нуждающемуся,—все это было ему свойственно до самой кончины; особенно эти качества выявляются в письмах Пущина к Энгельгардту и родным, которых Ив. Ив. то и дело просит облегчить участь его многочисленных протеже. Конечно, товарищи лицейские любили И. И., которого в семейном и дружеском кругах звали Jeannot, и всегда образ его вызывал у всех, знавших Пущина, чувства нежной привязанности и радости. М. А. Корф, сухой и черствый бюрократ, искренно ненавидевший все прогрессивное, оклеветавший в своем официальном очерке декабрьское движение, при чем он не пощадил, как политических деятелей, и своих лицейских однокашников—Пущина и Кюхельбекера—об И. И., как о товарище и человеке, все-таки отзывается с теплотой. В дневнике за 1840 г.,

когда Пущин был на поселении в Сибири, а николаевский террор был в наибольшем развитии,—Корф, тогда один из виднейших членов бюрократии, приближенный к императору-жандарму, писал: «Ив. Ив. Пущин, один из тех, которые наиболее любимы были товарищами, с светлым умом, с чистой душой... излишняя пылкость и ложный взгляд на средства к счастию России сгубили его...»

В 1854 году, составляя характеристики лицейских товарищей, Корф почти дословно повторил эту характеристику Пущина: «Ив. Ив. Пущин, со светлым умом, с чистой душою, с самыми благородными намерениями, был в лицее любимцем всех товарищей... излишняя пылкость... сгубила нашего любимца...» Ни в 1840 г., ни в 1854 г. Корф не имел основания лицемерить перед самим собой в отношении Пущина, политическими и социальными взглядами которого он даже не интересовался по существу, не подозревая об их умеренности. Он даже не знал в 1840 году, что Пущин уже окончил срок каторжных работ и был на поселении. Тем ценнее его свидетельство о Пущине-лицеисте, как беспристрастное и выдержавшее искус времени и политических обстоятельств.

Трогательна любовь к Пущину честнейшего, очень чуткого в нравственных оценках, прекрасного педагога, директора лицея Е. А. Энгельгардта. Наряду с Ф. Ф. Матюшкиным, которого старый директор любил нежной, отеческой любовью, самое почетное место в его сердце занимал И. И. Пущин, которого он называл золотым, в отличие от М. Л. Яковлева—серебряного. Отзвуки этой любви—в письмах Пущина к Энгельгардту.

Любовь товарищей к Пущину, их дружеское расположение к нему, засвидетельствованные Корфом, сказались в лицейских «национальных песнях». В серии характеристик товарищей Пущину посвящены следующие две:

Большой Жано
Мильон бонмо
Без умыслу проворит.

Не тужи, любезный Пущин,
Будешь в гвардию ты пущен.

Песни эти написаны задолго до выпуска лицеистов-первокурсников, в 1813—1815 г.г.

Корф говорит о светлом уме Пущина. Подтверждение этому мнению лицеистов о Пущине—в стихотворении Пушкина «Мое завещание друзьям» (1815 г.).

Ты не забудешь дружбы нашей,
О, Пущин, ветренной мудрец.
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец.

В первоначальной редакции было: «О, Пущин, юноша—мудрец», позднее Пушкин подставил во вторую строку слово «ветренной».

О студенческих шалостях рассказано в записках Пущина, который говорит там же о своей первой, детской любви к сестре лицеиста Бакунина, Е. П. По поводу сердечных увлечений Пущина, Пушкин написал четверостишие у изголовья больного товарища:

Вот здесь лежит больной студент—
Судьба его неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима.

Несмотря на близкое участие во всех товарищеских шалостях, Пущин был на хорошем счету у своих лицейских наставников.

Благодаря прекрасным природным способностям, он хорошо усваивал преподаваемое, и в ведомостях лицейских о нем лучшие отзывы. Так, в «табели, составленной из поданных ведомостей г.г. профессоров, адъюнктов и учителей: 1) об успехах; 2) о прилежании; 3) о дарованиях воспитанников императорского лицея, какие оказали они в течение полугодия с 23 октября 1811 г. по 19 марта 1812 года», под фамилией Пущина—четвертого в списке воспитанников, перечисленных в порядке успешности их занятий,—читаем:

В росс. и лат. яз. 1) превосходные успехи и более тверды, нежели блистательны, 2) редкого прилежания. 3) счастливых дарований: во фран. яз. - 1) весьма отличные успехи, 2) очень прилежен, 3) очень понятен и способен; в нем. яз. 1) великие и надежные успехи, 2 примерного прилежания. 3) отменных дарований: в логике 1) хорошие успехи, 2) отменно прилежен, 3) понятен; в арифм. — 1) очень хорошие успехи, 2) прилежен, 3) очень хороших дарований; в географии и истор. — 1) прекрасные успехи, 2) весьма прилежен. 3) очень хороших дарований: в рисовании — 1) довольно хорошие успехи, 2) очень прилежен 3) весьма способен: в чистописании — 1) успехи довольно хорошие, 2) прилежен, 3) способен.

Все время учения успехи Пущина отмечались преподавателями положительными отзывами. В «табели и т. д. с 19-го марта по ноябрь 1812 г.» читаем о Пущине, который здесь числится шестым по списку:

В законе божием — слушал прилежно, охотно и внимательно; в русс. и латин. языках - счастливые способности, редкое прилежание, успехи твердые, 5-ый ученик; во франц. яз. — прилежен, здраво мыслит и весьма заметные успехи, 6-ой ученик; в нем. яз. — прилежание и успехи надежные; по словесности нем. и фран. — великие способности и прилежание; в логике и нравственности — понятен, но не так внимателен и слишком скор на ответы; в математике — внимание, прилежность и хорошие успехи; в геогр. и истории — очень хороших дарований и охота к учению, судит основательно, подает хорошую надежду: в рисовании - отличных дарований, очень хороших успехов, 2-го отделения; в чистописании - очень способен и прилежен: в фехтовании — довольно хорошо; по нравственной части — весьма благонамерен, с осторожностью и разборчивостью, благороден, добродушен, рассудителен и чувствителен с мужеством

Отмечу, что в лицейском музее хранится и теперь рисунок Пущина. Это—пейзаж, написанный итальянским карандашем.

В отчете М. С. Пилецкого от 19 ноября 1812 года «о поведении и свойствах воспитанников» о Пущине дан такой отзыв: «С весьма хорошими дарованиями, всегда прилежен и ведет себя благоразумно; благородство, воспитанность, добродушие и скромность, чувствительность, с мужеством и тонким честолюбием, особенно же рассудительность суть отличительные свойства; в обращении приятен, вежлив и искренен, но с приличной разборчивостью и осторожностью».

И позже отзывы профессоров о способностях Пущина также положительны. Проф. Н. Ф. Кошанский в отчете от 9

июля 1813 года (росс. и лат. слов.) аттестует Пущина отличным учеником; отзыв его за время с 1 августа по 15 декабря 1813 г. такой же, как и отзыв за март—ноябрь 1812 года; приведенный выше. Проф. И. К. Кайданов в своей ведомости на 1 января 1814 г. (по геогр. и истории) свидетельствует, что Пущин—«дарований очень хороших, уроки слушает всегда с особенным вниманием, а посему оказывает весьма хорошие успехи, в поведении благонравен».

Что же вынес Пущин из лицейского преподавания, какие идеи профессоров могли создать из него политического деятеля, сознательно шедшего к определенному пути со дня выхода из лицея до самого дня 14 декабря 1825 года и сохранившего свои верования неизменными до могилы? Царскосельский лицей был основан в 1811 году с целью «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной и составленного из отличнейших воспитанников знатных фамилий». Программа лицейского преподавания, «состоявшая из предметов, приличных важным частям государственной службы и необходимо нужных для благовоспитанного юношии», была разделена на два курса, по три года каждый. Помещение для лицея было отведено при Царскосельском дворце, на половине великих князей Николая и Михаила Павловичей, которым Александр I хотел дать воспитание в среде их сверстников, что, впрочем, не осуществилось, в виду несогласия их матери.

19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие лицея, подробно описанное Пущиным в его записках. В прочитанной при этом грамоте говорилось: «Некоторое число отличнейшего по талантам и нравственным качествам юношества мы желали предназначить к важным частям государственной службы... склонности и познания, здесь приобретенные, решат, какой путь потом оно должно избрать к ознаменованию себя истинными сынами отечества... Мы ожидаем, что юношество займет здесь превосходные познания в науках, благороднейшее движение отечественной любви, чистейшую

нравственность, к чести сего заведения, к пользе отечества и собственной...»

Как ни плоха была постановка преподавания в лицее, в виду убогого состояния тогдашней отечественной педагогии,— но царскосельские отшельники науки все-таки могли свободно развивать свои природные дарования и стремления.. Особые условия существования лицея в тихом, удаленном от столицы, городке, отсутствие целого ряда инстанций начальственных, наличие молодых, неиспорченных еще раболепством и чиновничьим прислужничеством, профессоров,—все это способствовало проникновению в сознание лицеистов начал свободолюбия и демократизма, слышанных ими на лекциях Куницына и Галича.

Последние годы пребывания в лицее им довелось провести под руководством Е. А. Энгельгардта, который был выдающимся педагогом, глубоким знатоком основных начал воспитания, искренно был предан демократическим идеям и, сам идеалист в лучшем смысле слова, превосходно умел подойти к сердцу юноши-идеалиста, каким был Пущин. В письмах своих к Энгельгардту Пущин много говорит о благотворном влиянии на него старого директора-идеалиста, а в письмах своих к В. Д. Вольховскому и Ф. Ф. Матюшкину Энгельгардт предстает перед читателем человеком, вполне достойным внимания и уважения потомства и заслуживающим почетной памяти в истории российского просвещения и культуры.

Пушкин увековечил память Куницына и запечатлел его влияние на лицеистов в своем «19 октября» 1825 года, в первоначальном списке:

Куницыну дань сердца и вина.
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

В лицейском своем курсе «Право естественное» (издан в 1818—1820 г.г.), отобранном у автора и из всех учебных заведений, куда книга успела попасть, как «явно противоречащем истинам христианства и клонящемся к ниспроверже-

нию всех связей семейных и государственных»,—Куницын смело и горячо выступил в защиту прав человека и гражданина, проповедуя идеи всеобщего равенства. Воспитанник Гейдельбергского университета, он учил своих слушателей, что «каждый должен быть признаваем нравственным существом, целью для себя самого», что «соединение людей для достижения общей цели не может произойти иначе, как через договор, ибо никто не имеет первоначального права принуждать других желать того, чего он сам желает, и действовать для целей, им не назначенных».

Власть монарха, по учению Куницына, ограничена «естественными» правами человека—свободой личности, слова, совести—и договором, на основании которого общество вручило ему власть: «Употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство, а кто оное производит, тот есть тиран». Особенно резко протестовал А. П. Куницын в своих лекциях против крепостного права: «Никто,—говорил он своим слушателям,—не может приобресть право собственности на другого человека ни против воли, ни с его на то согласия,—ибо право личности неотчуждаемо».

Пущин говорит в своих записках о значительном влиянии лекций Куницына на лицеистов. Атмосфера в лицее была демократическая. Обращение профессоров с воспитанниками и последних со служащими было самое вежливое; лицеистам не только на лекциях Куницына внушалось, что все люди равны. Особенно это направление усилилось при Энгельгардте. Он имел смелость неуклонно отстаивать демократический принцип в управлении лицеем, и однажды решительно отклонил просьбу Александра I о принятии в лицей сына одного вельможи вне очереди и правил.

Понятно, что в такой обстановке Пущин особенно проникся свободолюбивыми идеями. «Еще в лицейском мундире,—пишет он,—я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михаил), Бурцев, Пав. Калошин и Семенов... Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о

возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком...» И. Д. Якушкин рассказывает в своих записках, как реакционные генералы преследовали такие офицерские артели, в которых участники их «читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе».

Прошло шестилетие первого курса. В прочитанном на выпускном акте 9 июня 1817 года «Прощальной песне воспитанников лицея» А. А. Дельвиг выразил настроение товарищей в стихах:

Мы дали клятву: все родимой,
Все без раздела, кровь и труд,
Готовы в бой неколебимо,
Неколебимо в правды суд...
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,
То ж к правде пылкое стремленье,
Ту ж ко трудам живую кровь.
В несчастье—гордое терпенье,
А в счастье—всем равно любовь.

В прочитанном тогда же и недавно только опубликованном «Отчете канцелярии лицея в учебных занятиях воспитанников старшего возраста в течение 6-летнего курса учения»,—интересный материал для суждения о характере и внутреннем содержании учебного курса, который прошел Пущин. Особенно ценны здесь в виду будущей деятельности Пущина строки о преподавании лицеистам политических и юридических наук: «От первого изложения системы наук политических воспитанникам постепенно предлагаемы были науки, объясняющие права и обязанности людей в общежитии, состав гражданского общества и существо связей, соединяющих различные части государства... способ удовлетворения общественным потребностям...». Отчет указывает, что профессора лицейские в истолковании положительного законодательства России принимали «не буквальное выражение воли верховной, но повод и при-

И. И. ПУЩИН — 1830 гг.

С ПОРТРЕТА Н. А. БЕСТУЖЕВА.

чину, служившие побуждением к учреждению какого-либо закона».

При обсуждении отдельных законов лицеистам указывались их противоречия и «внимание их преимущественно было обращаемо на сии пункты, обыкновенно запутанность и беспорядок в течение судебных дел производящие. Не скрыты были от них злоупотребления в суде и расправе встречаемые, равно как источники оных и последствия: ибо в храме просвещения и образования одна только истина должна управлять устами наставника: она только может обнаружить всю гнусность неправоты, мздоимства и лицеприятия... Конференция... каждому из своих членов и ставила в обязанность изображать вещи в настоящем их виде, не смотря ни на какие уважения». Пущин вполне воспринял эти идеи и осуществлял их в своей судейской деятельности. Оправдал он надежды своих учителей и в стремлении их так показать лицеистам устройство государственных дел, чтобы сердца их наполнились состраданием к ближнему и чтобы они получили смелость восставать против злоупотреблений, таким игом обременяющих общество.

На политические идеи Пущина должно было оказать влияние и преподавание в лицее истории всеобщей и отечественной. Отчет так характеризует это преподавание: «Вопреки вкравшемуся по злоупотреблению обычаю хвалить все домашнее без разбору, деяния исторические и характеры лиц, имевших влияние на дела России, представляемы были в точном их виде. Самые пороки изображены были во всей их гнусности». Лицеистам внушалось, что в области правления в России предстоит еще сделать очень многое для благосостояния народа. Об отношении Куницына, на его лекциях, к крепостному праву говорилось выше.

К этим профессорским влияниям присоединялись еще дружеские беседы с воспитанниками Е. А. Энгельгардта, который внушал лицеистам, что «сердце—высший дар общества, в этом священном хранилище достоинство человека только суще-

ствует», что основное правило жизни — в чистоте совести, что судейская деятельность выше военного ремесла, что «всякий здоровый, широкоплечий, неученый и особенно нерассуждающий человек может быть у нас отличный офицер», а люди, имеющие «высшие нравственные и умственные достоинства», не должны посвящать труд и жизнь на это машинальное бездушное дело».

Позднее, когда Пущин был осужден по декабрьскому делу, все его вольные идеи были поставлены в вину лицею. Была представлена Николаю I составленная Фад. Булгариным докладная секретная записка о лицейском духе», который характеризуется так: «В свете называется лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая тех случаев, когда, для фанфаронады, надо показаться любителем равенства. Молодой ветропрах... должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах, казаться не верующим христианским догматам и более всего представляться филантропом и русским патриотом». Еще доносил автор записки, что в «лицее начали читать все запрещенные книги, там находится архив всяких рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло з тому, что, если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в Лицей». Либерализм укоренился в Лицее, по уверению Булгарина, в самом мерзком виде.

Так кончил Пущин в 1817 году курс учения в Лицее и был выпущен оттуда с чином офицера гвардии, при чем был об'явлен достойным серебряной медали. После выпускного акта Пущин заболел и остался некоторое время лежать в лазарете, а затем уже поступил в военную службу. Началась его общественная и политическая деятельность.

3. Общественная и политическая деятельность Пущина

Вступив 29 октября 1817 г. в военную службу, в гвардейскую конную артиллерию, И. И. Пущин широко развил свою деятельность в качестве члена тайного общества (северного) и скоро был избран в Думу, в руководящий орган общества. Его революционная репутация была столь прочна, что Н. И. Тургенев при встрече с ним, после восстания Семеновского полка в 1820 г., сказал Пущину: «Что же вы не в рядах восстания Семеновского полка? Вам бы там надлежало быть».

Был Пущин и в знаменитом походе 1821 г., вместе со всей гвардией, которой этот поход был назначен в наказание за вольный дух ее и в виде меры, могущей охладить либеральный пыл гвардейской молодежи. Дошла гвардия до Царства Польского и была оттуда возвращена в столицу, а руководители тайного общества сумели в пути навербовать многих новых сочленов. Так мера, назначенная к ослаблению революционности офицерства, послужила к ее усилению.

Но Пущин помнил завет Энгельгардта о том, что офицером может быть и всякий туго размышляющий мускулистый субъект, а человек, одаренный способностью мыслить, должен действовать там, где можно непосредственно помогать народу. Помнил он в частности советы Энгельгардта Вольховскому работать на поприще судейском и недолго пробыл в военной службе. В апреле 1820 г. И. И. был произведен в подпоручики, в декабре

1822 г.—в поручики, а январе 1823 г. был уволен от службы по домашним обстоятельствам для определения к статским делам». При этом было указано, что Пущин в штрафах не бывал, по-российски, немецки и французски читает, писать и говорить умеет и артиллерийскую науку знает, к повышению чином достоин. Повидимому, это было все, что требовалось тогда начальством от гвардейского офицера. Развитие Пущина было глубже этой програмы.

Внешним поводом к оставлению военной службы для Пущина послужило столкновение с вел. князем Михаилом Павловичем, который на выходе во дворце заметил ему, что у него не по форме завязан темляк на сабле. В действительности же он стремился осуществить свой идеал общественного деятеля. Так, барон В. И. Штейнгель на допросе следственной комиссии по делу о декабрьском восстании 1825 года показал, что с задачами тайного общества он познакомился из беседы с Пущиным, к которому его направил Рылеев. «Познакомиться с Пущиным,—пишет Штейнгель, — было для меня чрезвычайно приятно, но об обществе я узнал только, что оно образовалось с целью действовать против злоупотреблений и невежества, и что они с Рылеевым с этой целью оставили военную службу и служили в с.-петербургской уголовной палате волонтерами для изучения порядка дел, и с этой же целью он теперь надворный судья».

Высокие задачи тайного общества душевно волновали Пущина. На свое вступление в общество он смотрел, как на нечто, обязывающее и возвышающее его самого. «Я как будто вдруг получил особенное значение в своих собственных глазах,—пишет Пущин,—стал внимательнее смотреть на жизнь, во всех проявлениях буйной молодости наблюдал за собой, как за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей в состав того целого, которое рано или поздно должно иметь свое благотворное действие». Демонстративно оставив военную службу в гвардии, он захотел усилить демонстрацию поступлением на должность квартального надзирателя, чтобы, как он сам говорил

позднее Е. И. Якушкину, показать, что в службе государству и народу нет обязанности, которую можно бы считать унизительной.

Это решение Пущина привело в ужас его родных. Несколько позднее, когда амнистированный Мих. Ив. Пущин просил у отца разрешения приехать в родовое имение управителем, отец сказал сыну, что не дворянское дело быть управителем и ниже упасть его сыну невозможно. Сестры на коленях умоляли Ив. Ив. отказаться от мысли пойти в квартальные. Он поступил в надворные судьи.

Что это была не служебная карьера, показывает текст послужного списка, согласно которому Пущину по высочайшему повелению дозволено было служить в спб. уголовной палате сверх-штатным членом. Вступил он в должность в июне 1823 г., а в декабре того же года был назначен надворным судьей в Москве согласно представлению московского ген.-губернатора кн. Д. В. Голицына. Верховная Дума послала Ив. Ив. в Первопрестольную организовать московскую управу общества и заведывать ею.

В своих записках Пущин ничего не говорит о своей судейской деятельности: скромность — постоянное его качество. Но современники много знали и говорили о надворном судье Пущине. Их мнения отразились в стихах Пушкина, приведенных выше. Ф. С. Хомяков писал тогда же знаменитому своему брату: «Пущин первый честный человек, который сидел когда-либо в русской казенной палате». Сам охранительный Н. И. Греч, после декабря 1825 г., обдав декабристов ушатом чисто булгаринской грязи, о Пущине писал: «благородный, милый, добрый молодой человек, истинный филантроп, покровитель бедных, гонитель неправды; в добродетельных порывах, для благотворения человечеству, вступил на службу, безвозмездно, по выборам, в Уголовную Палату.... память о его уме, сердце и характере остается на веки в глубине души моей»...

Друг, родственник, товарищ Пущина по обществу, Н. Н. Кашкин, писал в 1824 году, в апреле В. Д. Вольховскому:

«После долгого ожидания наконец Пущин прибыл к нам: все тот же. Принялся за дело и думает надворный суд свой исправить: дело великое, но трудное». Сам Пущин, оптимист до конца жизни, тогда же писал лицейскому Суворочке: «Мой надворный суд не так дурен, как я ожидал. Вот две недели что я вступил в должность; трудов бездна; я им (подчиненным) толкую о святости нашей обязанности и стараюсь собственным примером возбудить в них охоту и усердие». К делу этому Пущин привлекал и друзей своих, между прочим, С. Н. Кашкина. Он просил Кашкина «хорошо обдумать свое намерение», и когда тот согласился пойти в надворный суд заседателем, Пущин считает, что Кашкин «решился на подвиг», а также уверен, что «вместе дело пойдет дружнее».

Старый директор Лицея знал своего Jeannot и еще раньше писал Матюшкину об от'езде Пущина в Москву так: «очень, очень больно мне с ним расставаться, но определение его там так лестно и для него, и для Лицея, что я уже о себе и думать не смею». Энгельгардт заранее знал, что Пущин освятит сан народного судьи. Вместе с Рылеевым он пошел в судьи, чтобы служить народу, одним путем шла их деятельность в Петербурге и Москве, и ведь сказал раз крестьянин гневному вельможе, грозившему упечь его под суд, что с радостью пойдет в суд, так как там Рылеев сидит и в обиду правого не даст. О роли Пущина в деле композитора Алябьева см. его письмо брату от 26 июня 1825 года.

Члены тайного общества отдавали должное гражданскому подвигу Пущина и Рылеева в связи с их судейской деятельностью. Не только декабристы, высшая бюрократия, конечно, отдельные представители ее, восторгались энергичной борьбой Пущина с неправдой черной, царившей тогда в судах. Генерал-губернатор московский кн. Д. В. Голицын говорил кн. А. М. Горчакову с большой похвалой о судейской деятельности Пущина, которого он вообще сильно любил; об этом он говорил в 1830 году также М. И. Пущину. Еще в конце 50-х годов, через 30 с лишним лет после ссылки Пущина, помнили в Москве «с

какой твердостью и достоинством исполнял Пущин трудные обязанности судьи».

В этом деятельность Пущина соответствовала уставу Союза Благоденствия, один из параграфов которого предписывал членам тайного общества—занятие должностей в гражданском ведомстве, с целью исполнения не только принятых на себя обязанностей, но уничтожения лихоимства и других злоупотреблений постепенным улучшением нравственности среди товарищей и подчиненных и распространением просвещения». В программе Союза было и наблюдение за исполнением государственных постановлений, побуждение чиновников к исполнению их обязанностей, наблюдение за решениями по судебным делам в правительственных учреждениях соответственно справедливости, материальная поддержка людей, пострадавших за правду.

Конечно, крестьянский вопрос занимал членов тайного общества. Пущин помнил лекции Куницына о свободе человеческой личности и недопустимости рабовладения. Будучи председателем московской управы тайного общества, он вместе с тем учредил особый «Практический союз», имевший целью, впредь до осуществления общеполитических и социальных идеалов общества, содействовать освобождению от крепостной зависимости дворовых людей. В земельном вопросе Пущин был сторонником радикального решения дела. По исследованию В. И. Семевского, на рукописи второй редакции конституции Н. М. Муравьева рукою Пущина сделана в соответственном месте пометка: «ежели огород—то и земля». О своих взглядах на крестьянский вопрос Пущин говорит в письмах к брату и к Энгельгардту. Сам он крепостных не имел, а слуга его из отцовских дворовых, Алексей, умел читать Пушкина и понимал великого поэта.

В центре политической деятельности общества Пущин был еще в Петербурге. Так, в квартире Пущина состоялось в 1823 году, в октябре, организационное собрание учредителей Северного общества. Когда же И. И. переехал в Москву, то к нему приезжали для совещаний члены петербургской управы по важ-

нейшим делам, например, С. П. Трубецкой, когда он отправлялся в Киев для переговоров с руководителями Южного общества, Рылеев и др.

Заговор разростался. Появились предатели в среде тайных обществ. Надо было решиться на что-нибудь определенное. Внешние обстоятельства толкали на это, а смерть Александра I ускорила ход событий. При первом известии о приближающейся развязке И. И. Пущин поспешил в Петербург: так было условлено между членами Думы. Кн. Д. В. Голицын не хотел дать ему отпуска, он придумал болезнь родителей. Прибыв в столицу, Пущин принимал участие во всех заседаниях Верховной Думы, решавшей вопросы восстания. Был он и на том заседании, где решено было вывести войска на Дворцовую площадь.

Сообщая в Москву С. М. Семенову, М. Ф. Орлову, М. А. Фонвизину и другим членам общества, о готовящемся выступлении, о сложной и обильной работе, выпавшей на долю Верховной Думы, Пущин в письме от 13 декабря 1825 г. просил приятелей вздохнуть о нем: он предчувствовал неудачу. Брат его, Мих. Ив. Пущин, в своих воспоминаниях об этих днях, пишет, как Ив. Ив. скрывал от него свою деятельность по обществу: «он знал наверное, что пропадет, потому что никакой веры не имел в организацию общества, но от товарищей отставать не хотел». И точно, в письме Семенову, Пущин пишет: «если мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов». Подробнее обо всем этом—ниже, в показаниях И. И. и М. И. Пущиных.

Наступил день 14 декабря 1825 года. День, когда, по выражению Н. А. Котляревского, «вспышка политической мысли, перешедшая с необычайной быстротой в решительное действие, вырвала из среды нашего образованного общества, столь малочисленного в те годы, много даровитых людей». Один из немногих руководителей общества—людей не фразы, а дела,—Пущин не напрасно говорил брату, что предчувствует неудачу восстания и свою гибель. Но возвращаться назад было поздно:

личного страха в нем не было, малодушие ему было органически чуждо. И. И. Пущин был в первых рядах выведенных на площадь войск и вместе с Рылеевым проявлял в то утро кипучую деятельность.

С постоянной своей распорядительностью, с неизменным спокойствием, он не потерял головы, когда стало известно, что избранный Верховной Думой в диктаторы кн. С. П. Трубецкой на площадь не явился, хотя утром Пущин и Рылеев были у него и уговаривали выполнить свой долг перед обществом. Это сильно расстроило планы заговорщиков. Пущину, в его гражданском платье, было неудобно официально выступать в роли предводителя войск. Переодеваться было поздно, да, может быть, он и не захотел бы, как на другой день не захотел воспользоваться предложением своего лицейского товарища кн. А. М. Горчакова выехать за границу по паспорту, который ему привез Горчаков на дом.

В виду растерянности и колебания, проявленных другими главарями восстания, Пущин принял на себя командование ближайшим к нему отрядом,—об этом показали многие декабристы, вспоминал и его брат. И. И. был в центре стрельбы, и только по счастливой случайности не был ранен, но плащ на нем был прострелен в разных местах: это рассказывают сдержанные, правдивые И. Д. Якушкин и М. И. Пущин. Вообще он в тот день проявил твердость характера и хладнокровие. Так, когда в замешательстве [illegible] отряд восставших войск стал расстреливать другой и все находившиеся там офицеры-заговорщики не сумели остановить это самоистребление, Пущин нашелся: он велел барабанщику бить отбой и стрельба прекратилась.

В то же время Пущин заботился о том, чтобы не было лишних жертв среди товарищей-заговорщиков. Помнил он и о невооруженном народе, окружавшем площадь, просил толпы разойтись во избежание нечаянных жертв, когда в повстанцев стали стрелять картечью. А когда к заговорщикам под'ехал для переговоров нелюбимый офицерской молодежью ген. Н. О. Су-

хозанет, Пущин крикнул ему: «пришлите кого-нибудь почище вас».

Но кровожадность была чужда его светлой, любящей душе. Он был из тех, кто удерживал А. И. Якубовича от цареубийства. И можно верить, что он говорил правду, когда отводил от себя вину в подстрекательстве П. Г. Каховского на то же действие, хотя он и обнял последнего, когда Рылеев уговаривал Каховского убить Николая I. Напрасно также нелепый, вечно возбужденный, все путавший и забывавший лицейский товарищ его В. К. Кюхельбекер показывал, будто Пущин подбивал его стрелять в ген. Воинова. Не отрекавшийся от своих, разоблаченных другими, действий, Пущин решительно отверг это обвинение, и ему можно верить не только потому, что так показывает Пущин, а и потому, что всей его политической программе чуждо насилие—от мелочей до важнейших дел. Он только подчинялся партийной заговорщицкой дисциплине, когда не протестовал против предложения Рылеева начать день 14 декабря убийством узурпатора.

Когда на совещаниях Верховной Думы обсуждался вопрос о новом образе правления в случае успеха переворота, Рылеев и Пущин настаивали на том, что «никакое общество не имеет права вводить насильно в своем отечестве нового образа правления, сколь бы оный ни казался превосходным, что это должно предоставить выборным от народа представителям». Он был конституционалист до конца жизни и в 1858 г. писал по поводу избрания его брата в какой-то комитет, что, расходясь в мнениях с избирателями, нельзя брать на себя представительства. Утопиями Пущин не увлекался, но где надо было проводить решения большинства, там он был на первом месте. Любопытно, в подтверждение этого, показание А. А. Бестужева: «Ив. Пущин в обществах давно прежде был весьма рассудителен и говорил, что начинать прежде 10 лет и подумать нельзя, что нет для того ни людей, ни средств... Но, прослышав о смерти государя императора, тотчас приехал в Петербург и уже говорил, наравне с другими, что такого случая упускать не должно... Был на площади, ободрял солдат...»

Ему же вместе с Рылеевым Дума поручила отвезти, на случай успеха восстания, проект манифеста в Сенат и побудить сенаторов М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова и И. М. Муравьева-Апостола принять на себя временное управление государством. Этого делать не пришлось. Вечером заговорщики, и Пущин тоже собрались у Рылеева, поговорили, потужили о неудаче и разошлись, чтобы назавтра быть арестованными.

Победил, при содействии раболепствующих придворных и трусливых службистов Николай Павлович, который в страхе за свою жизнь выказал качества прирожденного сыщика и неутомимого следователя, а, оправившись от страха, проявил в мести своей декабристам бездушность палача и жестокость тирана. Много есть показаний в литературе о пытках, применявшихся при допросах. Пытки нравственные, худшие телесных, порою и физические, широко практиковались комиссией, действиями которой руководил сам Николай. Более чем далекий от преклонения перед революционным самопожертвованием своих бывших товарищей Д. И. Завалишин, религиозно-правдивый, неувлекающийся М. А. Фонвизин, пылкий, романтический Н. А. Бестужев, искренний и добросовестнейший И. Д. Якушкин — одинаково говорят об этом. Держали декабристов в темных и сырых от наводнения 1824 года казематах Петропавловской крепости; заковывали в ножные и ручные кандалы; угрожали пытками в случае запирательства; подвергали испытанию их родственные и дружеские чувства, лживо говоря, будто того или иного из них выдал брат или приятель, а потому и его щадить не надо; сажали на несколько дней, Семенова и на две недели, на хлеб и воду; обещали—до суда и даже до окончания следствия—помилование за откровенные показания; внезапно будили среди сна, надевали на голову покрывала и вели глухими, длиннейшими коридорами в зал заседаний, где при ярком свете неожиданно сдергивали повязки, ослепляя глаза; «поражали воображение и тревожили дух». Сам Николай в своих записках с безграничным цинизмом рассказывал, как он допрашивал С. И. Муравьева-Апостола в продолжение нескольких ча-

сов, не обращая внимания на усталость и полнейшую измученность допрашиваемого, который буквально падал с ног. Это была настоящая физическая пытка.

Иные не выдержали, наговорили много лишнего, выдали непричастных к делу товарищей, своей болтливостью нагромождали снежные комы имен—членов общества и посторонних, малодушествовали, доходили до пресмыкательства, проявляли всю неопытность пионеров массовой революции, попавших в руки инквизиторов, столь же изобретательных в сыске, сколь беспощадных и злобно-жестоких в мести...

Пущин был из тех, что не поддались провокации. 15 декабря он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Все время следствия держался с поразительным спокойствием; с редким самообладанием вел свою систему защиты, заключавшуюся сначала в решительном отрицании—в ответах комиссии—какого-либо участия в подготовлении восстания, как своего личного, так и всех называвшихся следователями лиц, выгораживая часто других, вопреки очевидности. А если Пущин, после настойчивых инквизиторских вопросов признавал чьи-либо имена, так только те, относительно которых улики в вопросах комиссии были слишком явны. Особенно интересен примененный едва ли не им одним из декабристов прием уклонения от выдачи того, кто принял его в общество, ссылкой на вымышленное лицо, да на покойника, который впутать никого уж не мог. Долго, до самого конца следствия, не хотел Пущин назвать полк. И. Г. Бурцова, и только неосторожность Е. П. Оболенского, определенно указавшего на последнего, вынудила Пущина подтвердить это.

Редкий из декабристов был так сдержан, осторожен и уклончив в своих ответах комиссии, как Пущин: показания его — едва ли не самые краткие из всех показаний привлеченных к делу главарей заговора. В них вырисовывается его благородный характер, проявляется его политическая зрелость, обнаруживается гражданская стойкость и видна нежная дружба к товарищам по несчастью, к именам которых он бережно отно-

сится. М. В. Толстой в своих записках отдает должное сдержанности Пущина, молчание которого о причастности друга его Калошина, женатого на родственнице Толстого, послужило в пользу Калошина. Есть другие свидетельства этой сдержанности. Вообще же, когда нельзя было отделаться молчанием, Пущин ссылался не на отдельных членов общества, а на постановление совещания.

Остановлюсь еще на одном моменте его показаний, особенно возмутившем членов комиссии. Пущин не только не выдавал товарищей, не только умалчивал о тех, что уже были известны комиссии,—он еще вздумал поучать следователей скромности в допытывании подробностей заговора. Сознавшись после целого ряда отрицаний и после представления ему многочисленных показаний об этом других лиц, что он был руководителем Московской управы общества и учредителем Практического Союза,—Пущин заявляет комиссии: «Именовать членов сего союза я считаю излишним, ибо сие не входит в состав требования комитета, который, конечно, не имеет ничего предосудительного в цели сего союза, покровительствуемой некоторыми узаконениями в царствование покойного императора». Члены комиссии рассвирепели, и Пущину было сделано строгое внушение: «комитет замечает вам, что на заведение вами управы тайного общества в Москве имеются многие определенные показания, что как вас уже спрашивали о принадлежности вашей к другим обществам, то и надлежало вам назвать вышеозначенный союз, а не умствовать и не рассуждать, входит ли знание о сем союзе в состав требований и обязанностей комитета или нет» *).

Остался—и в следственной комиссии, и в литературе—невыясненным вопрос о вхождении Пущина в масонские организации и о деятельности его там. Так, В. И. Семевский, в своем исследовании о декабристах-масонах не упоминает даже имени Пущина. Но А. Я. Булгаков, в своих воспоминаниях о москов-

*) См. в конце книги приложение: «И. И. Пущин в процессе декабристов».

ских арестах после 14 декабря 1825 г., пишет «об обществе семисторонней звезды», упоминая Пущина в качестве члена этого общества. Он же в письме к брату от 22 февраля 1825 г. сообщает: «Отсюда попался также к негодяям петербургским молодой Пущин, служивший при князе... У этого Пущина есть здесь приятели. Они составили так-называемое братство Семиугольной звезды.... Тут Данзас, Кашкин, Пущин»... Наконец, внук И. И. Пущина, Л. И. Пущин, сообщил мне, что в семейных преданиях есть известие о принадлежности его деда к массонскому обществу.

В списке лиц, преданных суду, И. И. Пущин назван 14-м по Северному обществу. В росписи, содержащей приговор уголовного суда, он за № 20-м включен в рубрику: «государственные преступники первого разряда, осужденные к смертной казни отсечением головы». Здесь читаем: «коллежский асессор Пущин, участвовал в умысле на цареубийство одобрением выбора лица, к тому предназначенного; участвовал в управлении общества, принимал членов и давал поручения; лично действовал в мятеже, возбуждая нижних чинов».

В одной из самых кратких формулировок обвинительных пунктов по делу Пущина говорится следующее: «И. И. Пущин принят в Союз благоденствия в 1817 году. В 1823 г. избран членом в Северную Думу. Знал о цели Южного общества ввести республику, но не одобрял. В 1824 г. слышал о заговоре в 1823 г. при Бобруйске покуситься на жизнь императора Александра I и в 1825 г., бывши в Москве, слышал о злоумышлении Якубовича. Из находившихся в Москве членов заводил управу, которая вскоре разрушилась. В С.-Петербург приехал за 6 дней до 14 декабря, участвовал в совещаниях о начатии возмутительных действий; соглашался на устранение царствующего дома от престола и вместе с другими обнимал Каховского, когда Рылеев убеждал его убить ныне царствующего императора; он взялся ободрять войска на площади, где оставался до картечных выстрелов, расхаживал по фасам, поощрял сол-

дат к мятежу и при наступлении кавалерии на чернь скомандовал переднему фасу взять ружья от ноги».

По конфирмации приговора, осужденным по I разряду, в том числе и Пущину, смертная казнь была заменена ссылкой «вечно в каторжные работы» с лишением чинов и дворянства.

Еще через несколько дней Пущин был перечислен в ту группу осужденных по I разряду, которым срок каторжных работ был определен в 20 лет со ссылкою затем на поселение. Во время чтения приговора (13 июля 1826 года) Пущин единственный пытался протестовать против осуждения его и товарищей и выступил из рядов декабристов с речью. Начальство зашикало на смельчака и велело увести весь I разряд в казематы.

4. Пущин в Сибири

До отправления на каторгу, в Сибирь, Пущина 20 месяцев продержали в Шлиссельбургской крепости. Здесь он сидел рядом с Н. А. Бестужевым, с которым перестукивался по изобретенной последним тюремной азбуке (об этом—в письме И. И. к отцу за декабрь 1827 года). Комнаты декабристов в Шлиссельбурге были просторны, чисты и светлы, содержали же их, после смерти коменданта Плуталова, довольно прилично: давали все по положению—халаты, белье, тюфяки, хорошую пищу, чай, табак. Но свиданий не давали—ни с товарищами, ни с родными. Духом Пущин был тверд по прежнему и писал родным около этого времени, что вопрос о политическом значении выступления 14 декабря не подлежит рассмотрению в плоскости, в какую его поставили победители...

Наконец, осенью 1827 года Пущин с несколькими товарищами был отправлен в Читу—на каторжные работы. Вез их фельдъегерь Желдыбин, о котором декабристы отзываются, как о грубом и злом человеке. Он обходился жестоко с осужденными, которых вез, не давал им ни есть, ни отдохнуть, бил ямщиков, загонял лошадей—все для того, чтобы припрятать в свой карман побольше денег из отпущенных ему на содержание декабристов в пути. В ноябре Пущин был в Тобольске, в конце декабря в Иркутске, а в первых числах января 1828 года прибыл в Читу. Началась каторжная жизнь.

Здесь он застал И. Д. Якушкина и был помещен в одной с ним комнате вместе со многими другими товарищами. Было так

И. И. ПУЩИНЪ 1850 гг.

С ПОРТРЕТА МАЗЕРА.

тесно, что ночью на нарах на каждого приходилось в ширину не более аршина. В Читинском каземате декабристы вели жизнь на артельных началах, поочередно заведывали хозяйством, убирали камеру. К обеду приносили сторожа огромную миску щей, крошенное мясо и нарезанный хлеб; ножей и вилок заключенным не полагалось, ложки отпускались деревянные или оловянные, вместо тарелок пользовались деревянными чашками. После обеда дежурный мыл посуду.

Теснота в камерах была такая, что заниматься чем-нибудь в свободное от работ время не было возможности, развлекались игрой в шахматы, да рассказами. Пущин рассказывал товарищам о Пушкине, читал им не изданные еще стихотворения поэта, сообщал подробности из их лицейской жизни. Каторжные работы заключались в том, что 16 человек должны были ежедневно смолоть 4 пуда ржи на ручных мельницах. Работали по 6 часов в день, в два приема, с роздыхом, так как одновременно у мельницы могло стоять только два человека. Иным, однако, это было не под силу — платили охранявшим их солдатам, те выполняли положенный каторжникам-декабристам урок. Приходилось также ходить на земляные работы — засыпать т. н. Чертову могилу на краю города.

В Чите Пущин пробыл свыше двух с половиной лет. За это время сохранилось только одно его письмо к Е. А. Энгельгардту, от 14 марта 1830 года. Заботясь о спокойствии родных своих, просил Энгельгардта успокаивать сестер. Пущин просит старого директора сообщать ему подробно о лицейских товарищах, память о которых была ему особенно мила все время каторги и ссылки. Письмо это собственноручное, но послано тайно от властей. Вообще же до выхода на поселение — для Пущина 1839 год — декабристам было запрещено писать, за них писали жены их товарищей, прибывшие к мужьям в Сибирь: Е. И. Трубецкая, М. Н. Волконская, М. К. Юшневская, А. В. Ентальцева, А. В. Розен.

Жизнь в Чите была обставлена сурово, поскольку это зависело от начальства, хотя еще в августе 1828 г. по его прет-

ставлению были сняты с декабристов кандалы. Но природа края была к ним благосклонна. «Местность и климат Читы,— по словам товарища Пущина, Н. В. Басаргина,—были бесподобны, растительность необыкновенна. Воздух был так благотворен, что... все мы в Чите очень поздоровели. Приехавши туда изнуренные крепостным заключением и нравственными испытаниями, вскоре избавились от всех последствий перенесенных страданий. Конечно, этому много способствовала молодость, но и климат оказал большую помощь. Отсутствие всяких телесных недугов имело необходимое влияние на расположение духа. Мы были веселы, легко переносили свое положение и, живя между собою дружно, бодро и спокойно смотрели на ожидавшую нас будущность». Живя в остроге, декабристы старались пополнить свое образование, взаимно помогая товарищам разнообразными своими познаниями.

Хотя многие из ссыльных были обязаны своей печальной участью излишней болтливости некоторых товарищей, но упреков друг другу не делали: «никто не позволял себе даже замечаний другому, как он вел себя на следствии»,—говорит Басаргин. И Пущин, конечно, первый, при врожденной доброте своей, при неисчерпаемой любви к товарищам по несчастью, при неизменном оптимизме, наполняющем все его сибирские письма к родным и друзьям,—проявлял исключительное доброжелательство и расположение к товарищам. В письмах к сестрам, к Малиновскому, к Энгельгардту он то и дело просил оказать содействие его товарищам по каторге и ссылке: хлопотами за их родных, за них самих, наконец, за людей посторонних. Эти постоянные заботы Пущина о других, его предстательство за всех, нуждающихся в чем-либо, создали ему даже в интимном кругу репутацию Маремьяны-старицы, как он и сам в шутку называл себя.

При всем своем благодушии, при всей лойяльности, декабристы, конечно, тяготились неволею. Помышляли и в Читинском остроге о воле. Первое время заключения только и было разговоров о бегстве. Делали планы путешествия по Амуру до

Сахалина, для чего надо было обезоружить стражу и запастись провиантом и другими припасами, имевшимися в изобилии в Чите. План был обдуман всесторонне, казался вполне удобоисполнимым, но в числе предвидевшихся препятствий было одно, главное, заставившее решительно отказаться от побега: это присутствие в Чите жен некоторых декабристов. Оставить их в руках мстительного начальства было невозможно, подвергать их тягости рискованного путешествия—было вне силы сосланных. Так и оставили горячие головы этот план, послушавшись более благоразумных товарищей.

Вообще присутствие в Сибири некоторых из жен декабристов было для всех осужденных событием чрезвычайной важности, значительно скрашивавшим их жизнь на каторге и облегчавшим их положение. Признательность товарищей выразил в стихотворении, посвященном в 1829 году М. Н. Волконской, поэт-декабрист, кн. А. И. Одоевский:

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе там рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.
Вдруг ангелы с лазури налетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестницы благие Провиденья
Явилися, как дочери земли,
И узникам с улыбкой утешенья
Любовь и мир душевный принесли.
И каждый день садились у ограды
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады;
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

Пока декабристы мололи муку в Чите и засыпали Чертову могилу, для них в Петровском заводе, Иркутской губернии, Верхнеудинского уезда, строилась тюрьма. В середине лета 1830 года, в июле, как говорит Басаргин, в августе, по словам Якушкина и М. Бестужева—торжественной процессией, в экзотической обстановке, отправились декабристы двумя партиями из Читы в Петровск. Путешествие продолжалось свыше полутора месяцев.

Их хотели было расселить в разных местах Сибири, почти в одиночку, что было бы гибелью для несчастных конституционалистов двадцатых годов. Потом был проект сослать их в мрачный Акатуй, но комендант, ген. С. Р. Лепарский, сумевший проявить себя палачем в истории декабриста И. И. Сухинова, организовавшего в Нерчинском заводе заговор для побега,—в остальном выказал черты благородного характера, сочувствовал положению сосланных и всячески облегчал их печальную жизнь. Он же и выхлопотал разрешение выстроить в Петровском тюрьму для совместного поселения всех декабристов. А совместная жизнь с друзьями и политическими единомышленниками, с людьми одного умственного уровня и воспитания, помимо даже присутствия жен некоторых из них, морально поддерживала всех декабристов, дала им нравственную опору друг в друге, наконец, неимущим из них предоставила материальную помощь. Расселенные отдельно погибли в Сибири, большинство из поселенных вместе дожили до амнистии.

В начале октября 1830 года прибыли Пущин и его товарищи в Петровский завод, где их ожидал неприятный сюрприз: тюрьма была без окон, а потом их прорубили, но очень высоко и свет через них был почти равен прежней темноте. Это особенно было тягостно после привольного путешествия из Читы в завод, когда декабристы почти два месяца провели на свежем воздухе, в хорошей местности, в легкой приятной прогулке. В письме к сестре от 29 ноября 1830 года Пущин описывает гнетущую обстановку Петровской тюрьмы. Жены декабристов подняли тревогу, и родственники их в Петербурге сумели до-

биться улучшения режима, а Николай I, лично утвердивший план тюрьмы без окон, глумился над своими пленниками, говоря, что в этом деле виноваты только его чиновники.

Пока велась официальная переписка, пришлось узникам около года пробыть почти замурованными, всегда при искусственном освещении. К тому же казематы были построены наспех, в них беспрестанно были пожары, часто загорались стены, ничем не отделенные от печей, в комнатах было холодно. Здесь Пущин помещался в 3-м отделении вместе с Е. П. Оболенским, В. И. Штейнгелем, И. Д. Якушкиным, Н. И. Лорером. Днем могли свободно ходить из отделения в отделение, но в десять часов вечера запирались на замок не только нумера, но и коридоры отделений. Система надзора была такая сложная, что декабристы находились под четырьмя замками.

Постепенно наладились сношения с родными, стали получаться от них книги и журналы. Все, что издавалось замечательного в России, все заслуживающее внимания из заграничных изданий выписывалось в Сибирь. Есть отклики этого в письмах Пущина к родным, к Энгельгардту. Он сообщает даже об иностранных новинках в области педагогики. Читали в артельном порядке, по очереди. Устраивали и музыкальные вечера, концерты, особенно праздновался день 14 декабря. Здесь исполнялась написанная М. А. Бестужевым песня «Что ни ветр шумит», и посвященная памяти С. И. Муравьева-Апостола. В ней есть стихи:

И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник червь подточил его...
Закатилася воля—солнышко.
Смертна ночь легла в поле бранное.
Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: цепей я нести не мог.
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности...

Чувствительный Пущин, конечно, плакал при этом, как проливал он слезы, когда читал в тюрьме записки В. И. Даля, В. А. Жуковского и других о смерти Пушкина.

Работа каторжная была в Петровском такая же, как и в Чите — на ручных мельницах. Прогулки были в большом дворе, где любители разводили животных, цветники, огороды. Имел и Пущин в каторге и ссылке свой сад, заботы о котором перешли в его письма к Энгельгардту.

Были среди сосланных такие, от которых родные совсем отшатнулись—по корыстолюбию и жадности или по тупоумию приелужнически(?)ому,—а потому некоторые из декабристов нуждались материально. Пущин не был из их числа, но отзывчивость его постоянная, доброе сердце, сделали его одним из главных деятелей учрежденных декабристами в Сибири двух артелей: для помощи товарищам на месте каторги и ссылки и для вспомоществования им же и их семьям по освобождении от наказания. И. Д. Якушкин, Д. И. Завалишин и другие рассказывают про постоянные хлопоты Пущина по делам артелей, в письмах его самого за 40-е и 50-е годы много упоминаний о хлопотах по этому поводу. Он же был, конечно, и одним из щедрых пайщиков артелей. Впрочем, Пущин всегда являлся жертвователем на разные общественно-благотворительные и культурные дела: встречается его имя в числе жертвователей на памятник М. В. Ломоносову, на фонд помощи семьям нуждающихся лицеистов.

Прошло 12 лет каторжных работ, и Пущин был сослан в 1839 году из Петровского завода на поселение в гор. Туринск, Тобольской губ. За время пребывания его в Петровском заводе сохранилось 18 писем Пущина, собственноручных и писанных под его диктовку женами его товарищей. В августе 1839 г. он писал сестрам с пути в Туринск, из Иркутска, а уже в октябре писал из Туринска, откуда сохранилось шесть писем, все, как и позднейшие, собственноручные.

Тяжело было Пущину расставаться с товарищами, с которыми он сжился за 12 лет пребывания в Петровском заводе и в Чите. Свою тоску он излил в недошедших до нас письмах к Е. П. Оболенскому, который писал в 1840 году сосланному в Сибирь майору А. Л. Кучевскому: «Получил я от Пущина ли-

сток, исполненный сердечною глубокою скорбию и унынием. Этот листок потряс меня в глубине души: это голос честнейшей дружбы, которая зовет к себе, дабы облегчить тяжесть бремени... Разлука была ему не по силам: его любящая душа глубоко потрясена и не может снести тяжести разлуки. Он живет в Туринске, с добрыми товарищами, но друга там нет... Думаю, что не буду в силах противиться сердечному требованию и что с первою же почтой буду просить милостивого перевода... Наш Пущин тот же, каков был; он, кажется, в состоянии уныния, болезненного для сердца любящего».

Просьба Оболенского о переводе в Туринск была удовлетворена, но пока прибыло это разрешение, Пущин через родных просил о переводе из Туринска ближе к Иркутску для пользования советами поселенного там декабриста-врача Ф. Б. Вольфа, и Оболенский с горечью писал тому же лицу: «...сестра его, вероятно, будет хлопотать о перемещении брата по близости Иркутска: если это исполнится, то мы оба встретимся на пути, чтобы расстаться...» Но Пущину разрешили поехать в Тобольск для лечения только на шесть месяцев в 1841—1842 году, и друзья жили в Туринске до 1843 года, когда в июле Пущин был переведен в Ялуторовск. В Туринске он жил в доме О. В. Андронниковой, о которой говорит в письме к брату от 19 июня 1855 года.

В Туринске Ив. Ив. виделся в 1842 году с братом Н. И. Пущиным, который приехал в Сибирь для ревизии судебных мест и привез декабристам вести об их родных. Н. И. Пущин привез брату также благословение их отца в виде шейного образка. Здесь же они получили известие о кончине Ив. Петр. Пущина: «Нам была отрада,—писал позднее Н. И. Пущин декабристу Д. И. Завалишину,—по крайней мере вместе его оплакать». За время пребывания Н. И. в Туринске местные городничие доносили начальству, что Пущин, кроме чтения книг, ничем не занимался.

Выехав в 1843 году из Туринска, И. И. Пущин привез оттуда с собою в Ялуторовск годовалую дочь Аннушку, матерью

которой была одна туринская жительница. Вместе с ним прибыл в Ялуторовск и Оболенский, который испросил себе разрешение на перевод туда. В Ялуторовске Пущин прожил, в доме Бронникова, с декабря 1843 года до осени 1856 года, когда получил амнистию и выехал в Россию. К Аннушке И. И. пригласил няню, вольноотпущенную девушку из крепостных Варвару Самсоновну Баранову, некрасивую наружностью, но сумевшую внушить чувство сильной привязанности кн. Е. П. Оболенскому, который жил первые два года вместе с Пущиным. Оболенский решил жениться на Барановой, против чего сильно восстали его ялуторовские друзья, особенно Пущин,—возмущавшиеся намерением высокообразованного Евг. П. связать свою жизнь с безграмотной и неразвитой девушкой.

Обострение отношений между друзьями привело к тому, что Оболенский съехал из дома Бронникова и поселился отдельно, после чего и женился на Барановой. До этого он с Пущиным жили очень дружно, и Оболенский писал в сентябре 1843 года в Россию, родным своим: «Здесь, в Ялуторовске, мы жильцы на время, наше назначение в Тобольск. Когда это сбудется, мы утвердимся постоянно и устроимся с Пущиным на житье в добром согласии... Мы решились назначить дни для соединения всей братии в одну семью. В четверг собираются у нас. Пообедаем, поболтаем или помолчим кое-о-чем, поиграем в шахматы, в вист: вечер пройдет, иногда с приятными впечатлениями, но всегда с любовью друг к другу»... Однако, после женитьбы Оболенского состоялось примирение, и вся колония зажила прежней дружеской жизнью. Много и с любовью упоминает Пущин имя Оболенского в письмах к родным за 40-ые и 50-е годы. В Тобольск их не перевели, сочли лишним. Так прожили друзья в Ялуторовске до амнистии, часто видаясь с тобольскими товарищами—Якушкиным, Фонвизиным и др.

Сам Пущин—привлекательный, остроумный, с нежным и чутким сердцем—был неотразимо обаятелен не только для друзей своих и единомышленников политических. Женщины влюблялись в него сильно и часто. Ялуторовская воспитанница

М. И. Муравьева-Апостола А. П. Сазонович говорит о Пущине в своих воспоминаниях: «Он очень нравился женщинам, и многие из них преследовали его своею любовью и брачными предложениями... Старые и молодые вдовушки были существенным несчастием в жизни Ив. Ив., так как они смело и назойливо шли на приступ, устраняя в крайнем случае не только необходимость брака, но и необходимость взаимных чувств. Подобные атаки не всякому стоику могли быть под силу, тем менее Пущину, имевшему слабость к женщинам и вину».

Спустя несколько лет после женитьбы кн. Оболенского одна из вдов, благодаря своей настойчивости, наградила И. И. сыном, после чего требовала, чтобы он женился на ней. Ив. Ив. соглашался исполнить ее желание, но с твердым намерением тотчас же после венчания пустить себе пулю в лоб. Молодая женщина, дорожа его жизнью и спокойствием, предпочла немедленно уехать из Ялуторовска на свою родину в Вост. Сибирь, а сына Ив. Ив. взял к себе. Пребывание в доме Пущина двоих детей, матери которых обществу были неизвестны, давало повод к превратным предположениям... Пущин по собственному почину собрал своих товарищей и откровенно исповедался перед ними, глубоко страдая за свой поступок, извинительный для них и неизвинительный в его собственных глазах никакою женскою назойливостью». Вообще, Пущин ценил в женщине привлекательность на-ряду с хорошими манерами: «красавица без отпечатка хорошего общества,—говорит А. П. Сазонович,—теряла в его глазах всякую прелесть». И сам он писал Энгельгардту с иронией про мужиковатую жену Кюхельбекера, способную отвратить его самого от мысли о женитьбе.

Приходилось переживать Пущину и неприятные минуты из-за недружелюбного отношения к его детям его сестер. Отклики этого находим в письмах его друзей. Я. Д. Казимирский, навещавший его в России, писал Оболенскому после кончины Ив. Ив.: «Вы знаете, что его тиранили его сестры? Как не хотели признать его детей и пр. Эти сердечные неудовольствия сломили этот сильный организм и убили нашего И. И.». Кн.

С. П. Трубецкой писал в 1860 г. Оболенскому же из Киева: «Велик для моего сердца недочет в Пущине: что за теплая душа в этом человеке. Наш святой долг позаботиться о его сиротках, тем более, что, как кажется, они отрезанные ломти от его близких семейных». В письмах Ив. Ив. к брату дочь и сын его упоминаются вплоть до 1859 года: сын жил в Марьине и в Москве, дочь—в Нижнем, у М. А. Дороховой.

Но если Пущин сумел противопоставить «женской назойливости» сибирских вдовушек твердость своего аристократизма и угрозой самоубийства сумел избегнуть брака даже с матерью его детей, то не устоял он перед беззаветной влюбленностью экзальтированной старчески-юной вдовы своего товарища по ссылке, Нат. Дм. Фонвизиной. Н. Д. Фонвизина, урожденная Апухтина (родилась в 1805 году), была женщиной высшей экзальтированности, душевной и сердечной. В ранней молодости—блестящая красавица, в которую все влюблялись—она едва не постриглась в монахини, всю жизнь была чрезвычайно религиозна и очень начитана в богословской литературе, так что успешно вела религиозно-философские диспуты с архиереями. С нею охотно переписывался и уважал ее знаменитый алтайский миссионер Макарий. Выданная, по семейно-финансовым расчетам, замуж девушкой-подростком за образованного, более чем вдвое старше ее ген. Фонвизина, она выполнению семейного долга отдалась со страстностью. Когда вскоре муж-декабрист был заключен в Петропавловскую крепость, 20-летняя Фонвизина сразу проявила воспетый впоследствии Некрасовым героизм жен декабристов. Неимоверными усилиями ей удавалось проникать в крепость и облегчать положение мужа.

Свою верность мужу Н. Д. возвела в догмат и была уверена, что с нее Пушкин писал свою Татьяну Ларину... Одной из первых последовала она в Сибирь, оторвав от себя с кровью сердца двух трепетно любимых детей. В ссылке кипучая, вечноподвижная Фонвизина проявляла неутомимость в борьбе с разными начальствами, стремившимися стеснять декабристов и особенно их жен, вообще вела борьбу с злоупотреблениями, вмешивалась

в церковно-официальную жизнь, постоянно разъезжала по местам расселения декабристов для ободрения их и для объединения.

С Пущиным у нее возникли самые близкие отношения с первых лет сибирской жизни, и она пользовалась всяким случаем видеться с ним (Фонвизины были поселены в Тобольске, Пущин—в Туринске и Ялуторовске). Привлекали Фонвизину поэтический склад души Пущина, его философская созерцательность, сердечная доброта и умиленность. Она сумела даже простить Ив. Ив. его скептицизм и насмешливость в области церковной религиозности, хотя, безуспешно, старалась ввести Пущина на путь церковной истины. М. С. Лунин назвал Пущина «хорошим язычником». Дружба Пущина с Фонвизиной, постепенно укреплялась, превратилась на старости их обоих, после кончины М. А. Фонвизина, в сердечное влечение, и переписка их за это время может послужить канвой интересного психологического романа.

О чрезвычайной страстности Н. Д. Фонвизиной, говорит ее биограф В. И. Шенрок, имевший в своем распоряжении переписку ее с Пущиным. «В самом пылу любовной горячности к Пущину,—говорит биограф Фонвизиной,—она едва устояла против чувственного искушения, в котором не только покаялась, но даже с самым подробным и искусным психологическим анализом изобразила сладострастную негу... Она прямо признавалась, что для усмирения бунтующей плоти и в посрамление себя в самые страшные минуты соблазна ставила перед собой портреты Пущина и Бобрищева-Пушкина, чтобы эти изображения ее пристыдили и удержали от греха. «Кроме того, что стыдно, говорила она,—я рискую потерять твою привязанность, рискую возмутить тебя подробностями». После таких признаний не диво в переписке Нат. Дм. встретить воспоминания о неудовлетворенности первым замужеством, потому что хотя М. А. и был ангел, но не подходил к ее бурному темпераменту»...

Когда, бывало, Фонвизина с мужем езжала в Ялуторовск, они останавливались в доме Бронникова, у Пущина. Гостила

Нат. Дм. в Ялуторовске часто—то специально приезжая туда, то проездом из Тобольска в другие места Сибири по разным делам, преимущественно для свидания с друзьями-декабристами.

На-ряду с житейской практичностью, на-ряду с решительной настойчивостью в борьбе с произволом сибирской администрации в характере Фонвизиной было много поэтических черт, роднивших ее с Пущиным.

Время первого знакомства с Ив. Ив. она называла «эпохой чудной, благодатной, записанной на небе». После смерти мужа Н. Д. могла без укоров для чуткой своей совести переписываться с Пущиным. В письмах к нему она исповедывала свои заветные чувства и помышления, с таким страстным нетерпением ждала его ответов, что окружающие по охватывавшему Н. Д. волнению узнавали, когда среди поданной ей почты было письмо от Пущина.

Черты экзальтированности Н. Д. Фонвизиной отражаются в письмах ее к Пущину, в которых много аллегорических намеков и волнующих недосказанностей. Она пишет, напр., о прежней поре своей жизни, которую «считала эпохой», что по отсутствию в ней эту эпоху следовало бы «назвать комедией», потому что даже в подробности найдется много пошлого и смешного, мое положение было жалкое и мучительное, но самые мучительные страхи были подобны преувеличенным сценам и выходкам». В другом письме Н. Д. напоминает Пущину: «В последнее время вы слишком любовались на меня, и с моей стороны было бы низко оставлять вас в таком приятном заблуждении на мой счет». «Ваше благодетельное участие,—пишет она в ответ на признание Пущина в симпатии к ней,—зашевелило чувство: я сквозь слезы взглянула на божий свет и увидела, что и для меня светит солнышко».

Называя в письмах себя Таней, 13-летней глупой и застенчивой девочкой, а Пущина—Назарием, рассудительным юношей, переходящим в мужской возраст,—Н. Д. писала ему: «Зачем бедная Таня сделала на вас такое сильное впечатление? Не берусь решить—дурно это или нет. Мне грустно, если я

могу повредить вам, если моя буря душевная отзывалась такою же бурей в вашей душе. Несчастное существо! Неужели мне суждено везде опалять, куда ни прикоснется мое огненное сердце». «Вы как-будто радуетесь, что Таня расшевелила в сердце почти заснувшие струны, привела в чувство и оживила вашу нормальную внутреннюю молодость, да на добро ли воскресила ее чародейка?»

Вижу, вижу: молодая жизнь опять забила живым ключем в горячем сердце, где до того водворилось было более спокойное и более серьезное чувство. Юноша начал засыпать... поэзия юности мало-по-малу облеклась в житейскую прозу... Вот в каком положении застала вас исповедь чародейки Тани и, как ведьма или оборотень, умела она из старой бабы явиться молоденькой девочкой, пропела русалкой какую-то дивную песню, потом с воплем отчаянья бросилась она, минуя серьезного, насмешливого papa Poustchine к давно знакомому юноше и с неудержимой откровенностью 13-летней девочки, не давши бедному человеку опомниться от усыпления, начала без связи, без смысла и разбора рассказывать беду свою...»

50-летняя Н. Д. Фонвизина боится насмешливой рассудительности 57-летнего Пущина и просит его скрыть ее письма от papa Poustchine, потому что из всех элементов письма один сладкий пирог испечь можно, а papa любит трапезу посущественнее. Тайна наша,—пишет она Пущину,—между нами и богом. Не бойся встретить Назарина (т.-е. проявить любовное увлечение юноши): перед тобой твоя бедная Таня, падшая Пери, любящая, немощная женщина. Не хочу я твоей теплой дружбы,—возбуждает она чувство Пущина,—она стынет от осенних ветров,—дай мне любви, горячей любви, огненной, юношеской, и Таня не останется в долгу у тебя: она заискрится, засверкает пред тобой и засветится этим ярким огнем.

«Все или ничего—был девиз мой с младенчества—пишет она Пущину. И Пущин, еще в 1837 году, с тихой грустью писавший Энгельгардту, что мысль его никогда не останавливалась на возможности супружества, ибо человек, избравший

путь довольно трудный, должен рассуждать не одним сердцем»; еще в 40-х годах писавший Фонвизиной по поводу ее стараний женить его на одной их общей знакомой, что он не думает «стать на очередь запоздалых женихов», что он «один раз в жизни думал жениться, но это не удалось — и дело кончено»; отвергавший настойчивость матерей его детей — Пущин сам был охвачен запоздалой страстью и решил жениться.

Еще задолго до кончины М. А. Фонвизина, когда Нат. Дм. усиленно старалась женить Пущина и он уклонился от этого брака, Ив. Ив. говорил, что Фонвизина сама скажет ему когда-нибудь спасибо за это. В напечатанных ниже письмах Ив. Ив. к друзьям говорится о чрезвычайной радости, какую доставляли ему свидания с Нат. Дм., а после смерти первого мужа она снова приехала в Ялуторовск повидаться с Пущиным и другими сибирскими друзьями. Вскоре по возвращении в Россию они обвенчались.

Свадьба была в с. Высоком, близ станции Бологое, принадлежавшем лицеисту II выпуска кн. Д. А. Эристову, а о согласии Н. Д. передал Пущину лицейский его товарищ Ф. Ф. Матюшкин, живший там же на своей даче «Заимка». Венчание состоялось 22 мая 1857 г.

Н. Д. Фонвизина писала друзьям, что «Иван Иванович венчался в среду утром молодцом, весь день был весел». Но только Нат. Дм., несмотря на 52 года, была еще, действительно, молодцом, Пущин же мог быть молодцом в редкие моменты особого возбуждения. Сама Нат. Дм. отметила в одном письме, что здоровье Пущина было плохо, все же лучше, что есть кому за ним походить. Биограф Н. Д. отмечает, что «по выходе замуж Н. Д. предалась деятельной, хлопотливой жизни. Так как муж ее был уже в полном смысле инвалидом, страдавший подагрой, сердцебиением и другими недугами, то все заботы о делах по имениям пали на нашу героиню». Об этих заботах и раз'ездах Н. Д. по имениям говорится в письмах Пущина, хотя друг его, бар. В. И. Штейнгель полагал (в письме к Д. И. Завалишину), что «это брак взаимного вспомоществования: ей необходим голос муж-

чины для содержания в порядке большого имения, ему нежный уход в его болезненном состоянии». Было только последнее.

Что касается отношения товарищей и друзей Пущина к этому браку, то, по словам Нат. Дм., «многие говорили, что ожидали этого брака, другие находят естественным и хвалят, остальные вовсе верить не хотят». Я. Д. Казимирский видел даже в этом браке причину преждевременной смерти Ив. Ив., в феврале 1860 г. он писал Е. П. Оболенскому из Омска: «...Проезжая в обратный путь через Ялуторовск, мы остановились в доме Балакшина... Сколько воспоминаний пробежало в моей памяти, и образ незабвенного усопшего друга... Мне приходит на мысль, что, если бы вас не тронули из Ялуторовска, все были живы и благополучны. Конечно, странная мысль еще к этой мысли, мысль, что брак с Н. Д. убил почти его. Вот идея. Не правда ли, что дикая, а между тем она приходит и приходит мне в голову».

Сам Пущин в письмах к родным старается подчеркнуть, что он очень рад женитьбе, не только с точки зрения семейных удобств, но и удовлетворения сердечного влечения. Н. Д. в приписках к письмам И. И. говорит о своих родственных чувствах к семье мужа с настойчивостью, заставляющей подозревать, что отношение родных Пущина к его жене не разнилось от отношения их к его детям, охарактеризованного Казимирским, как тирания. Но все это было по возвращении Пущина в Россию.

Сибирская жизнь декабристов ознаменовалась благотворным влиянием на просвещение и культуру края. Личным своим присутствием, устройством своей жизни декабристы знакомили бедное тогдашнее и малочисленное сибирское общество с европейской культурой. Выстроенные ими дома, обстановка последних, присылаемая из России, после отъезда декабристов в другие пункты поселения служили для общественных и просветительных нужд данной местности.

Особенно много сделали они для распространения грамоты среди бедного населения—устройством школ, частным обуче-

нием у себя на дому, пробуждением местной инициативы в этом отношении. Велико было их влияние на усвоение местными жителями научно-практических приемов земледелия и других видов сельского хозяйства. Напр., Якушкин и Пущин были пионерами ознакомления сибиряков с метеорологией. Оба они много поработали в учрежденных Якушкиным школах для ялуторовских мальчиков и девочек. Память о Пущине была жива в Ялуторовске еще в конце 70-х годов, и тогдашние ссыльные из политических слышали о нем отзывы, согретые нежной любовью и благодарной признательностью.

Кончилось царствование Николая I, первым узнал об этом в Ялуторовске И. И. Пущин. Сердце забилось сладкой надеждой на возвращение в Россию. Ведь, декабристы—из переписки с родными, из рассказов проезжавших с ревизующими сенаторами молодых чиновников—знали подлинное настроение тогдашнего русского общества. Пущин, как он сам сообщает в письмах к брату, читал все лучшее из периодических и непериодических изданий, выходивших в Европе и в России. Знакомился он довольно скоро, в условиях тогдашних почтовых сообщений, и с рукописной отечественной литературой. Так, он один из первых в 1837 году получил списки статей Даля и Спасского о смерти Пушкина, напечатанных лишь в 50-х годах; читал — вместе с Н. Д. Фонвизиной—письмо Белинского к Гоголю; с большим интересом следил за нарастанием новых, пока еще нелегальных, идей в области воспитания—по рукописи знаменитой статьи Н. И. Пирогова «Вопросы Жизни», пересланной ему в числе других рукописей братом Н. И. Пущиным.

Сердце И. И. Пущина радостно забилось надеждой не только за себя лично, не за свою только свободу. Он трепетно ждал от перемены внутренней политики свободы и для родины-мачехи, не сумевшей оценить подвиг лучших своих сынов-идеалистов начала столетия, для дорогого его сердцу и мечтам задушевным русского народа, коснеющего в рабстве и невежестве. Как большинство декабристов, И. И. Пущин через десятилетия каторжных работ в мрачных рудниках Читы и Петровском за-

воде, печальной ссылки в неприветливой угрюмой Сибири— пронес неохладевшим свое пылкое сердце, полное любви к свободе общественной, сохранил нетронутыми и неизменными политические верования и убеждения своей молодости. Истинный патриотизм был в этих мечтах. По слову одного из декабристов, это были «мечты о свободе, величии и счастии отечества, о золотом времени народных собраний, где царствует пламенная любовь к отечеству, свобода, никем и ничем неограниченная, кроме закона, полное благосостояние народа».

Еще в 40-х годах писал Пущин Энгельгардту, с обидой за Россию, что в Сибири нет крепостных, и желал для изобилующей природными богатствами страны этой участи С.-Американских Соединенных Штатов. А в тяжкую годину Севастополя душа его особенно болела за Россию, униженную, опозоренную и бесталанную в вождях своих. «Удивляюсь одному,—пишет он брату в июне 1855 года,—что при множестве войска никогда нет его там, где оно нужно... образ действий флотов просто наводит отвращение...» В далекой Сибири отверженные сыны России скорбели крымскими страданиями ее, а победители на Сенатской площади 1825 года вводили реформы в обмундировании армии и это приводило Пущина в патриотический ужас. «Мундиры бесят меня,—писал он брату,—как-то совестно читать о пуговицах в эту минуту».

В другом письме читаем: «только одна вера в судьбы России может поспорить с теперешней тяжелой думою, исхода покамест не вижу». Но эта вера в судьбы родины обусловливается убеждением в том, что она возродится только при политической свободе: «согласись,—пишет И. И. брату-садовнику в сентябре,—что пока дело общее — res publica — будет достоянием немногих, до тех пор ничего не будет: доказательство — нынешние обстоятельства». «Просто тоска вся эта наша война,—возвращается он в каждом письме к тревожному положению России.—Современные дела невыносимо тяготят — как-то не видишь деятеля при громадных усилиях народа. Эти силы без двигателя только затруднение во всех отношениях...»

«Но как ни печально шли дела на войне, как ни безнадежно было положение, все же не хотелось мириться с неизбежным результатом государственной разрухи. Хотелось мира для истерзанной России, для ее измученного народа, но не могла мысль примириться с потерей того, что добыто кровью народною. «Как ни желаю примирения,—пишет И. И. в январе 1856 года, понимая, что мир принесет ему и друзьям свободу,—но как-то не укладывается в голове и сердце, что будут кроить нашу землю...» Больно, что нельзя помочь родине хоть советом: «впрочем нечего теперь толковать, к несчастью нас и не спрашивают... Незабвенный все это привел в такой порядок, что трудно и разобрать вдруг...»

Враги разобрали... Мир надвигался, хоть и с урезанием наших земель. «Ты говоришь: верую, что будет мир,—пишет И. И. брату в марте;—должно быть верно. Будет ли мир прочен, это другой вопрос, но все-таки хорошо, что будет отдых. Нельзя же нести на плечах народа, который ни в чем не имеет голоса, всю Европу... Пора понять, что есть дело дома и что не нужно быть полицией в Европе». А в Петербурге уже давно почуяли возможность освобождения декабристов «из мрачных пропастей земли», и родные сосланных Незабвенным стали хлопотать об амнистии.

О Пущине заботились не только родные. Н. Д. Фонвизина терзалась невозможностью быть вместе с Пущиным. Отзвук ее терзаний в письме И. И. к брату от 7 февраля 1856 года: «Она из какого-то твоего письма заключила, что ты мне не пишешь, потому что не имеешь еще ничего удовлетворительного сказать... Я ее успокоил тем, что не прежде жду твоего назначения в сенаторы; по моему, это должно быть в нынешнем году....» И отклик страстного стремления на родину в словах того же письма: «Отовсюду говорят, будто бы намерены нас пустить за Урал... поговаривают, что есть охотник купить дом Бронникова, значит, мне нужно будет стаскиваться с мели: кажется, все это логически».

Тем временем некоторым декабристам уже разрешалось выехать из Сибири—пока в особо уважительных случаях, но это

усиливало надежду остальных на собственное освобождение. Радостно принял Пущин весть об освобождении его друзей Бобрищевых-Пушкиных: и за них, и за себя. Получил отрадную весть, что Н. С. с братом могут ехать на родину, это такая радость для меня, что я просто вне себя. А когда в марте стали отбирать у декабристов сведения об их семейном положении, что явно было связано с грядущим освобождением, Пущин негодовал на оттяжки, носившие характер издевательства по отношению к людям, выстрадавшим 30 лет за свою любовь к родине и народу. По моему мнению, нечего бы спрашивать, если думают возвратить изгнанных... все-таки гадко, что чего-то хотят, хоть хотят не очень нетерпеливо. Но в отношении власти к этому делу проявилось, быть может, не столько спокойствие терпения, сколько желание заставить вымолить амнистию.

Повидимому, с таким настроением правящих кругов связан факт подачи 24 апреля М. И. Пущиным, от имени своего и сестер, всеподданнейшего прошения о помиловании их брата. В деле, из которого взято это сведение, нет указания на исход ходатайства, а амнистию И. И. Пущин получил на общем основании со всеми декабристами, по манифесту 26 августа 1856 г.

Пока пришла весть об амнистии, Пущин переходил от надежды к отчаянию: Во мне есть что-то от Фомы,—пишет он в июне,—пока не вижу, не осязаю, не верю. Он даже занялся в начале августа обычным ремонтом дома. Но уже Н. Д. Фонвизина спешила в Ялуторовск с благой вестью об освобождении ее Назария, и последнее сохранившееся письмо Пущина из Сибири, от 19 августа 1856 года, лаконично: в нем знаменательная фраза: «Н. Д. жду на днях». Уже, видно, что был решен вопрос о браке: Пущин советует брату ездить в Марьино—имение Н. Д. Фонвизиной.

5. Возвращение в Россию

Не сразу выехал И. И. Пущин из Ялуторовска в Россию. Въезд в столицу ему был запрещен, а в Царском Селе жила престарелая сестра его, Е. И. Набокова, старшая в семье после смерти родителей. Не имея возможности, по болезни, выехать из Царского, она испросила разрешения на приезд ее брата в Петербург на три дня. 11 ноября было получено разрешение на это, а в 20-х числах декабря 1856 года Пущин был в Петербурге. С волнением переступил он порог Царскосельского дворца, где провел с Пушкиным целых шесть лет, и с нежною радостью рассказывал молодой своей спутнице, дочери известной А. О. Смирновой, о школьных годах великого поэта.

По истечении первоначального срока Пущин получил отсрочку на 10 дней, а затем ряд других—уже для собственного лечения.

В мае 1857 года выехал Пущин из Петербурга в Москву и по пути остановился в имении Д. А. Эристова, где и состоялось его венчание с Н. Д. Фонвизиной. Прощаясь с родными, Пущин не говорил им о предстоящем своем браке, и ему пришлось оправдываться перед братом и сестрами в скрытности ссылкою на то, что тайна эта не ему одному принадлежала.

Из Бологого отправился Пущин в Москву, где его восторженно приняли все старые друзья и где ему пришлось вспомнить время гонений вследствие придирок ко всем декабристам генерал-губернатора А. А. Закревского. Поселился он в с.

Марьине, Бронницкого уезда, Московской губернии, в 50 верстах от Москвы.

Как ни требовала подвижная и общительная натура Пущина разъездов, как ни рвался он душою повидать всех своих знакомых досибирского периода, нажитые в каторге и ссылке болезни держали его в Марьине, большею частью, в постели. Иногда выезжал он к живущим близ Москвы друзьям и товарищам по ссылке — Оболенским, Нарышкиным, Свистуновым, да в Москву—к сыну, учившемуся в пансионе. Один раз, летом 1858 г., поехал он в Нижний—к дочери—и в пути за ним следило недремлющее око III отделения.

Еще в 1857 году пытался Пущин получить разрешение на выезд заграницу для лечения —и брат М. И. ждал его в Карлсбаде. Но разрешение не было дано, и Пущину, как некогда Пушкину, пришлось только вздыхать по Европе с ее конституционными гарантиями и уважением к правам человеческой личности.

До самой могилы преследовала его попечительная заботливость начальства, и каждый шаг Пущина отмечался донесением в III отделение, вплоть до последнего его шага—к месту вечного упокоения и от забот по Марьинству, и от политических страстей, и от всех других треволнений многообразной и так любимой им жизни. Заключительным было донесение московского губернатора III отделению от 10 апреля 1859 года: «Бронницкий исправник донес мне, что проживавший во вверенном ему уезде находившийся под надзором полиции возвращенный из Сибири дворянин Иван Иванов Пущин 3 числа сего апреля умер». Похоронен Пущин в Бронницах, близ собора, рядом с могилой М. А. Фонвизина. На могиле И. И.—памятник с фигурой ангела и с надписью: «Блажени милостивии, яко тии помилованы будут».

Умер Пущин 61 года от роду, сохранив до конца дней своих ясность ума и верность политическим убеждениям, возвышенные свойства нежной души и чуткого, любящего сердца. В ряду

других вождей тайного общества Пущин занимает особое место. Он не был таким крупным политическим деятелем, как Пестель, пылким и красноречивым республиканцем-заговорщиком, как Рылеев, фанатичным революционером-мстителем, как Каховский. Верный конституционным идеям всю жизнь, он всю жизнь отличался душевной многогранностью, роднившей его с Пушкиным, и общественно-политическое служение не заслоняло от него всех влечений яркой и радужно-блестящей молодости. Сам Пущин считал основной чертой своего характера жизнерадостный и творческий оптимизм. Уже с поселения, из Туринска, писал он Энгельгардту: «Мною овладела какая-то мрачность; я ужасно не люблю этого состояния, тем более, что оно совершенно мне несвойственно и набрасывает непριятную тень на все окружающие предметы... Надеюсь, что это временный туман, он должен рассеяться, иначе—тоска...»

Руководители тайного общества высоко ценили участие в их деятельности Пущина в виду его кристальной честности и высокой моральной чистоты его гражданских побуждений. Они смотрели снисходительно на недостаточную революционность Пущина, на тяготение его к светской жизни и эпикурейские навыки. И. И. Горбачевский, один из руководителей Южного, самого революционного, общества, оставил любопытную характеристику Пущина, как человека, не подходящего под обычное представление о заговорщике: «Прочтя со вниманием об их воспитании в Лицее,—пишет он М. А. Бестужеву по поводу записок Пущина,—разве из такой почвы вырастают народные поэты, республиканцы, патриоты? Такая ли наша жизнь в молодости была, как их? Терпели ли они те нужды, то унижение, те лишения, тот голод и холод, что мы терпели?

Ты скажешь, а Пущин Ив. Ив. разве худой человек? Я скорее скажу, чудо человек, что хочешь, так он хорош. Но я тебя спрошу, республиканец ли он, или нет? Заговорщик он, или нет? Способен ли он кверху дном все переворотить: нет и нет,—ему подавай революции деланные, чтобы на розовой воде: они все хотели все сделать переговорами, чтобы сенат к ним

вышел и, поклонившись, спросил: что вам угодно? все к вашим услугам».

Недостаточная решительность Пущина, как заговорщика, вытекавшая из свойств его мягкой, любящей души, возмещалась в отношении к задачам тайного общества глубокою преданностью правильно понимаемому долгу политического деятеля, преданностью, переходившею в героизм и совмещавшеюся с постоянною жизнерадостностью. Декабрист А. Е. Розен рассказывает, что 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади всех бодрее в каре стоял И. И. Пущин; хотя он, как отставной, был не в военной одежде, но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствие и бодрость. Когда же Розен спросил, где можно найти диктатора Трубецкого, Пущин сказал: Пропал или спрятался, если можно, то достань его помощи, в противном случае и без тебя тут довольно жертв.

При объявлении 13 июля 1826 года приговора декабристам, Пущин единственный выступил с протестом против расправы с ними их политических противников, а за несколько минут до того он своими шутками и остротами заставлял хохотать весь собравшийся около него кружок обреченных. О постоянной веселости Пущина в кругу декабристов говорит в своих показаниях и В. И. Зубков, московский приятель Пущина. Все привлеченные к делу 14 декабря единогласно говорят о доброте Пущина, о его постоянной готовности помогать нуждающимся, о стремлении улучшить положение крестьян. Любили товарищи Пущина в меру собственной его любви. Когда его однажды вели под конвоем на допрос, сквозь конвой, с риском для собственной жизни, пробрался офицер С. П. Галахов и бросился обнимать и целовать Пущина.

И в Сибири он был такой же—полный жизни, отражающий ее во всех ее проявлениях, откликающийся на все ее требования, жадно впитывающий все ее впечатления. То он заботится о молодом родственнике своего друга Басаргина, Д. И. Менделееве, то о вдове Кюхельбекера, о братьях Бобрищевых-Пушкиных, даже о престарелом директоре своем Энгельгардте в

далеком Петербурге, учит грамоте ребят ялуторовских мещан и радостно отмечает в 1848 году в связи с тогдашними революционными событиями в Европе, что «необыкновенно любопытное настает время». Рылеев выразил чувства всех знавших Пущина: «Кто любит Пущина, тот непременно сам редкий человек».

С. Штрайх

И. И. ПУЩИН — 1856 г.

С ФОТОГРАФИИ.

Записки о Пушкине

Е. И. Якушкину[1])

Как быть! Надобно приняться за старину. От вас, любезный друг, молчком не отделаешься! И то уже совестно, что так долго откладывалось давнишнее обещание поговорить с вами на бумаге об Александре Пушкине, как, бывало, говаривали мы об нем при первых наших встречах в доме Бронникова[2]). Прошу терпеливо и снисходительно слушать немудрый мой рассказ.

Собираясь теперь проверить былое с некоторою отчетливостью, я чувствую, что очень поспешно и опрометчиво поступил, истребивши в Лицее тогдашний мой дневник, который продолжал с лишком год. Там нашлось бы многое, теперь отуманенное: всплыли бы некоторые заветные мелочи,—печать того времени. Не знаю почему, тогда мне вдруг показалось, что нескромно вынимать из тайника сердца заревые его трепетания, волнения, заблуждения и верования. Теперь самому любопытно бы было взглянуть на себя тогдашнего, с тогдашнею обстановкою; но дело кончено: тетради в печке, и поправить беды невозможно.

Впрочем, вы не будете тут искать исторической точности; прошу смотреть без излишней взыскательности[3]) на мои воспоминания о человеке мне близком с

самого нашего детства: я гляжу на Пушкина не как литератор, а как друг и товарищ.

Невольным образом в этом рассказе замешивается и собственная моя личность: прошу не обращать на нее внимания. Придется, может быть, и об Лицее [1]) сказать словечко: вы это простите, как воспоминания, до сих пор живые! Одним словом, все сдаю вам, как вылилось на бумагу.

1811 года, в августе, числа решительно не помню, дед мой, адмирал Пущин повез меня и двоюродного моего брата Петра, тоже Пущина, к тогдашнему министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому. Старик, слишком 80-ти летний, хотел непременно сам представить министру своих внучат, записанных по его же просьбе в число кандидатов Лицея, нового заведения, которое самым своим названием поражало публику в России—не все тогда имели понятие о колоннадах и ротондах в афинских садах, где греческие философы научно беседовали с своими учениками. Это замечание мое до того справедливо, что потом даже, в 1817 году, когда после выпуска мы шестеро , назначенные в гвардию, были в лицейских мундирах на параде гвардейского корпуса, под'езжает к нам граф Милорадович, тогдашний корпусный командир, с вопросом: что мы за люди и какой это мундир? Услышав наш ответ, он несколько задумался и потом очень важно сказал окружавшим его: «Да, это не то, что Университет, не то, что Кадетский Корпус, не Гимназия, не Семинария—это... Лицей!»—Поклонился, повернул лошадь и ускакал.—Надо сознаться, что определение очень забавно, хотя далеко неточно.

Дедушка наш Петр Иванович насилу взошел на лестницу, в зале тотчас сел, а мы с Петром стали по обе стороны возле него, глядя на нашу братью, уже на-

стью тут собранную. Знакомых у нас никого не было. Старик, не видя появления министра, начинал сердиться. Подозвал дежурного чиновника и об'явил ему, что андреевскому кавалеру не приходится ждать, что ему нужен Алексей Кириллович, а не туалет его. — Чиновник исчез, и тотчас старика нашего с нами повели во внутренние комнаты, где он нас поручил благосклонному вниманию министра, рассыпавшегося между тем в извинениях. Скоро наш адмирал отправился домой, а мы, под покровом дяди Рябинина, приехавшего сменить деда, остались в зале, которая почти наполнилась вновь наехавшими нашими будущими однокашниками с их провожатыми.

У меня разбежались глаза: кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся — глядел на всех и никого не видал. Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. — Я слышу: Александр Пушкин — выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляда. Еще вглядывался в Горчакова, который был тогда необыкновенно миловиден. При этом передвижении мы все несколько приободрились, начали ходить в ожидании представления министру и начала экзамена. Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто видаться. Пушкин в свою очередь познакомил меня с Ломоносовым и Гурьевым.

Скоро начали вызывать нас поодиночке в другую комнату, где в присутствии министра начался экзамен, после которого все постепенно разъезжались. Все кончилось довольно поздно.

Через несколько дней Разумовский пишет дедушке, что оба его внука выдержали экзамен, но что из нас двоих один только может быть принят в Лицей на том основании, что правительство желает, чтоб большее число семейств могло воспользоваться новым заведением. На волю деда оставалось решить, который из его внуков должен поступить.—Дедушка выбрал меня, кажется, потому, что у батюшки моего, старшего его сына, семейство было гораздо многочисленнее. Таким образом я сделался товарищем Пушкина.—О его приеме я узнал при первой встрече у директора нашего В. Ф. Малиновского, куда нас неоднократно собирали сначала для снятия мерки, потом для примеривания платья, белья, ботфорт, сапог, шляп и пр. На этих свиданиях мы все больше или меньше ознакомились. Сын директора Иван тут уже был для нас чем-то в роде хозяина.

Между тем, когда я достоверно узнал, что и Пушкин вступает в Лицей, то на другой же день отправился к нему, как к ближайшему соседу. С этой поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувстве какой-то безотчетной симпатии. Родные мои тогда жили на даче, а я только туда ездил: большую же часть времени проводил в городе, где у профессора Лоди занимался разными предметами, чтобы не даром пропадало время до вступления моего в Лицей. При всякой возможности я отыскивал Пушкина, иногда с ним гулял в Летнем саду: эти свидания вошли в обычай, так что если несколько дней меня не видать, Василий Львович, бывало, мне пеняет: он тоже привык ко мне, полюбил меня. Часто, в его отсутствие, мы оставались с Анной Николаевной. Она подчас нас, птенцов, приголубливала: случалось, что и побранит, когда мы надоедали ей нашими разновременными шутками. Именно замечательно, что она строго наблюдала, чтоб наши ласки не переходили границ, хотя и любила с нами побалагурить и пошалить, а про нас и говорить нечего:

мы просто наслаждались непринужденностью и некоторою свободою в обращении с милою девушкой. С Пушкиным часто доходило до ссоры, иногда она требовала тут вмешательства и дяди. Из других товарищей видались мы иногда с Ломоносовым и Гурьевым. Madame Гурьева нас иногда и к себе приглашала.

Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил; но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет) с скороспелками, которые по каким-либо обстоятельствам и раньше, и легче находят случай чему-нибудь выучиться. Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образование, но нисколько не сделала его заносчивым, признак доброй почвы. Все научное он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр. В этом даже участвовало его самолюбие, — бывали столкновения очень неловкие. Как после этого понять сочетание разных внутренних наших двигателей! Случалось точно удивляться переходам в нем: видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли. Я был свидетелем такой сцены на Крестовском острову, куда возил нас иногда на ялике гулять Василий Львович.

Среди дела и безделья незаметным образом прошло время до октября. В Лицее все было готово, и нам велено было с'езжаться в Царское Село. Как водится, я поплакал, расставаясь с домашними; сестры успокаивали меня тем, что будут навещать по праздникам, а на Рож-

дество возьмут домой. Повез меня тот же дядя Рябинин, который приезжал за мной к Разумовскому. В Царском мы вошли к директору: его дом был рядом с Лицеем. Василий Федорович поцеловал меня, поручил инспектору Пилецкому-Урбановичу отвести в Лицей. Он привел меня прямо в четвертый этаж и остановился перед комнатой, где над дверью была черная дощечка с надписью: № 13. Иван Пущин; я взглянул налево и увидел: № 14. Александр Пушкин. Очень был рад такому соседу, но его еще не было, дверь была заперта. Меня тотчас ввели во владение моей комнаты, одели с ног до головы в казенное, тут приготовленное, и пустили в залу, где уже двигались многие новобранцы. Мелкого нашего народу с каждым днем прибывало. Мы знакомились поближе друг с другом, знакомились и с роскошным нашим новосельем. Постоянных классов до официального открытия Лицея не было, но некоторые профессора приходили заниматься с нами, предварительно испытывая силы каждого, —и таким образом, знакомясь с нами, приучали нас, в свою очередь, к себе.

Все 30-ть воспитанников собрались. Приехал министр, все осмотрел, делал нам репетицию церемониала в полной форме, т.-е. вводили нас известным порядком в залу, ставили куда следует, по списку вызывали и учили кланяться по направлению к месту, где будет сидеть император и высочайшая фамилия. При этом неизбежно были презабавные сцены неловкости и ребяческой наивности.

—

Настало наконец 19-е октября, день, назначенный для открытия Лицея [6]). Этот день, памятный нам, первокурсным, не раз был воспет Пушкиным в незабвенных его для нас стихах, знакомых больше или меньше и всей читающей публике.

Торжество началось молитвой. В придворной церкви служили обедню и молебен с водосвятием. Мы на хо-

рах присутствовали при служении. После молебна духовенство со святой водою пошло в Лицей, где окропило нас и все заведение.

В Лицейской зале, между колоннами, поставлен был большой стол, покрытый красным сукном, с золотой бахромой. На этом столе лежала высочайшая грамота, дарованная Лицею. По правую сторону стола, стояли мы в три ряда; при нас — директор, инспектор и гувернеры; по левую — профессора и другие чиновники лицейского управления. Остальное пространство залы, на некотором расстоянии от стола, было все уставлено рядами кресел для публики. Приглашены были все высшие сановники и педагоги из Петербурга. Когда все общество собралось, министр пригласил государя. Император Александр явился в сопровождении обеих императриц, в. к. Константина Павловича и в. к. Анны Павловны. Приветствовав все собрание, царская фамилия заняла кресла в первом ряду. Министр сел возле царя.

Среди общего молчания началось чтение. Первый вышел И. И. Мартынов, тогдашний директор департамента министерства народного просвещения. Дребезжащим, тонким голосом прочел манифест об учреждении Лицея и высочайше дарованную ему грамоту. (Единственное из закрытых учебных заведений того времени, которого устав гласил: «Телесные наказания запрещаются». Я не знаю, есть ли и теперь другое, на этом основании существующее. Слышал даже, что и в Лицее, при императоре Николае, разрешено наказывать с родительскою нежностью лозою смирения).

Вслед за Мартыновым робко выдвинулся на сцену наш директор В. Ф. Малиновский, со свертком в руке. Бледный, как смерть, начал что-то читать; читал довольно долго, но вряд ли многие могли его слышать, так голос его был слаб и прерывист. Заметно было, что сидевшие в задних рядах начали перешептываться и при-

клоняться к спинкам кресел. Проявление не совсем ободрительное для оратора, который, кончивши речь свою, поклонился и еле-живой возвратился на свое место. Мы, школьники, больше всех были рады, что он замолк: гости сидели, а мы должны были стоя слушать его и ничего не слышать.

Смело, бодро выступил профессор политических наук А. П. Куницын и начал не читать, а говорить об обязанностях гражданина и воина. Публика, при появлении нового оратора, под влиянием предшествовавшего впечатления, видимо пугалась и вооружалась терпением; но по мере того, как раздавался его чистый, звучный и внятный голос, все оживлялись, и к концу его замечательной речи слушатели уже были не опрокинуты к спинкам кресел, а в наклоненном положении к говорившему: верный знак общего внимания и одобрения! В продолжении всей речи ни разу не было упомянуто о государе: это небывалое дело так поразило и понравилось императору Александру, что он тотчас прислал Куницыну Владимирский крест—награда, лестная для молодого человека, только что возвратившегося перед открытием Лицея из-за границы, куда он был послан по окончании курса в Педагогическом институте, и назначенного в Лицей на политическую кафедру. Куницын вполне оправдал внимание царя: он был один между нашими профессорами урод в этой семье.

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена... *).

После речей стали нас вызывать по списку; каждый, выходя перед стол, кланялся императору, который очень благосклонно вглядывался в нас и отвечал терпеливо на неловкие наши поклоны.

*) Пушкин. Годовщина 19-го октября 1825 года. *И. П.*

Когда кончилось представление виновников торжества, царь, как хозяин, отблагодарил всех, начиная с министра, и пригласил императриц осмотреть новое его заведение. За царской фамилией двинулась и публика. Нас между тем повели в столовую к обеду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрев заведение, гости Лицея возвратились к нам в столовую и застали нас усердно трудящимися над супом с пирожками. Царь беседовал с министром. Императрица Мария Феодоровна попробовала кушанье. Подошла к Корнилову, оперлась сзади на его плечи, чтобы он не приподнимался, и спросила его: «*Карош* суп?» Он медвеженком отвечал: «Oui monsieur». Сконфузился ли он и не знал, кто его спрашивал, или дурной русский выговор, которым сделан был ему вопрос, — только все это вместе почему-то побудило его откликнуться на французском языке и в мужском роде. Императрица улыбнулась и пошла дальше, не делая уже больше любезных вопросов, а наш Корнилов тотчас же попал на зубок: долго преследовала его кличка: Monsieur. Императрица Елизавета Алексеевна тогда же нас, юных, пленила непринужденною своею приветливостью ко всем: она как-то умела и успела каждому из профессоров сказать приятное слово. Тут, может быть, зародилась у Пушкина мысль стихов к ней:

На лире скромной, благородной и проч. *).

Константин Павлович у окна щекотал и щипал сестру свою Анну Павловну; потом подвел ее к Гурьеву, своему крестнику, и стиснувши ему двумя пальцами обе щеки, а третьим вздернувши нос, сказал ей: «Рекомендую тебе эту моську. Смотри, Костя, учись хорошенько!»

*) Изд. Анненкова, т. 7, стр. 25. Г-н Анненков напрасно относит эти стихи к 1819-му году; они написаны в Лицее 1816 г. *И. П.*

Пока мы обедали, — и цари удалились, и публика разошлась. У графа Разумовского был обед для сановников; а педагогию петербургскую и нашу лицейскую угощал директор в одной из классных зал. Все кончилось уже при лампах. Водворилась тишина.

Друзья мои, прекрасен наш союз:
Он как душа неразделим и вечен,
Неколебим, свободен и беспечен!
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы; нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село *).

Дельвиг, в прощальной песни 1817 года, за нас всех вспоминает этот день:

Тебе, наш царь, благодаренье!
Ты сам нас юных съединил
И в сем святом уединенье
На службу музам посвятил.

Вечером нас угощали десертом à discrétion вместо казенного ужина. Кругом Лицея поставлены были плошки, а на балконе горел щит с вензелем императора. Сбросив парадную одежду, мы играли перед Лицеем в снежки при свете иллюминации и тем заключили свой праздник, не подозревая тогда в себе будущих столпов отечества, как величал нас Куницын, обращаясь в речи к нам. Как нарочно для нас, тот год рано стала зима. Все посетители приезжали из Петербурга в санях. Между ними был Е. А. Энгельгардт, тогдашний директор Педагогического Института. Он так был проникнут ощущениями этого дня и в особенности речью Куницына, что в тот же вечер, возвратясь домой, перевел ее на немецкий язык, написал маленькую статью и все отослал в Дерптский журнал. Этот почтенный человек не

*) Пушкин. Годовщина 19 октября 1825-го года. *И. П.*

предвидел тогда, что ему придется быть директором Лицея в продолжении трех первых выпусков.

Несознательно для нас самих мы начали в Лицее жизнь совершенно новую, иную от всех других учебных заведений. Через несколько дней после открытия, за вечерним чаем, как теперь помню, входит директор и объявляет нам, что получил предписание министра, которым возбраняется выезжать из Лицея, а что родным дозволено посещать нас по праздникам. Это объявление категорическое, которое, вероятно, было уже предварительно постановлено, но только не оглашалось, сильно отуманило нас всех своею неожиданностью. Мы призадумались, молча посмотрели друг на друга, потом начались между нами толки и даже рассуждения о незаконности такой меры стеснения, не бывшей у нас в виду при поступлении в Лицей. Разумеется, временное это волнение прошло, как проходит постепенно все, особенно в те годы. Теперь, разбирая беспристрастно это неприятное тогда нам распоряжение, невольно сознаешь, что в нем-то и зародыш той неразрывной, отрадной связи, которая соединяет первокурсных Лицея. На этом основании, вероятно, Лицей и был так устроен, что по возможности были соединены все удобства домашнего быта с требованиями общественного учебного заведения. Роскошь помещения и содержания, сравнительно с другими, даже с женскими заведениями, могла иметь связь с мыслью Александра, который, как говорили тогда, намерен был воспитать с нами своих братьев, великих князей Николая и Михаила, почти наших сверстников по летам; но императрица Мария Феодоровна воспротивилась этому, находя слишком демократическим и неприличным сближение сыновей своих, особ царственных, с нами, плебеями.

Для Лицея отведен был огромный, четырехэтажный флигель дворца, со всеми принадлежащими к нему

строениями. Этот флигель при Екатерине занимали великие княжны: из них в 1811 году одна только Анна Павловна оставалась незамужнею.

В нижнем этаже помещалось хозяйственное управление и квартиры инспектора, гувернеров и некоторых других чиновников, служащих при Лицее; во втором — столовая, больница с аптекой и конференц-зала с канцелярией; в третьем — рекреационная зала, классы (два с кафедрами, один для занятий воспитанников после лекций), физический кабинет, комната для газет и журналов и библиотека в арке, соединяющей Лицей со дворцом через хоры придворной церкви. В верхнем — дортуары. Для них, на протяжении вдоль всего строения, во внутренних поперечных стенах прорублены были арки. Таким образом образовался коридор, с лестницами на двух концах, в котором с обеих сторон перегородками отделены были комнаты: всего пятьдесят нумеров. Из этого же коридора вход в квартиру гувернера Чирикова, над библиотекой.

В каждой комнате — железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания, вместе и ночной. На конторке чернильница и подсвечник со щипцами.

Во всех этажах и на лестницах было освещение ламповое; в двух средних этажах паркетные полы. В зале зеркала во всю стену, мебель штофная.

Таково было новоселье наше!

При всех этих удобствах нам не трудно было привыкнуть к новой жизни. Вслед за открытием начались правильные занятия. Прогулка три раза в день, во всякую погоду. Вечером в зале — мячик и беготня.

Вставали мы по звонку в шесть часов. Одевались, шли на молитву в залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали мы вслух по очереди. От 7 до 9 часов — класс; в 9 — чай; прогулка — до 10-ти; от 10-ти до 12-ти — класс;

от 12 до часу—прогулка; в час—обед; от 2 до 3-х—или чистописание или рисование; от 3 до 5—класс; в 5 часов—чай; до 6-ти—прогулка; потом—повторение уроков или вспомогательный класс. По средам и субботам —танцованье или фехтованье. Каждую субботу баня. В половине 9 часа—звонок к ужину. После ужина до 10 часов—рекреация. В 10—вечерняя молитва, сон.

В корридоре на ночь ставили ночники во всех арках. Дежурный дядька мерными шагами ходил по корридору.

Форма одежды сначала была стеснительна. По будням—синие сюртуки с красными воротниками и брюки того же цвета: это бы ничего; но за то, по праздникам, мундир (синего сукна с красным воротником, шитым петлицами, серебряными в первом курсе, золотыми—во втором), белые панталоны, белый жилет, белый галстух, ботфорты, треугольная шляпа — в церковь и на гулянье. В этом наряде оставались до обеда. Ненужная эта форма, отпечаток того времени, постепенно уничтожалась: брошены ботфорты, белые панталоны и белые жилеты заменены синими брюками с жилетами того же цвета: фуражка вытеснила совершенно шляпу, которая надевалась нами только, когда учились фронту в гвардейском образцовом батальоне.

Белье содержалось в порядке особою кастеляншею: в наше время была м-ме Скалон. У каждого была своя печатная метка: нумер и фамилия. Белье переменялось на теле два раза, а столовое и на постели раз в неделю.

Обед состоял из трех блюд (по праздникам четыре). За ужином два. Кушанье было хорошо, но это не мешало нам иногда бросать пирожки Золотареву в бакенбарды. При утреннем чае—крупичатая белая булка, за вечерним—полбулки. В столовой, по понедельникам, выставлялась программа кушаний на всю неделю. Тут совершалась мена порциями по вкусу.

Сначала давали по полустакану портеру за обедом. Потом эта английская система была уничтожена. Мы ограничивались отечественным квасом и чистою водой.

При нас было несколько дядек: они заведывали чисткой платья, сапог и прибирали в комнатах. Между ними замечательны были Прокофьев, Екатерининский сержант, польский шляхтич Леонтий Кемерский, сделавшийся нашим домашним restaurant. У него явился уголок, где можно было найти конфекты, выпить чашку кофе и шоколаду (даже рюмку ликеру—разумеется, контрабандой). Он иногда, по заказу именинника, за общим столом, вместо казенного чая ставил сюрпризом кофе утром или шоколад вечером, со столбушками сухарей. Был и молодой Сазонов, необыкновенное явление физиологическое: Галль нашел бы несомненно подтверждение своей системы в его черепе:

Сазонов был моим слугою
И Пещель доктором моим *).

Слишком долго рассказывать преступление этого парня; оно же и не идет к делу [7]).

Жизнь наша лицейская сливается с политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого лицея: мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми: усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита.

---

*) Стихи Пушкина. *И. П.*

Сыны Бородина, о, кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой торжественной за братьями летел...*)

Так вспоминал Пушкин это время в 1815 году, в стихах на возвращение императора из Парижа.

Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции; Кошанский читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов: читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, об'ясняя иное, нам недоступное.

Таким образом мы скоро сжились, свыклись. Образовалась товарищеская семья, в этой семье—свои кружки; в этих кружках начали обозначаться, больше или меньше, личности каждого; близко узнали мы друг друга, никогда не разлучаясь; тут образовались связи на всю жизнь.

Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. Не то, чтобы он разыгрывал какую-нибудь роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями, как это было в иных; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользают в школьных сношениях. Я, как сосед (с другой стороны его номера была глухая стена), часто, когда все уже засыпали, толковал с ним в полголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут

*) Изд. Анненкова, т. II, стр. 77. *И. П*

я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то, и другое не впопад, что тем самым ему вредило. Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить. Главное, ему недоставало того, что называется *тактом*, это—капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудрено, почти невозможно, при совершенно бесцеремонном обращении, уберечься от некоторых неприятных столкновений вседневной жизни. Все это вместе было причиной, что вообще не вдруг отозвались ему на его привязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нем, не проявляясь впрочем свойственною ей иногда пошлостью. Чтоб полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище. Между нами как-то это скоро и незаметно устроилось. Вот почему, может быть, Пушкин говорил впоследствии:

Товарищ милый, друг прямой!
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку.
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем,
И тотчас помиримся *).

Потом опять, в 1817 году, в альбоме, перед самым выпуском, он же сказал мне:

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,

*) Пирующие студенты. Изд. Анненков, т. II, стр. 19. 1814 г. *И. П.*

На время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будет вновь...
И с тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой друг, она прошла... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он! *)

Лицейское наше шестилетие, в историко-хронологическом отношении, можно разграничить тремя эпохами, резко между собою отделяющимися: директорством Малиновского, междуцарствием (то-есть, управление профессоров: их сменяли после каждого ненормального события) и директорством Энгельгардта.

Не пугайтесь! Я не поведу вас этою длинной дорогой, она вас утомит. Не станем делать изысканий; все подробности вседневной нашей жизни, близкой нам и памятной, должны остаться достоянием нашим: нас, ветеранов Лицея, уже немного осталось, но мы и теперь молодеем, когда собравшись заглядываем в эту даль. Довольно, если припомню кой-что, где мелькает Пушкин в разных проявлениях.

При самом начале — он наш поэт. Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне пожалуйста розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишия, которые всех нас восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого первого поэтического его лепе-

*) Изд. Анненкова, т. II, стр. 170. *И. П.*

та. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 811-м году, и никак не позже первых месяцев 12-го. Упоминаю об этом потому, что ни Бартенев, ни Анненков ничего об этом не упоминают.

Пушкин потом постоянно и деятельно участвовал во всех лицейских журналах, импровизировал так-называемые народные песни, точил на всех эпиграммы и проч. Естественно, он был во главе литературного движения, сначала в стенах лицея, потом и вне его, в некоторых современных московских изданиях. Все это обследовано почтенным издателем его сочинений П. В. Анненковым, который запечатлел свой труд необыкновенною изыскательностью, полным знанием дела и горячею любовью к Пушкину—поэту и человеку *).

Сегодня расскажу вам историю гогель-могеля, которая сохранилась в летописях Лицея. Шалость приняла серьезный характер и могла иметь пагубное влияние и на Пушкина, и на меня, как вы сами увидите.

Мы, то-есть, я, Малиновский и Пушкин затеяли выпить гогель-могелю. Я достал бутылку рому, добыли яиц, натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара. Разумеется, кроме нас, были и другие участники в этой вечерней пирушке, но они остались за кулисами по делу, а в сущности один из них, именно Тырков, в котором через чур подействовал ром, был причиной, по которой дежурный гувернер заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню. Сказал инспектору. Тот, после ужина, всмотрелся в молодую свою команду и увидел что-то взвинченное. Тут же начались спросы, розыски. Мы трое явились и об'явили, что это наше дело, и что мы одни виноваты *).

---

*) Из уважения к истине должен кстати заметить, что г. Анненков приписывает Пушкину мою прозу (т. II, стр. 29, VI). Я говорю про статью «Об эпиграме и надписи у древних». Статью эту я

Исправлявший тогда должность директора профессор Гауеншильд донес министру. Разумовский приехал из Петербурга, вызвал нас из класса и сделал нам формальный строгий выговор. Этим не кончилось,—дело поступило на решение конференции. Конференция постановила следующее: 1) две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы, 2) сместить нас на последние места за столом, где мы сидели по поведению, и 3) занести фамилии наши, с прописанием виновности и приговора, в черную книгу, которая должна иметь влияние при выпуске.

Первый пункт приговора был выполнен буквально. Второй смягчался по усмотрению начальства: нас, по истечении некоторого времени, постепенно подвигали опять вверх. При этом случае Пушкин сказал:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе.

На этом конце стола раздавалось кушанье дежурным гувернером. Третий пункт, самый важный, остался без всяких последствий. Когда при рассуждениях конференции о выпуске представлена была директору Энгельгардту черная эта книга, где мы только и были записаны, он ужаснулся и стал доказывать своим сочле-

---

перевел из Ла-Гарпа и просил Пушкина перевести для меня стихи, которые в ней приведены. Все это, за подписью П., отправил я к Вл. Измайлову, тогдашнему издателю «*Вестника Европы*». Потом к нему же послал другой перевод, из Лафатера: «О путешествиях». Тут уж я скрылся под буквами ъ – ъ. Обе эти статьи были напечатаны. Письма мои передавались на почту из нашего дома в Петербурге; я просил туда же и адресовать ко мне в случае надо почти. Измайлов до того был в заблуждении, что, благодаря меня за переводы, просил сообщить ему для его журнала известия о петербургском театре: он был уверен, что я живу в Петербурге и непременно театрал, между тем как я сидел еще на лицейской скамье. Тетради барона Модеста Корфа ввели Анненкова в ошибку, для меня очень лестную, если бы меня тревожило авторское самолюбие. *И. П.*

нам, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще иметь влияние и на будущность после выпуска. Все тотчас же согласились с его мнением и дело было сдано в архив.

Гогель-могель—ключ к посланию Пушкина ко мне:

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом пенистом вине?
Как, укрывшись молчаливо
В нашем тесном уголке,
С Вакхом нежились лениво
Школьной стражи вдалеке?
Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?
Закипев, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали —
И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно,
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.
Убегаем торопливо...
В миг исчез минутный страх:
Щек румяных цвет игривой,
Ум и сердце на устах.
Хохот чистого веселья,
Неподвижный тусклый взор
Изменяли час похмелья,
Сладкий Вакха заговор!
О, друзья мои сердечны,
Вам клянуся, за столом
Всякий год, в часы беспечны,
Поминать его вином! *)

По случаю гогель-могеля Пушкин экспромтом сказал в подражание стихам И. И. Дмитриева:

*) Изд. Анненкова, т. II, стр. 217. И. П.

(Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вон, и проч.*).
Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали,
И Фому прогнали вон *).

Фома был дядька, который купил нам ром. Мы кой-как вознаградили его за потерю места. Предполагается, что песню поет Малиновский, его фамилию не вломаешь в стих. Барон—для рифмы, означает Дельвига.

Были и каррикатуры, на которых из-под стола выглядывали фигуры тех, которых нам удалось скрыть.

Вообще это пустое событие (которым, разумеется, нельзя было похвастать) наделало тогда много шуму и огорчило наших родных, благодаря премудрому распоряжению начальства. Все могло окончиться домашним порядком, если бы Гауеншильд и инспектор Фролов не вздумали формальным образом донести министру.

Сидели мы с Пушкиным однажды вечером в библиотеке у открытого окна. Народ выходил из церкви от всенощной; в толпе я заметил старушку, которая о чем-то горячо с жестами рассуждала с молодой девушкою, очень хорошенькою. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чем так горячатся они, о чем так спорят, идя от молитвы? Он почти не обратил внимания на мои слова, всмотрелся однако в указанную мною чету и на другой день встретил меня стихами:

От всенощной, вечор, идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, кричит,—управлюсь я с тобой!

*) Остальных строф не помню; этому слишком сорок лет. *И. П.*

Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшею шалила.
«Постой—о всем узнает муженек!»—
«Тебе ль грозить,—Марфушка отвечает,—
Ванюшка что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж кума: и ты как я грешна,
Словами ж всякого, пожалуй, разобидишь.
В чужой..... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».

«Вот что ты заставил меня написать, любезный друг», сказал он, видя, что я несколько призадумался, выслушав его стихи, в которых поразило меня окончание. В эту минуту подошел к нам Кайданов,—мы собирались в его класс. Пушкин и ему прочел свой рассказ.

Кайданов взял его за ухо и тихонько сказал ему: «Не советую вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пущин, не давайте волю язычку», прибавил он, обратясь ко мне. Хорошо, что на этот раз подвернулся нам добрый Иван Кузьмич, а не другой кто-нибудь.

Впрочем, надобно сказать: все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина. В математическом классе вызвал его раз Карцов к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцов спросил его наконец: «Что ж вышло? Чему равняется икс?» Пушкин, улыбаясь, ответил: *нулю!* «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулём [10]. Садитесь на свое место и пишите стихи». Спасибо и Карцову, что он из математического фанатизма не вел войны с его поэзией. Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына, и то совершенно по своему: уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтобы переписывать тетради профес-

соров (печатных руководств тогда еще не существовало), у него и в обычае не было: все делалось à livre ouvert.

На публичном нашем экзамене Державин, державным своим благословением увенчал юного нашего поэта. Мы все, друзья-товарищи его, гордились этим торжеством. Пушкин тогда читал свои «Воспоминания в Царском Селе» *). В этих великолепных стихах затронуто все живое для русского сердца. Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня. Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах бросился целовать и осенил кудрявую его голову, мы все, под каким-то неведомым влиянием, благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уж не было: он убежал!.. Все это уже рассказано в печати.

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать,
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать, и проч. **).

Стихи эти написаны сестре Дельвига, премилой, живой девочке, которой тогда было семь или восемь лет. Стихи сами по себе очень милы, но для нас имеют особый интерес. Корсаков положил их на музыку, и эти стансы пелись тогда юными девицами почти во всех домах, где Лицей имел право гражданства.

«Красавице, которая нюхала табак» ***), писано к Горчакова сестре, княгине Елене Михайловне Кантакузиной. Вероятно, она и не знала и не читала этих стихов, плод разгоряченного молодого воображения.

---

*) Изд. Анненкова, т. II, стр. 81. *И. П.*
**) Изд. Анненкова, т. II, стр. 213. *И. П.*
***) Изд. Анненкова, т. II, стр. 17.

К живописцу.

Дитя харит, воображенья!
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши, и проч. *).

Пушкин просит живописца написать портрет К. П. Бакуниной, сестры нашего товарища. Эти стихи—выражение не одного только его страдавшего тогда сердечка!..

Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкин читал нам своих «Пирующих студентов». Он был в лазарете и пригласил нас прослушать эту пиесу. После вечернего чая мы пошли к нему гурьбой с гувернером Чириковым.

Началось чтение:

Друзья! Досужный час настал,
Все тихо, все в покое, и проч.

Внимание общее, тишина глубокая по временам только прерывается восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать, он был весь тут, в полном упоении... Доходит дело до последней строфы. Мы слышим:

Писатель! За твои грехи
Ты с виду всех трезвее:
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее!

При этом возгласе публика забывает поэта, стихи его, бросается на бедного метромана [11]), который, растаявши под влиянием поэзии Пушкина, приходит в совершенное одурение от неожиданной эпиграммы и нашего дикого натиска. Добрая душа был этот Кюхель! Опомнившись, просит он Пушкина еще раз прочесть, потому что и тогда уже плохо слышал одним ухом, испорченным золотухой.

---

*) Изд. Анненкова, т. II, стр. 69. *И. П.*

Послание ко мне:

Любезный именинник, и проч.

не требует пояснений. Оно выражает то же чувство, которое отрадно проявляется в многих других стихах Пушкина. Мы с ним постоянно были в дружбе, хотя в иных случаях розно смотрели на людей и вещи; откровенно сообщая друг другу противоречащие наши воззрения, мы все-таки умели их гармонировать и оставались в постоянном согласии. Кстати тут расскажу довольно оригинальное событие, по случаю которого пришлось мне много спорить с ним за Энгельгардта.

У дворцовой гауптвахты, перед вечернею зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гулявших в саду разумеется и нас. l'inévitable Lycée, как называли иные нашу шумную, движущуюся толпу. Иногда мы проходили к музыке дворцовым коридором, в который между другими помещениями был выход и из комнат, занимаемых фрейлинами императрицы Елизаветы Алексеевны. Этих фрейлин было тогда три: Плюскова, Валуева и княжна Волконская. У Волконской была премиленькая горничная Наташа. Случалось, встретясь с нею в темных переходах коридора, и полюбезничать; она многих из нас знала, да и кто не знал Лицея, который мозолил глаза всем в саду? Однажды идем мы, растянувшись по этому коридору маленькими группами. Пушкин на беду был один, слышит в темноте шорох платья, воображает, что непременно Наташа, бросается поцеловать ее самым невинным образом. Как нарочно, в эту минуту отворяется дверь из комнаты и освещает сцену: перед ним сама княжна Волконская. Что делать ему? Бежать без оглядки; но этого мало, надобно поправить дело, а дело неладно! Он тотчас рассказал мне про это, присоединяясь к нам, стоявшим

у оркестра. Я ему посоветовал открыться Энгельгардту и просить его защиты. Пушкин никак не соглашался довериться директору и хотел написать княжне извинительное письмо. Между тем она успела пожаловаться брату своему П. М. Волконскому, а Волконский — государю.

Государь на другой день приходит к Энгельгардту. «Что ж это будет?—говорит царь.—Твои воспитанники не только снимают через забор мои наливные яблоки, бьют сторожей садовника Лямина (точно, была такого рода экспедиция, где действовал на первом плане граф Сильвестр Броглио, теперь сенатор Наполеона III *), но теперь уж не дают проходу фрейлинам жены моей». Энгельгардт, своим путем, знал о неловкой выходке Пушкина, может быть, и от самого Петра Михайловича, который мог сообщить ему это в тот же вечер. Он нашелся и отвечал императору Александру: «Вы меня предупредили, государь, я искал случая принести вашему величеству повинную за Пушкина; он, бедный, в отчаянии; приходил за моим позволением письменно просить княжну, чтоб она великодушно простила ему это неумышленное оскорбление». Тут Энгельгардт рассказал подробности дела, стараясь всячески смягчить вину Пушкина, и присовокупил, что сделал уже ему строгий выговор и просит разрешения на счет письма. На это ходатайство Энгельгардта государь сказал: «Пусть пишет, уж так и быть, я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажи ему, чтоб это было в последний раз. «La vieille est peut-être enchantée de la méprise du jeune homme, entre nous soit dit», шепнул император улыбаясь Энгельгардту. Пожал ему руку и пошел догонять императрицу, которую из окна увидел в саду.

---

*) Это сведение о Броглио оказалось несправедливым; он был избран французскими филеленами в начальники и убит в Греции в 1829 году. *И. П.*[2]).

Таким образом дело кончилось необыкновенно хорошо. Мы все были рады такой развязке, жалея Пушкина и очень хорошо понимая, что каждый из нас легко мог попасть в такую беду. Я с своей стороны старался доказать ему, что Энгельгардт тут действовал отлично: он никак не сознавал этого, все уверяя меня, что Энгельгардт, защищая его, сам себя защищал. Много мы спорили; для меня оставалось не разрешённою загадкой, почему все внимания директора и жены его отвергались Пушкиным: он никак не хотел видеть его в настоящем свете, избегая всякого сближения с ним. Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душой полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать; наконец, я перестал и настаивать, предоставя все времени. Оно одно может вразумить в таком непонятном упорстве.

Не возможно передать вам всех подробностей нашего шестилетнего существования в Царском Селе: это было бы слишком сложно и громоздко; тут смесь и дельного, и пустого. Между тем вся эта пестрота имела для нас свое очарование. С назначением Энгельгардта в директоры школьный наш быт принял иной характер: он с любовью принялся за дело. При нем по вечерам устроились чтения в зале (Энгельгардт отлично читал). В доме его мы знакомились с обычаями света, ожидавшего нас у порога Лицея, находили приятное женское общество. Летом, в вакантный месяц, директор делал с нами дальние, иногда двухдневные прогулки по окрестностям; зимой для развлечения ездили на нескольких тройках за город, завтракать или пить чай в праздничные дни; в саду, на пруде, катались с гор и на коньках. Во всех этих увеселениях участвовало его семейство и близкие ему дамы и девицы, иногда и приезжавшие

родные наши. Женское общество всему этому придавало особенную прелесть и приучало нас к приличию в обращении. Одним словом, директор наш понимал, что запрещенный плод—опасная приманка, и что свобода, руководимая опытною дружбой, удерживает юношу от многих ошибок. От сближения нашего с женским обществом, зарождался платонизм в чувствах: этот платонизм не только не мешал занятиям, но придавал даже силы в классных трудах, нашептывая, что успехом можно порадовать предмет воздыханий.

Пушкин клеймил своим стихом лицейских Сердечкиных, хотя и сам иногда попадал в эту категорию. Раз на зимней нашей прогулке в саду, где расчищались кругом пруда дорожки, он говорит Есакову, с которым я часто ходил в паре:

И останешься с вопросом
На берегу замерзлых вод:
«Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет?»

Так точно, когда я перед самым выпуском, лежал в больнице, он как-то успел написать мелом на дощечке у моей кровати:

Вот здесь лежит больной студент—
Судьба его неумолима!
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

Я нечаянно увидел эти стихи над моим изголовьем и узнал исковерканный его почерк. Пушкин не сознавался в этом экспромте.

Слишком за год до выпуска государь спросил Энгельгардта: есть ли между нами желающие в военную службу? Он отвечал, что чуть ли не более десяти человек этого желают (и Пушкин тогда колебался, но родные его были против, опасаясь за его здоровье). Госу-

дарь на это сказал: «В таком случае надо бы познакомить их с фронтом». Энгельгардт испугался и напрямик просил императора оставить лицей, если в нем будет ружье. К этой просьбе присовокупил, что он никогда не носил никакого оружия, кроме того, которое у него всегда в кармане, и показал садовый ножик. Долго они торговались; наконец, государь кончил тем, что его не переспоришь. Велел спросить всех и для желающих быть военными учредить класс военных наук. Вследствие этого приказания поступил к нам инженерный полковник Эльснер, бывший адъютант Костюшки, преподавателем артиллерии, фортификации и тактики.

Было еще другого рода нападение на нас около того же времени. Как-то в разговоре с Энгельгардтом, царь предложил ему посылать нас дежурить при императрице Елизавете Алексеевне во время летнего ее пребывания в Царском Селе, говоря, что это дежурство приучит молодых людей быть развязнее в обращении и вообще послужит им в пользу. Энгельгардт и это отразил, доказав, что, кроме многих неудобств, придворная служба будет отвлекать от учебных занятий и воспрепятствует достижению цели учреждения Лицея. К этому он прибавил, что в продолжение многих лет никогда не видал камер-пажа ни на прогулках, ни при выездах царствующей императрицы. Между нами мнения на счет этого нововведения были разделены: иные, по суетности и лени, желали этой лакейской должности; но дело обошлось одними толками, и не знаю, почему из этих толков о сближении с двором выкроилась для нас верховая езда. Мы стали ходить два раза в неделю в гусарский манеж, где, на лошадях запасного эскадрона, учились у полковника Кнабенау, под главным руководством генерала Левашева, который и прежде того, видя нас часто в галлерее манежа, во время верховой езды своих гусар, обращался к нам с приветом и вопросом: когда мы начнем учиться ездить? Он даже по-

пал по этому случаю в куплеты нашей лицейской песни. Вот его куплет:

Bonjour, messieurs! Потише!
Поводьем не играй —
Вот я тебя потешу!..
A quand l'equitation?

Вот вам выдержки из хроники нашей юности. Удовольствуйтесь ими! Может быть, когда-нибудь появится целый ряд воспоминаний о лицейском своеобразном быте первого курса, с очерками личностей, которые потом заняли свои места в общественной сфере; большая часть из них уже исчезла, но оставила отрадное памятование в сердцах не одних своих товарищей.

В мае начались выпускные публичные экзамены. Тут мы уже начали готовиться к выходу из Лицея. Разлука с товарищеской семьей была тяжела, хотя ею должна была начаться всегда желанная эпоха жизни, с заманчивою, незнакомою далью. Кто не спешил, в тогдашние наши годы, соскочить со школьной скамьи; но наша скамья была так заветно-приветлива, что невольно, даже при мысли о наступающей свободе, оглядывались мы на нее. Время проходило в мечтах, прощаньях и обетах, сердце дробилось!

Судьба на вечную разлуку,
Быть может, породила нас! *)

Наполнились альбомы и стихами, и прозой. В моем остались стихи Пушкина. Они уже приведены вполне на 6-м листе этого рассказа.

Дельвига:

Прочти сии набросанные строки
С небрежностью на памятном листке,
Как не узнать поэта по руке?

*) „Прощальная песнь“ Дельвига. *И. П.*

Как первые не вспомянуть уроки
И не сказать при дружеском столе:
«Друзья, у нас есть друг и в Хороле!

Дельвиг после выпуска поехал в Хороль, где квартировал отец его, командовавший бригадой во внутренней страже.

Илличевского стихов не могу припомнить: знаю только, что они все кончались рифмой на Пущин. Это было очень оригинально.

К прискорбию моему, этот альбом, исписанный и изрисованный, утратился из допотопного моего портфеля, который дивным образом возвратился ко мне через тридцать два года со всеми положенными мною рукописями [13]).

9-го июня был акт. Характер его был совершенно иной: как открытие Лицея было пышно и торжественно, так выпуск наш тих и скромен. В ту же залу пришел император Александр в сопровождении одного тогдашнего министра народного просвещения князя Голицына. Государь не взял даже с собою князя П. М. Волконского, который, как все говорили, желал быть на акте.

В зале были мы все с директором, профессорами, инспектором и гувернером. Энгельгардт прочел коротенький отчет за весь шестилетний курс; после него конференц-секретарь Куницын возгласил высочайше утвержденное постановление конференции о выпуске. Вслед за этим всех нас, по старшинству выпуска, представляли императору, с об'явлением чинов и наград.

Государь заключил акт кратким отеческим наставлением воспитанникам и из'явлением благодарности директору и всему штату Лицея.

Тут пропета была нашим хором лицейская прощальная песнь—слова Дельвига, музыка Теппера, который

сам дирижировал хором. Государь и его не забыл при общих наградах.

Он был тронут и поэзией, и музыкой, понял слезу на глазах воспитанников и наставников. Простился с нами с обычною приветливостью и пошел во внутренние комнаты, взяв князя Голицына под руку. Энгельгардт предупредил его, что везде беспорядок по случаю сборов к от'езду. «Это ничего»,—возразил он,—«я сегодня не в гостях у тебя. Как хозяин, хочу посмотреть на сборы наших молодых людей». И точно, в дортуарах все было вверх дном, везде валялись вещи, чемоданы, ящики,—пахло от'ездом! При выходе из Лицея государь признательно пожал руку Энгельгардту.

В тот же день, после обеда, начали раз'езжаться: прощаньям не было конца. Я, больной, дольше всех оставался в Лицее. С Пушкиным мы тут же обнялись на разлуку: он тотчас должен был ехать в деревню к родным; я уж не застал его, когда приехал в Петербург.

Снова встретился с ним осенью, уже в гвардейском конно-артиллерийском мундире. Мы шестеро учились фрунту в гвардейском оразцовом батальоне; после экзамена, сделанного нам Клейнмихелем в этой науке, произведены были в офицеры высочайшим приказом 29-го октября. Между тем как товарищи наши, поступившие на гражданскую службу, в июне же получили назначение; в том числе Пушкин поступил в коллегию иностранных дел и тотчас взял отпуск для свидания с родными.

Встреча моя с Пушкиным на новом нашем поприще имела свою знаменательность. Пока он гулял и отдыхал в Михайловском, я уже успел поступить в тайное общество: обстоятельства так расположили моею судьбой! Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы

Александр и Михайло), Бурцов, Павел Калошин и Семенов. С Калошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими в тайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком: я сдружился с ним, почти жил в нем. Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил.

Эта высокая цель жизни самой своей таинственностью и начертанием новых обязанностей резко и глубоко проникла душу мою: я как будто вдруг получил особенное значение в собственных своих глазах: стал внимательнее смотреть на жизнь во всех проявлениях буйной молодости, наблюдал за собою, как за частицей, хотя ничего не значущею, но входящею в состав того целого, которое рано или поздно должно было иметь благотворное свое действие. Первая моя мысль была открыться Пушкину: он всегда согласно со мною мыслил о деле общем (res publica), по своему проповедывал в нашем смысле — и изустно, и письменно, стихами и прозой. Не знаю, к счастью ли его, или несчастью, он не был тогда в Петербурге, а то не ручаюсь, что в первых порывах, по исключительной дружбе моей к нему, я, может быть, увлек бы его с собою. Впоследствии, когда думалось мне исполнить эту мысль, я уже не решался вверить ему тайну, не мне одному принадлежавшую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадежными пугали меня. К тому же в 1818 году, когда часть гвардии была в Москве по случаю приезда Прусского короля, столько было опрометчивых

действий одного члена общества, что признали необходимым делать выбор со всею строгостью, и даже, несколько лет спустя, об'явлено было об уничтожении общества, чтобы тем удалить неудачно принятых членов. На этом основании я присоединил к союзу одного Рылеева, несмотря на то, что всегда был окружен многими разделяющими со мной мой образ мыслей.

Естественно, что Пушкин, увидя меня после первой нашей разлуки, заметил во мне некоторую перемену и начал подозревать, что я от него что-то скрываю. Особенно во время его болезни и продолжительного выздоровления, видаясь чаще обыкновенного, он затруднял меня спросами и расспросами, от которых я, как умел, отделывался, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! В Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов. Нечего и говорить уже о разных его выходках, которые везде повторялись. Например, однажды в Царском Селе Захаржевского медвеженок сорвался с цепи от столба, на котором устроена была его будка, и побежал в сад, где мог встретиться глаз на глаз, в темной аллее, с императором, если бы на этот раз не встрепенулся его маленький шарло и не предостерег бы от этой опасной встречи. Медвеженок, разумеется, тотчас был истреблен, а Пушкин при этом случае не обинуясь говорил: «Нашелся один добрый человек, да и тот медведь!» Таким же образом он во всеуслышание в театре кричал: «Теперь самое безопасное время—по Неве идет лед». В переводе: нечего опасаться крепости. Конечно, болтовня эта—вздор; но этот вздор, похожий несколько на поддразнивание, переходил из уст в уста и порождал разные толки, имевшие дальнейшее свое развитие; следовательно, и тут даже

некоторым образом достигалась цель, которой он несознательно содействовал.

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит. Говоришь, бывало: «Что тебе за охота, любезный друг, возиться с этим народом; ни в одном из них ты не найдешь сочувствия и пр.» Он терпеливо выслушает, начнет щекотать, обнимать, что обыкновенно делал, когда немножко потеряется. Потом, смотришь,—Пушкин опять с тогдашними львами! (Анахронизм: тогда не существовало еще этого аристократического прозвища. Извините!) Странное смешение в этом великолепном создании! Никогда не переставал я любить его; знаю, что и он платил мне тем же чувством; но невольно, из дружбы к нему, желалось, чтобы он наконец настоящим образом взглянул на себя и понял свое призвание. Видно, впрочем, что не могло и не должно было быть иначе; видно, нужна была и эта разработка, коловшая нам слепым глаза.

Не заключайте, пожалуйста, из этого ворчанья, чтобы я когда-нибудь был спартанцем, каким-нибудь Катоном; далеко от всего этого: всегда шалил, дурил и кутил с добрым товарищем. Пушкин сам увековечил это стихами ко мне, но при всей моей готовности к разгулу с ним, хотелось, чтоб он не переступал некоторых границ и не профанировал себя, если можно так выразиться, сближением с людьми, которые, по их положению в свете, могли волею и неволею набрасывать на него некоторого рода тень.

Между нами было и не без шалостей. Случалось, зайдет он ко мне. Вместо: «здравствуй», я его спраши-

ваю: «От нее ко мне, или от меня к ней?» Уж и это надо вам об'яснить, если пустился болтать.

В моем соседстве, на Мойке, жила Анжелика—прелесть-полька!

На прочее завеса!*)

Возвратясь однажды с ученья, я нахожу на письменном столе развернутый большой лист бумаги. На этом листе нарисована пером знакомая мне комната, трюмо, две кушетки. На одной из кушеток сидит развалившись претолстая женщина, почти портрет безобразной тетки нашей Анжелики. У ног ее—стрикс, маленькая несносная собачонка.

Подписано: «От нее ко мне, или от меня к ней?»

Не нужно было спрашивать, кто приходил. Кроме того я понял, что этот раз Пушкин и ее не застал.

Очень жаль, что этот смело набросанный очерк в разгроме 1825 года не уцелел, как некоторые другие мелочи. Он стоил того, чтоб его литографировать.

-

Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собрались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Тут, между прочими, были Куницын и наш лицейский товарищ Маслов. Мы сидели кругом большого стола. Маслов читал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкин! «Ты что здесь делаешь? Наконец поймал тебя на самом деле», шепнул он мне на ухо и прошел дальше. Кончилось чтение. Мы встали. Подхожу к Пушкину, здороваюсь с ним; подали чай, мы закурили сигаретки и сели в уголок.

«Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в

*) Стих Пушкина. *И. П.*

сборе? Я совершенно нечаянно зашел сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный друг, это ни на что не похоже!»

Мне и на этот раз легко было без большого обмана доказать ему, что это совсем не собрание общества, им отыскиваемого, что он может спросить Маслова, и что я сам тут совершенно неожиданно. «Ты знаешь, Пушкин, что я отнюдь не литератор, и вероятно, удивляешься, что я попал некоторым образом в сотрудники журнала. Между тем это очень просто, как сейчас сам увидишь. На днях был у меня Николай Тургенев; разговорились мы с ним о необходимости и пользе издания в возможно свободном направлении; тогда это была преобладающая его мысль. Увидел он у меня на столе недавно появившуюся книгу m-me Staël: „Considerations sur la Révolution française" и советовал мне попробовать написать что-нибудь об ней и из нее. Тут же пригласил меня в этот день вечером быть у него.—вот я и здесь!»

Не знаю настоящим образом, до какой степени это об'яснение, совершенно справедливое, удовлетворило Пушкина; только вслед за этим у нас переменился разговор, и мы вошли в общий круг. Глядя на него, я долго думал: не должен ли я в самом деле предложить ему соединиться с нами? От него зависело принять или отвергнуть мое предложение. Между тем, тут же невольно являлся вопрос: почему же помимо меня никто из близко знакомых ему старших наших членов не думал об нем? Значит, их останавливало то же, что меня пугало: образ его мыслей всем хорошо был известен, но не было полного к нему доверия.

Преследуемый мыслию, что у меня есть тайна от Пушкина и что, может быть, этим самым я лишаю общество полезного деятеля, почти решался броситься к нему и все высказать, зажмуря глаза на последствия.

В постоянной этой борьбе с самим собою, как нарочно, вскоре случилось мне встретить Сергея Львовича на Невском проспекте.

«Как вы, Сергей Львович? Что наш Александр?»

«Вы когда его видели?»

«Несколько дней тому назад у Тургенева».

Я заметил, что Сергей Львович что-то мрачен.

«Je n'ai rien de mieux à faire que de me mettre en quatre pour rétablir la réputation de mon cher fils. Видно, вы не знаете последнюю его проказу».

Тут рассказал мне что-то, право, не помню, что именно, да и припоминать не хочется.

«Забудьте этот вздор, почтенный Сергей Львович! Вы знаете, что Александру многое можно простить, он окупает свои шалости неот'емлемыми достоинствами, которых нельзя не любить».

Отец пожал мне руку и продолжал свой путь.

Я задумался и, признаюсь, эта встреча, совершенно случайная, произвела свое впечатление: мысль о принятии Пушкина исчезла из моей головы. Я страдал за него, и подчас мне опять казалось, что, может быть, тайное общество сокровенным своим клеймом поможет ему повнимательней и построже взглянуть на самого себя, сделать некоторые изменения в ненормальном своем быту. Я знал, что он иногда скорбел о своих промахах, обличал их в близких наших откровенных беседах, но видно, не пришла еще пора кипучей его природе угомониться. Как ни вертел я все это в уме и сердце, кончил тем, что сознал себя не в праве действовать по личному шаткому воззрению, без полного убеждения, в деле, ответственном пред целию самого союза.

После этого мы как-то не часто виделись. Круг знакомства нашего был совершенно розный. Пушкин кружился в большом свете, а я был как можно подальше от него. Летом маневры и другие служебные занятия

увлекали меня из Петербурга. Все это однако не мешало нам, при всякой возможности, встречаться с прежнею дружбой и радоваться нашим встречам у лицейской братии, которой уже немного оставалось в Петербурге; большею частью свидания мои с Пушкиным были у домоседа Дельвига.

В генваре 1820 года я должен был ехать в Бессарабию к больной тогда замужней сестре моей. Прожив в Кишиневе и Аккермане почти четыре месяца, в мае возвращался с нею, уже здоровою, в Петербург. Белорусский тракт ужасно скучен. Не встречая никого на станциях, я обыкновенно заглядывал в книгу для записывания подорожных и там искал проезжих. Вижу раз, что накануне проехал Пушкин в Екатеринослав. Спрашиваю смотрителя: «Какой это Пушкин?» Мне и в мысль не приходило, что это может быть Александр. Смотритель говорит, что это поэт Александр Сергеевич едет, кажется, на службу, на перекладной, в красной русской рубашке, в опояске, в поярковой шляпе. (Время было ужасно жаркое). Я тут ровно ничего не понимал; живя в Бессарабии, никаких известий о наших лицейских не имел. Это меня озадачило. В Могилеве, на станции, встречаю фельдъегеря, разумеется, тотчас спрашиваю его: не знает ли он чего-нибудь о Пушкине. Он ничего не мог сообщить мне об нем, а рассказал только, что за несколько дней до его выезда сгорел в Царском Селе Лицей, остались одни стены, и воспитанников поместили во флигеле. Все это вместе заставило меня нетерпеливо желать скорей добраться до столицы. Там, после служебных формальностей, я пустился разузнавать об Александре. Узнаю, что в одно прекрасное утро пригласил его полицеймейстер к графу Милорадовичу, тогдашнему Петербургскому военному генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадович

приказывает полицеймейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: «Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумаги, я здесь же все вам напишу». (Пушкин понял, в чем дело). Милорадович, тронутый этою свободною откровенностью, торжественно воскликнул: «Ah, c'est chevaleresque!» и пожал ему руку.

Пушкин сел, написал все контрабандные свои стихи и попросил дежурного ад'ютанта отнести их графу в кабинет. После этого подвига Пушкина отпустили домой и велели ждать дальнейшего приказания.

Вот все, что я дознал в Петербурге. Еду потом в Царское Село к Энгельгардту, обращаюсь к нему с тем же тревожным вопросом.

Директор рассказал мне, что государь (это было после того, как Пушкина уже призывали к Милорадовичу, чего Энгельгардт до свидания с царем и не знал) встретил его в саду и пригласил с ним пройтись.

«Энгельгардт,—сказал ему государь,—Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем; но это не исправляет дела».

Директор на это ответил: «Воля вашего величества, но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника: в нем развивается необыкновенный талант, который требует пощады. Пушкин теперь уже—краса современной нашей литературы, а впереди еще большие на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека. Я думаю, что великодушие ваше, государь, лучше вразумит его».

Не знаю, вследствие ли этого разговора, только Пушкин не был сослан, а командирован от коллегии ино-

страшных дел, где состоял на службе, к генералу Инзову, начальнику колоний южного края. Проезжай Пушкин сутками позже, до поворота на Екатеринослав, я встретил бы его дорогой, и как отрадно было бы обнять его в такую минуту! Видно, нам суждено было только один раз еще повидаться, и то не прежде 1825 года.

В промежуток этих пяти лет генерала Инзова назначили наместником Бессарабии; с ним Пушкин переехал из Екатеринослава в Кишинев, впоследствии оттуда поступил в Одессу к графу Воронцову по особым поручениям. Я между тем, по некоторым обстоятельствам, сбросил конно-артиллерийский мундир и преобразился в судьи уголовного департамента московского надворного суда. Переход резкий, имевший впрочем тогда свое значение.

Князь Юсупов (во главе тех, про которых Грибоедов в «Горе от ума» сказал: «Что за тузы в Москве живут и умирают!»), видя на бале у Московского военного генерал-губернатора князя Голицына неизвестное ему лицо, танцующее с его дочерью (он знал, хоть по фамилии, всю московскую публику), спрашивает Зубкова: кто этот молодой человек? Зубков называет меня и говорит, что я—надворный судья.

«Как! Надворный судья танцует с дочерью генерал-губернатора? Эта вещь небывалая, тут кроется что-нибудь необыкновенное».

Юсупов—не пророк, а угадчик, и точно, на другой год ни я, ни многие другие уже не танцовали в Москве.

В 1824 году в Москве тотчас же узналось, что Пушкин из Одессы сослан на жительство в псковскую деревню отца своего, под надзор местной власти; надзор этот был поручен Пещурову, тогдашнему предводителю

дворянства Опочковского уезда. Все мы, огорченные несомненным этим известием, терялись в предположениях. Не зная ничего положительного, приписывали эту ссылку бывшим тогда неудовольствиям между ним и графом Воронцовым. Были разнообразные слухи и толки, замешивали даже в это дело и графиню. Все это нисколько не утешало нас. Потом вскоре стали говорить, что Пушкин в добавок отдан под наблюдение архимандрита Святогорского монастыря, в четырех верстах от Михайловского. Это дополнительное сведение делало нам задачу еще сложнее, нисколько не разрешая ее.

С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его. Собираясь на Рождество в Петербург для свидания с родными, я предположил с'ездить и в Псков к сестре Набоковой; муж ее командовал тогда дивизией, которая там стояла, а оттуда уже рукой подать в Михайловское. Вследствие этой программы я подал в отпуск на 28 дней в Петербургскую и Псковскую губернии.

Перед от'ездом, на вечере у того же князя Голицына, встретился я с А. И. Тургеневым, который не задолго до того приехал в Москву. Я подсел к нему и спрашиваю: не имеет ли он каких-нибудь поручений к Пушкину, потому что я в генваре буду у него. «Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором—и полицейским, и духовным?» «Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно когда буду от него с небольшим в ста верстах. Если не пустят к нему, уеду назад». «Не советовал бы, впрочем, делайте, как знаете», прибавил Тургенев.

Опасения доброго Александра Ивановича меня удивили, и оказалось, что они были совершенно напрасны. Почти те же предостережения выслушал я и от В. Л.

Пушкина, к которому заезжал проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазах дядя просил расцеловать его.

Как сказано, так и сделано.

Проведя праздник у отца в Петербурге, после Крещения я поехал в Псков. Погостил у сестры несколько дней и от нее вечером пустился из Пскова; в Острове, проездом ночью, взял три бутылки клико и к утру следующего дня уже приближался к желаемой цели. Свернули мы наконец с дороги в сторону, мчались среди леса по гористому проселку: все мне казалось не довольно скоро. Спускаясь с горы, недалеко уже от усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видеть, сани наши в ухабе так наклонились на бок, что ямщик слетел. Я с Алексеем, неизменным моим спутником от лицейского порога до ворот крепости, кой-как удержался в санях. Схватили вожжи. Кони несут среди сугробов, опасности нет: в сторону не бросятся, все лес, и снег им по брюхо, править не нужно. Скачем опять в гору извилистою тропой; вдруг крутой поворот, и как-будто неожиданно вломились смаху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора...

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простуживается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в об'ятиях друг друга в том самом

виде, как мы попали в дом: один—почти голый, другой—весь заброшанный снегом. Наконец пробила слеза (она и теперь, через тридцать три года, мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этою женщиной, впрочем она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая,—чуть не задушил ее в об'ятиях.

Все это происходило на маленьком пространстве. Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и проч., и проч. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда с самого Лицея писал огрызками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери—дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев.

После первых наших обниманий пришел и Алексей, который в свою очередь кинулся целовать Пушкина; он не только близко знал и любил поэта, но и читал наизусть многие из его стихов. Я между тем приглядывался, где бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутренние комнаты была заперта, дом не топлен. Кой-как все это тут же уладили, копошась среди отрывистых вопросов: что? как? где? и пр. Вопросы большею частью не ожидали ответов. Наконец помаленьку прибрались; подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла правильнее; многое надо было хронологически рассказать, о многом расспросить друг друга. Теперь не берусь всего этого передать.

Вообще Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя однако ж ту же веселость; мо-

жет быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании: им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне. Наружно он мало переменился, оброс только бакенбардами: я нашел, что он тогда был очень похож на тот портрет, который потом видел в *Северных Цветах* и теперь при издании его сочинений П. В. Анненковым.

Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего удаления в деревню: он приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова *из ревности;* думал даже, что тут могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные частые его разговоры о религии (1). Мне показалось, что он вообще неохотно об этом говорил: я это заключил по лаконическим, отрывистым его ответам на некоторые мои спросы, и потому я его просил оставить эту статью, тем более, что все наши толкования ни к чему не вели, а только отклоняли нас от другой, близкой нам беседы. Заметно было, что ему как будто несколько наскучила прежняя шумная жизнь, в которой он частенько терялся. Среди разговора ex abrupto он спросил меня: что об нем говорят в Петербурге и Москве? При этом вопросе рассказал мне, будто бы император Александр ужасно перепугался, найдя его фамилию в записке коменданта о приезжих в столицу, и тогда только успокоился, когда убедился, что не он приехал, а брат его Левушка. На это я ему ответил, что он совершенно напрасно мечтает о политическом своем значении, что вряд ли кто-нибудь на него смотрит с этой точки зрения, что вообще читающая наша публика благодарит его за всякий литературный подарок, что стихи его приобрели народность во всей России, и наконец, что близкие и друзья помнят и любят его, же-

лая искренно, чтоб скорее кончилось его изгнание. Он терпеливо выслушал меня и сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, в начале очень для него тягостным; что тут, хотя невольно, но все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно. Скорбел только, что с ним нет сестры его, но что, с другой стороны, никак не согласится, чтоб она по привязанности к нему проскучала целую зиму в деревне. Хвалил своих соседей в Тригорском, хотел даже везти меня к ним, но я отговорился тем, что приехал на такое короткое время, что не успею и на него самого наглядеться. Среди всего этого много было шуток, анекдотов, хохоту от полноты сердечной. Уцелели бы все эти дорогие подробности, если бы тогда при нас был стенограф.

Пушкин заставил меня рассказать ему про всех наших первокурсных Лицея; потребовал об'яснения, каким образом из артиллериста я преобразился в судьи. Это было ему по сердцу, он гордился мною и за меня! Вот его строфы из «Годовщины 19-го октября» 1825 года, где он вспоминает, сидя один, наше свидание и мое судейство:

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада,
. . . .
. . . . . . Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.
. . . .
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

Незаметно коснулись опять подозрений на счет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в

это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом, успокоившись, продолжал: «Впрочем я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою,—по многим моим глупостям». Молча, я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть. Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая однако Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным исключительным положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было: я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понято без всяких слов.

Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились во свояси. Настало время обеда. Алексей хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующих друзей и за *нее*. Незаметно полетела в потолок и другая пробка; попотчивали искрометным няню, а всех других хозяйскою наливкой. Все домашнее население несколько развеселилось; кругом нас стало пошумнее, праздновали наше свидание.

Я привез Пушкину в подарок «Горе от ума»; он был очень доволен этою тогда рукописною комедией, до того ему вовсе почти незнакомою. После обеда, за чашкой кофею, он начал читать ее вслух; но опять жаль, что не припомню теперь метких его замечаний, которые впрочем потом частию явились в печати.

Среди этого чтения кто-то под'ехал к крыльцу. Пушкин выглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею. Заметив его смущение и не подозревая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он отвечать, как вошел в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря.

Я подошел под благословение. Пушкин—тоже, прося его сесть. Монах начал извинением в том, что, может быть, помешал нам, потом сказал, что узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкого, которого очень давно не видал. Ясно было, что настоятелю донесли о моем приезде и что монах хитрит. Хотя посещение его было вовсе некстати, но я все-таки хотел faire bonne mine à mauvais jeu и старался уверить его в противном: об'яснил ему, что я—Пущин такой-то, лицейский товарищ хозяина, а что генерал Пущин, его знакомый, командует бригадой в Кишиневе, где я в 1820 году с ним встречался. Разговор завязался о том, о сем. Между тем подали чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу.

Я рад был, что мы избавились этого гостя, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. «Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!» Тут Пушкин, как ни в чем не бывало, продолжал читать комедию; я с необыкновенным удовольствием слушал его выразительное и исполненное жизни чтение, довольный тем, что мне удалось доставить ему такое высокое наслаждение.

Потом он мне прочел кое-что свое, большею частью в отрывках, которые впоследствии вошли в состав замечательных его пиес: продиктовал начало из поэмы «Цыганы» для *Полярной Звезды* и просил, обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патриотические «Думы».

Время не стояло. К несчастью, вдруг запахло угаром. У меня собачье чутье, и голова моя не выносит угара. Тотчас же я отправился узнавать, откуда эта беда, неожиданная в такую пору дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велела в других комнатах затопить печи, которые с самого начала зимы не топились. Когда закрыли трубы,—хоть беги из дому! Я тотчас распорядился за беззаботного сына в отцовском доме: велел открыть трубы, запер на замок дверь в натопленные комнаты, притворил и нашу дверь, а форточку открыл. Все это неприятно на меня подействовало, не только в физическом, но и в нравственном отношении. «Как,—подумал я, — хоть в этом не успокоить его, как не устроить так, чтоб ему, бедному поэту, было где подвигаться в зимнее ненастье!» В зале был биллиард; это могло бы служить для него развлечением. В порыве досады я даже упрекнул няню, зачем она не велит отапливать всего дома. Видно однако мое ворчанье имело некоторое действие, потому что после моего посещения перестали экономить дровами. Г-н Анненков в биографии Пушкина говорит, что он иногда один играл в два шара на биллиарде. Ведь не летом же он этим забавлялся, находя приволье на божьем воздухе, среди полей и лесов, которые любил с детства. Я не мог познакомиться с местностью Михайловского, так живо им воспетой: она тогда была закутана снегом.

Между тем время шло за полночь. Нам подали закусить: на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидеться в Москве. Шаткая эта надежда облегчила расставанье

после так отрадно промелькнувшего дня. Ямщик уже запрег лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьем, и пьем на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце, со свечей в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!» Ворота скрыпнули за мною...

Сцена переменилась. Я осужден: 1828 года, 5-го генваря, привезли меня из Шлиссельбурга в Читу, где я соединился наконец с товарищами моего изгнания и заточения, прежде меня прибывшими в тамошний острог. Что делалось с Пушкиным в эти годы моего странствования по разным мытарствам, я решительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом. В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на котором неизвестною рукой написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует тоже утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней!
Псков, 13-го декабря 1826.

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый

посетил его в изгнании. Увы, я не мог даже пожать руку той женщины, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга; но она поняла мое чувство без всякого внешнего проявления, нужного, может быть, другим людям и при других обстоятельствах; а Пушкину, верно, тогда не раз икнулось. Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого пред самым от'ездом из Петербурга, хранила его до свидания со мною, и рада, что могла наконец исполнить порученное поэтом. По приезде моем в Тобольск в 1839-м году я послал эти стихи к Плетневу; таким образом были они напечатаны; а в 1842-м брат мой Михаил отыскал в Пскове самый подлинник Пушкина, который теперь хранится у меня в числе заветных моих сокровищ.

В своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина; мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет, получая почти все повременные журналы. В письмах родных и Энгельгардта, умевшего найти меня и за Байкалом, я не раз имел о нем некоторые сведения. Бывший наш директор прислал мне его стихи «19-го октября 1827 года»:

Бог помощь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помощь вам, друзья мои,
И в счастье, и в житейском горе,
В стране чужой, в пустынном море
И в темных пропастях земли!

И в эту годовщину в кругу товарищей-друзей Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, которых они не досчитывали на лицейской сходке.

Впоследствии узнал я об его женитьбе и камер-юнкерстве; и то, и другое как-то худо укладывалось во мне: я не умел представить себе Пушкина семьянином и царедворцем; жена-красавица и придворная служба пугали меня за него. Все это вместе, по моим понятиям об нем, не обещало упрочить его счастие.

Проходили годы; ничем отрадным не навевало в нашу даль—*там*, на нашем Западе все шло тем же тяжелым ходом. Мы, грешные люди, стояли как поверстные столбы на большой дороге: иные путники может быть иногда и взглядывали, но продолжали путь тем же шагом и в том же направлении...

Между тем у нас, с течением времени, силою самых обстоятельств, устроились более смелые контрабандные сношения с Европейской Россией—кой-когда доходили до нас не одни *газетные* известия. Таким образом в генваре 1837 года, возвратившийся из отпуска наш плац-ад'ютант Розенберг [11]) зашел в мой 14-ый номер. Я искренно обрадовался и забросал его расспросами о родных и близких, которых ему случилось видеть в Петербурге. Отдав мне отчет на мои вопросы, он с какою-то нерешительностью упомянул о Пушкине. Я тотчас ухватился за это дорогое мне имя: где он с ним встретился? как он поживает? и проч.—Резенберг выслушал меня в раздумье и наконец сказал: Нечего от вас скрывать. Друга вашего нет! Он ранен на дуэле Дантесом и через двое суток умер; я был при отпевании его тела в Конюшенной церкви, накануне моего выезда из Петербурга.

Слушая этот горький рассказ, я сначала решительно как будто не понимал слов рассказчика, так далека от меня была мысль, что Пушкин должен умереть во цвете лет, среди живых на него надежд. Это был для меня громовой удар из безоблачного неба—ошеломило

меня, а вся скорбь не вдруг сказалась на сердце. — Весть эта электрической искрой сообщилась в тюрьме — во всех кружках только и речи было что о смерти Пушкина — об общей нашей потере; но в итоге выходило одно, что его не стало и что не воротить его! — Провидение так решило; нам остается смиренно благоговеть пред его определением. Не стану беседовать с вами об этом народном горе, тогда несказанно меня поразившем: оно слишком тесно связано с жгучими оскорблениями, которые невыразимо должны были отравлять последние месяцы жизни Пушкина. Другим, лучше меня — далекого, известны гнусные обстоятельства, породившие дуэль: с своей стороны скажу только, что я не мог без особенного отвращения об них слышать, меня возмущали лица, действовавшие и подозреваемые в участии по этому гадкому делу, подсекшему существование величайшего из поэтов (II).

Размышляя тогда, и теперь очень часто, о ранней смерти друга, не раз я задавал себе вопрос: «Что было бы с Пушкиным, если бы я привлек его в наш союз и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю?»

Вопрос дерзкий, но мне может быть простительный! — Вы видели внутреннюю мою борьбу всякий раз, когда, сознавая его податливую готовность, приходила мне мысль принять его в члены тайного нашего общества; видели, что почти уже на волоске висела его участь в то время, когда я случайно встретился с его отцом. Эта пустая и совершенно ничего незначущая встреча между тем высказалась во мне каким-то знаменательным указанием... Только после смерти его, все эти повидимому ничтожные обстоятельства, приняли, в глазах моих, вид явного действия Промысла, который, спасая его от нашей судьбы, сохранил поэта для славы России.

Положительно, сибирская жизнь, та, на которую, в последствии, мы были обречены в течение тридцати лет, если б и не вовсе иссушила его могучий талант, то далеко не дала бы ему возможности достичь того развития, которое, к несчастью и в другой сфере жизни, несвоевременно было прервано.—Характеристическая черта гения Пушкина—разнообразие. Не было почти явления в природе, события в общественной жизни, которые бы прошли мимо его, не вызвав дивных и неподражаемых звуков его лиры; и поэтому простор и свобода, для всякого человека бесценные, для него были сверх того могущественнейшими вдохновителями. В нашем же тесном и душном заточении, природу можно было видеть только через железные решетки, а о жизни людей разве только слышать. — Пушкин при всей своей восприимчивости, никак не нашел бы там материалов, которыми он пользовался на поприще общественной жизни.—Может быть, и самый резкий перелом в существовании, который далеко не все могут выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразном, чтобы не сказать капризном, существе.

Одним словом, в грустные минуты, я утешал себя тем, что поэт не умирает и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто как я его любил, и для всех умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях...

Еще пара слов:

Манифестом 26 августа 1856 года я возвращен из Сибири. В Нижнем-Новгороде я посетил Даля (он провел с Пушкиным последнюю ночь). У него я видел Пушкина простреленный сюртук. Даль хочет принести его в дар Академии или Публичной Библиотеке.

В Петербурге навещал меня, больного, Константин Данзас. Много говорил я о Пушкине с его секундантом. Он между прочим рассказал мне, что раз как-то, во вре-

мя последней его болезни, приехала У. К. Глинка, сестра Кюхельбекера; но тогда ставили ему пиявки. Пушкин, прося поблагодарить ее за участие, извинялся, что не может принять. Вскоре потом, со вздохом проговорил: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского!»

Вот последний вздох Пушкина обо мне. Этот предсмертный голос друга дошел до меня слишком через 20-ть лет!..

Им кончаю и рассказ мой.

И. П.

Село Марьино, август 1858.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Случайно довелось мне недавно видеть копию с переписки гр. Нессельроде с гр. Воронцовым, вследствие которой Пушкин был сослан из Одессы на жительство в деревню отца. Поводом к этой переписке, без сомнения, было перехваченное на почте письмо Пушкина, но кому именно писанное—мне неизвестно; хотя об этом письме Нессельроде и не упоминает, а просто пишет, что по дошедшим до императора сведениям о поведении и образе жизни Пушкина в Одессе, его вел. находит, что пребывание в этом шумном городе для молодого человека во многих отношениях вредно, и потому поручает спросить его мнение на этот счет. Воронцов ответил, что совершенно согласен с высочайшим определением и вполне убежден, что Пушкину нужно больше уединения для собственной его пользы.

Вот копия с отрывка [15]) из письма Пушкина, которое в полном составе его мне неизвестно:

«Читая Шекспира и библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хо-

чешь узнать, что я делаю?—пишу пестрые строфы романтической поэмы и беру уроки чистого атеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный атей, которого я еще встретил. Он исписал листов тысячу, чтобы доказать: qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души.—Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но к несчастью более всего правдоподобная».

Из дела видно, что Пушкина, по назначенному маршруту, через Николаев, Елисаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск отправили из Одессы 30 июля 1824 года, дав подписку нигде не останавливаться на пути по своему произволу и, по прибытии в Псков, явиться к гр. губернатору.

9-го августа того же года Пушкин прибыл в имение отца своего с. с. Сергея Львовича Пушкина, состоящее в Опочковском уезде.

II. Прилагаю переписку, которая свидетельствует о всей черноте этого дела [16]).

И. П.

Письма до Сибири

1820 год

№ 1. В. Д. Вольховскому [17]).

Царское село, 19 сентября 1820 г.

С большим удовольствием читал письмо твое к Егору Антоновичу, любезнейший мой Вольховский: давно мы поджидали о тебе известия: признаюсь, уж я думал, что ты, подражая некоторым, не будешь к нам писать. Извини, брат, за заключение. Но не о том дело—поговорим вообще.

Не могу тебе ничего сказать важного, после твоего от'езда, кажется, по несчастию или по счастию все в том же положении:—мои заботы—о ремонте, кроме многих других, которые непременно сопряжены с моим существованием. Пожелай мне счастливого конца хотя в этом деле. Знакомые наши друзья понемногу раз'ехались; Нарышкин, Оболенские в Москве. Тучков, также получив отставку, отправляется на родину. Калошин все еще в Варшаве и кажется останется в отлучке больше положен... сроку, ибо царь... правляется на со... кор. Прус... ими. Австрийскому... это... круг... почтен... тебе кланяется. Лицейских мало, очень мало. Случается потосковать—нечего делать—очень чувствую, что Володи нет. Малиновский один верный остался—и изредко Саврасов. Прочие не знаю по каким

обстоятельствам не видимы.—Желаю, брат, тебе всевозможного успеха в исполнении всего возлагаемого на тебя. Не забывай нас и будь счастлив—вот искреннее желание друга твоего.

Иван Пущин.

P. S. Верно ты читал в газетах, что Бурцов получил Анны 2-й степени. Порадуйся.—Дай бог ему успеха. Но меня удивляет, что я не имею от него ответа на письмо, которое было писано тобою. Не понимаю, что это значит. Я пишу у Егора Антоновича— .... не удивляйся.... при сем п...... други ..... первом с.... они тобою ....б..... *).

1824 год

№ 2. В. Д. Вольховскому [18]).

Москва, 8 апреля 1824 г.

На другой день приезда моего в Москву (14 марта) Комедиант Яковлев вручил мне твою записку из Оренбурга. Не стану тебе рассказывать, как мне приятно было получить о тебе весточку; ты довольно меня знаешь, чтоб судить о радости моей без всяких изъяснений.—Оставил я Петербург не так, как хотелось, вместо пяти тысяч достал только две и то после долгих и несносных хлопот. Заплатил тем, кто более нуждались, и отправился на первой случай с маленьким запасом.—Приехал сюда совершенно в новый мир—до сих пор не могу еще хорошенько опомниться. Жить мне у Павла прелестно, семья вся необыкновенно мила—он так счастлив, что кажется совсем забыл о .... надобно надеяться однако на время, которое возвра-

*) Точки—на месте букв, вырванных при вскрытии письма, запечатанного сургучом.

тит его друзьям таким, как он (был) прежде. Он оставил службу по неприятностям, но вероятно, устроивши дела свои в деревне нынешним лето(м), опять начнет трудиться для пользы общественной. Не верь его отчаянию, можно служить, довольствуясь тем, что удастся сделать хорошего. Мой Надворный Суд не так дурен, как я ожидал. Вот две недели, что я вступил в должность; трудов бездна, средств почти нет. На канцелярию и на жалование чиновников отпускается две тысячи с небольшим. Ты можешь поэтому судить, что за народ служит и следовательно надо благодарить судьбу, если они что-нибудь делают. Я им толкую о святости нашей обязанности и стараюсь собственным примером возбудить в них охоту и усердие.— Кашкин определяется ко мне заседателем: я его просил хорошо обдумать свое намерение—он решился на сей подвиг— я ему чрезвычайно благодарен, авось вместе дело пойдет дружнее.—В Москве пустыня, никого почти или сказать нет тех, которых я привык видеть в Петербурге—это сделалось мне необходимостью.—Черевин бедный все еще не хорош— ждет денег от Семенова, а тот до сих пор ни слова к нему не пишет... —ские очень милы в своем роде. мы иногда (соби)раемся и вспоминаем старину при звуках гитары с волшебным пением Яковлева, который все таки не умеет себя представить.—Здесь Алексей Тучков, я иногда с ним видаюсь в свободные часы от занятий.—В Москве я почти ни с кем не знаком, да вряд ли много и познакомлюсь. Приятно было по службе встретить некоторых людей благородных—вообще приемом начальства я не могу довольно нахвалиться.—A propos старшинство отказано, и я остаюсь на зло всем **благородным** человеком. Весьма равнодушно принял сию весть, присланную к Светлому празднику, все прочие представления Князя высочайше утверждены.—Вот тебе, любезный Володя, все, что можно сказать в тесных пределах письма. Молю бога, чтоб ты, кончивши благополучно поручение свое, порадовал скорее меня своим приездом. Сколько нам нужно будет потолковать— беседа твоя усладит меня—не знаю, что ты думаешь? Не знаю, что ты предпримешь?

Если тебе будет .... пусти грамотку ко мне прежде твоего выезда из Оренбурга...; по моему ращету это письмо тебя должно непременно там найти. Прощай. Будь здоров и счастлив.

1825 год

№ 3. А. С. Пушкину [19]).

Москва, 1825, февраля 18.

Опять я в Москве, Любезнейший Пушкин—действую снова в Суде. Деньги твои возвращаю: Вяземская их не берет, я у себя оставить не могу; она говорит, что получит их от Одесского приятеля, я говорю, что они мне не следуют. Прими их обратно,—я никак благоразумнее неумею поступить с ними.

Живи счастливо, Любезнейший Поэт! Пиши мне послание и уведоми о получении суммы.

Кюхельбекера здесь нет. Он в деревне у матери и вероятно будет у тебя.

Много знакомых твоих и любопытных о тебе расспрашивают. Я по возможности удовлетворяю их любопытству. Между прочим П. П. Дмитриев меня забросал вопросами за обедом у Вяземского.

Прощай, будь здоров. Кланяйся Няне.

Твой *Иван Пущин.*

На днях тебе пришлю Рылеева произведения, которые должны появиться: Войнар.(овский) и Думы.

Мой Ад.: у Спаса на песках близь Арбата в доме Графини Толстой.

№ 4. А. С. Пушкину [20]).

12 марта (1825 г. Москва).

Здравствуй, любезный Пушкин.

До сих пор жду от тебя ответа и не могу дождаться. Хоть прозой уведомить меня надобно, получил ли ты посланные мною деньги.

Между тем я к тебе с новым гостинцем. Рылеев поручил мне доставить труды его,—с покорностию отправляю.

Вяземский был очень болен. Теперь однако вышел из опасности: я вижу его довольно часто,—и всегда непременно о тебе говорим,—княгиня большой твой друг.

Хлопотавши здесь по несчастному изданию с Селивановским, я между прочим узнал его желание сделать второе издание твоих трех поэм, за которые он готов дать 12 тысяч. Подумай и употреби меня, если надо, посредником между вами. Впрочем советовал бы также поговорить об этом с петербургскими книгопродавцами, где гораздо лучше издаются книги.

Все тебе желают миллион хорошего.—Мы ждем Ломоносова на днях из Парижа.

Твой *Иван П.*

Марта 12. Знамен. день.

№ 5. А. С. Пушкину [21]).

2-го апреля (1825 г.) Москва.

Наконец получил послание твое в прозе, любезный Пушкин! Спасибо и за то. За проклятую delicatesse я с Княгиней бранился: она велела сказать тебе, что ты хорошо сделаешь, когда при деньгах пришлешь ей долг, что она отнюдь не хочет тебе его простить. Только желает, чтоб ты тогда ей заплатил, когда сам будешь иметь довольное количество монеты.

Вяземский совсем поправился, начал выезжать. Все тузы Московские тебе кланяются и с большим удовольствием читают Онегина.

Мы ждем сюда Дипломата Ломоносова, который уже в Петербурге.—Будь здоров.

Твой *Иван П.*

(На обороте) Ея Высокоблагородию Прасковье Александровне Осиповой. В Опочке, для доставления в село Тригорское, а вас покорно прошу отослать А. С. Пушкину.

№ 6. Мих. Ив. Пущину [22]).

(Москва) 30 мая (1825 г.).

Вот Якубович, любезнейший Михайло! прошу тебя с ним познакомиться или узнать его короче, если с ним прежде был знаком. Ты не узнаешь в нем прежнего шалуна—все это прошло. Грузинский воздух прогнал дурь из головы: он там наблюдал, думал и учился. Впрочем опять не надобно искать в нем совершенства, как некоторые полагают в Москве. Я всегда с удовольствием с ним видался; рассказы его были для меня занимательны, хотя я любил бы, чтобы он не делал столько восхищений и не употреблял бы высокопарных слов, которые напоминают мне Белоусовича. Он . . . . .

Якубовича ты должен познакомить с твоими товарищами, особенно прошу с Назимовым свести его. Летом, признаюсь, несносно действовать в Суде, где, впрочем, дела идут порядочно.......

Нарышкин с батальоном стоит в двух верстах от Москвы—его иногда посещаем.......

Твой *Иван П.*

№ 7. Мих. Ив. Пущину [23]).

Москва. 26 июля 1825 г.

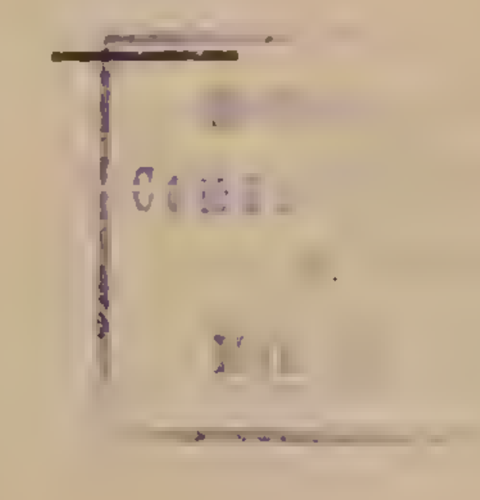
Я располагаю нынешний год месяца на два поехать в Петербург—кажется можно сделать эту дебошу после беспрестанных занятий целый год. Теперь у меня чрезвычайно трудное дело на руках. Вяземский знает его—дело о смерти Времева. Тяжело и мудрено судить, всячески стараюсь как можно скорее и умнее кончить, тогда буду спокойнее.....

Пиши ко мне: твои известия гораздо интереснее моих—у меня иногда от дел голова так кружится, что я не знаю, чем начать и чем кончить!

№ 8. Мих. Ив. Пущину [24]).

(Москва) 9 ноября (1825 г.).

В начале декабря непременно буду—в письме невозможно всего сказать: откровенно признаюсь тебе, что твое удаление из Петербурга для меня больше, чем когда нибудь горестно....... Я должен буду соображаться с твоими действиями и увидеть, что необходимость заставит предпринять.....

Письма из Сибири

1827 год

№ 9. Родителям и сестрам [25]).

(В пути) 17 октября (1827 г.).

Здравствуйте, милые мои, я опять, благодарю бога, нашел возможность писать к вам. Может утешат вас минуты, которые с добрым моим товарищем путешествия (шесть строк неразбр.)... С тем, который должен будет вам доставить эту тетрадку.—О чем? И как спросить?

С каким восхищением я пустился в дорогу, которая, удаляя от вас, сближает. Мои товарищи Поджио и Муханов. Мы выехали 12 октября, и этот день для меня еще была другая радость—я узнал от фельдъегеря, что Михайло произведен в офицеры.

Я не буду делать никаких вопросов, ибо надеюсь на милость божию, что вы все живы и здоровы—страшно после столь долгой разлуки спросить.—Я молился о вас, и это меня утешало.

Начнем с последнего нашего свидания, которое вечно будет в памяти моей. Вы увидите из нескольких слов, сколько можно быть счастливым и в самом горе. Ах, сколько я вам благодарен, что Annette, что все малютки со мной. Они меня тешили в моей золотой тюрьме—ибо новый комендант на чудо отделал

наши казематы. Однако, я благодарю бога, что из них выбрался, хотя с цепями должен парадировать по всей России.

Будущее не в нашей воле, и я надеюсь, что как бы ни было со мной—будет лучше крепости, и верно вы довольны этой перемене, которую я ждал по вашим посылкам, но признаюсь, что они так долго не исполнялись, что я уже начинал думать, что сапоги и перчатки присланы для утешения моего или по ошибочным уведомлениям, а не для настоящего употребления. —Продолжение впредь, теперь мешают. Я все возможные случаи буду искать, чтобы марать сию тетрадку до Тобольска. Извините, что так дурно пишу—я восхищаюсь, что и этим способом могу что-нибудь вам сказать в ожидании казенной переписки, которую верно вам позволят иногда; по возможности будем между строками писать лимонным с(ок)м (слово неразбр.).

Adieu. Молю бога об вас.

22 (октября 1827 г.).

Мы едем довольно спокойно—фельдъегерь добрый человек. Дорогой я видел в Ладоге Кошкуля на секунду—он мне дал денег и ни слова не сказал—видно боялся, ибо убежал, поцеловавши меня, а я остался с вопросом об вас. Признаюсь, меня это удивило и немного пугает. Твердое упование на бога подкрепляет и утешает. С нетерпением жду известий об вас.—Annette, надеюсь, что ты будешь аккуратна по-прежнему, однако, будь осторожна с л и м о н о м, ибо Мухалов мне сегодня сказал, что уже эта хитрость открыта, и я боюсь, чтобы она нам не повредила. Пиши смело о делах семейных и об друзьях.

Об Мухалове уведоми как-нибудь сестру его. Она живет в Москве на Пречистенке и замужем за Шаховским, зовут ее Лизавета Александровна. Скажи ей, что брат ее привезен был из Выборга для присоединения к нам двум—и слава богу мы все здоровы.—Первые трое суток мы ехали на телеге, что было довольно беспокойно; теперь сели на сани, и я очень счастлив. Не знаю, как будет далее, а говорят—худа дорога, сделалось очень тепло. Заметь, в какое время нас отправили, но слава

богу, что разделались с Шлисс(ельбургом), где истинная тюрьма. Впрочем, благодаря вашим попечениям и Плуталову, я имел бездну пред другими выгод: собственным опытом убедился, что в человеческой душе на всякие случаи есть силы, которые надо уметь сыскать.

Во-первых, спасибо Eudoxe за Martyrs, я ими тешился (питался) первое время, и Annette за все книги, которые другим также пригодились, потом Фридберг купил мне Genie du Christianisme, но более ничего никак не мог выпросить.— Я уверен, что вы его с разных сторон атаковали, но он на этот счет слишком аккуратен. Тюрьму он поправил и много делал нам добра вообще. Спасибо Плуталову—посылки ваши меня много утешали и я мог ими с другими делиться.—Верно Варенька Рябинина делала кисет! Кто положил грушу?—Малютки очень похожи—особенно Катя имеет необыкновенное выражение участия. Я знаю только, что Catherine родила благополучно дочь, но где она—мне неизвестно. Когда-то бог даст мне узнать это все. Опять скажу, что удивляюсь Кошкулю, что он мне никак не сказал. Поцелуйте у батюшки и матушки ручки и скажи ему, что я получил от Кошкуля 300 рублей—для сведения.

Вы не можете себе представить, с каким затруднением я наполняю эти страницы в виду спящего фельдъегеря в каком-нибудь чулане. Он мне обещает через несколько времени побывать у батюшки, прошу, чтобы это осталось тайною, он видел Михаила два раза, расспросите его об нем. Не знаю, где вообразить себе Николю, умел ли он что-нибудь сделать. Я не делаю вопросов, ибо на это нет ни места, ни времени. Из Шлисс(ельбурга) не было возможности никак сладить, ибо солдаты в ужасной строгости и почти не сходят с острова. Я слышал, что Вольхов(ский) воюет с персами; не знаю, правда ли это: мне приятно было знать, что наш сотрудник(compagnons de malheurs) оставлен дышать свободнее в других крепостях. Мне дано на дорогу сверх прогонов 50 рублей, а остальные слишком тысячу генерал обещал переслать по почте к иркут-

скому губернатору. Прошу вас ничего мне не присылать, ибо у нас всего множество; я не хочу, чтобы вы обо мне много хлопотали. Пишите только чаще, этого я жду как нельзя более. Теперь до свидания. Из Макарьева на Унже я послал поклон фон-Менгденам и Колошиным через смотрителя. (Спасибо, что вздумалось мне положить в чемодан пестрой кушак (в чемодан тетрадку Петра Колошина), я думаю, что ты, Алексей (это память Колошиной).—Еще удастся, может быть, помарать эти листки.—Прощайте, стучат—надо прятать.

25 (октября 1827 г.).

Завтра две недели, что мы путешествуем. Я имел дорогой две прелестные минуты, о коих я должен с вами побеседовать и коими я насладился со всею полнотою моего сердца. В Ярославле Якушкина с матерью имела свидание с мужем, который ехал перед нами. Мы приезжаем туда вечером пить чай, вдруг является к нам (слово неразобр.) и спрашивает, не имеем ли мы в чем-нибудь надобности —мы набрали табаку и прочих вещей для дороги.—Это был человек Уваровой, сестры Лунина, которая ждала своего брата Лунина. Она пришла в дом и вызвала фельд'егеря; от него узнала, что здесь Муханов, которого она знает, и какими-то судьбами его пустили к ней. Вслед за сим приходят те две и вызывают меня, но как наш командир перепугался и я не хотел, чтобы из этого вышла им какая-нибудь неприятность, то и не пошел в коридор, начал между тем ходить вдоль комнаты и добрая Якушкина в дверь меня подозвала и начала говорить, спрося, не имею ли в чем-нибудь надобности и не хочу ли вам писать. Меня это так восхитило, что я бросился целовать руки у этой милой женщины. Мать ее благословила меня образом и обещала непременно скоро с вами повидаться в Петербурге.

Сегодня мы нагнали Якушкина, и он просил, чтобы вы им при случае сказали по получении сего письма, что он здоров, с помощью божьей спокоен. Вообрази, что они, несмотря

на все неприятные встречи, живут в Ярославле и снабжают всем, что нужно. Я истинно ее руку расцеловал чрез дверь— я видел в ней сестру, и это впечатление надолго оставило во мне сладостное воспоминание—благодарите их.

Второе—в Вятке я узнал, что тут некоторое время жил Горстькин под надзором губернатора, и у него была вся семья, и вот уже несколько времени, что он отправился в деревню.

Еще тут же я узнал, что некто Медокс, который 18-ти лет посажен был в Шлиссельбургскую крепость и сидел там 14 лет, теперь в Вятке живет на свободе. Я с ним познакомился в крепости и там слух носился, чт он перемещен был в другую крепость. Это меня мучило.

Скоро кончится мое маранье—подвигаемся к Тобольску.— Ах! ужели не позволят мне к вам писать? Пусть меня всего лишают, я все перенесу, но за что же вас наказывать? Истинно вам говорю, что для меня и верно для нас всех тяжеле преступления огорчение родных. Я чувствую надобность страдать и благодарю бога, что он необыкновенным образом меня укрепляет. Без ропота малейшего все переношу и будущим не пугаюсь, но за что же вы должны (слово нерзбр.) под тяжелым лишением. Вот один ропот, который я непрестанно делаю, и молю бога, чтоб он вас наделил спокойствием, которое одно может победить все волнения жизни.

Для меня эти два года истинно были полезны—я научился терпению, которого у меня недоставало, научился между тем зрело рассуждать (не так резко рассуждать).

Я не говорю вам в подробности обо всех ваших милых посылках, ибо нет возможности, но что меня более всего восхитило—это то, что там было распятие и торжество евангелия, о коих я именно хотел просить (не смел и не хотел просить).

Устал, милые мои, извините—мы опять едем на телегах, ибо снег стаял. Остановились на два часа отдохнуть, и я пользуюсь первым сном фельд'егеря, хочется и самому немного прилечь, бока разломило. Бог с вами! До завтра.

26-е (октября 1827).

Сегодня я пробежал вчерашнее писание и восхитился бестолковщиною. Видно, что это было писано полусонным человеком, который совершенно полагается на ваше снисхождение. Скоро, любезные мои, я должен буду кончить эту работу; надеюсь, однако, докончить все листики.

Последнее наше свидание в Питере было так скоро и бестолково, что я не умел выйти из ужасной борьбы, которая во мне происходила от радости вас видеть не в крепости и горести расстаться, может быть, на веки. Я думаю, вы заметили, что я был очень смешон, хотя и жалок.—Хорошо, впрочем, что так удалось свидеться. Якушкин мне говорил, что он видел в Ярославле семью свою в продолжении 17 часов и также все-таки не успел половины сказать и спросить.

Ну, любезные мои, пора нам начинать опять прощаться, хотя горько, но надо благодарить бога, что и так удалось покалякать. Не знаю только, разберете ли вы это маранье.

Поздравляю Ивана Александровича генерал-лейтенантом. Как мне жаль, что я его не видал. Это был бы задаток на будущее *).

Дорогая моя Катерина. Ради бога, бодритесь. Если вы меня любите, вспоминайте обо мне без слез, но думая о тех приятных минутах, которые мы переживали. Что касается меня, то я надеюсь с помощью божьей перенести все, что меня ожидает. Только о вас я беспокоюсь, потому что вы страдаете из-за меня.

Однако, я убежден, что тот, кто меня поддерживает не оставит и вас, которая во всех отношениях заслуживает всяких благ. Спасибо, дорогая Катерина, за заботы о моем белье. Аннета уже говорила мне об этом **). Поцелуй милых детушек, подари им от меня Genie du Christianisme pour la Jeunesse. Эта книга им будет полезна, особенно через несколько

*) Отсюда—по-французски. Даю этот отрывок в русском переводе.
**) Дальше—снова по-русски.

времени. Как я вам благодарен, что у меня две малютки. Катя с таким участием на меня смотрит, что много со слезами некоторого восхищения на нее глядел. Сама (слово не разобр.) быть в крепости, как-то ей понравится туда, куда мы едем.

Annette! Кто меня поддерживает? Я в мыслях сам не свой был, когда получал письмо твое не в субботу, а в воскресенье. Теперь вот слишком год ни строки, и я, благодаря бога, спокоен, слезно молюсь за вас. Это наше свидание. У Плуталова после смерти нашли вашу записку, но я ее не видал, не знаю, получили ли вы ту, которую он взял от меня и обещал вам показать.

Пожалуйста, Алексей, сохраняй свое мужество—авось когда-нибудь еще здесь увидимся.

Пишите ко мне и иногда присылайте книг, если можно, в Нерчинске, на имя коменданта Лепарского. Что-нибудь исторического или религиозно-философского.

Eudoxie, ты добра и готова на всякое пожертвование для меня, но прошу тебя не ехать ко мне, ибо мы будем все вместе, и вряд ли позволят сестре следовать за братом, ибо, говорят, Чернышевой это отказано. Разлука сердец не разрушает.

Marie, верно ты делала шнурок милой для креста? Никак не умею себе представить, что у вас делается. Хотел бы я забраться в диванную нечаянно, и эта минута вознаградила бы меня за прошедшее и много укрепила бы вперед. Истинно говорю вам вашими молитвами я грешный ведь всегда пользуюсь пред другими разными выгодами. Я немного похудел от долгой жизни без движения—ходил на шесть шагов, даже головная и зубная боль, которые меня часто прежде беспокоили, теперь совсем оставили. Я думаю, что это от доверенности, которую я перестал оказывать. Смейся, добрая Annette, и растолкуй всем, если не понимают этого. Варя и Лиза, конечно, не забывают меня, а при случае что-нибудь скажут о себе.

Посылаю я вам доброго моего Привалова или Шувалова, расспросите его об нашем путешествии: он по своему расска-

жет вам подробности, которые невозможно описывать. Егор, я думаю, теперь уже в знать попал, но я уверен, что это не заставит его забыть меня: наша связь выше всех переворотов жизни. Я надеюсь, что Михайла с вами в переписке. Как я рад, что он опять офицер; напишите, чтобы он ко мне послал грамотку, авось дойдет. Николя! Как часто я вспоминаю нашу переписку в Алек(сеевском) равелине. С нетерпением жду продолжения. Не знаю как тебя вообразить теперь: в мундире или во фраке, и где. Уверен только, что где бы ты ни был, будешь то, что я от тебя ожидаю: надеюсь также, что когда-нибудь все это узнаю. Бог велик, и с его помощью можно носить в себе те силы, коих прежде и не подозревал. Любезный друг, вот тебе поручение. Прошу тебя со свойственной тебе осторожностью приложенную при сем записку вручить собственноручно коллежскому асессору Казимиру Казимировичу Рачинскому, который живет у Каменного театра, в доме Гасвицкого и служит в иностранной коллегии. Ты с ним и познакомишься при этом случае. Он может быть вам полезен, ибо он очень знаком с Лавинским. Эта записка от Александра Пожио, который со мною едет.

Прощайте до Тобольска—мы спешим. В знак, что вы получили эту тетрадку, прошу по получении оной в первом письме ко мне сделать крестик ×. Это будет ответом на это бестолковое, но от души набросанное маранье: я надеюсь, что бог поможет ему дойти до вас. Я вам в заключение скажу все, что слышал о нашей будущности. Adieu.

Тобольск, 31 октября (1827).

Сегодня в 8 часов утра мы переехали Иртыш и увидели на горе Тобольск. День превосходный, зимний, и мы опять в санях.—Ясно утро—ясна душа моя. Остановились прямо у губернатора, который восхитил меня своим ласковым и добрым приемом, говорил с нами очень долго и с чувством. Между прочим сказал, что Евгений (точно!) давно спрашивал обо мне. Он обещал сказать ему обо мне сегодня же и сообщить мне от

него, что он знает об вас. С нетерпением жду этого, хотя эти известия будут не очень свежи. Я уверен, что это Иван Александрович с ним в переписке и пишет его обо мне. Губернатор велел истопить нам баню, и мы здесь проведем дня два, чтоб немного отдохнуть и собраться с силами на дальную дорогу. Фельд'егерь едет назад с одним жандармом, а другие двое с частным приставом на обывательских лошадях везут нас до Иркутска, где с нас снимут цепи. Мы теперь живем на квартире и доброй полицеймейстер нас угощает, как доброй и попечительной человек. Бог их всех наградит—я только умею быть истинно благодарным и радоваться в душе, что встречаю таких людей. Поблагодарите губернатора чрез архиерея, я у него в несколько минут душу отвел после беспрестанных сцен в дороге с извощиками, вроде той, которая была при нашем свидании. Долго буду помнить я эту лестницу!

Теперь надобно вам сообщить то, что я слышал об нашей участи, может быть, оно не верно, но по крайней мере, как говорят, мы все будем в местечке Читинская (найдите на карте). Это между Иркутском и Нерчинском. Будем жить четверо в одной комнате и ходить на какую-то работу, но без принуждения большого. Работе всякой я рад, ибо говорят не дадут нам ни бумаги, ни пера. Книги, надеюсь, у нас не возьмут, это ужасно, если лишить сего утешения. На счет нашей переписки говорят разно и потому я не знаю, что думать—утешаюсь надеждой. Буду всячески стараться и законно, и беззаконно к вам писать. Удавалось—авось удастся и оттуда.

Лепарский отличный человек, и это заставляет меня думать, что правительство не совсем хочет нас загнать. Я за все благодарю и стараюсь быть всем довольным. Бога ради—будьте спокойны, молитесь обо мне. Я прошу поцеловать ручки у батюшки и матушки. Если провидению не угодно, чтоб мы здесь увиделись, в чем, впрочем, я не отчаиваюсь, то будем надеяться, что бог по милосердию своему соединит нас там, где не будет разлуки. Истинно божеская религия та, которая из надежды сделала добродетель. Обнимите всех добрых друзей.

Егор Антонович часто со мной—особенно в наши праздники. Я в их кругу провожу несколько усладительных минут. Если Малиновской в Питере, то скажите ему от меня что-нибудь. Всем, всем дядюшкам и тетушкам поклоны. Может быть, из Иркутска скажу вам несколько слов—adieu. adieu. Наградите щедро моего Пришвалова, он добр.

Письмо Муханова отошли осторожно по адресу. Почтенного священника благодарите, обнимите. Бог с вами.

Извините, я почти готов не посылать этого маранного письма—не знаю, как вы прочтете, но во уважение каторжного моего состояния прошу без церемонии читать и также не сердиться, если впредь получите что-нибудь подобное. К сожалению, не везде я мог иметь перо, которое теперь попало в руки.

Прошу тебя, милая Annette. уведомить меня, что сделалось с бедной Рылеевой. Назови ее тетушкой Кондратьевой. Я не говорю об Алексее, ибо уверен, что вы все для него сделаете, что можно, и, что скоро, получив свободу. будет фельдъегерем и за мной приедет.

№ 10. Ив. Петр. Пущину [26]).

Иркутск (декабрь 1827 г.).

Шесть тысяч верст между нами, но я при всех малых ожиданиях на помощь правительства не теряю терпения и иногда даже питаю какие-то надежды. Нас везут к исполнению приговора; сверх того, как кажется, нам будет какая-то работа, соединенная с заключением в остроге,—следовательно, состояние гораздо худшее простых каторжных, которые, хотя и бывают под землей, но имеют случай пользоваться некоторыми обеспечениями за доброе поведение и сверх того, помощью добрых людей устроить себе состояние довольно сносное. Между тем, как нас правительство не хочет предать каждого своей судьбе и с некоторыми почестями пред другими несчастными (как их здесь довольно справедливо называют)

кажется намерено сделать более несчастными. Например, ужасно то, что сделали с нашими женами, как теперь уже достоверно мы знаем (желал бы, чтобы это была неправда!). Им позволено и законами и природными всеми правами быть вместе с мужьями. После приговора им царь позволил ехать в Иркутск, их остановили и потом потребовали необходимым условием быть с мужьями, отречение от дворянства, что, конечно, не остановило сих несчастных женщин; теперь держат их розно с мужьями и позволяют видеться только два раза в неделю на несколько часов, и то при офицере. Признаюсь, что я не беру на себя говорить об этом, а еще более судить, будет, что богу угодно.

Мы выехали из Тобольска 1-го ноября на обывательских лошадях с жандармами и частным приставом, который так добр, что на ночь позволяет нам снимать цепи; что мы делаем с осторожностью, ибо за этими людьми присматривают и всякое добро может им сделать неприятность.

Мы почти всякую ночь ночевали часов шесть, купили свои повозки, ели превосходную уху из стерлядей или осетрины, которые здесь ничего не стоят, словом сказать, на пятьдесят коп. мы жили и будем жить весьма роскошно. Говядина от 2-х до 5-ти коп. фунт, хлеб превосходный и на грош два дня будешь сыт.

В Шлиссельбурге я ужасно сдружился с Николаем Бестужевым, который сидел подле меня, и мы дошли до такого совершенства, что могли говорить через стену знаками и так скоро, что для наших бесед не нужно было лучшего языка. Ах! когда я буду в возможности показать вам миллион наших хитростей. Я надеюсь, что Annette не откажется повидаться с его матерью и сестрами и сказать им, что мы имели сие утешение и что их Михайло уехал из Шлиссельбурга 29 сентября сего года с первой партией. Добрый Плуталов несколько раз хотел дать мне прочесть донесение, на котором я только увидел надпись Суворочки, но я не мог его убедить. При отправлении моем наш офицер сказал, что Фридберг нашел у покойника вашу записку ко мне, но я ее никогда не получал.

Прощаясь, я немного надеялся кого-нибудь из вас видеть в Ладоге, или по крайней мере найти письмо. Впрочем, вы хорошо сделали, что не приехали, ибо Желдыбин никак бы не позволил свидания. Благодарите Кошкуля, но между тем, скажите, что я никак не понимаю, отчего он не мог слова мне сказать об вас.

Я очень часто об этом думал и, верю, был бы ему гораздо благодарнее, нежели за деньги. Правда, что свидание наше было под выстрелом, но можно было найти средство (даже должно было). Надеюсь на бога.

№ 11. К сестрам [27]).

(Иркутск) 13 декабря 1827 г.

.... Пишу роковое число и, невольно забывая все окружающее меня, переношусь к вам, милым сердцу моему.—Много успел со времени разлуки нашей передумать об этих днях.—Вижу беспристрастно все происшедшее, чувствую в глубине сердца многое дурное, худое, которое не могу себе простить, но какая-то необыкновенная сила покорила, увлекала меня и заглушала обыкновенную мою рассудительность, так что едва ли какое-нибудь сомнение—весьма естественное—приходило на мысль и отклоняло от участия в действии, которое даже я не взял на себя труда совершенно узнать, не только по важности его обдумать. Ни себя оправдывать этим, ни других обвинять я не намерен, но хочу только заметить, что о пагубном 14 декабря не должно решительно судить по тому, что напечатано было для публики.—Будет время, когда-нибудь, что несколько пояснится это дело для многих, которые его видят теперь, может быть, с другой точки. Я скажу вам только, что вникая в глубину души и сердца, я прошу бога просветить меня и указать мне истину. Е. А. принимает только: **хорошо** и **худо**; поэтому я обвиняю себя безусловно; то, что мы сделали, пред законом—**худо**, мы преступники, и постигшая нас гибель справедлива. Но, признавая пагубные по-

следствия наших необдуманных начинаний, я не могу не надеяться на того Судью, который судит не по тому, что **делают** слабые, слепые смертные, а по тому, **что хотят** они делать. Он нам судья!.. Он, поддержавший меня поныне, даст мне силу перенести участь, которая в отдаленности кажется ужаснее, нежели вблизи и на самом деле. Меня здесь мучит только ваше обо мне горе—меня мучит слеза в глазах моего Ангела-Хранителя, который в ужаснейшую минуту моей жизни, забывая о себе, думал еще спасти меня. Простите Е. А.,—простите, родные, все то горькое горе, которое я навлек на вас. Не осудите только прежде свидания со мною, не здесь—так там. Да, я буду с вами **там,** я буду с вами, родные, безвинные на сем мире; я буду с вами, Е. А., и Вы меня примите опять. Нет, не **опять,** вы меня никогда из сердец ваших не отдаляли: я в них—нашу связь, нашу любовь, нашу дружбу—ни приговоры светских судилищ, ни 7000 верст, ничто не расторгнет; эта связь простирается и за нынешнюю мою могилу в Чите, за последнюю могилу, которая меня отсюда освободит.—Прощайте, родные, прощайте, Е. А.—Простите, простите!..

№ 12. Е. А. Энгельгардту [28]).

Иркутск, 14 декабря 1827 г.

Вот два года, любезнейший и почтенный друг Егор Антонович, что я в последний раз видел вас, и увы! Может быть в последний раз имею случай сказать вам несколько строк из здешнего тюремного замка, где мы уже более двадцати дней существуем. Трудно и почти невозможно (по крайней мере я не берусь) дать вам отчет на сем листке во всем том, что происходило со мной со времени нашей разлуки—о 14-м числе надобно бы много говорить, но теперь ни место, ни время, и потому я хочу только, чтоб дошел до вас листок, который верно вы увидите с удовольствием; он скажет вам, как я признателен вам за участие, которое вы оказывали бедным сестрам моим после моего несчастия,—всякая весть о посещениях ваших к ним

была мне в заключении истинным утешением и новым доказательством дружбы вашей, в которой я, впрочем, столько же уверен, сколько в собственной нескончаемой привязанности моей к вам.—Эти слова между нами не должны казаться сильными и увеличенными—мы не на них основали нашу связь, потому я смело их пишу, зная, что никакая земная причина не нарушит ее; истинно благодарен вам за утешительные строки, которые я от вас имел, и душевно жалею, что не удалось мне после приговора обнять вас и верных друзей моих, которых прошу вас обнять; называть их не нужно—вы их знаете; надеюсь, что расстояние 7 тысяч верст не разлучит сердец наших.

Я часто вспоминаю слова ваши, что не трудно жить, когда хорошо, а надобно быть довольным, когда плохо. Благодаря бога, я во всех положениях довольно спокоен и очень здоров—что бог даст вперед, при новом нашем образе жизни в Читинской, что до сих пор от нас под большим секретом, и потому я заключаю, что должно быть одно из двух: или очень хорошо или очень дурно.

Тяжело мне быть без известий о семье и о вас всех—одно сердце может понять, чего ему это стоит; там я найду людей, с которыми я так же душою связан,—буду искать рассеяния в физических занятиях, если в них будет какая-нибудь цель; кроме этого буду читать сколько возможно в комнате, где живут, как говорят, тридцать человек.

Не знаю, как и где вас вообразить; при свидании с родными я узнал, что вы с Фрицом тогда были в Финляндии, и мне кажется, что вы теперь там поселились, но зачем сам не знаю. Теперь же вся ваша семья пристроена, и Воля, который теперь большой Владимир, верно уже государственный человек. Если эти строки дойдут до вас, то я надеюсь, что вы, если только возможно, напишете мне несколько слов. Если родные имеют право писать к нам, то и вам правительство не откажет прибавить несколько слов,—для меня это будет благодеяние.

Где и что с нашими добрыми товарищами? Я слышал только о Суворочке, что он воюет с персианами — не знаю, правда ли это, — да сохранит его бог и вас; доброй моей Марье Яковлевне целую ручку. От души вас обнимаю и желаю всевозможного счастия всему вашему семейству и добрым товарищам. Авось когда-нибудь узнаю что-нибудь о дорогих мне.

Ваш верный *I. Рои...*

— —

1830 год

№ 13. Е. А. Энгельгардту [29]).

Чита, 14 марта 830 г.

На днях получил доброе письмо ваше от 8-го генваря, почтенный, дорогой мой друг Егор Антонович! Оно истинно меня утешило и как будто перенесло к вам, где бывал так счастлив. Спасибо вам за подробный отчет о вашем житье-бытье. Поцелуйте добрую мою М. Я. и всех ваших домашних: их воспоминание обо мне очень дорого для меня: от души всех благодарю. — Об себе я ничего особенного не имею вам сказать, могу только смело вас уверить, что каково бы ни было мое положение, я буду уметь его твердо переносить, и всегда найду в себе такие утешения, которых никакая человеческая сила не в состоянии меня лишить. Я много уже перенес и еще больше предстоит в будущем, если богу угодно будет продлить **надрезанную** мою жизнь; но все это я ожидаю, как должно человеку, понимающему причину вещей и непременную их связь с тем, что рано или поздно должно восторжествовать, несмотря на усилие людей — глухих к наставлениям века. Желал бы только, чтоб все, принимающие в судьбе моей участие, не слишком горевали обо мне: их спокойствие меня бы еще более подкрепило.

Не откажите мне, почтенный друг, в возможности чем-нибудь отсюда вам быть полезным в расстроенных ваших обстоя-

тельствах,—зная ваши правила, я понимаю, как вам тягостно не предвидеть близкого окончания ваших дел. Пришлите мне какое-нибудь сочинение на французском языке, с которого перевод мог бы быть напечатан на русском и с выгодою продан,—я найду средства скоро и по возможности хорошо его перевести и способ (возможность—**зачеркнуто** его к вам доставить. Вы этим доставите величайшее утешение. У нас здесь много книг прекрасных, но я не знаю, что может лучше разойтись. Vous etes sur le lieux. Vous devez le savoir bien mieux que moi. Может быть это мечта, но мечта для меня утешительная, сладостная. Об'яснений между нами не нужно: я пойму, если вы пришлете мне какую-нибудь книгу и скажете в письме, что она вам нравится,—тогда я прямо за перо с некоторыми добрыми друзьями и спечем вам пирог. Но увы! когда еще этот листок до вас долетит и когда получу ответ?—Миллион верст!

Человек странное существо:—мне бы хотелось еще от вас получить, или, лучше сказать, получать письма.—это первое совершенно меня опять взволновало. Скажите что-нибудь о наших чугунниках, об иных я кой-что знаю из газет и по письмам сестер, но этого для меня как-то мало. Вообразите, что от Мясоедова получил год тому назад письмо—признаюсь никогда не ожидал, но тем не менее был очень рад.

Шепните мой дружеский поклон тем, кто не боится услышать голоса знакомого из-за Байкала. Надеюсь, что есть еще близкие сердца. Но бога ради, чтоб никто не знал из неосторожных, что я кой-как к Вам постучался в дверь—и на минуту перенесся в круг доброй семьи, которую вечно буду любить. Маленькой Annette миллион поцелуев от дяди Пу. . Еще последняя просьба: не откажите мне—помогать советами добрым моим сестрам, если они будут иметь в них нужду при могущей скоро случиться перемене в их семейных делах. Хотя при жизни отца оне и не в большом порядке, но я с ужасом думаю, что будет, если он скончается. Бог вам поможет.—Прощайте, будьте счастливы, сколько вам желает искренний друг ваш.

№ 14. А. И. Пущиной [30]).

Петровский завод, 29 ноября 1830 г.

В письме вашем от 28 сентября, которое получено братцом вашим в самый Екатеринин день, вы между прочим просите кого-нибудь из нас описать вам новое наше жилище. По поручению Ивана Ивановича с удовольствием исполняю ваше желание, любезнейшая Анна Ивановна, и постараюсь, сколько могу, дать вам ясное понятие о столь занимательной для вас тюрьме.

Она построена четвероугольником, но до сих пор казематы занимают только три фаса, четвертый же обнесен частоколом. Здание сие построено на конце заводского селения по другую сторону речки на ровном месте, примыкающем к горе. Вороты сделаны в среднем фасе, возле оных находится гауптвахта, мимо которой надобно проходить. Входя во двор, против самого входа вы видите особое строение, где находится кухня с большой комнатой для обеда и с разными кладовыми для запасов. Кругом видите вы отдельные дворы, обнесенные частоколом, куда выходят окны коридора; коридор разделен на 12 отделений, шириною он в три аршина; в каждом отделении по пяти номеров, а в некоторых и шесть—всего 64 номера. Против каждого окошка в коридоре находится дверь, ведущая в комнату и над которою прорублено другое окно величиною более квадратного аршина, и оно-то должно освещать каземат, имеющий восемь аршин глубины, шесть ширины и пять вышины. Освещение сие, конечно, довольно скромно и не позволяет заниматься при самой ясной погоде иначе как с открытою дверью. Тот фас, где братец ваш и мы живем, особенно темен, потому что солнечный луч никогда к нам не доходит и следовательно окны в коридоре очень сильно замерзают при больших морозах.

Иван Иванович занимает в третьем отделении 14-й номер, а мы во втором 11-й. Иван Иванович очень спокойно и удобно

убрал свою комнату. В ней играет свою роль ковер, который наконец прибыл сюда несколько дней тому назад с моими вещами. Стол, на котором он занимается, украшен рукоделием добрых сестриц. Тут особенно отличается, добрая, несравненная Annette. чудесная ваша табачница, шитая бисером. Иван Иванович в восхищении от нее и не наглядится. Чудесное сие произведение доставлено ему на прошедшей неделе вместе с девятью фунтами табаку, шестью салфетками, двумя парами шитых подтяжек и лексиконом Ольдекопа. Он знает кому из вас чем из этих вещей он обязан и сполна каждого в свою очередь благодарит за незаслуженную им дружбу. Как выразить вам то, что братец ваш препоручает вам написать о огромном вашем предприятии—вышить ему покрышку на диван и на стулья.—Вы можете быть уверены, что это будет для него больше, нежели приятно; он убежден, что и вам утешительно для него работать, но мучит его та мысль, что труд сей ужасно тяготит ваше зрение и может ему повредить. Бога ради не принуждайте себя; прекратить этой работы вы верно не согласитесь—братец ваш и не смеет этого просить, но убеждает вас не торопиться для него со вредом для ваших глаз, которых сохранение ему дороже своих собственных.

Евгений не умеет довольно изъяснить вам признательность за доброе ваше в нем участие; он братскими чувствами вам за это платит, к сожалению ничем другим не может доказать вам своей благодарности душевной. Вы беспокоитесь, как видно по письму вашему, о здоровьи доброй Елизаветы Петровны, тогда как она теперь совершенно здоровьем наслаждается; вы можете себе представить, как эта чудесная перемена с самого прихода в Петровское нас радует. Выехала из Читы больная, а приехала сюда здоровою—необыкновенная милость божия. Сама она к вам не пишет, потому что теперь вы получаете через меня известия о братце, и сверх того он думает, что вы не совсем были довольны ею, когда она исполняла должность секретаря при Иване Ивановиче. Впрочем, придет время, когда она опять будет писать—через год и восемь с половиною месяцев мы поедем на поселение.

Иван Иванович здоров, бодр и весел. Вас всех братски обнимает, у Батюшки и Матушки целует руки. Рад от вас слышать, что Михаил Иванович умел сохранить твердость духа после всех испытанных им бедствий. Всем помнящим его посылает дружеский поклон, особенно единственному человеку Суворочке.

Прошу вас, любезная Анна Ивановна не сообщать сего письма моим родным; не имея духу сообщить ни тетеньке, ни сестре описания нашей тюрьмы. зная их неограниченную нежность ко мне, воображаю, сколько горестно им будет это узнать не прямо от меня. Скажите мне откровенно, что оне слышали на сей счет? А я не могу довольно возблагодарить милосердного бога за то несравненное, истинное счастие, коим мы наслаждаемся с моим другом, несмотря на все внешние обстоятельства. Милых сестриц ваших целую и вас от всего сердца, с искренним пожеланием душевного спокойствия

вам преданная *А. Розен.*

№ 15. Е. А. Энгельгардту [31]).

Петровский Завод, 29 ноября 1830 г.

Милостивый Государь
Егор Антонович!

С удовольствием исполняю поручение Ивана Ивановича, который просит меня передать вам чувства, возбужденные в нем последним вашим письмом, начатым на Уральском хребте и оконченным в Петербурге. Вот, сколько я помню, собственные слова и выражения того из ваших воспитанников, который везде и всегда будет неизменным и признательным вашим другом и почитателем.

Он просит сказать доброму своему Егору Антоновичу, что он совершенно ожил, читая незабвенные для него строки, которыми так неожиданно порадован был 10-го сего месяца. Письмо ваше служит ему новым доказательством драгоценной и утешительной для него дружбы, которая ни временем, ни обстоятельствами не изменяется. Хотя он никогда в ней не сомневался, но тем не менее убеждаться в ней приятно. Сладко

жить в памяти добрых друзей! — По крайней мере вы узнаете что верный вам прежний Jeannot все тот же; что он не охлажден тюрьмою, с тою же живостью чувствует, как и прежде, и сердцем отдохнул при мысли, что добрый его старый Директор с высот Уральских отыскивал отдаленное его жилище и думу о нем думал. Спасибо вам, почтенный человек! Верьте, что чувства ваши достойным образом разделяются и что понятен стон благородной вашей души, скорбящей о бедствиях человечества.

В первом вашем письме вы изложили весь ваш быт и сделали его как бы вновь причастным семейному вашему кругу. К сожалению, он не может вам дать того же отчета — жизнь его бездейственная, однообразная! Живет потому, что провидению угодно, чтоб он жил: без сего убеждения с трудом бы понял, к чему ведет теперешнее его существование. Впрочем не огорчайтесь: человек, когда это нужно, находит в себе те силы, которые и не подозревал; он собственным опытом убедился в сей истине и благодарит бога.

Провидение посетило бедствием Россию: ужасная болезнь свирепствует. Плачевное сие известие из Отечества сильно потрясло наши сердца, — мы просили прислать священника и с коленопреклонением вознесли к небу недостойные, но искренние наши мольбы о родных, друзьях и всех страждущих.

Смерть Саврасова его поразила: в душе пожелал ему светлой вечности и сказал с вами: ему теперь легче. Не стало одного доброго товарища, который кому-нибудь мог быть полезен, а он жив и здоров. Как это все понять?

Напомните о нем почтенной, доброй Марье Яковлевне: скажите ей, что он часто в воображении переносится к ней, чтобы, как прежде бывало, подышать тем спокойствием, которым она умела наделять всех окружающих ее. Надеется, что все помнит его все ваше зрелое, а тогда юное потомство, всем от души желает возможного в сем мире счастия. Дайте ему весточку о лицейских его товарищах: о некоторых из них он ничего не слыхал с самой разлуки с вами: всех их помнит и любит по

прежнему. Бедная Марья Петровна! чем ее утешить, кроме живого участия в горестной судьбе ее.

Пусть эти строки хотя несколько изъяснят вам его чувства, которые погаснут не прежде, как погаснет его жизнь. Любите его домашних, не оставляйте их; дружба ваша истинное для них утешение. Прощаясь с вами с родственным сердцем, просит да поможет вам бог во всех ваших начинаниях и делах.

Муж мой вместе со мною приносит вам и любезной Марье Яковлевне свое почтение. Желаю, чтоб письмо сие было для вас утешительно и остаюсь

вам преданная *А. Розен.*

1831 год

№ 16. А. И. Пущиной [32]).

Петровский завод, 19 марта 1831 г.

В прошедший раз я наскоро отвечала вам, любезная Анна Ивановна, на письмо ваше от 18-го января, полученное братцем вашим 4-го сего месяца. В добавок он поручает мне сказать вам, что ему более нежели приятно всякое откровенное ваше излияние чувств и просит вас никогда не щадить его, как бы мрачно ни было ваше расположение:—хотя он не в состоянии ничем утешить вас, но слышать тайный голос вашего сердца, разделять самые его горести—есть уже для него отрада, на которую он имеет полное право по истинной его дружбе к вам.—Известие о смерти Дельвига сильно поразило Ивана Ивановича. Да сохранит бог жену его и дочь!

На прошедшей, то-есть на второй неделе поста, Иван Иванович говел: на олтарь милосердного бога принес он искренние молитвы о родных, друзьях и о всех страждущих. В субботу он приобщился святых тайн.

В. П. Штейнгейль узнал из писем Пелагии Петровны, что сын его Всеволод, находящийся в морском корпусе, очень сокрушается мыслью, что его не выпустят в свое время с товарищами в офицеры: чему причиною уменьшение лет его.

сделанное будто бы при определении его в корпус. В. И. испытал это обстоятельство над самим собою и знает, как оно убивает молодого человека, а потому желал бы отвратить его. Впрочем ему непонятно, как могло произойти уменьшение лет его сына. С его стороны все сделано было с величайшею точностью: свидетельства были взяты: о дворянстве из Московского дворянского Депутатского Собрания; о рождении из Московской Консистории: о прививании оспы—от самого того доктора, который прививал ее. Из первых двух свидетельств видно было, что сын его Всеволод родился 1814 года ноября 27 числа, как то в существе и было; следовательно в ноябре нынешнего года минет ему 17 лет и потому он не может быть малолетен. Определял же его в корпус бывший тогда инспектор над классами Ф. И. Деливрон, которому и свидетельства были отданы Владимиром Ивановичем (сколько он это помнит), а посему, если сделана какая-нибудь неточность в показании лет, то вероятно со стороны г. Деливрона, по каким-либо вовсе неизвестным В. И. причинам.—Все это разыскать и развязать никто столь легко не может, как И. Ф. Крузенштерн.—Другой сын В. И.—Николай, воспитывающийся в Горном Корпусе, горько жалуется на то, что никогда не видится с братом своим: чем усладительнее для отца такая нежность его к брату, тем прискорбнее невозможность удовлетворить его желание.

Иван Иванович, зная вполне доброту Егора Антоновича, решается вновь его беспокоить сим поручением и просит его вместе с Владимиром Ивановичем похлопотать о деле Всеволода, если возможно, доставить детям свидание и утешить отца уведомлением.

Извините, добрая Анна Ивановна, что весь почти лист занят чуждым для вас предметом: братец ваш просит вас быть посредницей в этом деле и заранее уверен в успехе оного.—Обнимая вас всех от души, целуя у Батюшки и Матушки руки, он остается неизменным вашим другом.

Желая вам и любезным сестрицам всевозможного спокойствия и утешения, остаюсь навсегда вам преданная *А. Розен.*

1832 год

№ 17. Е. А. Энгельгардту [33]).

Петровский завод, 5-го февраля 1832 г.

Милостивый Государь
Егор Антонович.

К сожалению моему, до сих пор не могла исполнить препоручения Ивана Ивановича, изъявить вам искреннюю его благодарность за письмо ваше от 27-го ноября, которое он с необыкновенным удовольствием получил 5-го Генваря нынешнего года. Это был для него один из самых приятных подарков на новый год.

Вы знаете слишком хорошо Ивана Ивановича, чтоб нужно было уверять вас в участии, которое он не перестает принимать во всем, касающемся до вас; время, кажется, производит над ним действие совершенно противное обыкновенному—вместо того, чтоб охлаждать его привязанности душевные, оно еще более их укрепляет и развертывает.

Грустно ему было читать в письме вашем о последнем 19-м октября. Прискорбно ему, что этот день уже так мало соединяет людей около старого Директора. Передайте дружеский поклон Ивана Ивановича всем верным союзу дружбы: охладевшим попеняйте. Для него собственно этот день связан с незабвенными воспоминаниями: он его чтит ежегодно памятью о всех старых товарищах, старается сколько возможно живее представить себе быт и круг действия каждого из них. Вы согласитесь, что это довольно трудно после столь продолжительной и, вероятно, вечной разлуки.—Воображение дополняет недостаток существенности. При этом случае Иван Иванович просит вас напомнить вам его просьбу, о которой, по поручению его, писала уже к вам: он желал бы иметь от вас несколько слов о каждом из его лицейских товарищей. Вы верно не откажете исполнить когда-нибудь его желание,—это принесет ему истинное удовольствие.

Про себя он ничего не может вам сказать особенного. Здоровье его постоянно хорошо—это не безделица при его образе жизни. Время, в котором нет недостатка, он старается сократить всякого рода занятиями. Происшествий для него нет — один день, как другой, следовательно рассказывать ровно нечего. Благодаря довольно счастливому его нраву, он умеет найтись и в своем теперешнем положении и переносить его терпеливо.—В минуты и часы, когда сгрустится, он призывает на помощь рассудок и утешается тем, что всему есть конец! — Так проходят дни месяцы и годы.

Доброй Марье Яковлевне Иван Иванович целует руку: часто, очень часто об ней вспоминает. Просит сказать всем вашим миллион поклонов. Слова ваши о потерянной вами внучке тронули его до глубины души. Он сердечно жалеет о Августе Яковлевиче, лишившемся доброй и милой своей супруги. Вы ничего не говорите о маленькой Annette. Иван Иванович был у вас, когда вам принесли этого ребенка. Минута сия сильное сделала на него впечатление.

Посещайте иногда на досуге дом Пущиных. Иван Иванович просит вас об этом, зная, как приятно сестрицам его видеть вас; он так им благодарен за необыкновенную и деятельную их привязанность к нему, что не знает, как бы их утешить. — С удовольствием исполнила я поручение Ивана Ивановича и желала бы, чтоб в этом письме вы сколько-нибудь узнали верного и неизменного вашего друга.

Почтенной Марье Яковлевне приношу мое почтение, с коим и к вам пребуду.

А. Розен.

1834 год

№ 18. Е. А. Энгельгардту [31]).

Петровской, октября 5, 1834

Милостивый Государь
Егор Антонович.

Вместе с моим письмом, вы получите **6 видов**: они вас по-

знакомит с местами, где был и где теперь живет преданный вам человек. Иван Иванович уверен, что вы с удовольствием увидите места, где он работал; второй и третий вид изображают овраг и улицу на Нерчинскую дорогу, где летом производилась работа. Ключи и Укварь дадут вам понятие о забайкальской природе. В (слово неразбр.) деревне, во время перехода из Читы в Петровский завод, поставлены были юрты. Увидя их, вы можете себе представить все ночлеги в продолжение дороги. Наконец, последний вид взят с переднего фаса тюрьмы на здешний завод. Я выставила числа, когда Ив. Ив. приехал в Читу, в котором месте когда был, и прибытие его сюда. Вы верно найдете местечко, в Галлерее ваших воспоминаний, и для этих Сибирских видов. Простите, что в них мало искусства, но я вам ручаюсь за верность. Примите их с тем чувством, с каким они к вам посылаются: тогда, верно, они доставят вам некоторое утешение.

Не думайте, однако, почтенный Егор Антонович, чтобы Ив. Ив. не желал и тут найти своей выгоды. Он просит вас выбрать из посылаемых видов какой вам более понравится, поручить Г. Лангеру снять с него копию и в день рождения Анны Ивановны сюрпризом ей подарить. Он уверен, что Анна Ивановна захочет иметь копии со всех этих видов, но пусть уже она сама просит об этом Г. Лангера, который, вероятно, как вежливый кавалер, не откажется исполнить ее желания.

Из письма Анны Ивановны вы уже видели с каким воспоминанием получил Ив. Ив. доброе отчетливое письмо ваше от 8 Генваря. Оно до сих пор оставалось без ответа, потому что в отношениях ваших к Ив. Ив. излишни всякого рода об'яснения. Он желает, чтоб вы так же были в нем уверены, как он в вас. Сказать же о себе что-нибудь особенного ему нечего. Вот скоро девять лет, что он живет, исполняя на практике истину, которую вы часто ему повторяли: немудрено жить, когда хорошо; умей жить, когда худо.—Откровенно признается вам, что не так легко приводить в исполнение это правило, но тем не менее находит в себе силы переносить настоящее свое положе-

ние и надеется и впредь не ослабеть духом. В единообразной его жизни нет происшествий: дружба некоторых из его товарищей, попечения родных, ваши письма много, много доставляют ему приятных минут и заставляют иногда, не заглядывая в даль, наслаждаться настоящим. В прошедшем часто он встречает вас и все доброе ваше семейство.

Я не могу вам выразить, с какою радостью знает Ив. Ив. из писем Анны Ивановны об участии, которое вы принимаете в свадьбе друга его Малиновского. Душевно благодарит он почтенную Марью Яковлевну за дружные воспоминания об нем при свадебном обеде. Как ни тихо она шепнула Анне Ивановне, но голос ее дошел сюда.

Ив. Ив. радуется успехам по службе некоторых из его лицейских друзей и желает им всего радостного. Его поразило сильно известие о смерти Семена Семеновича. Вы же слова не говорите о вдове его и детях. Участь их беспокоит Ив. Ив. и вы верно напишете что-нибудь об них. Ив. Ив. искренно желает вам всего хорошего, дружески жмет вам руку и поручает передать его поклон всем вашим. Он уверен, что в нынешнем месяце, 19 числа, соберутся у вас или где-нибудь лицейские. Вы им скажете, что Ив. Ив., несмотря на отдаление, мысленно в вашем кругу: он убежден, что, не дождавшись этого письма, вы уверили всех, что он как бы слышит ваши беседы этого дня и что они находят верный отголосок в его сердце. Еще раз обнимает он вас и надеется, что вы на досуге порадуете его письмом, которое для него всегда желанный гость.

Княгиня Волконская на-днях родила дочь; она слаба и не могла на этот раз исполнить желание Ив. Ив., который и просил меня написать вам это письмо. Не знаю, почтенный Егор Антонович, умела ли я передать вам слова Ив. Ив. так, как вы привыкли их прежде слышать, но я вас могу уверить, что, уважая взаимность ваших чувств, я старалась говорить с вами простосердечно. Хотя и не имела удовольствия вас прежде видеть, но довольно вас знаю по рассказам Ив. Ив., чтобы смело вас уверить в искреннем уважении, с которым остаюсь

совершенно вам преданная *К. Трубецкая.*

Ив. Ив. миллион раз целует маленькую Annette и благодарит ее за обещание прислать ему что-нибудь ее работы. Ему очень приятно будет получить подарочек от этой Милой Малютки.

1837 год

№ 19. М. И. Маликовской [35]).

Петровский завод, 30 октября 1837 г.

Милостивая Государыня

Мария Ивановна.

Передаю Вам слова Ив. Ив. ....Вы увлечены, потому и даете волю Вашему воображению. Не понимаю, откуда ваша уверенность и ожидание собственноручных моих писем. Напрасно вы ждете из Петербурга, от сестер, что-нибудь в этом роде. Кажется, вам еще надобно отложить ожидание. Напрасно вы думаете, что мною обладает какое-нибудь нетерпенье. Благодаря бога, до сих пор не имел случая на себя жаловаться. и сам столько лет находил в себе силы, то без сомнения теперь не время беспокоиться о том, что рано или поздно должно со мной случиться. Вы воображаете, что я уже переменил место. Конечно, придет время, когда меня повезут на поселение, и вижу в этом одно утешение, что сам возьму перо в руки и буду вам писать то, что теперь диктую...»

№ 20. Е. А. Энгельгардту [36]).

Петровский, декабря 4, 1837.

В последних днях прошлого месяца вечно юный ваш Jeannot получил добрые польские письмо старого своего Ди-

ректора. Почтенный друг Егор Антонович, кажется вы нарочно медлили отправлением вашей грамотки, чтоб она дошла до меня около того времени, когда чувства и мысли мои больше обыкновенного с вами и с товарищами первых моих лет. Сердечно благодарю вас за верную ко мне дружбу и не берусь выражать моей признательности; вы меня знаете и не потребуете уверений, которые не передаются бумаге.

Поговорим теперь, как мы бывало говаривали в вашем кабинете: вы в больших креслах, я возле вас. Это воспоминание позволит мне найти прежнюю откровенность. Признаюсь, она не совсем согласна с теперешним способом наших сообщений: но проникнутый последним вашим письмом, я хочу вызвать и из памятной мне старины. Таким образом, мои мысли вслух как будто останутся совершенно между мною и вами, и вы найдете в сем ответ на молчный ваш вопрос, который, как вы можете себе представить, поразил меня неожиданностью. Дружба и доверенность ваша заставляют меня коснуться предмета щекотливого, доселе совершенно чуждого нашей беседы.

Вероятно моя Annette давно, именем моим, поздравила вас с женитьбой Вали; я искренно пожелал счастия вашему сыну, узнавши об его намерении из письма сестры. Сближение ваше с новыми родными напомнило вам сибирского вашего друга. Кажется, вы часто от меня слыхали, что я радушно был принят в том семействе и что я всегда платил им той же дружбой. Появление ваше в их кругу, известность моих чувств к вам, конечно, могло обратить мысль и разговор на того, который вместе с другими своими сослуживцами некогда посещал гостеприимную Пустыньку и сохранил благодарное чувство за внимание добрых хозяев. Вот мое прошедшее: все в нем естественно и ничего нет необыкновенного. Как же вы хотите, чтоб я дозволил себе мечты и вообразил, что могу упрочить чье-либо счастие, и что память обо мне возбуждает что-нибудь, кроме сердечного сострадания к теперешнему моему положению, не совсем обыкновенному?

Что вы сами скажете про человека, вынимающего все ли-

шения, неразлучные с настоящим и будущим его существованием, если он решится принять великодушную жертву, на которую так способно возвышенное сердце женщины? И где же взять те убеждения, без которых не созидается ничего прочного? Все эти вопросы доказывают вам, почтенный Друг, что я на добрые ваши слова обращаю взор не шуточный, но исполненный той же любви и доверенности, которые вы мне показываете. Во всем, что вы говорите, я вижу с утешением заботливость вашу о будущности; тем более мне бы хотелось, чтоб вы хорошенько взвесили причины, которые заставляют меня как будто вам противоречить, и чтоб вы согласились со мною, что человек, избравший путь довольно трудный, должен рассуждать не одним сердцем, чтоб без упрека итти по нем до конца. Так я всегда думаю, и потому мысль моя никогда не останавливалась на возможности супружества для меня. Ни лета мои, ни положение, ни домашние обстоятельства не позволяют мне искать чего-нибудь нового, приятного, когда все около меня загадочно и неопределенно.

Добрый Друг мой, сколько мог, я вам, одним вам высказал мои мысли, по совести, вы меня поймете. Между тем, позвольте мне думать, что одно письменное участие ваше представило вам нечто в мою пользу; в заключение скажу вам, что если бы и могли существовать те чувства, которые вы стараетесь угадать, то и тогда мне только остается в молчании благоговеть пред ними, не имея права, даже простым из'явлением благодарности, вызывать на такую решимость, которой вся ответственность на мне. Таков приговор судьбы моей.

Об одном прошу вас: не обвиняйте меня в непризнательности к попечительной вашей дружбе. По истине, не заслуживаю такого упрека, и мне кажется, что если бы я иначе думал и отвечал вам, то вы могли бы считать меня легкомысленным и недостойным той доверенности, которою я дорожу и которую стараюсь оправдать добросовестностью.

Сегодня я без пощады заставляю вас мною заниматься. Кончив разговор дельный, хочется немного поболтать с вами

о старине нашей. Как водится, 19 октября я был с вами, только еще не знаю где и кто из наших вас окружал. Тут у меня обыкновенно рассказы, которые и здесь между товарищами находят сочувствие. Вероятно от вас услышу подробности этого дня. Хотелось бы подать голос бедному Вильгельму, он после десятилетнего одиночного заключения поселен в Баргузине и там женился: вы об нем можете узнать от его сестры. Верно мысли наши встретились на разных точках Сибири: некоторые воспоминания не стареют, а укрепляются временем.—Лицей в том числе для меня.

В ноябре мы так же виделись с вами. Тут мне было труднее найтись. Много новых лиц, нужна была помощь воображения; малютки оживляли вашу семейную сцену. Я заочно полюбил всех незнакомых мне милых детей. Добрую Марью Яковлевну нашел совершенно тою, как я ее оставил в 1825 году. Не знаю, сказала ли бы она так обо мне, если б ей случилось невидимкою заглянуть в 14 номер нашей тюрьмы. Миллион раз целую ее ручку и благодарю за дружеское воспоминание. Приветствую всех ваших домашних и наличных товарищей Лицея.

Почтенный Егор Антонович, нельзя ли вам сделать мне большое удовольствие—или отыщите портрет ваш, который у меня остался в Москве (что довольно трудно за 10-летнею давностью), или пришлите мне другой экземпляр литографии Гиппиуса. Добрый Фриц поможет вам у кого-нибудь это достать. Мне непременно хочется иногда поглядеть на вас, и давно уже собирался объявить вам мою просьбу. Исполнением вы много меня порадуете.

Только хочу благодарить вас за памятные листки о последних минутах поэта-товарища, как узнаю из газет, что нашего Илличевского не стало. Еще крест в наших рядах, еще преждевременная могила! Вы скажите, что и как. О Пушкине давно я глубоко погрустил; в **Современнике** прочел письмо Жуковского; это не помешало мне и теперь не раз вздохнуть о нем, читая Спасского и Даля. Мы здесь очень скоро узнали о смерти Пушкина, и в Сибири даже кого могла она поразила, как потеря общественная.

Прощайте, добрый Друг мой, большое спасибо вам за то, что вы, не смотря на ваши занятия, уделили мне минутку дорогого вашего времени. Надобно вас пощадить. Вы там не так свободны, как я свободен в своей тюрьме. Совсем заболтался, по крайней мере вы во всем этом узнаете меня, верного вам друга, а мне только и надобно. В этом случае я ужасный эгоист, но вы, может быть, так же заметите, что это чувство при некоторых обстоятельствах не позволяет мне перейти должных границ. Дружески жму вашу руку. Сестра моя доставит вам это письмо».

Ив. Ив. закончил свое письмо; мне остается, милостивый государь, сказать вам еще кое-что. Будучи его секретарем, я постоянно нахожусь в курсе его ответов, не зная содержания писем, вызывающих эти ответы. Проникнутый мыслью, что он лишен возможности разговаривать откровенно на тему, столь важную и касающуюся не его одного, с третьим лицом, кто бы оно ни было,—он просил меня писать это письмо, не задавая никаких вопросов. Видя, что он терзается опасением, как бы особа, о которой здесь идет речь, не стала предметом несоответствующих разговоров между нами, я сочла необходимым дать вам это маленькое об'яснение, как ради его спокойствия, так и ради вашего. Письмо это, датированное им самим, но написанное посторонним, неизвестным вам лицом, могло бы в первую минуту причинить вам беспокойство, от которого я счастлива избавить вас. Позвольте мне, милостивый государь, воспользоваться этим случаем, чтобы выразить вам чувства почтения и уважения, которым вы не должны удивляться в человеке, так часто, в течение 10 лет, слышащем ваше имя из уст Ив. Ив.

Совершенно преданная вам *Е. Трубецкая.*

1838 год

№ 21. И. В. Малиновскому [37]).

(Петровский завод) 15 января 1838 г.

От тебя еще не слыхал об неприятной перемене в службе нашего старого товарища. Теперь вам обоим можно, повесивши на заветное дерево воинские доспехи, взяться за плуг и сахаром услаждать свою жизнь...

...Сколько могу, стараюсь оправдать хорошее их мнение на счет мой собственно. Мне кажется, что заботясь быть как можно ровнее в расположении духа, это единственный способ быть сносным для других и для себя, особенно в нашем здешнем положении...

№ 22. М. И. Малиновской [38]).

(Петровский завод) 12 февраля 1838 г.

...Ты согласишься, что при всем желании чаще с тобой беседовать, мне невозможно слишком затруднять других моей перепиской; я и так с каждой почтой отправляю листок, а иногда и два...

№ 23. И. В. Малиновскому [39]).

(Петровский завод) 20 июня 1838 г.

В день воспоминаний лицейских я получил письмо твое от 8-го апреля, любезный друг Малиновский. Ты верно не забыл 9-е июня и, глядя на чугунное кольцо, которому минуло 21 год, мысленно соединился со всеми товарищами, друзьями нашей юности. Теперь мы можем с полным убеждением повторить слова Дельвига, который тогда нам предвещал: **«Судьба на вечную разлуку, быть может, породнила нас»**. Уверенность в дружбе неизменной смягчает горечь непреложного исполнения этого пророчества. Мы розно и между тем вместе; взаимность чувств не знает разлуки. Побеседовал я мысленно с прежними однокашниками, почтил благодарностью тех, которые попечениями услаждали первые годы нашей жизни, и в душе пожелал вам и им всем радостных ощущений. С грустью посетил места, где покоится прах людей, нам близких и невозвратимых. Ты меня извинишь, любезный друг, что я, может быть, невольным образом передаю тебе мрачность моих мыслей. Самые приятные впечатления в воспоминании имеют этот отпечаток. И кто ж меня

поймет, если не ты, добрый Иван? Прошу тебя на досуге потоворить мне побольше и поподробнее о наших чугунниках. Некоторые из них для меня совершенно исчезли, а все хочется знать. Года два тому назад почтенный Егор Антонович писал мне обо всех по **алфавитному списку**, с тех пор уже много перемен. Изредка утешает меня старый наш Директор необыкновенно милыми письмами. От искреннего сердца ему спасибо. Хлопоты домашние и занятия не мешают ему радовать меня: надобно быть здесь, чтобы вполне оценить дружеское внимание, за которое истинно не умею быть довольно благодарным...

№ 24. И. В. и М. И. Малиновским [40]).

Петровский завод, 1 августа 1838 г.

...Меня удивило известие об ожидаемом проезде Суворочки. По письму Annette я ждал для него годового отпуска и радовался этому, как действию предварительному к чистой отставке, которая соединила бы вас всех в Каменке. Видно, не по моему многое делается и мудрено мне отсюда угадывать, что лучше для всех вас, с которыми сближает меня искреннее сердечное участие...

№ 25. И. В. Малиновскому [41]).

(Петровский завод) 19 декабря 1838.

...Прошу тебя, любезный Иван, передать ему признательный мой голос на Кавказ, с искренним желанием успешных и счастливых действий. Доброе его воспоминание после стольких лет разлуки живо меня тронуло и мне непременно хочется, чтобы он услышал мою благодарность и знал, что связь моя со всеми товарищами Лицея нисколько не ослаблена временем: пусть она в них сохранится в той же свежести.

...Надеюсь, что это письмо застанет вас в Петербурге, прошу извинить меня, что не распространяюсь более. Вы там будете видеть мои послания к Annette: все они больше или

меньше одно и то же—таково положение, и вы не взыщете с брата, который не должен злоупотреблять добротой и снисхождение ваших посредниц. Я любопытен знать, что вы намерены предпринять; в какую службу Иван хочет вступить? Задавайте себе всевозможные вопросы и пишите мне больше, зная сколько я участвую во всем, до вас касающемся. Дружески пожми руку, любезный Иван, доброму и почтенному нашему Директору и всему семейству мой усердный поклон с лучшими пожеланиями...

№ 26. Е. А. Энгельгардту [42]).

Петровский, декабря 30, 1838

Милостивый Государь

Егор Антонович!

Передаю вам слова Ив. Ив. Пущина: «Почтенный друг Егор Антонович, примите искреннюю мою благодарность за письмо ваше от 19 октября. Истинно признателен вам, что вы мне уделили часок этого памятного для нас дня и побеседовали со мной о старых товарищах и друзьях юности. Отрадно слышать все, что вы говорите об них и об семейном вашем круге, где я часто мысью с вами. Поздравляю вас и добрую Марью Яковлевну с новорожденным внуком: от души желаю вам радостей и взаимных утешений. Вспоминайте иногда верного вашего друга, который в отдалении постоянно сохраняет признательную к вам любовь за все, что вы для него сделали и теперь делаете.

Наступает Новый Год; в течение его я буду иметь возможность сам иногда писать к вам: это будет для меня большим утешением. Позвольте надеяться, что тогда вы чаще скажете мне доброе словечко.

Почтенный Егор Антонович, это потребность для души моей; и тут я не разбираю, позволяет ли вам время: просто

желаю и сильно желаю; вы найдете желание мое справедливым и с свойственною вам добротою исполните его. Куда бы судьба меня ни бросила, ваш голос дойдет до меня и заставит радостно встрепенуться. Между нами не нужно уверений: ряд неизгладимых воспоминаний ручается за будущее. Я с полною доверенностью гляжу вперед. Имея перо в своих руках, я смелее буду наскучать вам своим болтанием, которое вы верно примете с снисхождением, уже испытанным.

Сестра, пересылая ваше последнее письмо, порадовала меня несколькими словами о вас. Вы должны быть так же свежи и бодры, как я вас оставил: иначе не могу себе представить ни вас, ни добрейшей Марьи Яковлевны. Вот теперь вижу вас обоих при последней встрече: вы должны быть те же, непременно те же. Люди, способные питать неизменные чувства, сами не изменяются; я в этом убежден и не могу терять этого убеждения. Приветствуйте за меня дружески всех ваших домашних. Милую Annette поцелуйте, как я ее поцеловал по приезде моем из Москвы. Если она рассердится за мою смелость, то попросите Марью Петровну пропеть старинную нашу песнь: **ечера мне Маша приказала** и пр. Эти слова смягчат ее негодование, и она искренно простит человека, живущего воспоминаниями, где встречает ее малым ребенком. Вам нечего тревожиться, почтенный друг, ее будущностью. Вы ей дали образование сердечное и умственное, с этим богатством она будет счастлива всегда и везде, независимо от светских расчетов.

Еще хотелось бы с вами поговорить, но в вашем письме есть некоторое молчание, которое и меня заставляет быть молчаливым: вы меня поймете и не будете упрекать в холодности, хотя обстоятельства велят иное зарывать в глубине сердца.

Сестра моя Annette вручит вам семена наших сибирских цветов. Бросьте несколько зерен в вашем садике, и в пустынке около Елизаветинского павильона. Пусть эти сибирские дикари растут в ваших грядах; они не требуют никаких попечений: сами вырастут, цвести будут на третий год и размножатся до бесконечности, как признательность моя.

Прощайте, почтенный и добрый друг Егор Антонович; жду июля месяца, чтоб представить вам давно знакомый почерк—узнаете ли вы его после стольких лет?»

С истинным почтением остаюсь

преданная вам *К. Трубецкая.*

1839 год

№ 27. И. В. Малиновскому [43]).

Петровский завод, 2 марта 1839 г.

Спасибо тебе, друг Иван, за отчет обо всех, с кем ты дорогой повидался, и за сердечный отзыв о всей нашей семье. Во всем узнаю тебя и радуюсь, что мы после стольких лет разлуки друг друга понимаем, как будто не расставались. Это меня утешает за нас обоих. В одном только я не совсем доволен тобою—ты не сказал мне подробно обо всех наших лицейских, или мне это так кажется, потому что хотелось бы узнать многое, все. Ошибку эту ты можешь поправить, если ее признаешь. На досуге возьмись за твое гусиное перо, вспоминай и пиши свои иероглифы, которых я не оставлю, пока не разберу со всеми их тайнами. Объясни мне женитьбу Яковлева и житье Фрица, вообще не поленись сказать больше, чтобы избегнуть вопросов, на которые между нами долго ждать ответов. Верно, ты познакомился у Егора Антоновича с новыми родными сына его Владимира—словечко и об них.

Из Каменки я ожидаю ваших вестей, как вы устроились двумя семьями? Кажется и Вольховский теперь сельский житель и вероятно сахаровар. Михайло мой весь в сладостях, только об этом и говорит. Жена его добрая женщина, часто ко мне пишет и очень дружески познакомилась с сибирским своим братом. Беда моя в том, что не могу, сколько бы должно, благодарить ее за незаслуженное мною внимание. Уже с посещения почаще буду всех навещать моими посланиями: ты и Марья бу-

дете иметь свою очередь, прошу только не поскучать многоречием и большей частью пустословием моим. Между тем, по старой памяти, могу тебе заметить, что ты **не знаешь внутренних происшествий.** Поклон твой Митькову остается при тебе по очень хорошей причине: я не могу передать его в Красноярск, где он с 1836 года. Все здешние твои знакомые тебя приветствуют...

№ 28. И. В. Малиновскому [44]).

Петровский завод, 19 мая 1839 г.

Ты скажешь, любезный друг Иван, доброму нашему Суворочке, что я с истинным участием порадовался за него, прочитавши отставку бригадного командира. Михайло мне говорит об его намерениях хозяйственных. Желаю ему и вам полного успеха. Теперь, или может быть раньше, у вас погостили эстляндские переселенцы. Ты можешь себе представить, с каким восторгом мы здесь получили известие о позволении Розену жить близ Ревеля. Я этому рад более, нежели бы он остался в Каменке. Эта мысль, может быть, вам не понравится; но вы со мной согласитесь, что живши там можно иногда быть и в Каменке, а в том краю несравненно более средств к воспитанию детей. В отставке Розен не откажется иметь помощь, это даст ему способы более радеть о нравственном образовании...

...Через два месяца буду сам передавать вам мои мысли. Это первая приятная минута нового ожидающего меня положения. Будьте снисходительны ко всему вздору, который я вам буду говорить после принужденного 13--летнего молчания...

№ 29. И. В. Малиновскому [45]).

Петровский завод, 30 мая 1839 г.

Приветствую тебя, любезный друг Иван. Заочно разделяю с тобой усладительное чувство твое в кругу двух счастливых семей. Сначала новый образ жизни должен казаться трудным доброму нашему Суворочке, но он всегда найдет в себе все, что

нужно, чтобы обойтись без внешних впечатлений. Отсюда вижу его в полном смысле семьянином, готовым оправдать все, что соединено с этим словом в мыслях человека образованного, возвышенного. Дай бог вам всем безмятежно наслаждаться счастливым вашим соединением вдали от шума светского. С каждой почтой жду теперь словечка о приезде к вам хотя на время Розена с семейством. Сколько нужно было случаев, не подлежащих расчету, чтобы устроить это свидание и сколько тут радостной пищи для меня, который издали с вами вместе утешен...

...Еще раз придется вам получить отсюда мою диктовку, а потом я надеюсь уже сам написать вам все, что придет на мысль. В этом ожидании почти единственное утешение нового предстоящего в июле месяце изменения сибирского моего существования.

№ 30. И. В. Малиновскому и Вл. Дм. Вольховскому [46]).

Петровский завод, 15 июля 1839 г.

Отвечаю вам сегодня, добрые друзья мои, на два ваши письма от 4 и 12 мая. Я их получил вчера и вместе с последним доставлена мне тысяча рублей. Вы не сомневаетесь в моей благодарности за эту присылку, тем более, что она совершенно для меня неожиданна. Смело могу тебя уверить, любезный друг Иван, что я с тем же чувством принимаю это одолжение, с которым ты мне его делаешь. Кажется, между нами не нужны объяснения: продолжительная наша разлука не разделила нас чувствами и мы с тою же уверенностью друг к другу можем иметь сношения, которые обыкновенно не между всеми существуют. Утешительно испытывать к себе ту доверенность, которая не изменяется обстоятельствами. Я умею давать себе беспристрастный отчет и с удовольствием свидетельствую вам мою признательность. Деньги ваши пришли очень кстати. Мы теперь с каждой почтой ожидаем отправления.

Вчера получил ваше письмо, где приятно мне было найти несколько строк от Вольховского. Ты видишь, любезный друг,

что я никак не могу, по собственному моему и твоему желанию, приветствовать тебя собственноручно и пожелать тебе от сегодняшнего дня того же, что ты желал мне в мае. Мудрено мне отсюда хорошенько вообразить себе на что ты должен преимущественно решиться. Очень понимаю, что тебе по привычке нужна деятельная жизнь. Между тем и семья твоя в теперешнем твоем быту представляет столько утешений, что трудно заочно решить этот вопрос. Позволь мне с прежним дружеским чувством пожелать тебе полного успеха в том, что ты сам для себя изберешь. Никогда не получал я твоего письма из Парничей и очень жалею, что сообщенное тогда известие о наших лицейских товарищах попало в чужую пристань... Дружески тебя обнимаю...

Оболенский кланяется Вольховскому и благодарит его за память. Будьте все здоровы и ожидайте моих писем; кажется, скоро снимемся с якоря...

№ 31. М. И. и И. В. Малиновским [47]).

Иркутск, 25 августа 1839 г.

...Довольно вам знать, что я здесь и что постоянно тот же, как вы меня знавали в старые годы. Кажется, судьба не отказала мне в свежести чувств, без которой отравлена преждевременно жизнь—дышу теперь свободнее, но грустно расстаться с добрыми спутниками тяжелой эпохи моей жизни. Не нужно вам говорить, как много душа страдает, прощаясь навеки после столь долгого соединения. Невозможно удалить эту мысль; как-то невольно она является первою на бумаге, сколь ни велико утешение беседовать с вами. Вы поймете мое справедливое чувство и без упрека прочтете несвязные мои строки.

...Надобно твердо быть уверенным в испытанном вашем снисхождении и бесконечной доброте, чтобы так непринужденно и небрежно болтать с вами: по моему это необходимое условие—иначе посылаешь сочинение, а не письмо.

Любезный друг Иван, прими меня, каков я есть, узнай старого признательного тебе лицейского товарища: с прежнею до-

верностью детства и юности обращаюсь к тебе сердцем: ты, верный добрым воспоминаниям, поймешь мое дружеское приветствие без дальнейших об'яснений. Голос друга лишний раз заставит встрепенуться твое любящее сердце; не требуй сегодня от меня разговоров: я бы сел возле и молча беседовал с тобой—в таком положении нахожусь, взяв перо, чтобы сказать тебе словечко после бесконечного молчания. Для посторонних я пишу бессмыслицу, а ты найдешь в ней того, с кем многое тебя сроднило и с которым тебя не разлучают ни обстоятельства, ни тысячи верст. С восторгом уединяюсь в этих убеждениях утешительных: скажи, что я прав, и этого твоего слова мне довольно...

...В Иркутске прощаюсь со многими товарищами...

...Вообразите наши разговоры и вы поймете, что я в сильном и не для всякого понятном волнении: радостно и тяжко — вот в двух словах изображение всего моего существования..

...Вольховскому искренно жму руку.

...Не забывайте верного вам друга.

И. Пущин.

№ 32. И. В. Малиновскому и В. Д. Вольховскому [45]).

Туринск, 27 октября 1839 г.

... Сюда я приехал десять дней тому назад; все это время прошло в скучных заботах о квартире и т. п. От хлопот этих отдыхаю в кругу здешних моих товарищей: их трое—Ивашев, Анненков и Басаргин: двое первых давно женаты, а третий недолго до моего приезда здесь женился. Я очень рад, что, расставшись недавно с большой моей сибирской семьей, нашел в уединении своем кого-нибудь из наших. В них для меня заключается все общество: можно разменяться мыслью и чувством. Верите ли, что расставания с друзьями, более или менее близкими, до сих пор наполняют мое сердце и как-то делают неспособным настоящим образом заняться. Новый городок мой не представляет ничего особенно занимательного: я думал найти более удобств в жизни, нежели на самом деле оказалось. До

сих пор еще не основался на зиму—хожу, смотрю, и везде не то, чего бы хотелось без больших прихотей; от них я давно отвык, и верно не теперь начинать к ним привыкать. Природа здесь чрезвычайно однообразна, все плоские места, которые наводят тоску после разнообразных картин Восточной Сибири, где реки и горы величественны в полном смысле слова. Эта разница поражает, когда постепенно от востока к западу приближаешься. Мое путешествие было осеннее, но я испытал и тут всю силу впечатления. Земля у нас уже покрыта снегом...

...Благодарю тебя, любезный друг Иван, за добрые твои желания—будь уверен, что всегда буду уметь из всякого положения извлекать возможность сколько-нибудь быть полезным. Ты воображаешь меня хозяином—напрасно. На это нет призвания, разве со временем разовьется способность; и к этому нужны способы, которых не предвидится. Как бы только прожить с маленьким огородом, а о пашне нечего и думать. Главное, не надо утрачивать поэзию жизни—она меня до сих пор поддерживала,—горе тому из нас, который лишится этого утешения в исключительном нашем положении.—Из Красноярска я привез тебе дружеское приветствие старого твоего однополчанина Митькова: он завелся домком и живет полным хозяином—много мы с ним потолковали про старину, ты был на первом плане в наших разговорах...

...Бедный Суворочка—он меня огорчил своим горем. Спасибо, друг, что приписал доброе, сердечное слово...

...Забыл тебе сказать, Вольховской, что в Омске проездом видел Гогена и познакомился с женой его. Они вам кланяются, а я им надоел вопросами о вас и все было мало...

1840 год

№ 33. Е. А. Энгельгардту [49]).

Туринск, 25-го генваря 1840.

Вы имеете полное право, почтенный друг Егор Антонович, быть недовольным мною: нужна испытанная ваша доброта,

чтобы простить мне слишком трехмесячное мое молчание, до сих пор не благодарил вас за письмо ваше на Лицейском листке, которое меня встретило в Тобольске. Взглянуть на эти знакомые места, вспомнить все, что так живо во мне,—было истинное наслаждение. Часто я всматриваюсь в милый рисунок и мысленно беседую с вами и с теми, которые делили со мной впечатления молодости. Спасибо вам, от души спасибо за счастливую мысль навестить меня этою неожиданностью. Я перелетел к тому счастливому времени, когда начал питать к вам благодарное чувство—оно навсегда останется моим утешением.

Вы давно уже знаете, что я худо начал мое новоселье в Туринске. Все это время нездоров самым неприятным образом; повидимому, все в порядке, но почти беспрерывно испытываю такое волнение и биение сердца, которые мешают и думать, и заняться, как должно. Мною овладела какая-то мрачность; я ужасно не люблю этого состояния, тем более, что оно совершенно мне несвойственно и набрасывает неприятную тень на все окружающие предметы. До сих пор умел находить во всех положениях жизни и для себя, и для других веселую мысль—теперь как-то эта способность исчезла; надеюсь, что это временный туман, он должен рассеяться, иначе тоска. Вот причина, почему так долго не говорил с вами. Трудно еще откладывать, хоть чувствую, что не могу представиться к вам в таком виде, в котором вы привыкли видеть вашего Jeannot. Время даст мне возможность исправить то, что от меня зависит—вы не поскучаете несвязными моими словами.

Новая моя жизнь на поселении не представляет покамест ничего занимательного. Сначала я был озабочен глупыми хлопотами о хозяйстве, в котором ничего не понимаю. Кочевал по разным квартирам, более или менее неудобным, пока, наконец, бросил якорь в доме товарища Ивашева, где живу уже неделю en pension. Это существование служит нам взаимным утешением—мы живем больше в своем кругу—город мне знаком по прогулкам, вообще довольно однообразным. Хожу всякий

день для движения—в полчаса обойдеш весь город. Весна оживит окрестности, которые два дня после моего приезда покрылись снегом, и теперь пред глазами белая равнина, отпечаток Тобольской губернии. Здесь с трудом найдешь что-нибудь похожее на великолепную природу восточной Сибири: я к ней больше привык, там я был довольнее собой—там многие из друзей остались, разлука с ними тяжела: с трудом привыкаю к этой мысли. Впрочем, оставим эту струну—она издает слишком мрачный звук.—Поговорим о другом.

11-го ноября вы не заметили меня, почтенный друг, в кругу ваших посетителей, собравшихся на годовщину семейного, неизменно счастливого вашего существования: я радостно приветствовал вас и добрую Марью Яковлевну. Видел с каким утешительным чувством вы в этот день вверили судьбу вашей милой Annette Ленц достойному молодому человеку. Принимая искреннее участие в их будущности, желаю им наслаждаться вашим счастьем. Это мое убеждение: вы со мной будете согласны—Марья Яковлевна по скромности будет оспаривать.—Трудно выразить с каким удовольствием я нашел на вашем листке французскую строчку доброй знакомой руки—целую и мысленно за воспоминание. Прошу вас хорошим немецким приветствием благодарить за меня M-lle Rousseau за дружеское слово: оно оживило незабвенное прошедшее.

Пришлите мне семена, о которых вы упоминаете в письме. В мае месяце можно будет их и сеять—мы приготовим грядки и взрастим что можно. Я непременно хочу огородничать—посевов заводить не стоит. Разведу также маленький садик—то есть, надобно будет насадить кусты и дерном прикрыть землю. Все это еще долго ждать, по крайней мере, будет летом свой зеленый уголок. Мне приятно от вас получить начало моего садоводства, из Петровского привез некоторые семена, собранные с тюремных наших кустов. Когда что-нибудь устрою, подробно вас уведомлю—вперед не загадываю—не знаю, как это все пойдет. Теперь главное хочется поправить здоровье—без него нет ни к чему охоты. При всем желании скорее выйти из

этого несносного расположения духа, до сих пор мало вижу успеха от всего, что употребляю к излечению: чувствую, что беседа моя может вам наскучить. Пора обнять вас, почтенный друг, с прежним, неизменным чувством—до письменного свидания в лучших мыслях.

Скажите мой дружеский привет нашим друзьям Лицея— я недавно получил доброе письмецо от Вольховского, который чудесно действует в Каменке: они поселились там доброй семьей. Бывший предводитель часто наделяет меня иероглифами, которые я всегда с удовольствием разбираю. Пишите ко мне, когда **Земледельческая Газета** дает вам досужную минуту. Не нужно вам говорить, что мне необходимо иногда слышать ваш голос; вы это знаете и верно, по возможности, будете доставлять мне это утешение.—Не перечитываю письма моего, боясь бросить его в печь. Вы снисходительно прочтете его—и побраните за пустоту в голове: не обвиняйте только сердца: оно то же в верном вам друге.

И. Пущин.

№ 34. И. В. Малиновскому [50]).

(Туринск) 14 июня 1840.

...Последняя могила Пушкина! Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история и если б я был на месте К. Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь: я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России, хотя не всем его стихам поклоняюсь. Ты догадаешься, про что я хочу сказать: он минутно забывал свое назначение и все это после нашей разлуки...

№ 35. Е. А. Энгельгардту [51]).

19-го июля 1840. Туринск.

На прошедшей неделе не удалось мне, почтенный и добрый друг мой Егор Антонович, поблагодарить вас за ваше мартовское письмо, которое долго странствовало: через Иркутск, нако-

нец, оно дошло до меня, и я насладился вашей беседою; рано или поздно она всегда для меня истинное утешение. Спасибо вам за дружеские ваши советы—исполнением постараюсь доказать, что я умею ценить ваше доброе ко мне участие. Мне очень жаль, что не прежде получил ваши листки—теперь я отправляюсь в Тобольск, куда просился с’ездить для советов с медиком и вряд ли буду иметь возможность исполнить ваше желание на счет описания Туринска. Не обещаю; но если из собранных некоторых сведений и из того, что Басаргин мне обещает туда переслать, выйдет нечто путное и достойное вашего внимания, то непременно доставлю вам все целиком и вы тогда увидите, годно ли оно для вашей **Газеты.**

Я не писатель и очень строг в этом отношении, особенно к самому себе. Надобно говорить дельно или ничего не говорить—и самый предмет должен быть некоторой, особенной занимательности. Не совсем уверен, чтобы Туринск этим отличался: в свое время вы сами будете об этом судить.

Пожалуйста, присылайте мне что-нибудь дельное, любопытное для перевода; с уверенностью, что этот труд может быть полезен, я охотно примусь за него. Желал бы очень чем-нибудь содействовать Лицейскому вашему предприятию—денежных способов не имею, работать рад, если есть цель эту работу упрочить, без этой мысли нейдет на лад. Вы справедливо говорите, что у меня нет определенного занятия—помогите мне в этом случае и без сомнения урочное дело будет иметь полезное влияние и на здоровье вместе с гидропатией, которая давно уже в действии. Я сам с давних пор признаю целебность чистой, холодной воды—теперь усилил приемы и наружно и употребляю ежедневно.

Из Тобольска буду к вам писать пространнее—там останусь, пока не почувствую существенного облегчения. Сегодня вечером или завтра утром отправляюсь: среди хлопот и шума, как обыкновенно при от’езде, пишу к вам наскоро. Не хотелось в даль откладывать, и то вы, я думаю, давно уже поджидаете вести на ваше последнее послание, которое я читаю и перечи-

тываю миллион раз. Все в нем так живо переносит меня к вам, что я как будто возле вас. Спасибо вам, что вы не скучаете беседовать со мной и передаете мне известия о близких нам друзьях. Прошу вас всех наших Лицейских уверить, что я часто мысленно соединяюсь с ними и издали умею участвовать в приятном и горьком, встречающем их на пути жизни.

Порадовался с вами, почтенный друг, свиданью вашему с Максом; но прискорбно мне известие о Чаре. Надеюсь, что воды возвратят ему зрение, без него плохо жить. Об утратах сердечных бедного Воли я давно знал из писем Annette. Приветствуйте дружески за меня всех ваших домашних—добрейшей Марье Яковлевне целую ручку сто тысяч раз.

Мне приятна уверенность, что вы в вашем tete à tete иногда вспоминаете далекого, признательного вам друга. Я часто говорю о вас с тещей моего товарища Иванова, у которого я постояльцем живу, m-me Ledantu. Она в старые годы нанимала квартиру у вас в Петербурге и очень хорошо вас знает, хотя знакомства между вами не было. Сюда приехала к дочери, девять месяцев только прожили вместе: судьбе угодно было, чтобы мать похоронила дочь: трое малюток остались на ее попечении—она помогает отцу в воспитании сирот.

Покамест прощайте, добрый мой друг. Крепко обнимаю вас с желанием искренним всего радостного вам и всему вашему семейству. Вы ничего не говорите об Annette Б—ое. Как поживают молодые супруги?—Навсегда верный ваш друг

И. Пущин.

Описания Грефенбергской лечебницы я не получил—верно где-нибудь затерялось—тем не менее благодарю вас, что вы его послали. Посылайте вперед ваши письма через сестру, она вернее знает, где и как меня найти.

1841 год

№ 36. Е. А. Энгельгардту [52]).

(Туринск, 29 мая 1841 г.).

Почтенный друг, будьте крестным отцом возрожденного русского Паскаля. Кумой вашей будет Annette.

Младенец несколько ряб лицом—но и эти рябины можно сгладить, если найдете нужным: вы там отыщете хорошего писца. Я бы сам это сделал, но не хочется отдалять доставления к вам рукописи. Она к вам идет прямо чрез Марью Петровну Ледантю, которая имеет право пользоваться почтовыми сообщениями. Постарайтесь денежно вознаградить труд Павла Сергеевича Пушкина, доброго моего товарища. Это вознаграждение для него, с больным его братом, будет существенно полезно. Перевод довольно отчетливый—пора Старому Паскалю явиться на нашем языке. С будущей почтой я вам буду писать своей дорогой. Крепко жму вам и Марье Яковлевне руку.

Вы меня уведомите о ходе этого дела.—Я думаю, можно выручить за этот довольно трудный перевод 1500 или 2000 рублей.

№ 37. Е. А. Энгельгардту [53]).

6-го июня 1841, Туринск.

С прошедшей почтой Марья Петровна Ледантю отправила к вам, почтенный друг Егор Антонович, Паскаля в русском костюме. Постарайтесь напечатать этот перевод товарища моего изгнания, Павла Сергеевича Бобрищева-Пушкина. Он давно (трудился?) над этим переводом и общими силами кончили его в бытность мою последний раз в Тобольске. Вам предоставляется право распорядиться как признаете лучшим: может быть эту рукопись купит книгопродавец; может быть захотите открыть подписку и сами будете печатать? Цель главная—выручить денег, потому что Пушкин с братом больным не из числа богатых земли. Чем больше им придется получить, тем лучше.

Мы не знаем положительно, являлся ли Паскаль на нашем языке. Справлялись со всеми возможными каталогами и нигде его нет. Значит, что если и был когда-нибудь этот перевод в печати, то очень давно и вероятно исчез. Может быть и трудность этой работы останавливала охотников **приняться за старика** (как говаривал наш профессор Галич). Одним словом: вы, почтенный мой Директор, на месте все узнаете, учините надлежащие справки—и пустите в ход Сибиряка. Вам позволяется пригладить его, если кой-где найдете это нужным. Вы не поскучаете этим делом, я убежден. Нетерпеливо жду вашего мнения и о переводе, и о надежде к изданию.

Давно не беседовал с вами, хотя часто вы присутствуете при моих занятиях и при моих развлечениях. Молчание мое этот раз происходило не от тех причин, как в прошлом году. Вы давно знаете и порадовались, что тяжелый 840 год для меня миновал. Дьяков вооружался холодом, льдом, цикутой и шпанкой—все это вместе усмирило аневризму сердца, которая долго не давала мне покоя. Шесть месяцев в Тобольске имели желанный успех: я возвратился в Туринск здоровым и годным для всякого рода жизни человеком. Вот уже почти полгода, что постоянно избавлен от припадков, которых никому не желаю и которые было совершенно сбили с толку вашего 43-летнего Jeannot. Теперь, благодаря Бога, я кой-что и делаю и в огороде цинцинатствую. Вы бы похвалили мою цветную капусту и артишоки. Последние не доходят до надлежащей величины, но будут напоминать вкус тех, что мы, во время оно, вместе едали. Резеда моя двухгодовалая удивляет Туринских жителей, которые ограничиваются базиликом, для меня ненавистным:—это то же, что гортензии на всех окнах в Луге. Главный мой пункт теперь Камелии—их в прошлом году прислали Марье Петровне из Дрездена—и некоторые уже у нас цвели: это прелесть. Вы верно знаете этот цветок—если же нет, то пожалуйста не пренебрегайте этим знакомством и введите его в свой домашний родной круг.

Верно мысли наши встретились при известии о смерти доброго нашего Суворочки. Горько мне было убедиться, что его

нет с нами—горько подумать о жене и детях. Непостижимо, зачем один сменен, а другой не видит смены?—Кажется, меня прежде его следовало бы отпустить в дальнюю, бессрочную командировку. И у вас, почтенный друг, много было своего горя. Вы оплакали кончину жены Александра, который сам страдает глазами. Как он теперь? Недавно похоронили внука. Мне все это говорит незабвенная моя Annette, и все это находит верный отголосок в сердце, не умеющем не любить вас попрежнему. Пишите ко мне, добрый друг. Не все же заниматься **Земледельческой Газетой,** которую я с будущего года буду получать. Бросьте иногда на бумагу несколько строк в наши края: они падут на благодарную почву.

Я поджидаю книгу, которую вы хотели заставить меня перевести для Лицейского капитала. Присылайте, я душою готов содействовать доброму вашему делу. На-днях минет нашему кольцу 24 года. Оно на том же пальце, на который вы его надели—давно рука эта не могла пожать вам руку: но это не мешает мне участвовать во всем, что делается в нашем Лицейском кругу. Недавно в газетах встретил некоторые имена—очень рад, что Маслов в числе других звездоносцев: он человек способный и теперь на своем месте. Приветствуйте всех однокашников за меня. Может быть 9-ое число соединит наличных представителей 1817 года. Тут вы вспомните и отсутствующих: между ними не все ходят с звездами, которые светили нам на пороге жизни. Соединение там, где каждый явится с окончательным своим итогом.

Прощайте покамест, добрейший Егор Антонович; пожмите руку почтенной Марьи Яковлевны и всех ваших домашних, мне знакомых. Много еще надобно сегодня писать и на восток и на запад. Будьте все здоровы и вспоминайте иногда о сибирском вашем друге.

И. Пущин.

Скажите мне, как поживает маленькая (теперь большая) Annette. Вообще поговорите мне о всех и обо всем. Не было бы

конца, если б стал вам задавать вопросы. Вы сами лучше знаете какими известиями меня порадовать. Дай бог, чтоб у вас все было хорошо.

(На обороте листка) Егору Антоновичу Энгельгардту.

1844 год

№ 38. И. В. Малиновскому [54]).

Ялуторовск, ноября 844.

Очень понимаю, любезный друг Иван, что мои письма для тебя тревожны: ты получаешь листки, в которых я обращаюсь к живой для меня Марии, когда уже она не существует. Обстоятельства заставляют нас ощущать то же, но не в одно время, так как и солнце не в одно время для нас восходит.— Письмо твое от 19-го сентября дошло ко мне на прошлой неделе—оно снова привело на думы о незабвенной. Спасибо тебе, что ты не отделяешь мысль о ней от всех твоих занятий и успехов. В попечениях твоих о милом Тоне прибавь к твоей привязанности частицу материнской любви; это удвоит твои силы и облегчит твою заботу. Благодарю тебя, что ты познакомил меня с домашним твоим кругом. Приветствую всех от незнакомого знакомца, который часто заглядывает к вам в Каменку. Помоги тебе бог—помоги он всем нам помириться с скорбным чувством.

С особенным удовольствием мы вместе с Евгением читали последнее твое письмо, где ты подробно говоришь о твоих сельских занятиях. Вполне уверен, что ты находишь свою пользу в пользе крестьян. Верно им у тебя хорошо во всех отношениях. Пожалуй ты заставишь иногда думать, что не нужно и свободы для этого класса. Продолжай действовать для их блага, но все-таки согласись, что такой помещик, как ты, только счастливое исключение. Оно не может подкрепить общего правила, вредного в применении и для управляемых и для управ-

ляющих. Ты на опыте должен убедиться лучше нежели всякой теорией. Вопрос в том, как лучше разрешить эту трудную задачу, а разрешение делается необходимым от времени до времени. Много бы хотелось сказать, но это не для тесной рамки нашей переписки.

У нас, любезный друг, все идет прежним порядком. Нового нечего сказать о нашем здешнем быте. Ты больше или меньше его знаешь. Слава богу, мы оба и все наши товарищи здоровы.—Делим время и все, что оно приносит с собой. Таким образом облегчается горькое и более радует приятное.

Поцелуй Тони за его две строчки. Пусть он привыкает на твоем листке сказать мне словечко. Дружески приветствую Марью Васильевну, если письмо мое застанет ее вместе с тобой. Вари верно уже не будет в Каменке, когда этот листок придет.

Будьте все по возможности покойны. Крепко жму тебе руку, любезный друг Иван.—От тебя теперь отправляюсь к Розену.

Твой верный *И. Пущин.*

Евгений принес тебе листок.

1845 год

№ 39—47. Е. А. Энгельгардту [55]).

(Ялуторовск) 26 февраля 845.

На этих днях, почтенный друг Егор Антонович, получил я ваши листки от 17 января, мне их привез черномазый мой племянник, которого я распек за то, что он с вами не повидался в Петербурге. На всякий случай начинаю беседу с вами, когда-нибудь найдется возможность переслать болтовню.

Сбылось, как я ожидал: вперед был уверен, что Жадовской, которому однако я очень благодарен за пожертвование нескольких часов на пути, ничего вам не сказал особенного обо мне. Он так был занят своими делами, что все другое ему как будто чуждо. Живя на золотой дороге, мне часто случается

видеть стремящихся щеголять и делать свои наблюдения над этими господами. Признаюсь вам, итог этих ощущений довольно скучный. Вообще они без всякого уважения говорят друг об друге — и нашему Лицею достается от многих. Не знаю, до какой степени справедливы эти упреки, но тошно слышать, а главное думать, что хотя часть их заслужена. Впрочем, каждый делает, как знает — я стараюсь не углубляться, чтобы не сделаться мизантропом.

Вы очень справедливо заключаете, что я доволен моим пребыванием в Ялуторовске. Нас здесь пятеро товарищей: живем мы ладно, толкуем откровенно, когда собираемся, что случается непременно два раза в неделю: в четверг у нас, а в воскресенье у Муравьева. Обедаем без больших прихотей, вместе, потом или отправляемся ходить, или садимся за вист, чтобы доставить некоторое развлечение нашему старому товарищу Тизенгаузену, который и стар, и глух, и к тому же, может быть, по необходимости охотник посидеть за зеленым столом. Прочие дни проходят в занятиях всякого рода — и умственных, и механических. Слава богу, время не останавливается: скоро минет двадцать лет Сибирскому особого рода существованию. В итоге, может быть, окажется что-нибудь дельное: цель освящает и облегчает заточение и ссылку. Большого сближения с чиновным людом у нас нет: но вообще все они очень хорошо принимают нас и оказывают всевозможное внимание. Беда только в том, что народ все пустой, и большею частью с пушком на рыльце: это обстоятельство мешает им быть с нами, зная, что мы явно против этого общего обычая. Одна семья, с которою я часто видаюсь, это семья купца Балакшина. Очень человек добрый и смышленый; приятно с ним потолковать и приятно видеть готовность его на всякую услугу: в полном смысле слова верный союзник, исполняет наши поручения, выписывает нам книги, журналы, которые иначе должны бы были с громким нашим прилагательным отправляться в Тобольск, прежде нежели к нам доходить. Все это он делает с каким-то радушием и приязнью.

Горько слышать, что наше 19 октября пустеет: видно и чугунное кольцо истирается временем. Трудная задача так устроить, чтоб оно не имело влияния на здешнее хорошее. Досадно мне на наших звездоносцев; кажется, можно бы сбросить эти пустые регалии и явиться запросто в свой прежний круг. Обнимите за меня крепко Фрицку; душевно рад, что он переселился к вам. Мысленно я часто в вашем тесном кругу с прежними верными воспоминаниями. У меня как-то они не стареют. Вижу вас, Марью Яковлевну такими, как я вас оставил: забываю, что я сам не тот, что прежде. Оставив в сторону хронологию, можно так живо все это представить, что сердце не верит давности. Скоро я надеюсь увидеть Вильгельма, он должен проехать через наш город в Курган, я его на несколько дней заарестую. Надобно будет послушать и прозы, и стихов. Не видал его с тех пор, как на гласисе крепостном нас собрали — это тоже довольно давно. Получал изредка от него письма, но это не то, что свидание. Вольховского биографию мне прислал Малиновский давно. Спасибо ему, что он напечатал, но напрасно тут слишком много казенного формуляра. Я и после смерти доброй моей Марьи не перестаю писать к Малиновскому и к его сыну. Кажется, мальчик умный и способный. Что-то **его ждет впереди?** Если вам лишний мой список письма Сперанского, то вы при случае мне его возвратите. Странно, что я не догадался заранее, что верно вы давно (его) читали. Других замечательных рукописей у Словцова не оказалось. Были еще письма Сперанского о религии; одно из них будет напечатано в **Москвитянине.** Словцов — тот самый, которого вы знали во время оно. Прочтите его историю Сибири, недавно изданную. Слог тяжел, изложение странное, но есть любопытные факты и какой-то свой взгляд. Трудолюбия в покойнике было много, но мало даровитости.

5 марта [56]).

Вы все хотите иметь подробное сведение об Ялуторовске. Право, ничего нет особенно занимательного ни в политическом, ни в естественном отношении. Управление, т.-е. Конституция,

тоже самое, что и за Уралом, с одною только существенною, коренною выгодою: нет крепостных. Это благо всей Сибири и такое благо, которое имеет необыкновенно полезное влияние на край и без сомнения подвинет ее вперед от России. Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты. Она могла бы тотчас отделиться от метрополии и ни в чем не нуждалась бы — богата всеми дарами царства природы. Измените несколько постановления, все пойдет улучшаться. Спасибо Киселеву, что он это понимает, и в доказательство состоялся в 1842 году закон, чтобы не иначе отводить в Сибири земли под разные заведения, как с условием обрабатывать их вольными работниками. Эта мера была необходима: многие хотели перевести сразу крепостных на Сибирскую почву. В несчастных наших чиновниках и здесь есть страсть, только-что дослужатся до кол. асессора, тотчас заводит дворню; но большею частью эта дворня, по смерти кол. асессора, получает свободу, потому что дети не имеют права владеть, родившись прежде этого важного чина. Вообще здесь, можно сказать, почти нет помещиков; есть две-три маленькие деревеньки в Тобольской губернии, но и там невольным образом помещики не могут наслаждаться своими правами: стараются владеть самым скромным образом. Соседство свободных селений им бельмо на глазу. Народ смышленый, довольно образованный сравнительно с Россией, за малыми исключениями, и вообще состояние уравнено: не встречаете большой нищеты. Живут опрятно, дома очень хороши; едят как нельзя лучше. Не забудьте, что край наводняется ссыльными: это зло, но оно не так велико, при условиях местных Сибири, хотя все-таки правительству следовало бы обратить на это внимание. Может быть, оно не может потому улучшить положения ссыльных, чтобы не сделать его приманкою для крепостных и солдат. При сцеплении общем в этой огромной машине, надо начать с уменьшения зла там; тогда и здесь будет поселенец не тяжел для старожилов. Нельзя же, чтоб часть населения того же государства, была обречена быть местом извержения тех, которых не терпят в другой его части. По крайней мере, следует по справедливости

уменьшать вред от них, давая им способы к обзаведению. Этого ничего нет. Мудрено на бумаге обо всем этом толковать. Если бы вы сами сюда приехали, обо многом мы потолковали бы. Жаль, что местное начальство ничего не понимает. Один Сперанский что-то хотел для Сибири, но и его предначертания требуют изменений и частью развитий; между тем как теперь Сибирское учреждение совершенно искажают в лучших его основаниях.

Сенатора прислали с целой ордой правоведцев; они все очищают только бумаги, и никакой решительно пользы не будет от этой дорогой экспедиции. Кончится тем, что сенатору, которого я очень хорошо знаю с давних лет, дадут ленту, да и баста. Впрочем, это обыкновенный ход вещей у нас. Пора перестать удивляться и желать только, чтобы, наконец, начали добрые, терпеливые люди думать: нет ли возможности как-нибудь иначе все это устроить? Надобно надеяться, что настанет и эта пора. Многих **правоведцев** я видел; но вообще они мне не понравились: не нахожу в них того, что меня щекотало в их годы. Все вообще народ сонный и ничего нет увлекательного; какое-то равнодушие в начале пути, равнодушие непростительное и уставшему нашему брату. Может быть, при коротком свидании, мне не удалось их раскусить, или мы древностью своею историческою их испугали, хотя мне кажется с нами-то им удобнее всего было распахнуться в здешней степи, где чиновный люд способен видеть их неопытность, не подозревая даже образования залетных ревизоров. Увидим, какое они сделают на меня впечатление на возвратном пути: нынешнюю зиму сенатор, со всем своим штабом, должен вернуться во-свояси.

21 марта [57]).

Три дня прогостил у меня оригинал Вильгельм. Проехал на житье в Курган с своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми детьми и с ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством. Это свидание напомнило

мне живо старину: он тот же оригинал, только с проседью в голове. Зачитал меня стихами до-нельзя: по праву гостеприимства я должен был слушать и вместо критики молчать, щадя постоянно развивающееся авторское самолюбие. Не могу сказать вам, чтоб его семейный быт убеждал в приятности супружества. По моему, это новая задача провидения устроить счастье существ, соединившихся без всякой данной на это земное благо. Признаюсь вам, я не раз задумывался, глядя на эту картину, слушая стихи, возгласы мужиковатой Дронюшки, как ее называет муженек, и беспрестанный визг детей. Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака: и в Баргузине можно было найти что-нибудь хоть для глаз лучшее. Нрав ее необыкновенно тяжел, и симпатии между ними никакой. Странно, то, что он в толстой своей бабе видит расстроенное здоровье и даже нервические припадки, боится ей противоречить и беспрестанно просит посредничества; а между тем, баба бесится на просторе: он же говорит: «ты видишь, как она раздражительна!» Все это в порядке вещей: жаль, да помочь нечем. Между тем он вздумал было мне в будущем январе месяце прислать своего шестилетнего Мишу на воспитание и чтоб он ходил в здешнюю Ланкастерскую школу. Я поблагодарил его за доверие и отказался. Спасибо Вильгельму за постоянное его чувство, он точно привязан ко мне; но из этого ничего не выходит. Как-то странно смотрит на самые простые вещи, все просит совета и делает совершенно противное. Он хотел к вам писать с первого своего места жительства. Прочел я ему несколько ваших листков. Это его восхитило; он, бедный, не избалован дружбой и вниманием. Тяжелые годы имел в крепостях и в Сибири. Не знаю, каково будет теперь в Кургане, куда переселил его родственник Владимир Глинка, горный начальник в Екатеринбурге.

Напрасно покойник Рылеев принял Кюхельбекера в общество, без моего ведома, когда я был в Москве. Это было незадолго до 14 декабря. Еслиб вам рассказать все проделки Вильгельма в день происшествия и в день объявления сентенции, то

вы просто погибли бы от смеху, не смотря, что он был тогда на сцене трагической и довольно важной. Может быть, некоторые анекдоты до вас дошли стороной.

Я все говорю и не договариваю, как будто нам непременно должно увидаться с вами. Ах, какое было бы наслаждение! Думая об этом, как-то не сидится. Прощайте. Начал болтать; не знаю, когда кончится и когда до вас дойдет эта болтовня, лишь бы не было после ужина горчица!

29 апреля [58]).

Грустно мне сегодня присесть к вашему листку, почтенный друг. Почта привезла мне известие о новой, горестной вашей потере. Родные пишут, что вы схоронили дочь, мать семейства. Побежал бы к вам вместе погоревать, пожать руку вам и добрейшей Марье Яковлевне. Но между нами обстоятельства и Урал. Остается здесь просить бога, чтобы он дал вам силы перенести горький удар. Я знаю, что вам досталось в удел много бодрости душевной, между тем она сильно испытуется. Помоги вам бог на вашем трудном поприще. Теперь опять прибавляются вам заботы с внучатами. Эти заботы, налагая новую обязанность, облегчают горе и мирят с жизнью, которая вряд ли не тяжелым делается мила для большей части. Необходимость испытать силы заставляет делать усилия—это закон общий, естественный. Если б мне сказали в 1826 году, что я доживу до сегодняшнего дня и пройду через все тревоги этого промежутка времени, то я бы никогда не поверил и не думал бы найти в себе возможность все это преодолеть. Между тем, и это все прошло, и кажется есть еще запас на то, что предстоит впереди. Радостного ожидать трудно, надобно быть на все готовым с помощью божией.

Вы все спрашиваете о положительных моих занятиях. Положительного одно, что всегда чем-нибудь занят и что даже время скоро идет. Случается кой-кому помочь, написать кому-нибудь деловую страничку, по которой выходит и доброе. Переводами занимался не один раз; между прочим перевел еще в

Читинском остроге **Записки Франклина**. Первая часть моей работы, а вторая — Штейнгеля. Кажется, было порядочно, и предисловие с посвящением труда вам, почтенный друг. Вы еще в Лицее познакомили меня с этой дельной книгой. Послали ее и другие переводы к одному родственнику Муханова, здешнего моего товарища — все кануло в море: ни слуху, ни духу. Сколько ни справлялся, ничего нет. Черновую рукопись я истребил по случаю бывшего тогда тюремного осмотра. Нельзя было сохранить эту контрабанду: чернила были запрещены. История Паскаля вам известна. Я тогда же говорил Пущину, что вряд ли будет на эту книгу сбыт: но так как у него были, при болезненном моем проезде в Тобольск, черновые кой-какие тетради, то он и стал переправлять и дополнять недостающее. Читаю все, что попадается лучшее, друг другу пересылаем книги замечательные, даже имеем и те, которые запрещены. Находим дорогу: на ловца бежит зверь.

Малютка наша Аннушка мешает иногда нашим занятиям, но приятно и с ней повозиться. Ей скоро 3 года. Понятливая, неглупая девочка. Со временем, если бог даст ей и нам здоровья, возня с ней будет еще разнообразнее и занимательнее.

А почтовый день у меня просто как в каком-нибудь департаменте. Непременно всякую почту пишу и получаю письма. Сношения с родными, друзьями утешительны. Надобно быть в Сибири, чтобы настоящим образом понять эту отраду. В эти годы накопилась целая библиотека добрых листков, погодно переплетены. Считайте сами, сколько томов составилось. Часто заглядываю на эту полку с усладительным чувством. Судьба меня балует дружбою, мною незаслуженной. Сколько около меня товарищей, которые лишены даже родственных сношений: снятые эполеты все уничтожили, как будто связи родства и дружбы зависят от чинов и прочих пелендрясов. Жаль тех, которые не понимают чувства: но больно за тех, которым пришлось испытать эти разочарования.

С будущим месяцем начнем копаться в огороде. Только вряд ли я буду большой помощник Евгению и Михеевне, нашей

доброй dame de palais. Нога в жары как-то сильно напоминает о себе: заставляет сидеть, поднявши ее вверх; а в этом положении не годишься в огородники. Домашняя наша семья состоит из Матрены Михеевны Мешалкиной, Туринской мещанки, доброй женщины, которая славно, т.-е., опрятно и вкусно нас кормит, из Варвары Самсоновны Барановой, здешней жительницы, исполняющей добросовестно и усердно должность фрейлины при нашей Аннушке, и из Афанасия, молодого парня, который нам помогает и смотрит за лошадью и двумя коровами. Кроме того, есть прачка, такая порядочная особа по имени Евгения Михайловна. Весь этот народ к нам привязан и в доме спокойно. Нам в этом завидуют, но я думаю, это—следствие хорошего обращения с ними: мы свыклись, в других же местах только и слышишь, что беспрестанные перемены министерства,—и все с удивлением спрашивают, почему у нас этого не случается.

Дом занимаем порядочный, вдовы Бронниковой, которая позволяет нам на свой счет делать всевозможные поправки, и за это и за владение берет 250 рублей в год. Наружность нечто в роде станции в России; но расположение удобно. Для нас ничего лучшего не нужно. Каждому можно быть у себя, и есть место, где можно быть вместе. Не перехожу сегодня на другую страницу. Время обедать.

8 мая [59]).

4-го минуло вашему Jeannot 47 лет, а сегодня он справляет свои именины. Гости будут самые близкие люди; но давно ему не удается собрать тех, кого бы хотелось зазвать и без больших затей угостить в своем углу. Бывало, в Лицее, в этот день, в столовой, вместо казенного чая, стоят чашки, наполненные кофеем, со стопкой сухарей, и вся артель пьет с поздравлением приготовление Леонтия Кемерского. С тех пор много воды утекло, пришлось и в Сибири кормить мороженым. Спасибо добрым товарищам, жертвуют для именинника целым днем: а эти дни как-то тяжеле других: сильнее ощущаешь желание быть в прежнем кругу. Но этот круг теперь во многом изме-

нился: может быть, иного из старых знакомых встретишь и во многом не узнаешь. Время кладет неумолимую свою печать. В последний раз, в 1828 году, я в Москве справлял майские свои дни: тут были кой-кто из лицейских и вся magistrature renforcée, как называл нас кн. Голицын, ген.-губернатор московский. Сегодня просто хотелось напомнить вам вашего молодого питомца, который в Зауральском краю уже двадцатый раз именинник. Следовало бы за это долготерпение дать пряжку хоть с правом носить ее в кармане.

Вместо этого объявлено нам на-днях постановление Комитета гг. министров, высочайше утвержденное в феврале, которым разрешено нам отлучаться с билетами из мест водворения по уважительным причинам: живущим в городах на 30 верст, а живущим в деревнях на 50 верст, и то на три дня. Совершенно неожиданная милость, поражающая своею оригинальностью. Любопытно бы было знать, кому эта мысль пришла? Я понимаю, что можно сказать: не езжайте по уезду или по губернии или, наконец, по всей Сибири; а эти расстояния совершенно в духе гомеопатов. Гораздо проще ничего не делать, тем более, что никто из нас не вправе этого требовать, состоя на особенном положении, как парии между ссыльными, которые между тем могут свободно переезжать по краю после известного числа лет пребывания здесь, и даже с самого прибытия получают билет на проживание там, где могут найти себе источник пропитания, с некоторым только ограничением, пока не убедится общество в их поведении. Все эти постановления напечатаны: повторять их нечего. Любопытно только то, что с нами возятся, как курица с яйцом. Давно бы мы здесь построили город и вспахали землю, если бы с самого начала нас поселили в одном месте и дали возможность обзаводиться. И то женатые и в Чите, и в Петровском заводе настроили дома, которые пришлось бросить за бесценок, да и по городам многие покупали и строили и потом бросали. Все это вместе в продолжение стольких лет было бы полезно краю и на будущее время. Кажется, нечего опасаться, чтоб мы здесь делали пропа

ганду. Все, что остается—это какая-то монументальная жизнь; приходят, спрашивают и рассматривают, как предание еще живое чего-то понятного для немногих. Видят, что люди не злые, ни в качествах не замечены и в полиции не бывают.

Любопытны аттестации, которые дают об нас ежемесячно городничий и волостные головы. Тут вы видите невежество аттестующих и, смею сказать, глупость требующих от этих людей их мнения о том, чего они не понимают и не могут понять. Пишут обыкновенно: «занимается книгами или домашностью, поведение скромное, образ мыслей кроткий». Скажите, есть ли какая-нибудь возможность положиться на наблюдателей, которые ничего не могут наблюсти? Масса принимает за лекарей всех нас, и скорее к нам прибегает, нежели к штатному доктору, который всегда или большею частью пьян и даром не хочет пошевелиться. Иногда одной магнезией вылечишь, и репутация сделана, так что потом насилу можешь отговориться, когда является что-нибудь серьезное, где надобно действовать с знанием дела, или по крайней мере, ученым образом портить и морить. Заболтался. Оболенский напоминает, что имениннику пора похлопотать о предстоящих посетителях. В эти торжественные дни у нас обыкновенно отворяется одна дверь, которая заставлена ширмою, и романтический наш распорядок в доме принимает вид классический. Пора совершить это превращение. Прощайте.

25-е мая [60]).

Прошли еще две недели, а листки все в моем **бюваре**. Не знаю, когда они до вас доберутся. Сегодня получил письма, посланные с Бибиковым. Его самого не удалось увидеть; он проехал из Тюмени на Тобольск. Видно, он с вами не видался: от вас нет ни строчки. А я все надеялся, что этот молодой союзник вас отыщет и поговорит с вами о здешнем нашем быте. Муравьев, мой товарищ, его дядя, и он уже несколько раз навещал наш Ялуторовск.

Начались Сибирские наши жары, которые в роде тропических. Моя нога их не любит; я принужден был бросить кровь и несколько дней прикладывать лед. Это замедляет деятельность; надобно, впрочем, платить дань своему возрасту и благодарить бога, что свежа голова. Беда, как она начнет прихрамывать; а с ногой еще можно справиться. Бедный Михайло также несколько фальшит, только разница в том, что он был под пулями, а я в крепости начал чувствовать боль, от которой сделалось растяжение жилы, и хроническая эта болезнь идет своим ходом. Вылечиваться я и не думаю, а только разными охлаждающими средствами чиню ее, как говаривал некогда наш знаменитый Пешель. Брат Н-ко прислал мне «Тарантас». Верно вы читали его и согласитесь, что это приятное явление на нашем словесном поле. Надобно только бросить конец. Сон, по моему, очень глуп. Мы просто проглотили эту новинку; теперь я ее посылаю в Курган: пусть Кюхельбекер посмотрит, как пишут добрые люди легко и просто. У него же, напротив, все пахнет каким-то неестественным, расстроенным воображением; все не легко, как он сам, а охота пуще неволи и говорит, что наше общество должно гордиться таким поэтом, как он. Извольте тут вразумлять! Сравнивает даже себя с Байроном и Гете. Ездит верхом на своем Ижорском, который от начала до конца нестерпимая глупость. Первая часть была напечатана покойным Пушкиным. Вам, может быть, случилось видеть бук и кикимор, которые действуют в этом, так называемом, Шекспировском произведении. Довольно.

9 июня [61]

Сегодня проснулся в лицейской зале. Поистерся немного чугун на моем кольце, но воспоминание свежо. Мысленно мы верно с вами встретились; верно вы взглянули на ваш первокурсный список и помянули живых, мертвых и полу-живых и полу-мертвых. Нелегко мыслью пройти расстояние от 1817 по 1845. Я знаю только, что из всех этих годов 8 для меня прошли в свете, остальные имеют свои эпохи и впечатления.

Много бы надобно говорить, чтобы все это передать в порядке. Не достанет у Вас терпения читать; слушать, может быть, согласились бы, потому что можете, когда захотите, велеть замолчать. Как нарочно случился сегодня почтовый день; надобно присесть к маленьким листикам—будет всего три: один на Запад, другие два на Восток в Иркутск; около него также рассеяна большая колония наших.

21 июня [62]).

Не судьба моей болтовне к вам отправиться. Сегодня в ночь заезжал Казадаев: я, пока он здесь был, успел сказать несколько слов братьям Михайле и Николаю, а ваше письмо до другого разу осталось. Михайло прислал мне фасад нового дворца в Конюшенной улице, архитектура оригинальна и хороша; как-то они кончили отделку этого огромного здания? Потом, каково пойдет наем и уплата процентов? Я хотел нынешнее лето перестроить баню, но отложил это предприятие, потому что Польская лотерея мне ничего не вывезла; на нее была маленькая надежда, и она в числе многих других покамест осталась без исполнения. Все наши билеты, пишет сестра, остались пустыми. Может быть, Казадаев с вами повидается; он человек очень добрый, инспекторствовал здесь два года по почтовой части, объехал всю Сибирь и познакомился со всеми нашими, рассыпанными по огромному пространству. Не знаю, чем наполнена путевая его книга—чуть ли не то же, что в «Тарантасе»—белая бумага!

Весна обещала много хорошего; у нас перепадали теплые дожди, а потом опять обыкновенная засуха. Нельзя еще ничего положительного сказать об урожае: местами, говорят, хорош, но вообще лучше последних годов. Овощи огородные у нас все вообще хорошо родятся; капуста лучшая продается по 5 и по 4 сотня, а картофель по 30 коп. пудовка. Одна репа здешняя не вкусна; может быть это от грунта земли или от дурных семян. Ягоды: земляника, лесная клубника, немного малины и миллион брусники. Я вам их назвал по порядку их появления

на сцену, теперь мы едим землянику à discrétion. Здешний округ ягодами беднее других. В Тобольском и Туринском кроме того есть княженика и морошка. Плоды здесь не существуют, разве только на Исете вишни, и то небольшие и довольно кислые: хороши только в варенье и в уксусе. В огородах производят дыни и арбузы, как я уже вам говорил. Устроивши оранжерею, можно бы все иметь: но это слишком сложно и не стоит хлопотать. Можно обойтись без дальнейших хлопот.—Флора здешняя, т.-е. Западной Сибири, несравненно беднее Восточной: там и местность, и растительность, и воды совсем другие. От самого Томска на Запад томительная плоскость; между тем как на Востоке горы, живописные места и самое небо темно-голубое, а не сероватое, как часто здесь бывает. Климат вообще здоровый, сухой, больших болезней не бывает, только в сильные жары хворают дети, и то не всегда. Ничего особенного нет: по сельскому хозяйству новых систем здесь не существует; мужички действуют по старому, как отцы и деды действовали: все родится без удобрения. Ваша газета получается только в духовном правлении: нужно, чтобы кто-нибудь из крестьян в нее заглядывал: они еще не считают нужным читать, но очень заботятся, чтобы новое поколение было грамотнее, и это распространяется повсеместно в Сибири.

Жаль только, что наше премудрое министерство просвещения не тем занимает этих парней, чем бы следовало: им преподают курс уездного училища, который долбится и потом без всякой пользы забывается, между тем как редкий мальчик умеет хорошо читать и писать при выходе из училища. Та же история и у вас: многое и тут требует изменения, но видно еще не пришла пора

Пришла пора идти купаться в Тоболь. Это одно из самых приятных развлечений. У нас есть ванна, но как-то плохо устроена. Пришлите мне рисунок и размер чего-нибудь порядочного в этом роде, чтоб она была разделена на две половины и была устроена на барже, а не на плоту, где с ящиком как-то неудобно. Может быть, мы весной справим новую купальню.

Это для всего города приятно. Одна половина будет мужская, а другая—женская. Плавать я не умею, хоть в Лицее нас учили, и потому я барахтаюсь в ванне. Прощайте.

12-го июля [63]).

Надоело мне ожидать случая, я думаю, давно вините меня в неисправности. Пусть эти листки идут прямо в редакцию **Земледельческой Газеты**. Это гораздо простее. Пора вам читать мою болтовню; мало толку в ней найдете, но и по этому узнаете вашего неизменного, старого друга, который дружески, крепко вас обнимает и просит приветствовать всех ваших домашних и добрых посетителей, верных нашей старине. В главе их вижу Фрицку. Пожмите ему за меня руку и вспомните иногда в ваших беседах. Верно вместе будете разбирать мою грамотку, которая отправляется под фирмою материалов для газеты, а опыт-то в ней и не обретет почтенный Редактор.

Для успокоения вашей совести надобно вам сказать, что всходы были хороши: но бездождие, почти повсеместное в Тобольской губернии, не обещает обильной жатвы. Страдовать еще не начали, но уже в некоторых местах косят хлеб, как никуда негодный. Это неутешительное известие. Травы также довольно тощи: Евгений не очень доволен нашим покосом; в награду вчера его так смочило, когда он оттуда возвращался, что нитки не осталось сухой. Гораздо бы лучше было, еслиб этот дождь пал раньше, и не на него, а на траву, которую мы нанимаем на городских лугах. Впрочем сена будет довольно для наших двух коров и для рыжки. Надобно благодарить бога, что нынешний год не было падежа на скот: лонись (сибирское выражение) пало в городе из 800 штук рогатого скота слишком пятьсот. Это бедствие часто в Сибири бывает. Есть селения, где почти ни одной коровы не осталось. Почти никаких мер не принимают к прекращению этого зла, да и трудно что-нибудь сделать. Заботливый только хозяин находит возможность убрать свой скот, отделивши его совершенно от других. Мы своих сохранили в прошлом году: пускали кровь, обливали хо-

лодной водой и поили разными снадобьями освежающими, для отвращения воспаления в кишках. По наблюдениям это—причина упадка. Не знаю, дойдут ли нынешний год наши дыни и арбузы. Рано начались холодные росы, сегодня утром просто пахло осенью. Если это продолжится, то вряд ли дозреют на известных вам лунках. Однако, прощайте, почтенный друг. Вы, я думаю, и не рады, что заставили меня от времени до времени на бумаге беседовать с вами, как это часто мне случается делать мысленно. Не умею отвыкнуть от вас и доброго вашего семейного круга, с которым я сроднился с первых моих лет. Желаю вам всех возможных утешений. Если когда-нибудь вздумаете мне написать, то посылайте письма Матрене Михеевне Мешалкиной в дом Бронникова. Это скорее доходит. Крепко жму вашу руку. От Вильгельма сегодня получил письмо: он бедный хворает, жалуется на боль в груди и на хандру, которая обыкновенно сопровождает эту болезнь. Дайте весть, что благополучно дошли материальные и нематериальные.

Ваш *Jeannot.*

1847 год

№ 48. М. Н. и Н. И. Пущиным [64]).

(Ялуторовск) 7 июня 1847 г. Суббота.

В прошедшую субботу следовало мне писать к вам, добрые друзья, но за разными хлопотами не удалось мне поспеть к почте с вашим листком. Вы не взыщете за эту неисправность с далекого вашего друга. Между тем в это время я получил ваши письма от 11 и 19 апреля. Первое ваше, добрая Мария Николаевна, а второе твое, любезный друг Николай. Оба из Херсона, куда я и теперь обращаюсь к вам с моею речью, хотя может быть вы скоро покинете этот скучный город. Не совсем приятно мне было прочесть новое распоряжение насчет ревизии—и ты хорошо сделал, что писал. Разумеется могли тебе дать то пору-

чение, которое дали Корнилову, тем более, что ты уже на местах, где он должен действовать. Впрочем во всяком случае обижаться слишком нечего, а не мешает дать почувствовать, что ты понимаешь, в чем дело. Очень желаю, чтобы в вознаграждение этого маленького потрясения тебе удалось выиграть твою поземельную тяжбу и распространить твои владения на берегах Финского залива.

Я, в полном смысле слова Иоанн безземельный, порадуюсь, что тебя занимает собственность. Мы совершенно в разных обстоятельствах и потому вкусы наши различны. Буду ждать известий о твоем деле, лишь бы тебе удалось доказать свое право вопреки всем министрам.

Третьего дня был у меня на денек Яков Дмитриевич. Много просил вам обоим кланяться. Поехал в Красноярск. Из Петербурга он выехал на Пасхе. Михаила там не застал, видел только Annette. Семью свою оставил в Казани, и там гостил до 23 мая. Зимой думает опять туда ехать в отпуск и может быть совсем оставить службу на приисках. Тот же добрый и обязательный, как здесь говорят, человек. Я всегда рад, когда он завернет ко мне.

Теперь мы ожидаем Михаила Ларионовича—этот привезет вести посвежее. С прошедшей почтой очень удивили известием о женитьбе нашего Назимова. Он, как Кесарь, пришел, увидел и победил. Я очень рад за них обоих: есть какое-то убеждение, что они будут счастливы и в этом позднем соединении. Он сам мне приписывает несколько строк в письме М. Я. из Щигліц. Подробности этого неожиданного случая верно вам давно сообщены.

С другой стороны с той же почтой нам объявлено по приказанию шефа жандармов, чтобы мы писали разборчиво и лучшими чернилами, и что в противном случае наши письма не будут доставлены. Это тоже замечание довольно позднее, но тем не менее оригинально. Вследствие этого я хотел было написать письмо между двух линеек, как бывало мы писали дедушке поздравительные письма, но совестно стало: слишком ребяческая

шутка и также несвойственно моим летам, как и замечание о почерке, который впрочем довольно долгое время находит возможность разбирать. Вот все наши новости за эти три недели. Лазарет мой поправляется. Аннушка, кажется, совсем отделалась от лихорадки. Евгений благодарит тебя за добрый твой листок, будет отвечать, только не теперь: он весь сосредоточен на чадолюбии. Крестнице моей прививали оспу—и он с ней возится. Девочка понемногу поправляется. Добрый И. Я. сам хотел зайти и приписать к тебе. Он всегда с особенным чувством вспоминает время, проведенное с вами. Крепко жму вам обеим руку. Аннушка вас целует. Еще раз буду писать в Херсон, а потом в наш дом казенным пакетом.

№ 49. Н. И. Пущину [65]).

Ялуторовск, 30 августа 1817 г.

Две недели, как дошло до меня, любезный друг Николай, твое письмо от 15-го июня. До сих пор не отвечал тебе. У нас гостила Устинья Карловна с старшей дочерью. Этот раз они приезжали за детьми Вильгельма. Третьяго дня мы проводили малюток. Мать естественным образом тоскует, но понимает, что эта разлука на пользу детям. Бог подкрепит ее, а мы по возможности будем успокаивать бедную вдову. Авось со временем и она поедет в деревню к родным своего мужа. Тогда порадуется успехам своих детей во всех отношениях. Я очень рад, что положено начало будущности этих сирот. Бог их благословит.

Надеюсь, что мой листок найдет тебя в Петербурге, хотя по последнему письму Марии Николаевны из Феодосии вижу, что твой от'езд из Крыма несколько замедляется. Спасибо тебе, что ты мне об'яснил назначение Корнилова, это меня успокоило на твой счет. Теперь остается желать, чтоб тебе можно было скорей опять соединиться с женой и, главное, чтоб ты возвратился с нею здоровою в Петербург, если нельзя будет тебе найти службы на юге. Может быть это и хорошо бы было. В ее болезни лучшее лекарство продолжительное пребывание в Херсо-

шем климате. Кажется с плохим здоровьем твоей жены трудно будет жить круглый год на даче, как ты предполагал.

У меня все еще продолжается возня в доме. С печами поправились, остается только подмазать и подкрасить. Надоела мне эта передряга. Я теперь на верху обретаюсь, а Аннушка с Михеевной несколько дней живет у Муравьевых. В начале будущего месяца, надеюсь, все придет в свой порядок, хотя с здешними мастеровыми нельзя ничего сказать положительного вперед. Не знаю, как у вас эта статья, а здесь тоска с ними.

С этой почтой я получил один только листки Марьи Яковлевны из Киссингена. Поблагодари ее за это утешение, если она будет дома, когда ты получишь этот тощий листок. Спешу и хлопочу и ворчу, словом сказать все, что кончается на у. Прощай, обними всех наших. К жене твоей буду писать на будущей неделе. Верный твой *И. Пущ.*

Евгений и Николай Яковлевич тебя приветствуют. У Евгения малютка все не так здорова. Кажется к зубам. Аннушка тебя целует.

№ 50. Д. И. Завалишину [66]).

(Ялуторовск), 11 октября 1847 г.

С прошедшей почтой я получил, любезный Дмитрий Иринархович, твое письмо. Почта опаздывает и пришла после здешней, так что я не мог отвечать тебе прежде нынешней субботы.

Спешу сообщить тебе сведения, которые ты желаешь иметь на счет здешнего края, хотя по моему в Тобольской губернии одна существенная выгода для жизни нашей — это дешевизна. Промышленность же для нас, к нашему положению не существует. Чтобы заняться чем-нибудь по этой части, нужно двигаться, а двигаться мы можем только на тридцати верстах. Следовательно желающему чем-нибудь промышлять остается только современный закуп хлеба и чего-нибудь подобного. Для такого занятия самое удобное место Курган и Ишим. В этих двух горо-

дах самые богатые рынки. Я не говорю о Тюмени, потому что в этом городе до сих пор никто из наших не был помещаем, хотя в нем промышленность всякого рода в самом сильном развитии. Жизненные припасы дешевле в Кургане, даже против Ялуторовска цены значительно ниже. Мясо там было на последней ярмарке рубль пуд, а у нас не упадало ниже двух рублей, и то самое посредственное. Впрочем, в отношении содержания вся губерния дешева. Все это тебе должно быть известно по прежним письмам Розена, который был статистик лучше, нежели я. По моему везде так дешево, что и говорить нечего. Остается теперь описать тебе дислокацию наших заселений по губернии—и тут вероятно все почти тебе известно.

В Тобольске живут Фонвизины и братья Пушкины. Служат: Анненков, Свистунов и Александр Муравьев. С последним из них переехал и Вольф с правом заниматься медицинской практикой. В Таре—Штейнгель. В Кургане—Щепин-Ростовский и Башмаков. На службе Фон-дер-Бриген. В Омске на службе Басаргин. Наконец, в Ялуторовске Матвей Муравьев, Тизенгаузен, Якушкин, Оболенский и я. Сверх того две вдовы: А. В. Ентальцева и Д. И. Кюхельбекер. Детей Дросиды Ивановны недавно разрешено родным покойного Вильгельма взять к себе на воспитание с тем, чтоб они назывались Васильевыми. В августе приезжала сестра его Устинья Карловна Глинка и повезла их в Екатеринбург, где она гостит у Владимира Андреевича. Она теперь хлопочет, чтоб сюда перевели М. Кюхельбекера из Баргузина. Это будет большое утешение для Дросиды Ивановны, которая поручает тебе очень кланяться. Вот тебе сведения, не знаю найдешь ли в них что-нибудь новое. Я думаю тебе лучше бы всего через родных проситься на службу, как это сделал Александр Муравьев. Ты еще молод и можешь найти полезную деятельность. Анненкова произвели в 14-й класс. Ты знаешь сам, как лучше устроить. Во всяком случае желаю тебе успокоиться после тяжелых испытаний, которые ты имел в продолжении последних восьми лет. Я не смею касаться этих ран, чтобы не возобновить твоих болей.

Про себя скажу тебе, что я, благодаря бога, живу здорово и спокойно. Добрые мои родные постоянно пекутся обо мне и любят по прежнему. В 1842 году лишился я отца—известие об его кончине пришло, когда я был в Тобольске с братом Николаем. Нам была отрада по крайней мере вместе его оплакивать. Я тут получил от Николая образок, которым батюшка благословил его с тем, чтобы он по совершении дальнего путешествия надел мне его на шею.

Об тебе я слышал от брата Николая, потом от Вильгельма, когда он приезжал в Курган. О смерти твоей жены писала мне Марья Казимировна. Пожалуйста, когда будешь писать Горбачевскому, спроси его, за что он перестал ко мне писать. Во всех письмах он неимоверно хандрил—наконец вовсе замолчал. Не понимаю, что ему за неволя оставаться сторожем нашей тюрьмы. Зачем не перепросился в окрестности Иркутска, где товарищи его Борисовы.

В продолжение нашей разлуки были и со мною разные тревоги. Два раза сильно хворал. Ездил лечиться в Тобольск в 1840-м году. Слава богу, все это поправилось: дерево скрыпит, да дрожит. Смерть Ивашевых сильно меня огорчила. Дети потом оставались с бабушкой Марьей Петровной Ледантю. Я жил вместе с ними, пока они не уехали в Симбирск. Теперь они живут у тетки К. Хованской. Машинька мне пишет очень мило. Опекун их Андрей Егорович Головинской. Дела финансовые и образование детей идут очень хорошо. Скоро соберется с именья капитал, назначенный тетками в пользу детей Ивашева. Они трое будут иметь 450 т. асс. И этот капитал до возраста будет нарастать процентами. Тебе приятно будет знать эти подробности. Наболтался тебе много, а сказал кажется мало. Извини. Каково есть, письмо отправляется. Кстати сейчас Евгений прислал свой листок. Пусть его беседа подкрасит мою болтовню. Приветствуй всех помнящих меня на первом нашем Сибирском пепелище. Часто в разговорах мы заглядываем в Читу. Это было поэтическое время нашей драмы, которая теперь сделалась слишком прозаическою. И распорядитель, ка-

жется, затрудняется развязкой. Она невольным образом делается неестественною с потерею единства времени. Вышел роман: Вечный жид. Прощай, преданный тебе

И. Пущин.

1848 год

№ 51. Д. И. Завалишину [67]).

(Ялуторовск) апреля 24-го, 1848 г.

Долго шло письмо твое от 2 генваря—я его получил, любезный Завалишин, в начале прошлого месяца. Да и скоростью в ответе на этот раз не могу похвалиться. За то Евгений тебе писал тотчас по получении твоего листка. Все это время были у меня разные хлопоты, вдобавок не совсем здоровилось. Так что не удалось с тобой и беседовать. Надобно же, наконец, хоть коротко ответить на твои вопросы.

Меня удивил твой вопрос о Барятинском и Швейковском. И тот и другой давно не существуют. Один кончил жизнь свою в Тобольске, а другой в Кургане. Вообще мы не на шутку заселяем сибирские кладбища. Редкий год, чтоб не было свежих могил. Странно, что ты не знал об их смерти. Когда я писал к тебе, мне и не пришло в мысль обратиться к некрологии, которая, впрочем, в нашем кругу начинает заменять историю.

Дети Анненкова все здравствуют. Олинька имела уже жениха, но эта свадьба не состоялась. В последний раз я ее видел в 842 году—с тех пор она необыкновенно выросла и похорошела. Ростом выше матери. Володя в нынешнем году кончает курс гимназии. Ваня и Николенька также поступили в гимназию. Меньшая в семействе Натаща, маленькая девочка шести лет. Вот все юное поколение Анненковых.

Батенков привезен в 846 году в Томск, после 20-летнего заключения в Алексеевском равелине. Одиночество сильно на него подействовало, но здоровье выдержало это тяжелое испы-

тание — он и мыслью теперь начинает освежаться. От времени до времени я имею от него известия.

Очень жалею, что не могу ничем участвовать в постройке Читинской церкви. Тут нужно что-нибудь значительнее наших средств. К тому же я всегда по возможности лучше желаю помочь бедняку какому-нибудь, нежели содействовать в украшениях для строющихся церквей. По моему тут моя лепта ближе к цели. Впрочем и эти убеждения не спасают от частых налогов по этой части. Необыкновенно часто приходят с кружками из разных мест и не всегда умеешь отказать.

При случае скажи Горбачевскому, что он напрасно винит меня. Ни одно его письмо не осталось без ответа. На это у меня есть доказательство—я веду журнал своей переписки. Напротив, он замолчал, и несколько раз я уже напоминал ему о себе через Марью Казимировну. Мне главное хотелось бы, чтобы он перепросился к Иркутску из Петровского, где он без сомнения должен хандрить. Миллион раз я ему об этом писал, никак не понимаю что за очарование задерживает его на старом нашем пепелище.

Брат Николай теперь нянчится с дочерью. Они еще в Крыму. Он кончил свое поручение и поехал в отпуск в Симферополь к родным жены. Нынешним летом должны возвратиться. Дай Бог, чтоб ее здоровье пришло в порядок от южного воздуха и чтоб малютка их жила. Столько они уже имели потерь, что со страхом на нее смотрят. Ей теперь четыре месяца.

Прощай.

В Европе необыкновенные события. Они повременно доходят и до тебя. Ты можешь себе представить с какою жадностью мы следим за их ходом, опережающим все соображения. Необыкновенно любопытное настает время.

И. Пущин.

Оболенский тебе кланяется.

1849 год

№ 52. Кн. П. Д. Горчакову [68].

Ялуторовск (начало) 1849.

В надежде на снисхождение вашего сиятельства, прямо к вам обращаюсь с покорнейшею просьбою; знаю, что следовало бы просить по начальству; но как дело идет о здоровье, которое не терпит промедления, то уверен, что вы простите больному человеку это невольное отклонение от формы и благосклонно взглянете на его просьбу. Вашему сиятельству известно, что с 1840 года я подвержен сильным хроническим припадкам, от которых с вашего разрешения ездил лечиться в Тобольск, тогда я получил облегчение, но болезнь не прошла. С прошлого года она снова развилась, а прежние средства уже не помогают. По мнению медиков, одна надежда—на Туркинские воды за Байкалом. В проезд вашего сиятельства через Ялуторовск я не мог лично просить вас об этом—болезнь не позволила мне представиться.

№ 53. И. В. Малиновскому [69].

(Ялуторовск) 12 февраля 1849 г.

На прошлой неделе дошло до меня, любезный друг Малиновский, твое письмо от 21 декабря. Благодарю тебя за добрые строки и сердечные воспоминания. В этих воспоминаниях давний наш союз, который и в разлуке утешителен взаимною уверенностию. Проходят годы, а он остается невредим. Хвала богу!—Очень рад, что ты свиделся с братом Петром: я уже отсюда благодарил его за эту поездку. Понимаю, как вам обоим приятно было обнять друг друга,—я издали живо участвую при всех этих встречах. Отзывы Петра об Антонии вполне отрадны. Помоги тебе бог поместить его в учебное заведение—

время приближается. Теперь наши собрались в Петербурге, ему не так будет там пусто: несколько облегчится переход из отцовского дома. Вероятно, вы летом пуститесь к северу. Ты, кажется, давно не был в столице,—и тебе будет отрадно повидаться с родными и друзьями. Ты меня не знаешь с кем здесь вообразить себе. Кроме Оболенского, в нашей Ялуторовской Колонии Тизенгаузен, Матвей Муравьев, Якушкин и Басаргин. Из нас шестерых трое женатых. Кроме того, здесь живут две вдовы: Ентальцова и Кюхельбекера. Таким образом нас довольно много, когда все соберемся. Тут же есть новое поколение, оживляющее общество стариков, из которых старшему 71 год, а юнейшему 50: я стою вторым с левого фланга—в мае минет полстолетия с единицей, если суждено дожить до 4-го числа. Мы часто бываем вместе, живем ладно в товарищеском нашем кругу. Евгений просит обнять и пожелать тебе на 49 год всего отрадного. Исполняю его волю, хотя уверен, что ты в годовую полночь и без этого письма вспомнишь нас, как мы тебя вспоминали, навещая по обычаю всех близких и далеких. Давно я невидимкой бываю у тебя в Каменке: всегда признателен тебе за радушный прием. Вместе с тобой молюсь на могилке нашей Марьи и благословляю милого ее сынка. Но что об этом распространяться. Сердце сердцу весть дает—горе и радость делят пополам, когда друг друга привыкли понимать.

Спасибо тебе, милый Тони, за твою приписку в письме отца. Нераздельно с вами беседую,—и потому ты не потребуешь повторений, которые и без того часто встречаются в моих листках. Меня порадовал рассказами о тебе твой друг и дядя Петр. Жалеет только об одном, что не мог дольше пробыть у вас. Поцелуй за меня брата и сестру и приветствуй Катерину Федосеевну. Теперь ты верно действуешь на Катушке,—у вас должно быть уже не так холодно в это время. Здесь же, как нарочно для масляницы, около пятнадцати градусов в полдень. При ветре это не слишком приятно для гуляющих. Такая температура и в Сибири ощутительна. Нынешний год постоянно поддерживается зима.

Прощайте, добрые друзья. Дружески вас обнимаю. Перехожу на другой листок,—надобно написать к Набоковым. Они должны уже быть на новоселье, хотя еще не имел оттуда вести о переезде. Давно что-то не имею писем от Егора Антоновича. Здоров ли он? И ты мне ничего не сказал, любезный друг Иван, о 19-м октябре 1848 года. Как оно прошло? Много ли ветеранов было на сходке? Год от году меньше в сборе. Оно так и должно быть: время кладет на все неумолимую свою печать, а живущим остается философствовать и по возможности следить за ходом и влиянием его. Обними брата Андрея. Пожалуйста, без моих вопросов, упоминай об нем в твоих письмах. Розен постоянно в свое время к нам пишет. Спасибо, что не забывает зауральских своих друзей.

Верный твой *И. Пущин.*

№ 54. Н. И. Пущину [70]).

(Ялуторовск) 14-го мая 849.

Передо мной, любезный друг Николай, твое письмо от 5-го апреля с твоим христос воскресе. Ты удивляешься, что я не поспел в срок с моим приветом—хотя он не дошел до тебя в свое время, но ты верно знаешь, что я тебя обнимал мысленно вместе с Марьей Николаевной и с Машенькой, и со всеми добрыми родными. Это без всяких об'яснений между нами совершается ежегодно и уже столько лет повторяется, что уверенность делается несомненною. Очень рад доброй твоей вести об Машиньке, мне писала Лиза, что она хворает. Я думал, что эта болезнь к зубкам—иногда она бывает гораздо прежде появления самих зубов. Поцелуй за меня Машиньку и Аннушка делает тебе то же поручение. Всегда читаю ей письма, в которых разумеется она не все понимает, а что касается до нового поколения, то ей доступнее и она при этом случае делает свои расспросы и замечания.

Ты мне ничего не говоришь о моей поездке на воды, потому и я без избежания повторений об этом с тобой молчу, отпра-

вляя тебя к Annette: сегодня же к ней пишу об этом. Ты от нее узнаешь все; без сомнения пожелаешь мне скорого возвращения и существенной пользы для ноги. Впрочем, и это между нами подразумевается. Я о всех своих лечебных предположениях говорил твоей жене в прошедшем письме. Дай бог, все хорошо уладится: все надежды на него и на добрых людей. Теперь все в хлопотах— на днях надобно пуститься в дорогу. Аннушка всякой день со мной прощается и товарищи добрые все со мной. С дороги буду писать к вам при каждой возможности — от вас до места ничего не услышу.

Ты пиши попрежнему на имя Тобольского губернатора; я буду просить его превосходительство пересылать в Иркутск. Хотя таким образом они будут какую-нибудь неделю дольше итти, но по крайней мере, не будут отправлять в даль, когда уже я буду на возвратном пути.

Теперь не могу положительно определить времени моего возвращения. Если придется возвращаться поздно осенью, то останусь до первого зимнего пути. При старости лет, с больною ногою мудрено ехать в октябре; я это испытал в 839-м году. Повторить теперь не в состоянии — и тогда эта дорога на мне отозвалась. Может быть и без этого пришлось бы хворать, но оно случилось вдруг после дороги, потому и думаю, что она была причиной казанской телеги, в которой я путешествовал. Этот раз будет поспокойнее в тарантасе. Сегодня или завтра жду его из Тюмени—просил Уткина достать что-нибудь удобное и недорогое. Хотел не говорить о поездке, а всетаки проболтался. Невольным образом эта мысль все в голове—иначе и не может быть, пока не сядешь в повозку.

Скажи Лизе, что я получил и ее листок от Пасхи; пусть извинит, что теперь не пишу—в прошедшую субботу я с ней говорил.

Чтож вам сказать, добрая Марья Николаевна? Остается обнять вас вместе с муженьком вашим и пожелать вам всего хорошего и приятного. Теперь ваше загородное жилище принимает свой веселый вид—чаще свои приезжают к вам подышать

летом. Верно 9-е мая вы провели на воздухе — у нас этот день был очень теплый: я вспомнил вашего именинника у Басаргина, его соименинника. Прощайте, добрые друзья. Евгений вас приветствует: он вместе со мной хлопочет о моей поездке: неохотно отпускает. Николай Яковлевич очень вам кланяется. Все его домашние здоровы; он скоро ожидает умножения семьи.

Верный ваш *И. Пущ.*

P. S. Перед самым отходом почты принесли мне, добрая Марья Николаевна, ваш листок от 15-го апреля. Очень вам благодарен за добрую весточку об Машиньке, особенно рад, что вы сами ее сообщили. Обнимаю вас еще раз, более беседовать некогда. Пора печатать депеши. Поцелуйте еще раз Машиньку за меня и за Аннушку,—пусть Машинька ознакомится с моим портретом, только беда в том, что портрет не стареет, а дядя ее невольным образом платит дань времени. Пожалуй, если случится когда-нибудь свидеться, она и не узнает меня. Оболенский еще не читал вашего письма, потому и нет от него обычных приветствий. Дочка его преуспевает в жизни, в апреле минул год, начинает передвигать ножонками—есть надежда, что скоро пойдет. Обнимаю вас.

1852 год

№ 55. Н. И. Пущину [71]).

(Ялуторовск) 27 сентября 1852 г.

Милостивый Государь
Николай Иванович!

На этих днях получил ваши добрые листки, которые привезла мне Нелинька. Она была здесь ночью на минутку, выпила чай и опять вперед. Очень вам и Марье Николаевне благодарен за дружбу.

Вы меня спрашиваете о кончине нашего бессребренника Степана Михайловича. Кончина святая! Несколько времени до

того он жаловался, что чувствует какую-то слабость и не может по прежнему пошевеливать ... Однако 9 июля, по обыкновению, отобедал у Анненкова и ел землянику со сливками. После обеда пошел пешком кой к кому и возвратился на гору домой в 10 часов. Лег спать. Ночью почувствовал сильные боли в животе—часу в 1-м послал за Мейером (Вольф был в Ивановском). Мейер нашел его чрезвычайно страждущим и потерялся. Думал помочь больному одними промывательными и не употребил ни кровопускания, ни пиявок. Боли несколько стихли, но слабость усиливалась. В четверг, т.-е. на другой день утром в 10-ть часов, Михаил, как ближайший его сосед, узнал, что С. М. тяжко болен. Побежал к нему и нашел у него Вольфа, который сказал, что больной почти безнадежен — посадил в ванну и к животу поставил 12-ть пиявок. Больной был в памяти и говорил со всеми. В 11 часов приехала Наталья Дмитриевна. Он с нежностью поцеловал ее руку и охотно принял ее предложение приобщиться Св. Таин—послал за своим духовником и нетерпеливо его ждал. Между тем говорит, что не может встать и принять его в другой комнате. Тут все было в беспорядке. Когда вошел священник, он крепко его обнял и приобщился с полным сознанием. Все его обняли, поздравили—он крепко пожал руку священнику. Тут был Петр Николаевич, Мих. Алекс. и Наталья Дмитриевна.

После приобщения он поручил Михаилу Александровичу съездить к Виноградскому (который тогда правил должность губернатора) и сказать ему пожелание, чтобы в случае его кончины Анненков, Свистунов и Муравьев были его душеприказчиками и чтобы полиция ни во что не вмешивалась. Пока Михаил Александрович ездил, Н. Д. просила его успокоиться и говорит, что это нужно для его выздоровления. Он отвечает: нет, кажется мне не выздоравливать—лишь бы скорей кончилось—я давно уже приготовляюсь к переходу и ни мало не страшусь его! — Виноградский согласился.—Михаил Александрович, возвратившись, нашел С. М. уже умирающим. Смерть его была тиха и не сопровождалась страданиями. При послед-

них его минутах кроме тех, кого я назвал, были еще Анненков и Жилины муж и жена. Завещания он не оставил, велел на словах все отдать племянницам.

Счеты с светом его коротки. Он жил не для себя. 12 числа были похороны — это было живое изъявление уважения и благодарности к покойному честному и доброму человеку. Отпевали в Ильинской церкви—и все провожали до кладбища. Он положен возле Лидиньки Муравьевой—против Краснокуцкого, Барятинского и Кюхельбекера. Подчиненные его искренно его оплакали — он был им отец в полном смысле слова — входил во все их обстоятельства, помогал, наставлял. Это было не то, что долговязый.

Впрочем вы его не знаете, знаете нашу дружбу к нему и не потребуете лишних слов, тут неуместных.

С почтой я получил письмо доброй Марьи Николаевны — от 31 августа. Благодарю вас, добрая Марья Николаевна. Нелинька меня познакомила с вашими милыми детками. Жаль только, что я не успел с нею наговориться, так она спешила.

Мало я писал к вам с Катериной Федоровной, все это както впопыхах ко мне приехало — и как-то меня и туманила сильно болезнь Михаила. Дай бог скорей получить известие, что он совершенно справился. Благодарю за письмо Петра—хотя оно не так свежо, как то, которое я получил от самой Марьи Яковлевны.

Будем ждать, что скажет Тобольской. Владимир Иванович желает знать, бываете ли вы у его Юлии Владимировны? Давно надобно было сделать этот вопрос, но не удавалось.

Маленькое поручение, по обыкновению: от здешнего генерал-губернатора представлено к министру вн. дел. о пенсионе бывшему ялуторскому квартальному надзирателю Захарову 1-го февраля нынешнего года. Похлопочите за этого бедняка.

Г-жа Эльснер считает, что вам, милостивый государь, обязана пенсионом, который получила после отказа статс-секретаря, по положению комитета министров. Поручено передать благодарность.

Пожалуйста, скажите мне, получил ли Петр Иванович записку о дороге и письмо мое от 9 апреля, где шла речь о винах и о Конопельском. Несколько раз уже я делаю этот вопрос.

Мы все здоровы. Желаем вам всего лучшего. С полным уважением имею честь быть вашим покорнейшим слугою *N Балин.*

Поцелуйте миллион раз ваших деток.

1853 год

№ 56. Д. И. Завалишину [72]).

(Ялуторовск) 9 октября 853.

Давно не писал к тебе, любезный Дмитрий Иринархович— кажется даже последнее твое письмо в 849-м году осталось без ответа. Я его получил в Тобольске, когда был болен, и дело затянулось.

Теперь представился случай поручить твоему доброму вниманию подателя этого листка Комаровича, который назначен в почтовую вашу контору. Он мне знаком через сына нашего Тизенгаузена, который, как ты уже верно знаешь, нашего старика, как Эней своего Анхиза, унес на плечах. Теперь он в Нарве. Комарович с Михаилом Тизенгаузеном ездил по здешней губернии — малый хороший, усердный и трезвый. Едет совершенно в незнакомый край—потому Тизенгаузен и просил тебе об нем написать.

Мы все живем попрежнему — и в таком же составе—у Евгения только прибавляются мелочи. В Усоле бог дал третьего сына. С тремя малютками ему много хлопот.

Фонвизины в Марьине в пятидесяти верстах от Москвы. Покойный брат Михаила Александровича выхлопотал ему возвращение, но до их приезда умер. Горько им было приехать на родину.

Что ты поделываешь? Теперь я думаю нашей Читы не узнаешь. Город областной со всеми прибаутками.

Дай весточку, когда получишь эту грамотку. Она недлинна, но всетаки скажет, что мы все здоровы.

Верный твой *Пущин.*

Павел Сергеевич надеется, что и его возвратят. Сестра хочет об нем просить. Брат его все в том же положении. Очень бы желал, чтоб это дело удалось.

Анненковых два сына уже вышли из гимназии и служат по присутственным местам.

Олинька замужем за К. И. Ивановым, старшим адъютантом по инженерной части. Очень добрый человек. У них уже дочь Наталия.

Спешу. Прощай.

Я сказал Комаровичу, что ты, в случае нужды, не откажешь похлопотать об нем.

1854 год

№ 57. С. Ф. Знаменскому [73].

(Ялуторовск) апрель 1854 г.

...Ивану Дмитриевичу получше. Бог даст совсем поправится и в конце мая с Вячеславом пустится на восток; тогда вы их обоих увидите, непременно для вас заедут в Омск... Евгения Ивановича проводили 26 марта. Это расставание было тяжело Ивану Дмитриевичу. Слава богу, что остается при нем другой сын. Оба очень хорошие ребята...

№ 58. С. Ф. Знаменскому [74].

(Ялуторовск) 30 июня 1854 г

...Я дожидался все отъезда нашего бедного Ивана Дмитриевича, чтобы отвечать вам; но, как вижу из хода его болезни,

он еще не так скоро в состоянии будет пуститься в путь, хотя бы ему и сделалось лучше, чего до сих пор, однако, незаметно. Бедный больной наш очень страдает и чрезвычайно слаб в силах. Много вредит ему, как мы полагаем, неудобство его квартиры, где он всегда, как в бане, особливо при теперешних жарах. Советовать переменить ее было бы бесполезно: вы знаете хорошо его характер. Теперь же от болезни он сделался еще несговорчивее...

№ 59. Н. И. Пущину [75]).

(Ялуторовск) 6 августа (1854).

Пусть Лиза передаст тебе, любезный друг Николай, мой отклик на твое письмо от 7 июля. Ты все извиняешься за себя и за добрую Марью Николаевну, что редко пишете. Я очень понимаю, что хозяину поземельной собственности и хозяйке, у которой трое малюток на руках, не всегда найдется свободная минута, особенно летом. Иногда и без дела,—а занятие есть. В желании вашем сообщиться со мной я никогда не сомневался и не буду сомневаться. Мысленно вас всех обнимаю и от души желаю вам всего хорошего.

О поездке твоей в Марьино я знал, любезный друг, прежде твоего письма—тебя на железной дороге встретил Евгений Иванович, который не успел поймать тебя на даче твоей. И от Натальи Дмитриевны получил грамотку из рязанской деревни—она бедная, кроме сердечной грусти, в больших хлопотах по своему хозяйству. Авось ты найдешь средство как-нибудь помочь ей в этом деле, хотя теперь обстоятельства большая помеха в такого рода устройстве.

Вчера читал газеты—и убедился в том, в чем был заранее уверен, что флоты не подойдут к Кронштадту, хотя долго около него ходили. В сложности я все-таки ничего не понимаю в событиях, и потому избавлю тебя от моих толков и рассуждений.

Спасибо тебе за добрую весть о Василье Петровиче. Когда его увидишь, обними за меня и пожелай ему быть совершенно

…ровым. Его приветствует и сосед мой Басаргин, товарищ Остановской.

Спешу, надобно отправлять депеши. Еще раз вас крепко обнимаю, добрые друзья! Приласкайте за меня и Аннушку ваших милых малюток. И они уже подрастают не на шутку. Аннушка здорова и пользуется нашим летом как только возможно больше.

Прощайте—

верный ваш *И. Пущ...*

Евгений тебя обнимает. Он здоров со всей своей мелочью, в которой будет скоро приращение.

(На обороте) брату Николаю.

№ 60. М. Н. Пущиной [76]).

(Ялуторовск) 26 ноября 851.

Несколько дней тому назад я получил, добрая Марья Николаевна, ваше письмо от 20 октября. Спасибо вам, что вы мне дали отрадную весточку о нашем больном. Дай бог, чтоб поддержалось то лучшее, которое вы в нем нашли при последнем вашем посещении. Дай бог, чтоб перемена лечения, указанная Пироговым, произвела желаемый успех! Мне ужасно неловко думать, что Петр, юнейший между нами, так давно хворает и хандрит естественным образом: при грудных болезнях это почти неизбежное дело.

Не нужно вам повторять, что мы здесь читаем все, что можно иметь о современных событиях, участвуя сердечно во всем, что вас волнует. Почта это время опаздывает и нетерпение возрастает. Когда узнал о смерти Корнилова, подумал об его брате и об Николае, товарище покойного. Совершенно согласен с нашим философом, что при такой смерти можно только скорбеть об оставшихся.

Поцелуйте за меня ваших малюток. Аннушка просит вас о том же. Она здорова и с каждым днем вытягивается. У нас все идет прежним порядком, но теперь довольно мрачных ощущений.

Вы уже слышали о смерти Катерины Ивановны Трубецкой. Не вдруг свыкнешься с мыслию об этой утрате. В Тобольске очень трудно болен Вольф и кажется вряд ли может выздороветь. С прошлого ноября между нами не досчитывается восемь человек.

Сегодня только к вам пишу. Пожалуйста обнимите за меня всех наших, начиная с вашего мужа. На вас этот раз возлагаю обязанность сказать всей нашей древности, что мы здесь здоровы, хотя переменная погода и действует под час. Впрочем разомнешься и все пройдет. Зима как-то настоящим образом не устанавливается и от того приходится испытывать на себе барометрические изменения.

Евгений обнимает вас обоих. Он все возится с четырьмя своими малолетними.

У Николая Яковлевича гость, знакомый вам Костя, который теперь уже Константин Николаевич. Приехал к родным с приисков на зиму. Все вас приветствуют. Храни вас бог.

Верный вам *И. Пущ...*

Пожмите руку Ивановым.

№ 61. Кн. Над. Григ. Долгорукой [77]).

(Ялуторовск) 26 декабря 1851 г.

Иван Дмитриевич рассказал вам тепло и верно о незабвенной спутнице нашего изгнания.

Не знаю, удастся ли мне что-нибудь прибавить к сказанному им на этом спешном листке.

Во время оно, я встречал Александру Григорьевну в свете, потом видел ее за Байкалом. Тут она явилась мне существом, разрешающим великолепно новую трудную задачу. В делах любви и дружбы она не знала невозможного: все было ей легко и видеть ее была истинная отрада. Вслед за мужем она поехала в Сибирь (в 16-ть суток прискакала из Москвы в Иркутск). Душа крепкая любящая поддерживала ее слабые силы. В ней было какое-то поэтически возвышенное настроение, хотя в сноше-

ниях она была необыкновенно простодушна и естественна. Это составляло главную ее прелесть. Непринужденная веселость с доброй улыбкой на лице не покидала ее в самые тяжелые минуты первых годов нашего исключительного существования. Она всегда умела успокоить и утешить — придавала бодрость другим. Для мужа была неутомимым ангелом-хранителем и даже нянькою.

С подругами изгнания с первой встречи стала на самую короткую ногу и тотчас разменялись прозвищами. Нарышкину звали Lischen. Трубецкую—Катюшей, Фонвизину—Визинкой; а ее звали Мурашкой. Эти мелочи в сущности ничего не значат, но определяют близость и некоторым образом обрисовывают взаимные непринужденные сношения между ними, где была полная доверенность друг к другу.

Помню тот день, когда Александра Григорьевна через решетку отдала мне стихи Пушкина. Эти стихи она привезла с собой. Теперь они напечатаны. Воспоминание поэта—товарища Лицея, точно озарило заточение, как он сам говорил, и мне отрадно было быть обязанным Александре Григорьевне за эту утешительную минуту.

Недолго однако мы наслаждались присутствием Александры Григорьевны между нами. Во цвете лет она нас покинула. Много страдала, но все переносила безропотно. Незадолго до болезни, будучи беременна, она ходила на ходулях. Может быть и эта неосторожность ей повредила. Знаю только, что мы тогда очень боялись за нее.

По каким-то семейным преданиям она боялась пожаров, и считала это предвещанием недобрым. Во время продолжительной ее болезни у них загорелась баня. Пожар был потушен, но впечатление осталось. Потом в ее комнате загорелся абажур на свечке, тут она окружающим сказала: «Видно, скоро конец». За несколько дней до кончины она узнала, что Н. Д. Фонвизина родила сына и с сердечным чувством воскликнула: «Я знаю дом, где теперь радуются, но есть дом, где скоро будут плакать». Так и сбылось. В одном только покойница

ошиблась, плакал не один дом, а все друзья, которые любили и уважали ее.

Не знаю, что сказалось, знаю только, что молвить слово об Александре Григорьевне для меня истинное наслаждение. Воспоминание об ней светло во всех отношениях. В 1849 году я был в Петровском, под'езжая к заводу увидел лампадку, которая мне светила среди туманной ночи. Этот огонек всегда горит в часовне над ее могилой; я помолился на ее могиле.

Тут же узнал от Горбачевского, поселившегося на старом нашем пепелище, что гуляя однажды на кладбищенской горе, он видит человека, молящегося на ее могиле. Подходит и знакомится с генералом Черкасовым. Черкасов говорит ему, что счастлив, что имел возможность преклонить колена перед могилой, где покоится прах женщины, которой он давно в душе поклоняется, слыша о ней столько доброго по всему Забайкалью.

Вот уже слишком 20 лет, что светится память нашей первомученицы!

Там ей хорошо!

1855 год

№ 62. Н. И. Пущину [78]).

(Ялуторовск) Воскресенье, 19 июня (1855).

В четверг рано утром завез мне Доброправов. твои листы. добрый друг Николай. Спасибо тебе за твой рассказ—именно судьба тебя отыскала—и я вполне уверен, что ты сделаешь все по ожиданию К. Н. Он без сомнения тебя выбрал, не по технической части, а по бескорыстию, которое в нынешнем веке капитал. Следовательно тебе, без всякой скромности, можно быть на этом месте тем, чем ты есть. И начало хорошо — благодарю тебя, что приютил нашего доброго инженера К. Н. Говоря это, чувствую, что говорю вздор, потому что ты ни о какой благо-

дарности не хлопочешь, а просто делаешь то, что отрадно сделать, если есть возможность. С нетерпением жду результата окончательного об назначении нового столоначальника.

За меня обними Иванова — и скажи, что я к нему напишу с почтой. Тебе же наскоро строчку с Ольгой Васильевной Андрониковой, твоей старой тобольской знакомой. Она пробирается в Тверь к дочери, которая за Казанским, и думает тебя отыскать в Петербурге. Когда тебя с Марьей Николаевной отыщет, вы уже ее представите нашим, как верную мою союзницу с самого появления моего в Западной Сибири. У нее была первая моя квартира в Туринске — и потом всегда остались в добрых отношениях. Покойный наш Степан Михайлович всегда любил и уважал эту женщину.

Заботливо теперь у меня — паралич бедной Михеевны совершенно срезал и нас. Вот скоро три недели, что мы все возимся с нею, но успеха мало и вряд ли можно надеяться на выздоровление. Она всегда была, на старости лет, олицетворенная деятельность: и тем ей теперь грустнее, нежели другому, привыкшему хворать, — делаем что можем — и это наша прямая обязанность за ее заботы обо мне в продолжение 13-ти лет.

О политике не буду говорить, набило оскомину. Удивляюсь одному, что при множестве войска, никогда нет его там, где нужно.

Последние известия из Крыма нерадостны.

Образ действий флотов просто наводит отвращение.

Тоска — да и только!

Кто же действователь у нас? Ужели Ростовцев распоряжается военными делами. Он и Витовтов мне надоели своими адресами и приказами. Мундиры бесят меня. Как-то совестно читать о пуговицах в такую минуту.

Обнимаю тебя с женой и детьми. Обними всех наших. Действуй, друг, и вспоминай твоего брата Jeannot. Когда же Петр ко мне напишет?

Андроникова тебе будет говорить о несчастной Гусевой — право не знаю, что тут делать!

№ 63. Н. И. Пущину [79]).

(Ялуторовск) 1 августа (1835 г.).

Пора и благодарить тебя, любезный друг Николай, за твой листок с Петром Николаевичем. Он на прошлой неделе погостил у нас несколько дней и я побранил его, что он не нашел дороги в твое затишье. Что же делать? Когда кто попадет к нам, никак не может располагать своим временем, как бы хотел. Может быть тоже бы было и со мной, еслиб довелось путешествовать на запад, хоть кажется не лежит туда дорога.

Спасибо тебе за полновесные книги: этим ты не мне одному доставил удовольствие — все мы будем читать и тебя благодарить. Не отрадные вести ты мне сообщаешь о нашей новой современности — она бледна через чур и только одна вера в судьбы России может поспорить с теперешнею тяжелою думою. Исхода покамест не вижу, может быть от того, что слишком далеко живу. Вообще тоскливо об этом говорить, да и чтоб говорить, надобно говорить не на бумаге.

Скажи Николаю Романовичу, что вчера отправил на имя гр. Борх его шубу в замен той, которую он прислал соседу. При свидании взыщу деньги за пересылку.

Я бы желал получать **Морской сборник**, если он не дорог. Этот журнал дышит отрадной деятельностью. Евгений просит тебя сказать ему что-нибудь о Шестакове, который верно тебе знаком и который женат на его племяннице. Кажется малой способный и дельный.

Не совсем ладятся мои бесконечные поручения. Между прочим ты забыл мне ответить на мой запрос об Янковском и Басаргине, которых в общем производстве не произвели—никакой причины не объяснено. Справься в моих листках, если они у тебя не истреблены. Надеюсь, что в В. отошлешь—тут все невинное, родственное. Недавно узнал, что Нелинька выхлопотала позволение М. Н. поехать в Москву. Значит она будет и здесь, и тогда больше с тобой поболтаю.

Михеевна все в безотрадном положении. Все наши лечения мало помогают. Это делает большой переполох в доме Бронникова.

Жду твою рукопись—только ты прежде никогда об ней не говорил или я чего-нибудь тобою посланного не получил. Этот лаконический листок доставит тебе К. И., от которого давно нет весточки. Видно, сам потерялся в инженерных занятиях. Обнимаю тебя, добрую Марью Николаевну и всех ваших малюток.

Скажи Федернелке, что я получил его фотографический портрет. Готов был расцеловать его, если бы не боялся испортить своим соприкосновением, так живо старческие черты мне напомнили его молодого. Я к нему буду скоро писать. Спасибо за брошюрки. Хотя в них нет ничего особенного, но все-таки прочел их со вниманием, как читаю все, что касается до теперешнего вопроса. Его вагонного знакомца принял как дорогого гостя. Он с нами два дня пробыл и верно не пожалуется на нас. Наше гостеприимство испытано: непринужденно и прочно.

Ничего нет мудреного, что Марья Николаевна повезет Аннушку к Дороховой, которая, сделавшись директрисой института в Нижнем, с необыкновенною любовью просит, чтобы я ей прислал ее для воспитания—принимает ее как дочь к себе и говорит, что это для нее благо, что этим я ей возвращу то, что она потеряла, лишившись единственной своей дочери.

Тут просто действует провидение и я только должен благодарить бога и добрую женщину. Теперь подготовляю что нужно для дороги и с полной уверенностью провожу Аннушку. Может быть бог даст и сам когда-нибудь ее увижу за Уралом... Жаль, что я не могу тебе послать теперь письмо Дороховой—впрочем,—если Марья Николаевна поедет с Аннушкой, то я тебе с нею их перешлю. Но только с тем непременным условием, чтобы ты мне их возвратил. Это мое богатство. Не знаю, за что эта добрая женщина с такою дружбою ко мне.

Гусева мне писала, что умер ее муж и сын в Свеаборге. Ей

возвратили письмо к нему за смертию. Пожалуйста, разузнай, как это случилось, и распорядись, чтобы бедной матери возвратили то, что от него осталось. Она просто в бедственном положении. Я недавно к ней послал утешительную грамотку, хотя в этих случаях трудно утешить. Прощай покаместь. Обнимаю тебя крепко. Храни бог всех вас. Михеевна все в том же положении. Вряд ли можно будет ей помочь. Тоскливо на нее бедную смотреть. Теперь и зрение поражено параличем.

Верный твой *И. П.*

(На обороте) Брату Николаю.

№ 64. Н. И. Пущину [80]).

(Ялуторовск) 30 сентября (1855 г.).

Неожиданно явился ко мне барон Криднер, адъютант Константина Николаевича, с берегов Амура. С ним я отвечаю тебе, любезный друг Николай, на твое письмо к Николаю Яковлевичу от 7-го сентября, которое он мне принес 24-го. Ты очень справедливо трунишь надо мной, но согласись, что пока дело общее (res publica) будет достоянием не многих, до тех пор ничего не будет. Доказательство—нынешние обстоятельства.

Нелиньку застал у меня Криднер. Она повезла безногого мужа в Кострому, потом в Москву, а оттуда в Петербург, хлопотать о поездке за границу.

Спасибо, что приласкал добрых Ивановых. Они оба славные люди. Скажи им, что я получил их письмо из деревни Тепловой, но не знаю, куда отвечать, пока не получу их адреса петербургского. Как бы они приютились на новом месте.

Ты меня озадачил насчет нашего Вениамина. Зачем он хворает и кажется хворает не на шутку. Скажи ему, чтоб он бросил лекарей, которые его пичкают без толку.

Было письмо официозное от Марии Николаевны. Ей буду отвечать казенным путем. Нельзя не писать через третье отделение, которое может удивиться, что я молчу через него.

Приласкай барона. Он кажется добрый человек. С его супру-

ником Савичем я писал к Матюшкину, он состоит в том же экипаже, который в Свеаборге, и прежде знал теперешнего тамошнего военного губернатора.

Нелиньку вы увидите вероятно не прежде ноября. Все у нас здоровы. Скоро буду опять кумом Евгения, который тебя обнимает.

Всех наших поцелуй крепко за меня, начиная с твоего мелкого народа.

Верный твой *И. П.*

Что скажет экспедиция в Крым? Просто тоска вся эта ваша война. Николай Яковлевич тебя обнимает.

Добрый человек к нам всем постоянно.

Ты не говоришь, был ли у тебя Гротт с моим письмом.

№ 65. Н. И. Пущину [81]).

(Ялуторовск) 22-го и 23-го ноября 855.

Давно не было от тебя, любезный друг Николай, весточки прямой—и жена твоя что-то молчит. Я понимаю, что на вас всех, как на меня, действуют современные дела. Они неимоверно тяготят—как-то не видишь деятеля при громадных усилиях народа. Эти силы, без двигателя, только затруднение во всех отношениях.

Вот куда бросилась мысль при самом начале, а сел к столу с тем, чтоб сказать тебе, что я 13-го ноября получил твой листок от 31-го августа с брошюрами, которые верно прислал мой Федерпенко. За Victor Joly большое спасибо. Второй выпуск его статей лучше первых. Приятно слышать независимый голос бельгийца, одаренного верным взглядом.

Все это доставила мне Катерина Федоровна, но она здесь не была, а приехала прямо в Тобольск, откуда Павел Сергеевич переслал: я уже просил ее чрез него, чтоб она вместо личного свидания с неподвижным человеком, написала мне об вас всех. Пусть пишет, если не могла завернуть поболтать в доме Бронникова, где моему житью 1-го декабря минет 12-ть лет!!! Дом

чужой от меня не постарел, а я порядочно посеребрился, как вижу иногда в зеркале.

Ты мне говоришь, что с нею посылаешь то, что должна была везти Сашенька, но этого ничего нет! Видно не угадало это отправление с Катериной Федоровной, иначе уже было бы у меня. Я тут думал найти **Вопросы жизни**, о которых ты давно говоришь. Я жажду их прочесть, потому что теперь все обращается в вопросы. Лишь бы они разрешились ко благу человечества—а что-то новое выкраивается. Без причин не бывает таких потрясений.

Я вижу, что ты получил мое письмо, где я говорил тебе об Аннушке моей. Оно к тебе дошло через Константина Ивановича, но не знаю, почему от него так долго нет ни строчки. Не попались ли мы как-нибудь с ним. Контрабандные письма, при всей их незлобивости, требуют скорого отклика, иначе невольно зарождается сомнение. Скажи это почтенному моему инженеру. Не знаю даже, не присоединился ли он к новому твоему служению.

Теперь я в ожидании семьи, которая повезет Аннушку к Марье Александровне. Заключу мою беседу с тобой, когда эта семья явится ко мне. Им поручу бросить в ящик в первом городе мой штемпелевой.

Проси Дмитрия Ивановича, чтоб он подписался на **Морской Сборник** и Illustration и велел высылать их Николаю Яковлевичу. Я не хочу более получать Journal de S. Petersbourg, которым пользовался нынешний год. Все то же, что в Московских Ведомостях,—и иногда даже позже. Стоит то же, что Illustration, а там я надеюсь найти и портреты, и местности, любопытные в нашем далеке. Деньги за эти издания он вычтет из генварьской присылки.

Попроси Василия Алеевича Абазу, чтоб он привез такую трость, какую видел у меня. Что она стоит, здесь заплатит ему тот, для кого я ее выписываю. Ты верно с ним познакомился; он хотел тебя отыскать в ноябре и сказать, что в нашем уголке отдохнул—и опять будет здесь.

Попеняй Дмитрию Сергеевичу, что он не прислал мне из Берлина копии с Кавказских писем. Проси исправить это дело. При этом случае обними этого доброго человека крепко за нас всех.

Посылаю тебе все письма Дороховой, чтоб ты с женой их прочел—сообщив нашим и моему Старому Директору. Из этих писем вы увидите, добрые мои друзья, на чем основано мое решение расстаться с Аннушкой. Это просто благоволение свыше. Тут нечего говорить эгоистически об разлуке. Явно провидение благоволит, наше дело благодарить и благоговеть. Я принимаю все это с глубокою благодарностию—проникнут этим отрадным чувством и точно не понимаю за что так делается? Самый этот вопрос исполняет меня каким-то невыразимым, внутренним, молитвенным утешением. Помогай бог моей новой сестре в ее попечениях об Аннушке. Я ей уже писал, что посылаю ей здоровье и труды от брата, который счастлив тем, что новая его сестра считает его благодетелем, между тем, как он сознает, что она ему благодетельствует. Последний ее листок меня необыкновенно отуманил. Я за нее испугался, но и тут, помолившись богу, вверился провидению. Так все это необыкновенно устраивается, что нет возможности не послать Аннушку. Ты увидишь ее спутниц. Может быть я попрошу их доставить этот пакет лично. Это будет зависеть от того, что будут ли они где-нибудь останавливаться. Письма Дороховой возврати при случае. Это мой капитал.

Покаместь прощай. Идем обедать к А. В. Ентальцевой. Теперь у нас все проводинные сходки. Вчера вечеровали у Евгения. Аннушкиного крестного. Я ей проповедую, чтобы она благодарила бога за любовь всех с самого ее детства.

Для Гусевой сделай, что можешь. Я ей всегда пишу, чтобы она прямо обращалась к тебе. Мы с ней в частых сношениях, но от меня, кроме из'яснений, никакого нет толку. В полном смысле слова: Маремьяна-Старица! Это уже вошло в мое призвание. Благодаря бога, старая Маремьяна иногда и не беспо-

лезно заботится. До свидания. Не знаю, личного ли, по крайней мере, еще допишу этот листок.

23. После обеда. Сейчас еду проводить Аннушку. Не пишется. Этот пакет тебе доставит Елизавета Алексеевна Кобелева,—надеюсь, что она благополучно доставит Аннушку Марье Александровне. Я очень доволен, что спутницы у нее такие добрые—ей не будет скучно в дороге—и я спокоен.

Обнимаю тебя—Марью Николаевну. Целую деток ваших.

К Eudoxe пишу казенным путем. Расцелуй всю семью. Может быть нынешнюю зиму Марья Яковлевна увидится с Аннушкой. Теперь она от вас не далеко будет.

Верный твой *И. П.*

Евгений тебя обнимает. Обними друзей добрых. Полюбите Аннушкиных спутниц—они вам живое письмо о нас всех.

1856 год

№ 66. М. Н. Пущиной [82]).

(Ялуторовск) 20 генваря 856.

Сегодня с вами надо побеседовать, добрая Марья Николаевна и поблагодарить вас за ваш листок от 18 декабря, который я получил на этих днях. Правду вы говорите, что миллион лет ко мне не писали, поэтому я как-то давно с вами молчал, но это не мешало мне мысленно часто бывать в вашем домашнем кругу — в уединенном вашем предместьи. Молча делил с вами и с Николаем тяжелые ощущения, которых у нас было много с тех пор, как мы написали друг другу. Очень верю, что вам тяжело было вести речь о том, что каждый из нас читал в печатных столбцах. Грустно мне было узнать из вашего письма, что ваши племянники так тяжело ранены, но эта жертва, в теперешние обстоятельства, имеет свою отраду. Обнимите за меня ваших молодых воинов. Я им вполне сочувствую.

От Николая прежде получил грамотку, но еще не откликнулся, хочется побольше с ним поговорить, да как-то еще не удается. Он должен был, почти в то же время, как писал, иметь обо мне весточку—т.-е. в конце декабря.

Почта, с которой дошло ваше письмо, привезла мне письма и от Annette и от Eudoxe от разных чисел на расстоянии почти двух недель. С признательностью, как обыкновенно, я прочел все это, и на будущей неделе буду отвечать. Вы покаместь обнимите всех наших, поцелуйте милое ваше новое поколение. Как время идет—вашей Машиньке уже восемь лет! Воображаю вас и Николая среди этого мелкого народа, который вас утешает и радует постепенным развитием. Пусть Ваня, мой тезка, резвится как можно больше,—я не люблю детей благоразумных!

Об Аннушке вы знаете — благодарение богу! Она здорова, весьма часто имею от нее весточки отрадные. Понимает, как должно, пользу разлуки—и старается настоящим образом воспользоваться случаем образования. Доброе существо!

Мы все здоровы. Завтра собираемся у именинника Евгения. Я ему и Николаю Яковлевичу передал ваш привет—они искренно благодарят вас за постоянную память. Оба сына Евгения укрепляются в здоровьи. Меньшой, мой крестник, напугал было нас, но теперь лучше и кажется миновалась беда.

Моя больная Михеевна все в том же положении. Она просит сказать ее усердный поклон тебе, любезный друг Николай. Ты знаешь ее бодрою, деятельною женщиной, а теперь она и без руки, и без ноги, и без глаза! Нога несколько служит, а на другие части все наши многомесячные лечения ничего не произвели. Впрочем вы верно все это об ней знаете, потому что верно вам попадают мои периодические письма к Annette.

Прощайте добрые друзья. Обнимаю вас искренно, с желанием вам всего отрадного. Храни вас бог.

Верный ваш *И. Пущин.*

Славный день—ясный. Сейчас отправляюсь побегать и подышать холодным воздухом, смягчаемым благодатным солнцем.

№ 67. Н. И. Пущину [53]).

(Ялуторовск) 26 Генваря 856.

Любезный друг Николай. 8 генваря получил от Николая Яковлевича письмо твое от 22 декабря. Ты вероятно около того же времени должен был увидеть Кобелеву, которая отвезла Аннушку к Дороховой. С этим листком я отправляю маленькую посылочку, которую прошу тебя ей переслать в Петергоф. И эти мелочи нужно возвратить.

С почтой я как-то в штемпелиных не решаюсь к тебе писать—в столицу не так легко пишется, как, бывало, в Крым. Тут, вероятно, больше карантинных мер. Точно, давно мы не болтали друг с другом, хоть часто верно встречались мысленно с тобою, при современных обстоятельствах. Так, например, прочитал сегодня статейку о мире, в московских газетах. Как ни желаю замирения, но как-то не укладывается в голове и сердце, что будут кроить нашу землю. Что-то похожее на Тильзит, я чуть ли не хуже. Впрочем, нечего теперь толковать—к несчастью нас и не спрашивают.

Скажи, пожалуйста, при случае, что у вас делается, кроме портного дела.

Что-то бледное, бесцветное! Незабвенный все это привел в такой порядок, что трудно и разобрать вдруг. Будем ждать, что решит провидение! Пишу тебе под говор Евгения Якушкина с другими посетителями—и сейчас провел время с Николаем Николаевичем с пяти часов утра до одиннадцатого. Он и она обещали вас отыскать. Будут живым письмом.

Скажи Дмитрию Ивановичу, что я его благодарю за присылку поэт. Тогда Николай Яковлевич ему не отвечал, поджидая срочные деньги, чтоб вдруг уже откликнуться.

Давно я не пользовался твоими попечительствами. Вот тебе две записки, по которым ты распорядишься. Лобковской, сын того, которого ты знал, просит тебя осведомиться и похлопотать. Серебрякова ждет и не дождется. Все это уладишь, по великому твоему милосердию.

Марье Николаевне твоей я писал казенным путем,—обнимаю тебя и ее и всех твоих деток.

С Аннушкой мы в частой переписке. Она дельно начала заниматься делом. Помогай бог ей и доброй Марье Александровне.

Обними всех наших крепко. Скоро опять буду писать к Eudoxe. с ее знакомым Оболенским, племянником княгини Шаховской. Он возвращается в Россию и у меня погостит.

Когда же Константин Иванович подаст мне голос? Передай ему и Олиньке мой и наш привет.

Оболенской наш тебя обнимает. Он здоров. Сегодня вся древность у меня собирается на блин. Вечером уезжает Якушкин.

Был ли у доброго моего Федернелка Арбузов? До сих пор нет вести об этом давнишнем проезде. Это было в мае прошлого года—и я тебе с ним писал.

Обними всех добрых друзей. Тебя крепко еще раз обнимаю.

верный твой *И. П.*

Михеевна в совершенной слепоте. Успокаиваю ее, сколько могу.

№ 68. Н. И. Пущину [4]).

(Ялуторовск) 7 февраля 1856 г.

Вот твой знакомец Александр Егорович Врангель. Этот раз он непременно будет у тебя, любезный друг Николай.

Кирсанов провел у меня вечер 31 генваря, с ним твое письмо от 11 генваря—со старым от 8 августа с Вопросами жизни и с облатками. **Вопросы** читаю с истинным удовольствием, но еще не кончил, потому что Евгений взял и говорит, что я могу после него прочесть. Когда возвратит, передам тебе мое впечатление. Будь спокоен и успокой Пирогова—рукопись его не будет в чужих руках.

Странно, что 11 генваря у тебя еще не была Кобелева, спутница Аннушкина. Она хотела к Рождеству быть в Петергофе, и я просил ее проездом мимо твоих владений бросить

тебе врученный мною пакет. Мне не хотелось бы, чтобы была тут неисправность. Надеюсь, что ты мне скоро разрешишь эту задачу. Ее разрешить легче, нежели те, которые задаются нам обстоятельствами нынешними. Об них и говорить не хочется, особенно на бумаге.

Добрая Наталья Дмитриевна и мне пишет, что она просит тебя хлопотать о Мат. Михеевне. Она даже из твоего какого-то письма заключила, что ты мне не пишешь, потому что не имеешь еще ничего удовлетворительного сказать. Ей кажется всегда то, что она хочет видеть, но я ее успокоил тем, что не прежде жду твоего назначения в сенаторы. По-моему, это должно быть в нынешнем году—ты спросишь почему? Вот на каком основании я это строю: Ты Д. С. С. в год приезда твоего в Сибирь, должен быть Т..ный С. в год моего выезда!

Отовсюду говорят, будто бы намерены нас пустить за Урал.

Нарышкин меня в этом уверяет.—Как тебе нравится это соображение—оно вроде многих теперешних. Пожалуйста, не шей себе новой формы. Я думаю, скоро вы так не будете узнавать друг друга. Совершенный маскарад. Я недавно встретил знакомого доктора из Омска—право не понял, что на нем — шитье или галуны по нижнему шву воротника и потом по краям почти вверх с обеих сторон. Я уверял его, что он не понял мысли этого нововведения. Просто тоска.

Жду сегодня Казимирского с Сашенькой—он обещает пожить с нами денька два, а потом в Ирбит. Посмотрю, он в каком костюме явится. В прошлом году сердился, что красные панталоны стоют 40 целковых.

Менделеев уже в Симферополе на службе. А вот тебе другой юноша, приголубь его—отыщешь по прилагаемой записке. Славно кончил курс в гимназии здешней. Отец его препочтенный человек и просил меня, чтобы ты иногда наведывался об его сыне и даже, если можно иногда к себе брал подышать воздухом в доброй семье. Сделай как найдешь удобным. Марья Николаевна тоже приласкает его, я в этом уверен.

Неприхину я не видал по возвращении ее в Тобольск, но знаю от Пулитина, что кажется в Царском ее приняли не слишком ласково. Неприхиной казалось, что ее как-будто опасались сестры. Я этого не понимаю, рекомендуя ее, думал доставить им удовольствие, особенно Catherine. Все это оставь между нами.

Штейнгейль мне пишет, что Константин Иванович надеется быть в Лицее надзирателем. Ему писал об этом сын его Вячеслав, тамошний инспектор.

Пожалуйста попроси Федернике, ни слова не говоря, поцеловать Анику, которого я совсем не знаю, но хочу непременно это сделать, т.-е. поцеловать его за письмо к нашему Штейнгейлю, с которым он теперь сроднился. Я читал это письмо.

Обнимаю тебя и жену твою—проси Машеньку ко мне написать, я очень рад читать ее записку с этим новым [illegible]ением. Пусть и остальная твоя мелочь скорей учится грамоте, чтобы порадовать старика [illegible]. Крепко всех их расцелуй за меня.

Вся наша древность дружно тебе кланяется. Евгений во главе. Николай Яковлевич в Ирбите, иначе я бы заставил его приписать.

Спасибо за облатки: я ими поделился с Пушкиным и Евгением. Следовало бы, по старой памяти, послать одно и Наталье Дмитриевне, но она теперь сама в облаточном мире живет. Как бы хотелось ее обнять. Хоть бы Пущина ты выхлопотал туда. Еще причина, почему ты должен быть сенатором. Поговаривают, что есть охотник купить дом Бронникова. Значит, мне нужно будет стаскиваться с места, на котором сижу 12-ть лет. Кажется, все это логически.

Неизменный твой *И. П.*

Михеевна в слепоте просит усердно тебе кланяться.

№ 69. М. Н. Пущиной [85]).

(Ялуторовск) 12 февраля (1856).

Вот вам, добрая Марья Николаевна, письмо из Баргузина. Передайте его вашему хозяину—он будет знать что по нем

сделать. Я сегодня же уведомил Михаила Карловича К, что переслал его листок или лучше сказать полу-листок, потому что остального ни на что не нужно.

Между тем я сказал, что Николай Николаевич *косвенных* *) расходов не будет делать и для этого не будет заимствоваться ни из какой конторы. Может быть, что-нибудь понадобится прямое, тогда пусть действует, как знает, и только, чтоб дело не остановилось.

Сегодня с почтой получил официальную весть, что Павел Сергеевич с братом могут ехать на родину. Это такая радость для меня, что я просто вне себя. Жду их к себе или в конце февраля или в начале марта.

Мы все здоровы. Будем ждать от вас весточки на ваше ходатайство по теперешнему делу—а лучше всего напишите прямо в Барнаул М. Г. Ивану Ивановичу Чернову—или Черных. Это будет сокращать время при наших дистанциях огромного размера.

У нас гостит Яков Дмитриевич. Приветствует и надеется в конце года с вами увидеться.

Евгений теперь играет с ним в крепость.

Обнимаю всех ваших и наших.

Верный ваш *Н. Балин.*

№ 70. Н. И. Пущину [86]).

(Ялуторовск) 30 Марта, (1856).

Сегодня отвечаю тебе, любезный друг Николай, на твой листок от 2 марта, который привез мне 22 числа Зиночкин жених. Он пробыл с нами 12-ть часов: это много для курьера и жениха, но мало для нас, которые на лету ловили добрых людей. Странное дело—ты до сих пор ни слова не говоришь о письмах с Кобелевой, с Врангелем и с Апушкиным. Кажется, все это давно бы должно быть у тебя—особенно Кобелева. По-

---

*) Курсив подлинника.

торая должна была давно мимо тебя проехать в Петергоф к за-тю—архитектору. Она же спутница Аннушкина; следовательно мудрено предполагать, что не возьмет труда отыскать тебя в твоем предместье. Пожалуйста, скажи что-нибудь на этот счет. Разумеется, это не государственные деяния, но если пишет государственный *человек* *), чтоб не сказать другого своего звания, то желает, чтоб достигало его писание своего назначения.

Я даже желал, чтоб ты познакомился с семьей, которая лелеяла мою Аннушку от Ялуторовска до Нижнего. Прогоны и проч. было заплочено; за лелеяние не платится. Я их всех (т.-е. мать и трех дочерей) полюбил в сутки, что провел вместе, и не хотел бы разлюбить за такое небрежение к моей просьбе относительно тебя. С Евг. Якушкиным послал тебе ластухи, которые они забыли у меня, полагая, что уже вы давно знакомы. Довольно об этом.

Ты говоришь: верую, что будет мир; а я сейчас слышал, что проскакал курьер с этим известием в Иркутск. Должно быть верно, потому что это сказал почтмейстер Николаю Яковлевичу. Будет ли мир прочен—это другой вопрос, но все-таки хорошо, что будет отдых. Нельзя же нести на плечах народа, который ни в чем не имеет голоса, всю Европу. Толчок дан поделом—я совершенно с тобой согласен. Пора понять, что есть дело дома и что не нужно быть полицией в Европе.

Оставим, однако, политику до другого, удобнейшего случая. Лучше скажу тебе, что 6-го марта проводили Павла Сергеевича с братом на родину. Они погостили у меня трое суток. После того известие об них получил здесь из Нижнего. Он был у моих (я так называю директрису и Нину-Аннушку). Значит, теперь уже дома—и слава богу, потому что тяжело ему путешествовать с братом, который на одной станции заушил смотрителя. Нужно терпение нашего необыкновенного Павла Сергеевича, чтоб все это переносить. Он велел тебя обнять креп-

*) Курсив здесь и дальше в подлиннике; намек на официальное название декабристов — «государственный преступник».

ко. Я все ночами с ним беседовал, потому что днями не было возможности поговорить при брате, который без умолку говорит. Меня это ужасно волновало и напоминало мне тяжелое наше прошедшее.

Вскоре после от'езда И. С. с нас и с поляков отбирали показания: где семейство находится и из кого состоит. Разумеется я отвечал, что семейство мое состоит из сестер и братьев, которые живут в Петербурге, а сам холост. По моему нечего бы спрашивать, если думают возвратить *допотопных*. Стоит взглянуть на сведения нашим, которые XXX лет идут через III отделение. Все-таки видно, что что-то хотят, хоть хотят не очень нетерпеливо. Прощай, добрый друг! оторвал меня от твоего листка Мартьянов, который тут курьером проскакал из Иркутска. Едва успел проглотить два стакана чаю—и то счастие, что самовар был на столе. Я его к тебе не адресовал, потому что ничего нет занимательного. Обнимаю тебя крепко—твою жену и деток. Кто знает, может и увидимся. Михайло меня порадовал своим посещением в Нижний. Пусть сам расскажет. Евгений тебя обнимает.

Верный твой.

Расцалуй за меня добрых моих однокашников. Аминь! Сегодня же пишу к Михайле через Нижний. Теперь иду обедать к старику Р. Это день его третьей, разумеется и последней свадьбы—9-ть лет тому назад. Михеевна слепая шлет тебе поклоны.

(На обороте) брату Николаю.

№ 71. Н. И. Пущину [87]).

(Ялуторовск) 23 апреля (1856 г.).

За три дня до праздников я получил, почтенный Николай Иванович, ваше письмо от 21-го марта. Благодарю вас очень, что побеседовали со мной.

Заколдованное дело Кобелевой. Решительно не понимаю, почему она вам не доставила моего письма, посланного с нею в ноябре. Если вы еще не видали ее, то пожалуйста отыщите в

Петергофе, по соседству. Она живет у придворного архитектора тамошнего (фамилии не знаю, за ним ее старшая дочь). Потребуйте от нее письма — я разумеется уже не нужно выписывать те журналы, о которых я писал тогда. Почти полгода прошло, да и обстоятельства переменились и, может быть, по делам моим, мне придется переменить место жительства.

О Серебряковой я думал достаточно было послать записку, когда из Омска она была представлена к единовременному пособию. Записка эта у вас. Если же нужно знать, где служит ее муж, то можете сказать, что он служил в Тюмени.

Когда увидите Оболенского, поблагодарите его за добрые его строки из Тюмени. Я не отвечал ему, потому что не знал, где его отыскивать. На днях был у меня Гариновский, который разрешил ему ехать из Тюмени и пенял, что он не уведомил его о своем здоровье. Доктор очень его просил об этом, принимая в нем живое участие. Надеюсь, что теперь болезнь прошла и что помину об ней нет.

Кажется, я давно благодарил вас за *Вопросы*. Они произвели на меня и на нас самое благотворное влияние. Везде мысль и чувство, явно обнажающие с тем, кто думал вслух об этих важных вопросах. Нельзя сказать, чтоб они вполне были разрешены, но дают нить самая благодетельная для блуждающих в этом лабиринте. Я в минуты отдыха беру эту тетрадь и, читая ее, много передумано в мыслях. Одним словом больше, сердечное спасибо вам, что вы поделились со мной этим отрадным чтением — не я один благодарю вас искренно.

И за облатки частое благодарение. Видно, не все мои благодарения доходят до своего назначения, но тем не менее эти благодарения глубоко в душе.

Вы спрашиваете меня о Василие Львовиче и об Николае Александровиче. К прискорбию должен вам сказать, что никто из близких не пишет мне об его кончине. Я от посторонних узнал об этих потерях. Знаю только, что Николай, по вызову Якова Дмитриевича, приезжал в Иркутск, был совершенно здоров, мил, любезен, добр и весел, как всегда. Провел там месяц и возвращался к Пасхе домой. Спешил, дорогой как-то про-

студился, а через две недели не стало этого доброго человека. Как бы кажется Михайле или Елене Александровне не сказать мне словечка о последних его днях. Я думал было тогда же обратиться с вопросом, но мне показалось, что это может быть принято за упрек и к тому же, когда узнал о смерти его и когда пришел бы мой вопрос, много уже времени утекло. Про Вас. Львовича и того не знаю—говорят, недолго хворал перед смертью, но он уже был давно болен: давно уже тревожным: que sait le commencement de la foi! К нему я писал незадолго и мое письмо осталось без ответа. А. П. будет летом здесь—получила разрешение и собирается уже. При свидании распрошу ее и попеняю, что не погоревала со мной в первые тяжелые минуты. Я считал лишним писать ей condoleance, кажется, не может сомневаться в моих чувствах — уверять в них я не мастер.

И точно, как вы говорите, в это время еще образовалась вакансия: в Минусинске в генваре нынешнего года новая могила; умер незнакомый вам А. И. Тютчев. С ним теперь 63-ри с деревянными крестами. А кто знает, может быть и еще кто-нибудь исчез. Довольно некролочествовать.

Обнимаю вас крепко вместе со всеми вашими домашними. Храни вас бог! Жду от Маши и Ольги их сочинений. Критиковать не буду. Об Аннушке—Нине вы должны иметь подробные известия от наших путешественников. Они погостили в Нижнем и там все их полюбили. Пожалуйста, когда увидите Александру Сергеевну, скажите ей, что я давно хотел к ней писать т.-е. после приезда в марте Николая Дмитриевича, но кончилось тем, что написал к Зиночке, а к ней уже буду писать, когда можно будет поздравить с новорожденным. Пожмите крепко руку ей и Николаю Романовичу.

С тезкой моим поиграл бы в лото, но отсюда далеко кричать номера. Он не услышит,—а поцеловать можно и отсюда.

Все у нас здоровы. Наконец, у нас весна—нынешний год очень поздно. Тем приятнее, что долго заставила себя ждать. Евгений вас крепко обнимает—Матвей тоже. Он помнит вас, когда встречался с вами у Петра Александровича. Это довольно

давно. Спасибо, что лично исполнили мое поручение к сынку Владимира Ивановича, которому между прочим 12 апреля минуло 73 года. Бодр и свеж мыслию и телом!

Всех, кого поймаете, заключите в крепкие объятия. Марья Николаевна что-то давно молчит—видно захлопоталась с меньшим своим народом. Обнимаю вас всех, добрые друзья. Пойду смотреть на Тобол—теперь в разливе. К Константину Ивановичу писал в Кронштадт.

С истинным моим к вам высокопочитанием имею честь быть вашим покорнейшим слугою *Николай Балин.*

Не знаете ли где Василий Агеевич Абаза. Он в феврале хотел быть, а все нет.

№ 72. Н. И. Пущину [58]).

(Ялуторовск). 28 мая, понедельник (1856 г.).

В прошлый понедельник едва отправил письмо к Марье Николаевне и к Машиньке, как мне принесли ваш листок, почтенный Николай Иванович. От души благодарю вас, что вспомнили мои майские дни. Я тоже 9-го числа был мысленно с вами, хотя мое поздравление не попало ко времени. Впрочем, я надеюсь, что между вами эта хронология и без письменных поздравлений всегда помнится и по своему празднуется. Я, в ваш день, у соседа справлял Николу. С Евгением пожелали вам всего лучшего. Редко имениннику икалось! От Марьи Николаевны жду ответа на мое послание с переменой местоимения. Пора начать говорить этим языком, более сближающим. Вы просто делаете чудеса, добрый Николай Иванович, все на балах, самых переменных. Я просто посмеялся, читая ваш рассказ об этих похождениях. Между тем, рад был, что вы вняли исключительному приглашению. Отказываться не следовало, хотя в сущности этого был нарушен всегдашний ваш порядок.

Кстати, есть к вам просьба; не откажите сделать, что можете. Авось бог поможет вам. Вот в чем дело:

В Тобольске состоялся приговор над скопцами. Между прочими приговоренными к ссылке в Туруханск — два брата Гавасины, которые в малолетстве приобщены к этой секте, не сознательно сделались жертвами и потом никаких сношений с сектаторами не имели. Мать послала в нынешнем месяце просьбу к министру юстиции. Шепните, кому следует, за этих бедных людей. Если потребуют дело в сенат, то все будет ясно. Приговоренные сидят в тюменском остроге.

Странно, что вы никак не можете поймать Кобечеву, или лучше сказать, непонятно, что она до сих пор не исполняет поручения. Ваше письмо от 7-го мая, а она уехала в ноябре. Все-таки надеюсь, что вы как-нибудь ее отыщете в Петергофе.

Обнимаю вас дружески со всеми вашими домочадцами. Хозяйке сердечный привет. Петр, т. е., Александр Беляев недавно писал нам о всех вас.

У нас все обстоит благополучно. Все здоровы. Прекрасно бы сделали, если бы могли прокатиться в Тульскую губернию. Туда поехала на несколько дней Наталья Дмитриевна. Она часто ко мне пишет, с необыкновенною добротою уделяет мне свои досуги от деловых занятий.

Хлопот ей много.

Ваш покорнейший слуга *И. Балин.*

№ 73. Н. И. Пущину [89]).

(Ялуторовск) 18-го июня 856.

Любезный друг Николай, вот тебе Оболенской, не князь, а зато статский советник, потомок мой по лицею и действовавший пять лет в Сибири, как следует честному и благородному лицеисту. Прими его на основании всего вышесказанного и дай ему руку помощи, когда он у тебя ее потребует по некоторым делам. Я ему дал право говорить с тобой так же откровенно, как со мной. Он ничего не ищет, но может быть попросит тебя указать ему, где похлопотать по некоторым делам тобольским, бывшим на его руках, как советника губернского суда.

И тебе, добрая Мария Николаевна, рекомендую подателя этого листка: он немного дик, но твоя женская приветливая любезность ободрит этого нелюдима. Обнимаю вас крепко всех нераздельно. Жду ответа на прежние мои письма. Нового сказать теперь мне вам, добрые друзья, нечего. Все идет прежним неизменным порядком. Да и времени немного в моем распоряжении. Все спешат обыкновенно. Так что нашему брату, старику, и не поправиться с этим торопливым народом.

Вот докладная записка, по которой прошу его превосходительство подействовать через кого следует. О последствии прошу меня уведомить.

Когда будешь в Царском Селе, обними всех наших.

Скажи мне, не видал ли ты Василья Агеевича Абазу. Он хотел возвратиться в феврале из ваших стран, и до сих пор об нем ни слуху, ни духу. Он знаком и с Бариным и с Федернелке. Хотел даже у тебя непременно быть.

Отовсюду толкуют о нашем возвращении. Нам здесь был запрос уже два месяца тому назад: из кого состоит семейство и где находится? Этот запрос по начальству был от министра внутренних дел. Я отвечал, что у меня братья и сестры и что все живут в Петербурге, а что я сам холост!

Эти запросы сделаны не только нам, допотопным, но и всем полякам и [illegible], сосланным в 850 году. Увидим, что из всего этого будет. Во мне есть что-то от Фомы — пока не вижу, не осязаю, не верю.

Евгений тебя обнимает. Сегодня и Балакшин был у меня. Едет за сыновьями в Тобольск. Надобно с ними написать Владимиру Ивановичу два слова.

Прощайте, добрые друзья, а может быть и до свидания!

Молодежь твою приласкай за меня. Будьте все здоровы!

Скажи Матюшкину, что я приеду полюбоваться его заимкой (как здесь говорят) близь железной дороги. Как-нибудь проберусь и на твою дачу, лишь бы попасть за Урал. Столько лет его не переезжал, что как-то не верится возможности. На все бог!

Верный твой *И. П.*

№ 74. М. Н. Пущиной [90]).

(Ялуторовск) 3-го августа (1856 г.).

Захлопотался это время и до сих пор не благодарил тебя, добрая Марья Николаевна, за твое письмо от 22-го июня, которое пришло ко мне 20-го июля. Освежал свое жилье, белили и прочее. Я при этом случае всегда сам хлопочу. Таким образом это скучное, но необходимое дело теперь приходит к концу. Теперь все на месте, чисто и бело! Можно спокойно заняться текущими делами.

Очень благодарен тебе, что поняла потребность бесцеремонных наших сношений—мне как-то ловчее теперь писать и чувствуешь как-то себя ближе от тебя и от всех твоих домочадцев. Машиньку милую поцелуй за меня, но пожалуйста не торопи ответом. Пусть гуляет и бегает, как свободная птичка. Если у вас лето так дурно и непостоянно, как у нас, то мало детям приходится пользоваться воздухом, а этот запас необходим для долгой зимы, особенно в их возрасте. Мы здесь погибали несколько дней от удушливых жаров, а потом дожди и холод, так что я топлю камин для уменьшения сырости в комнатах. Вообще не люблю говорить о погоде, но она так поразительна, что пришлось невольно коснуться этого пошлого предмета.

Из Паричей мне пишет Марья Яковлевна, что собираются заграницу. Дай бог в добрый час и на пользу! Кстати случилось хозяину продать вино и этим облегчилась возможность двинуться. Я хочу туда написать, но не уверен, застанет ли их мое письмо, хотя не определяют времени от'езда.

Очень бы желал, что (б?) Николай добрался до Петергофа. Для меня очень задача, как давнишнее мое поручение могло так долго остаться без исполнения. Когда он там побывает, все это об'яснится. Обнимаю крепко доброго моего Николая.

Вероятно, с тех пор, как ты мне писала, давно побывала в Царском Селе. Но все таки теперь прошу тебя дать туда весточку обо мне. Сегодня, в пятницу, только к тебе пишу. Мы, благодаря бога, здоровы. Аннушка пишет часто. Добрая ее Мамаша печется об ней с полной любовью.

Сейчас был у меня Николай Яковлевич, я ему передал твой привет. Искренно благодарит. Он как-то это время заметно устарел. Заботы семейные тяжело на нем лежат.

Евгений просит, чтоб ты за него обняла Николая крепко, а тебе, по старой форме, целует ручку за постоянное твое воспоминание.

Верный твой *И. Пущ.*

Положение Михеевны обратилось в хроническое: без глаз, без руки; нога несколько действует. Желудок хорош.

№ 75. Н. И. Пущину [91]).

(Ялуторовск) 6-го августа (1856 г.)

Любезный друг Николай, не скоро дойдет до тебя этот листок, но все-таки скорей, нежели пакет, посланный с Кобелевой.

Тебе доставит его Василий Антонович Попов, близкий знакомый Давыдовых по Красноярску. Я там с ним познакомился в 1849-м году—и теперь он завернул к нам, отправляясь за Урал.

Примите его со свойственным вам радушием и в случае нужды помоги ему. Если это понадобится, он сам тебе скажет.

На днях ожидаю друга Наталью Дмитриевну. Она теперь в Омске, где племянник ее Дуров. Обещает провести с нами Натальин день, а в начале сентября будет в Нижнем у Дороховой.

Вероятно, Барошева сообщила тебе письмо, в котором я ей рассказывал наше свидание.

Обнимаю тебя, добрая Марья Николаевна. Целую ваших деток. Распространяться некогда, да и не к чему, потому что Василий Антонович медленно спешит.

Что-то скажет август. Уже не за горами развязка столь часто повторяемых ожиданий.

Евгений тебя обнимает—он в полном убеждении, что воротится, а я признаюсь Фома неверный: пока не вижу, не верю.

Для развлечения посылаю тебе бумажонку, по которой ты похохочешь. Давно уже я тебя не тормошил. Прочти, что узнаешь.

Все у нас здоровы. На прошлой неделе мы проводили Давыдова семью. Одна из дочерей заболела в Томске и они еще там.

Прощайте, добрые друзья. Михеевна слепая шлет тебе, друг Николай, усердный поклон. Жаль ее бедную, безвыходное положение.

Обнимаю тебя—а ты обними наших и старых граждан Лицея старого.

Верный твой *И. Пущ.*

№ 76. Н. И. Пущину [92]).

(Ялуторовск) 19 августа (1856 г.).

Вот тебе, любезный друг Николай, вместо письма сам Доброправов. Он так торопится, что писать и некогда. Да к тому же говорит, что мы скоро должны увидеться. Тогда наговоримся, если бог даст исполнятся эти ожидания.

Обнимаю покаместь тебя, жену, деток и всех наших родных и друзей.

Верный ваш *И. П.*

Благодарю Доброправова, что он завернул ко мне. Он твой старый знакомый. Евгений и все наши тебя целуют. Н. Д. жду на-днях. Будем вместе пировать Андреяна и Наталью.

Надобно бы тебе ездить в Марьино.

Аннушка все ждет меня в Нижний.

Увидим что будет.

№ 77. Н. И. Пущину [93]).

29 апреля (год ?).

Податель этой записки, г-н Губанов, тот самый молодой человек, о котором рассказывала тебе, любезный друг Николай, Ульяна Федоровна в письме своем от 2 апреля. Он сам расскажет тебе свое положение и ты сделай для него, что можешь. В уверенности на твою деятельную помощь для него обнимаю тебя со всеми твоими домашними.

И. П.

Письма после Сибири.

1857 год

№ 78. М. Н. Пущиной [94]).

(Москва) 10-го июня 1857 г.

У Алеши.

Мало я благодарил, добрый друг Марья Николаевна, твоего мужа, навестившего меня здесь: это посещение было для меня и для нас обоих истинною отрадой. Жены нет дома, чтобы прибавить свое признательное слово — она еще не возвратилась из Калязинской деревни. Ты, пожалуйста, обними крепко нашего генерала, как зовут его мои хозяева. Вследствие того, что генерал тебе сказал обо мне, должен объяснить, что со дня его от'езда отек быстро уменьшается. Остается только тяжесть в ногах с некоторою опухолью. Это заставляет меня, как ни досадно, больше держать их в горизонтальном положении, чтоб наконец, иметь возможность ими пользоваться. Пора, очень пора молодому человеку выбраться из лазарета. Ты это очень хорошо понимаешь. Необыкновенные вещи со мною делаются — и это самое придает мне терпения, убеждая, что во всем есть что-то знаменательное. Да будет воля его святая! Итог окончательный всех странствий невольных, всех размышлений, почти извинительных в моем положении.

Ты сетуешь, друг, что я не открыл тайны моей Николаю. Во-первых, ты ясно хорошо понимаешь, что это не мне одному принадлежала тайна. Это бы еще ничего — она всегда согласна была бы, чтоб Николай с нами поместился, но главное дело в том, что сказавши ему, нельзя не сказать сестрам, не обидевши их. Следовательно мы решились молчать до поры до времени и почти все упредили, которых опасались, в уверенности, что никто, размысливши исключительное наше положение, не будет винить нас в намерении огорчить таким ходом дела. К тому же оно требовало избежать толков преждевременных, а доверившись, не было бы им конца. Пожалуйста, разбери все это хорошенько, поставь себя на наше место и верно ты согласишься, что другого исхода этому заветному делу (нет?). Одним словом, помиримся и обнимемся.

Дорохова тоже бранит нас нещадно за таинственность с нею. На-днях был ее ответ на наше объявление. Она вдобавок воображает, что я тотчас отниму у нее мою Аннушку, а ее Нину. Я ее успокоил и просил, чтоб она лучшее имела обо мне мнение. Что я никакого изменения покамест ни в чем не делаю (это было бы верх неблагодарности ко мне); что при свидании поговорим о том, что нужно и полезно для Аннушки, и что она, т.-е. Дорохова, будет иметь председательский голос в этом. Что Ваню я беру и вероятно прежде меня будет в Нижнем Наталья — ей нужно везти Пашеньку в Чебоксары — на обратном пути заберет мальчугана, которого я пристрою у хорошего учителя семейного, для приготовления к гимназии. Разумеется, под близким собственным наблюдением. Все это еще требует быть здоровым и знать где мы очнемся. Если нельзя будет ехать в Киев, то вероятно отгуляешь лето в Марьине,—а там как бог укажет.

Вчера писал в Ц. С.—и тот листок ты может быть поймаешь. На беду мою, вы так расселились, что я едва успеваю с вами всеми сказать словечко. Не взыщите, когда случится неисправность: если б был здоров и с этим делом поправился бы— а то иногда не в мочь.

Молодой ваш народ целую и в щечки и в глазки. Рассуждения их о здоровье чрезвычайно верны. Будем ожидать, когда бог услышит наши общие молитвы. Софье Егоровне мой привет; всему министерству поклон.

Пушкин вчера утром уехал: если бы не больной его брат, еще бы остался здесь.

Храни вас бог! Обнимаю вас обоих нераздельно. Не слыхать ли чего-нибудь о Рыкачеве. Я думаю, он должен быть уже в Омске давно. Мы виделись на железной дороге, когда я ехал в Благое. Хочется знать про [illegible]. Сто лет от него ни строки не имею.

Верный ваш *И. П.*

Сейчас писал в Тверь. Надобно протянуть ноги. Когда же можно будет не думать об них.

И. Д. Якушкин приехал в Москву, был у меня раз. Теперь по нездоровью не выезжает. Намерен ехать в деревню шурина Шереметева.

79. Н. И. Пущину [95].

(Москва) 19-го июня 1857.

Только что собирался отвечать твоей жене на ее письмо от 15-го числа, как получил, любезный друг Николай, твои листки от (?), они дошли до меня вчера. Я прочел все со вниманием и охотно, что ты хорошо сделал — только одно меня озадачило: Какие тут назначения по 3 т. братьям. Если один из этих братьев я, то прошу [illegible] эту [illegible]. Письмо твое я завтра пошлю в [illegible] Михайле, надобно только справиться, в какой части Германии эти воды. Еще мнение мое насчет твоих издержек путевых, ты должен их записывать и они должны падать на всех. Довольно, что твои хлопоты не оплачиваются. С этими моими замечаниями я отправлю депешу Михайле и попрошу его не медля тебе отвечать. [illegible] тебе бог устроить

дела покойного нашего Вениамина: ты исполняешь святую обязанность.

Жену не могу дождаться. Всякий день посылаю на дорогу, как нетерпеливый и заботливый муж, но никого не привозят. Надеюсь, однако, что она кончит когда-нибудь там разбирательство и приедет. Тогда мы начнем толковать о Марьине; к тому времени и ноги мои, надеюсь, не помешают маленькому переезду; остальные все, что при свидетельствах показывал, исчезло.

Пикулин говорит, что можно нанять дачу в Сокольниках, но я его уверяю, что это довольно дорого и что вдруг обзаводиться маленьким хозяйством тоже не малая издержка: между тем в 50 верстах все готово. В случае нужды и его могу пригласить туда. Загостился я у Алеши, да и воздух нужно переменить.

Письмецо ваше, добрый друг, бичь мой, вчера отослал Катерине Федоровне. Об Рыкачеве мне пишет вчера Аннушка, что он давно у них проехал с братом Казимирского. Ожидаю весточки уже из Омска.

Добрейшая К. И. Данзас была у меня на днях. Приезжала с сыновьями нарочно для меня с дачи С. М., куда ее отвезли прямо с чугунки. Старик неохотно отпускает ее в город, но все-таки она уделила мне часа два. Жаль, что жены не было дома. Обещала опять приехать, когда я дождусь хозяйку. Утешила меня К. И.

Не можешь ли ты, любезный друг Николай, повидаться с Вяземским и взять у него мой портфель, если он его не прислал в дом. Он хотел отыскать его на даче своей у Лесного института и тотчас доставить. Обработай это дело и перешли мне портфель сюда. Случаи бывают частые.

Записка барона превосходная. Я недавно писал к нему с Буличем и кой-что послал. С Буличем же будет ответ. Если в ответе будет что-нибудь в роде этой записки, то тебе сообщу.

В Павловске я не знаю никакого и никакой Н. Н., потому и не еду по присланному тобою соглашению. Верно, есть кро-

ме нас Пущин, которого миновала записка, но мы его не будем отыскивать. Записка уже пошла

Ou va toute chose—
Ou va la fleur de rose.
Et la fleur de laurier.—

Хозяин мой возвратится сегодня из подмосковной—я его отпускал туда на отдых с четверга прошлого до сегодня.

Третьего дня задержал в доме его на сутки Свистунова, убедил его, что для меня это будет гораздо удобнее, нежели отпустить его в гостиницу. Он мне говорил, что виделся на минутку с тобой.

Оба Рябинины вас обоих обнимают. Детей приласкайте за нас. Получил вчера письмо от Веры, не рано лето ей откликнуть. Между тем много есть других писем к ответу. Обыкновенно утро на это посвящается. Днями все кой-кто забежит.

Обнимаю вас обоих. Будьте здоровы и [illegible]. Разрешено мне кататься в коляске и искать за городом лучшего воздуха, но все это время такие дни, что нет возможности воспользоваться позволением Пикулина. Был только два раза в Сандуновских банях—это мне очень помогает.

До другой беседы, верный *И. П.*

Обнимай всех встречных, добрых знакомых.

№ 80. А. Ф. Фон-дер-Бриггену [96]).

С. Марьино, близ Бронниц, 4-го июля 1857.

27 июня я получил, почтенный Александр Федорович, ваше письмо от 2 того же месяца. Катаеву в ту же минуту отослал на его послание. Благодарю вас за доставление.

Вы спрашиваете, где кто из наших: вот вам ответ.

Барон Штейнгель в Петербурге. С. Г. Волконский. И. Д. Якушкин (по болезни до излечения), А. Н. Сутгоф. А. В. Ентальцева—в Москве. Е. П. Оболенский. П. Н. Свистунов—в

Калуге, Г. С. Батеньков—в Белеве (в деревне у Елагиной), П. А. Анненков (на службе) в Нижнем-Новгороде, М. И. Муравьев-Апостол—в Твери, С. П. Трубецкой, А. А. Быстрицкий—в Киеве, Н. В. Басаргин—временно в Смоленской губернии у Барышникова. Не знаю еще, где бросит якорь.

Теперь собственно о себе. Особенных событий не было; но притом сердечный от всех старых друзей и товарищей. О родных уже не говорю. С самого возвращения на родину я почти постоянно хвораю и теперь далеко от здорового.

Слух о моей женитьбе справедлив. 22-го мая я соединен с Н. Д. Ф.—Благодарю бога за наш союз. Покамест пользуюсь свежим воздухом и пью воды в деревне жены. Не знаю еще, где мы будем жить постоянно — это решится, когда я выздоровлю, если бог поможет.

Желаю вам, Александр Федорович, приятного новоселья, а также здоровья. С истинным уважением преданный вам

И. Пущин.

Мария Александровна мне пишет, что вы ее просили переслать письмо к вашему зятю, говоря, что это письмо с вашим в одном конверте. Она кроме вашего ничего не нашла в конверте и просила вам об этом написать. Верно вы забыли положить это письмо. Я ей послал ваш адрес и без сомнения она вам лучше меня все объяснит. Если уже не объяснила.

№ 81. Н. И. Пущину [97]).

(С. Марьино) Прибавление, 17 июля (1857 г.).

Вчера жена забыла послать, следовательно можно маленькое дополнение сделать к письму.

1. Навести все бьется на министра народного просвещения, пока он на даче у Лесного Института: иначе опять в долгий ящик пойдет добывание моего портфеля. Мне хочется непременно его добыть.

2. Если Шумахер возвратился из Парижа, то скажи, что у меня забытая им вещь в Ялуторовске. Сегодня пришли мои ящики из Нижнего, и я ее отыскал там. При отъезде укладывался тоже хворый, следовательно, не очень обращал внимания на процесс укладки. Однако, все прошло в порядке, прогостивши у Дороховой до декабря.

В добавок, она прислала мне третий ящик чей-то чужой. Надобно будет опять отправлять через контору транспортов.

Ты верно получил от Михайлы ответ — он мне пишет, что лечится в Киссингене; тоже письмо, много приказаний. Надеюсь, что он прямо оттуда приедет ко мне из Варшавы в начале будущего месяца.

(Довольно. Продолжение впредь).

И. П.

Лиза мне писала, что книжка, о которой мне говорил Модест, по каким-то обстоятельствам не скоро выйдет, как он обещал при моем последнем с ним свидании.

Всех крепко обнимаю.

№ 82. Н. И. и М. Н. Пущиным [98]).

Марьино. Середа, 24 июля 1857.

В воскресенье получил я, любезный друг Николай, твои листки от 16 числа. Напрасно ты всегда извиняешься, что не писал. Ты человек семейный и общественный и занят своими делами, т. е. трудами, следовательно время у тебя на счету. Вот я например ничего не делаю и тут не успеваю с моей перепиской. Впрочем на это свои причины и все одни и те же. Продолжается помещичье мое положение. Марьино с самого нашего приезда без солнца, все дожди и сырость. Разлюбило меня солнышко — а его-то я и ищу! Чуть ли слабосилие не больше того, как с вами расстался. Вероятно, московская болезнь и убавила их. Одним словом, не могу похвастать лучшим. Жена уверяет, что все будет хорошо, когда невольно задумаюсь. Верю ей и вооружаюсь терпением

Я уверен, что ты при первой возможности махнешь сюда, [illegible] действуй необходимыми по теперешнему твоему хозяйству [illegible]. Действуй: я уверен, что ты будешь устраивать [illegible] дело. От души желаю тебе успеха. Обнимаю тебя за вас обоих. Я просил, чтобы ты при случае присылал мне нумера **Сборника** (случай был [illegible] частый). Адресуй их к моему комиссионеру [illegible]скому Алеше. Я этот журнал люблю—с июня не видал его. Не клади оружия, пока не добудешь моего портфеля.

Спасибо тебе, добрая Марья Николаевна, за твою беседу на листке [illegible]. Я столько пишу в разные стороны, что просто потерялся. По твоему вопросу о Нижнем скажу, что я еще не говорил тебе, что на днях ожидаю Ваню. 11 числа няня (о ней тебе скажет Николай) поехала с Пашенькой в Чебоксары. На возвратном пути возьмет Ваню и привезет сюда.

Я очень знаю, что надобно действовать, но это время, как ты видела, я просто ни на что не годен. [illegible] поступит к Циммерману в Москве. Это заведение лучшее во всех отношениях, и там он может остаться до самого университета. Я уже вошел в переговоры с Циммерманом, но надобно еще самому с ним познакомиться, все высмотреть. Авось бог поможет как-нибудь распустить крылья, которые до сих пор подрезаны.

Странно, что Рыкачев со мной церемонится, я еще в Петербурге с ним говорил об Ване.

До сих пор не имею ответа о посылках, которые он повез в Якутск [illegible] и [illegible]. Вероятно давно все им доставлено, но все-таки при случае ты его спроси. Не понимаю, что делается с его генералом: ни ответа, ни привета от него нет с марта месяца. Наконец, у меня не стало терпения с этим добрым человеком,—я ему 12 июня написал из Москвы о 22 мае. И на это молчок—а уже верно в Омске был, когда пришло мое письмо.

Твой муж удивляется, что я писал ему, будто бы беру на свою долю причитающуюся часть расходов по управлению Куйвази. Это и меня удивило, когда увидел, что написал, что оно оста-

лось непроткнутым на том основании, что написанного пером не вырубишь топором. К тому же я был уверен, что Николай сам поправит мою ошибку.

Пора кончить. Жена не велит утомляться. Нельзя не послушать, когда так любезно отдается приказание.

Библиотека здесь большая, но все уже такая классическая древность, что из рук падает. Мы подписались у Urbain и почитываем иногда романчики. Давно я ничего в этом роде не видал. (Это ответ на Николаев вопрос). Кроме того получаем русские журналы.

Обнимаем вас крепко. Верный ваш *И. П.*

Ждем Нарышкиных — они обещают показаться, уезжая за границу на зиму.

Здесь мы остаемся до самой осени—вообще ничего вперед не загадываем, но кажется, зиму в Марьине не придется жить. Обо всем узнаете, друзья, своевременно.

№ 83. Н. И. Пущину [93]).

11-го августа (1857 г.) Марьино.

Против обыкновения своего сегодня пишу к тебе, любезный друг Николай, не дождавшись твоего ответа на последнее мое письмо. Надобно, минуя все формы, поблагодарить тебя за присылку печати гербовой и Морского Сборника. Печать вручил мне Михайло, которого, наконец, я обнял 5-го числа нынешнего месяца. Он так изменился в физиономии, что я не узнал бы его: любезно торчащие брови меня поразили. С Марьей Яковлевной я вдруг сошелся, как будто всегда были знакомы. Она так добра, что даже помогает нашему, не совсем устроенному хозяйству. Многое бы надобно привести в порядок, но ни жена, ни я, особенно в теперешнем моем положении, не имеем силы, которая для этого необходима.—Казанской меня лечит. Усердно действует: еще нельзя сказать, чтоб существенно было изменение к лучшему, но он говорит, что скоро скажет, есть ли надежда продолжением теперешнего

лечениями достигнуть чего-нибудь прочного. Московских врачей с самого отъезда из Москвы не видал, хоть Пикулин обещал навестить. Между тем вот уже слишком месяц что мы здесь.

Ты можешь именем Михайлы просить Вяземского об портфеле. Может быть это подействует. Михайло сам будет в Петербурге, но будет поздно—тогда уже не будут они жить на даче близ Лесного Института. Действуй, кончи это дело.

Сегодня в газетах читали о книге, которую от тебя ожидаю. Любопытно прочесть. Верно ты не замедлишь прислать. Потом надобно будет считаться с тобой. Не знаю, что стоит печать. Жена очень тебя благодарит. Обнимаем тебя, добрую твою жену и целуем милых твоих деток. Ваня мой ко мне приехал благополучно: здоров и весел мой Ванюковский. Теперь Марья Яковлевна всякий день час с ним читает. Скоро думаю его пристроить в пенсион Циммермана, но для этого мне надобно самому опериться, чтоб съездить в Москву и лично познакомиться с Ц., осмотреть заведение, которое все единогласно хвалят, и пр. и пр. Он может в этом заведении остаться до самого университета.

Мне хочется как можно дольше задержать здесь ваших заграничных путешественников. Здесь еще болтаем abâton rompu, а надобно поговорить с опекуном об делах настоящим образом. Сегодня проводили Батенкова, который пожил с нами. Спасибо ему.

Обнимают Михайло и жена его. Ты будешь в Царском, скажешь сердечно обо мне всем нашим. Благодари Catherine за скамейку. Получил письмо от Петруши, но сегодня не удается ему откликнуться. Пусть простит хворому дяде. Авось когда-нибудь уравновесится опять все, что во мне пришло не в нормальное положение.

Погода была благодатная несколько дней—к нам привез тепло Михайло, а теперь опять подуло с севера и хмурится небо. Поневоле стал я барометром, даже не ходячим, а более сидячим.

Расцелуй за меня Федернелка и Бориса. Надобно бы к ним написать, но больше останавливает то, что нечего сказать хо-

рошего. Борис услышит обо мне (от?) доброй Катерины Павловны, а Федерненка и там, в Царском, слышит здешние вести.

Обнимаю тебя, добрый друг! Видно, захлопотался и ты, и хозяйка твоя, что так давно нет ни строчки с дачи. Теперь у вас на водах Аннета. Обними ее, если не кончится еще курс и она не уехала.

Эти дни жена немного прихворнула. Простудилась. Вообще я не люблю, когда кто-нибудь болеет. Ворчу на нее, сколько можно более, чтоб она скорей поправилась.

Верный твой *И. П.*

Досадно мне, что Тониньский тебя перегнал. Надобно попробовать опять тебя представить, хоть я сознаю, что в нем есть достоинства, которых в тебе не обретаю.

№ 84. Н. И. и М. Н. Пущиным [100]).

С. Марьино. 18-го августа (1857 г.).

Сейчас получил почту—первое письмо открылось—горькая весть! Евгений Якушкин уведомляет о смерти отца. 11-го числа его не стало—14-го похоронили: из товарищей наших были Матвей Муравьев, Сутгоф и Батеньков. Отуманило меня это известие—я любил покойника. Мир душе его *)...

Ваня поет, как веселый башмачник. Под его напев я пишу. Скоро надеюсь его поместить в пансион. Жена все это узнает в Москве—это одна из причин нынешней ее поездки *)...

Обнимаю тебя. Обними, кого из наших поймаешь. Михайло сегодня пишет к Catherine, а я в среду поговорю с ней. Ее письмо ждет возвращения из Москвы. Женских писем никогда не вскрываю.

Верный твой *И. П.*

---

*) Опущены мелочи чисто домашнего свойства, не имеющие исторического или биографического значения.

В Успеньев день был у нас Алеша Р. с Яковлевым.

Погода пасмурная—дождь—а перед этим был ужасный холод.

Не балует меня солнышко—едва несколько раз пришлось пригреться его теплотой.

Михайло и Антоний вас крепко обнимают.

Болтаю всякий вздор, чтобы не углубляться об Якушкине. Не буду больше его тормошить.

№ 85. Н. И. Пущину [101]).

Марьино. 8-го сентября (1857 г.)

Сейчас получил я, добрый друг Николай, твой листок от 2-го числа *).

В октябре я думаю сам съездить в Москву, чтоб поместить Ваню к Циммерману. Это еще предположение, но мне хотелось бы быть в состоянии его исполнить *).

Долго что-то шло твое письмо: шесть дней! Сегодня Аннушке минуло 15 лет! Мысленно я с нею. В добавок сегодня же именины М. А. Дороховой. Думал было быть у них, но все еще ни с места! А давно тянет к ним в Нижний.

Душевно рад, что новое владение тебя занимает и уверен даже, что ты извлечешь из него пользу. Ты на это художник. Если нужен какой-нибудь акт на бесспорное владение этим имением, то вели написать и пришли потомственному дворянину для подписи. Капитан гвардии сам явится к вам зимой. Они уехали на другой день именин жены. Теперь давно в Париже *).

Пожалуй, продолжай натиск на министра: выручай портфель непременно, а то опять пойдет в долгий ящик *).

Пора на почту снаряжать. Отправляю в Нижний новорожденной посылку.

Верный твой *И. П.*

---

*) Опущены мелочи домашнего свойства.

Всем добрым друзьям мой искренний привет. Писал к В. И. Рыкачеву в Омск. До сих пор никакого не имею сведения о поручениях моих. Уж не случилось ли с ним что-нибудь? Надеюсь, что ко мне заедет Казимирский. Он теперь должен быть в Москве, если выехал, как намеревался.

Тебя непременно отыщет этот добрый человек.

№ 86. М. Н. Пущиной [102]).

(Марьино). Середа, 2-го октября (1857 г.).

С прошлой почтой, в воскресенье, не успел поблагодарить тебя, добрая Марья Николаевна, за твое письмо от 23-го сентября, которое в воскресенье же получил (*).

Верно, Николай читал тебе речь Пирогова по случаю новоселья лицея. Я читал ее Варе и вспомнил вас. Оно и стоит того, чтоб прочесть. Славно думает и говорит Пирогов! Симпатичный человек (*).

На этих днях был у меня на денек Владимир Жемчужников. С удовольствием побеседовал с этим юношей. Так разговорился, что Варя уже начала было действовать полицейскими мерами, которые употреблялись во время оно.

Чтоб не забыть, надобно скорей передать вам обеим привет М. Д. Францевой. Она возвратилась из Бронницы в деревню Ал. Кир. Нарышкина, где гостила лето, и тотчас объявила желание повидаться со мною (*).

Вчера после почты проводил Нарышкина, он приезжал ко мне с Сутговым. Пробыли с небольшим сутки. Елиз. Петровна не была. Она, по словам Михаэль Михайля, страдала флюсом; а я думаю, что ей просто не хотелось для одной моей персоны трястись сто верст. Ей было в Москве известно, что жены нет дома. 4-го числа она через Варшаву отправляется за границу. В мае обещают воротиться, и просит Нарышкин, чтоб я приехал к ним в Высокое. Тут же явился Евгений

*) Опущены мелочи.

Якушкин. Таким образом, к 1-му октября собралось целое общество по здешней моей жизни. Рождения Вари не было объявлено, но выпито по бокалу шампанского за обедом. Новорожденная не хотела, чтоб было поздравление—и я молчал. Нарышкин просил вас обнять. Он тот же, как я с ним расстался. Потолковали и посмеялись что экспедиции неудачной в Петербург зимой.

Хозяйки все еще нет, но вероятно, не замедлит теперь явиться, иначе я подам явку в земский суд

Верный твой *И. Пущин.*

Ваня целует Николая, тебя и всех твоих малолетних—он Николая порядочно тормашит. Теперь скоро будет за настоящим делом. 4-го числа ему минет 8 лет. После будем собираться с ним в Москву.

Любезный друг Николай, узнай мне, где и как живет Катерина Петровна Торсон. Наша артель имеет возможность ей помочь. Теперь у меня делается раскладка на будущий год. Артельный год наш начался с 26-го августа. Я не знаю, где отыскать ее. Все думал, что она возвратится в Москву, а Ентальцева пишет, что до сих пор ее нет. Каково было действие моего ultimatum к министру Н. Н.? Вчерашняя новорожденная обещала в другой раз написать тебе. Она теперь с Ваней занята.

№ 87. Князю В. А. Долгорукому [103]).

Милостивый государь, сиятельный князь.

Вашему сиятельству известно, что я болен с самого возвращения моего из Сибири. Теперь, благодаря бога, чувствую себя несколько лучше; но для упрочения постоянного выздоровления мне необходимо иногда посоветоваться с медиками.

При последнем свидании моем с вами, в мае месяце, в Петербурге вы позволили мне, в случае надобности, обращаться к вам.

Приняв с признательностью благосклонное внимание вашего сиятельства, я решаюсь беспокоить вас покорнейшею моею просьбою:

Исходатайствовать мне у государя императора въезд в столицы: в Москву для медицинского пособия, а в Петербург, кроме того, для свидания с родными, которых до сих пор я только тревожил продолжительною моею болезнью. Смею вас уверить, что не иначе буду пользоваться этим разрешением, как в случае необходимости.

Милостивое воззрение императора на просьбу мою, внушаемую обстоятельствами, т.-е. болезненным моим положением и местопребыванием родных моих, возобновит то глубокое чувство благодарности, с которым принял я позволение возвратиться на родину.

С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорным слугою.

Иван Пущин.

С. Марьино, близ г. Бронниц. Октября 17 дня 1857 года.

№ 88. М. Н. Пущиной [104]).

С. Марьино, 20 октября 857.

Сейчас принесли мне почту, и между прочими письмами твой листок от 17-го числа, добрая моя Марья Николаевна. Точно странно: ты говоришь, что Николай несколько дней тому назад писал, а письма его нет! Заколдованное дело. Как бы все это привести в ясность. За что же мне не читать того, что он мне говорит. Вот третий месяц, что мы простились — и ни строчки не получаю. Верно, тут была справка о Катерине Петровне Терсон, которая мне нужна.

23-го утром назначен наш отъезд с Варей и с Ваней в Москву. Жена уже уехала в Кострому и вернется оттуда в Москву, где я ее дождусь, чтоб вместе с нею снова сюда направиться. Между тем присмотрюсь, как Вашковский при-

выкать будет к новому порядку вещей. Он вас всех обнимает, хотя знает только одного Николая.

Благодарю тебя, неизменный мой Бичь, за совет осторожности. Успокойся. Пуганая ворона и куста боится.

Сегодня в ночь приехал ко мне Павел Сергеевич с братом Александром. Пробудут у нас до моего отъезда. Очень рад свиданию с добрым моим Павлом. Он вас приветствует самым дружеским манером. Славный малый этот человек!

Очень рад буду прочесть «Идеал женщины» — и скажу тебе мое мнение. Пришли. Печатать, может быть, цензор не позволит *).

Пора кончить, обнять вас, добрые мои друзья — Николай и Марья Николаевна. Я сегодня туда же пишу. Это время так часто писал, что боюсь наводнить их письмами.

Верный твой *И. П.*

№ 89. М. Н. Пущиной [105]).

С. Марьино, 29-го декабря 1857.

Сейчас получил твое письмо от 24-го *).

С радостью увижу Егорыча. Это будет для меня совершенно неожиданное посещение. Сегодня получил и от Розена письмо: он говорит, что 5-го января будет в Марьине и что уже предписал Евгению Калужскому явиться к этому числу сюда. Розен человек аккуратности германской — верно так и сделает. Не знаю, как распорядится Оболенский. Все это скоро объяснит современная история.

Она нас не ждет. Лишь бы мы поняли потребность века и не попятились назад, когда зовут вперед. А то плохая будет летопись. Много бы надобно толковать, но это оставим до другого времени *).

Ты уже верно знаешь, что у меня был Казимирский. Он на другой день праздника должен был выехать из Москвы и от-

*) Опущены мелочи.

час через чудесного пускателя мыльных пузырей переслать тебе привезенную им малютку Рыкачеву. С Казимирским я не мог наговориться досыта, и чуть ли он опять не заедет в Марьино, если я не буду в Москве на возвратном его пути. Добрый человек в полном смысле слова. Плохо только, что худо слышит: эта беда в нем усиливается.

Пансионер Ваноковский со мной. Поехали к обедне. Подробнее обо всем поговорю с его профессором Варей—после. Теперь надобно кой о чем похлопотать. Писать покамест довольно *).

Верный твой *И. П.*

Ваня всех вас целует. Прибежал это сказать, видя, что я еще за письменным столом.

1858 год

№ 90. М. Н. Пущиной [106]).

С. Марьино, 12-го генваря 1858.

В прошлом году 29-го декабря я получил, добрая Марья Николаевна, от 24-го, и потому именно до сих пор не отвечал тебе на этот листок, что в тот же самый день писал. Мое тогдашнее послание должно было притти к тебе уже в нынешнем году. Следовательно, на этот раз можно обойтись без обычных Salamaleck. Надеюсь, что ты теперь давно оправилась от банного приключения и что нет следов этого события, довольно неприятного. Я частью понимаю искусство синяков на лице, но у меня дело обошлось без обморока. Стоя под венцом в новом вкусе, с розовым подбоем, я как-то воображать стал, что если бы вы увидели меня тогда и битого, то верно расхохотались бы. Точно дело оригинальное—я думаю трудно

*) Опущены мелочи.

найти что-нибудь подобное в брачных летописях. Между тем, если бы не 22-го мая я венчался, то по быстрому ходу второй моей болезни, я бы уж не мог идти в церковь. Не явно ли это судьба, действовавшая вопреки всем соображениям и общепринятым формам.

Eudoxe мне пишет, что Николай с ней отправляется благословлять Пусторослева. Следовательно, этот листок вряд ли застанет его дома. Скажи ему, чтоб он не хлопотал отыскивать К. И. Тер[illegible]. Она явилась сама в Москву, и в Петербурге мудрено ее найти, потому что она жила где-то в окрестностях у родственника или знакомого близкого, не знаю.

Ты уже получила Рыкачева дочь. Далее верно знаешь, что Казимирский заезжал ко мне на сутки. Столько повторений в моих депешах разным лицам нашей семьи, что я иногда боюсь писать. Ужасно глупо заставлять читать старое. Пожалуйста не взыщи.

Кончу ответом на твой вопрос об указе насчет крепостных. Ты не можешь сомневаться, что я с радостью прочел этот призыв царя. Лишь бы дворянство поняло всю благотворность этого призыва, и умело настоящим образом содействовать мерам правительства, благоразумными местными соображениями к упрочению этого святого дела. Теперь дверь открыта: можно говорить, соображать, вразумлять гласно, а не за кулисами. Это лучший способ отвратить всякое недоразумение, всякое вредное влияние тех, которые по каким-либо личным предрассудкам и ложным воззрениям стараются доказать, что это дело невозможное. Может быть, и потребуется некоторое пожертвование, но оно не должно останавливать при нравственном убеждении в несправедливых отношениях между владеющими и владеемыми. Я твердо уверен, что бог благословит это дело: начало положено—будем ждать конца. Мы живем в эпоху важных событий. Много бы еще надобно сказать, но эта рамка тесна.

Обнимаю тебя, добрая Marie—Nicolas; обними Машиньку, Женю и Ваню. Разумеется, хозяина, если он дома.

Сейчас писал к Марье Яковлевне. Жена вас обнимает всех. Ваня мой тоже. Он на-днях возвращается в пансион. Здесь пошалберил, пора за дело.

Верный твой *П. П.*

№ 91. Н. И. и М. Н. Пущиным [107]).

С. Марьино. Воскресенье, 26 генваря 1858.

В прошлое воскресенье я получил, добрые друзья мои, Николай и Marie Nicolas, ваши листки от 14-го числа. В среду не удалось откликнуться за хлопотами. Снаряжал жену в поход: она в четверг уехала. В Москве пробудет несколько дней, а потом и в Петербург. Всех вас обнимет за меня, домоседа, покаместь еще невольного. У меня все хорошо, но чего-то еще недостает. Нужно бы дать какой-нибудь толчок, чтобы укрепить настоящим образом мальчика. Эти дни невольным образом вспоминаю вас, ваши добрые обо мне, тогдашнем отомате, попечения. Вы помните, что именно, в эти числа, прошлого года, я начал размечтаться, а к твоему рождению, добрый друг Марья Николаевна, уже ни на что не годился *).

Заболтался о вздоре, а хотел именно начать с аренды, о которой ты и жена твоя говорите. Очень жалею, что это не устроилось—буду даже говорить с Михаилом, когда он приедет, а приедет он, как мне пишет Annette, уже на возвратном пути из Орла. Между тем, не худо, чтоб ты мне сказал, на чем основан твой расчет в этом деле? Как бы тебе не ошибиться. Сколько я вижу, это было бы благодеяние для всех, особенно, если тебе может быть выгодно и удобно. Насчет Сестрорецкой аренды ничего не умею сказать. Впрочем, Варнек не посоветует без надежного основания. Валериана Голицына в финансовом отношении я совершенно не знаю, да и в других некоторых я замечаю в нем не совсем то, что прежде видел. Мой совет действовать осмотрительно, если на что-нибудь будешь решаться *).

*) Опущены мелочи.

Я не нахожу, чтоб Казимирский очень постарел; беда только, что плохо слышит. Глухота в нем усиливается, я в этом убеждаюсь при каждом свидании. Он обещает ко мне всей ватагой заехать на возвратном пути в Сибирь. Постоянно добрый человек! Досадно, если он будет прежде возвращения хозяйки очарованного замка. Я ее просил никак не спешить, а кончить так или иначе дело заветное. Ты, без сомнения, будешь ее советником ex officio. Помогай вам бог! Добрый Михаил Сергеевич без особенного моего ходатайства не откажет быть ее руководителем—я в этом уверен. Обнимаю его. Жена везет все документы и проект ответа на бумагу из министерства. Все это он увидит и услышит от жены все наши толки. Павел Сергеевич участвовал в закулисных наших совещаниях. Давно уже всему этому; все не удавалось жене двинуться раньше.

Ваня с 19-го генваря в пансионе. Дольше обыкновенного пожил у меня, задержал его здесь чирий—я не хотел его отпустить, пока не пройдет эта болячка на боку. Привыкает там, но под час и тоскует. Что ж делать? Это неизбежно *).

Верный ваш *И. П.*

Прибавление. Принесли почту. Получил твой листок, друг Marie — Nicolas, от 21-го генваря, с милыми приписками твоих деток. Сейчас надобно отсылать депеши. Пусть милой этот народ простит меня, что не теперь им пишу. Поцелуй их покамест за меня. Софье Егоровне пожми руку и благодари за добрые желания на наступивший год. Мужа твоего обними еще раз, как я тебя обнимаю. В Нижнем все благополучно, всегда передаю туда твои приветы.

№ 92. Н. И. Пущину [108]).

(С. Марьино) 5 февраля (1858 г.).

Сегодня дошло до меня, любезный друг Николай, твое письмо от 31-го генваря. Вместе с ним получил листок Eudoxe от 2-го февраля, при котором записка Пятницкого.

*) Опущены мелочи

Так как Минаев состоит при моем Маремьянстве, то и спешу сегодня же сказать тебе, что я и не слыхал, чтобы он был в Москве. Я думаю лучше послать бумаги в Екатеринбург, по месту его жительства. От него лично не имею никаких известий с тех пор, как в прошлом году отослал ему записку по его делу. Я думал, что он давно все бросил, а выходит, что демон дворянства обладает им. И я даже не понимаю, почему он к Г. Пятницкому обращался с твоим именем.

Вот и все, что может доложить тебе Маремьяна-Старица *).

Между тем, мне любопытно знать, по какому случаю у тебя переписка с великим князем? Впрочем, и на это ты можешь сказать или, по крайней мере, подумать: приезжай сюда, так расскажу, а писать тоска *).

С удовольствием прочел в Сборнике статью Шестакова. Вероятно, это тот, который женат на племяннице Евгения Калужского, и теперь в Америке.

Храни бог всех вас.

Разумеется, ты поможешь жене, если ей нужно будет твое содействие по делу. Павел Сергеевич мне пишет, что, может быть, брат его Михайло в командировке. Это было бы некстати.

(Продолжение впереди).

№ 93. Н. И. Пущину [108]).

С. Марьино. 16 февраля 1858.

Ты уже знаешь от жены, что я получил, любезный друг Николай, твое письмо от 10-го с припиской жены твоей. Теперь должен вам обоим сделать выговор: как вы не сказали Казимирскому, что супруга моя в Петербурге—он четыре дня провел с ней в одном городе—два раза приезжал сюда в Марьино и, не видавши ее, должен отправиться в Омск. В Москве он справлялся в **Германии** об ней, его там направили в эту страну, а в **Петербурге** он не имел никакого указания на

*) Опущены мелочи.

счет **Демутова трактира,** и даже не знал, что она на берегах Невы. Мы вместе с ним об этом скорбели не раз в пятницу, которую провели вместе. Что же делать—видно так судьба. Успокоились на том, что Н. Д. неуловимая.

Довольно, однако, ворчать—пора и благодарить вас обоих за ваш листок: сверх того, и за участие ваше практичное в деле жены моей. Она мне пишет, что ты, Николай, не только на словах ей помогаешь, но и на бумаге, входишь в дипломатические сношения с разными лицами и пр. и пр. Целую тебя, а ты уделяй часть этого поцелуя твоей хозяйке, которая верно извинит, что пишу ей вкупе с тобой, как вкупе вас люблю. Ты говоришь, добрая Марья Николаевна, что мое сердце **любвеобильно.** Ты совершенно справедливо это замечаешь—оно так создано, следовательно, не назовешь меня, читая эти строки, гречневой кашей. Бог помог природное настроение не утратить среди многих толчков, доставшихся и на мою долю. И за это глубокое ему благодарение! Не знаю, до какой степени плодотворна эта любовь: но знаю, что она и мучение мое, и отрада. Ты все это поймешь, не нужно изъяснений. Впрочем, люблю потому, что приятно любить.

Приветствую дружески добрую твою гостью Андроникову (совестно, что так ее называю, но боюсь перепутать имя и отчество). Память на имена всегда была плоха, а теперь на старости лет и при новых минутных встречах совершенно изменяет. Пора бы нам русским в этом **передразнить** европейцев. Гораздо удобнее.

Не говори мне, что жалеешь, что я не буду с вами, когда ты будешь угощать сибирских Анненковых. Лучше похвали, что я послушен и покамест не двигаюсь. Это мне подчас не совсем легко. Покоряюсь необходимости.

Поцелуй деток. Будьте все здравы и невредимы.

Верный ваш *И. П.*

Дмитрию, пожалуйста, среди приказаний по части стряпни, скажи мою благодарность за радость при доброй вести об нем. Точно рад. Не забудь.

№ 94. Н. И. и М. Н. Пущиным [110]).

С. Марьино. 2-го апреля 1858.

С Фроловым не успел сказать вам словечка, добрые друзья Николай и Марья Николаевна—не успел поблагодарить за письма ваши от Пасхи *).

Жена вас обнимает. Она сегодня получила от Министра коротенькое, но ясное письмо с высочайшим отказом по делу. Статья конченная. Теперь будет изыскивать другие средства уплатить долги. Обширное поле для наших толкований и бесед. Бог все уладит, я в этом уверен. Теперь нет опасения на счет того, чтобы овцы не были целы—можно действовать свободнее. Письмо твое застало у меня Ваню, накануне его отъезда в Пансион. Большой потоп от него я выдержал на счет французского Полковника с Алжиром. Этот раз он как будто охотнее поехал к Циммерману. Праздник был у нас не совсем праздничный. Погода прескверная—так что мальчугану нельзя было носу показать из комнаты. К концу недели только скрасили дело качели, которых он имел спутниками до Москвы.

Обнимаю вас и ваших деток.—Храни вас бог и помогай вам во всем и во вся. Верный *И. П.*

Привет твой, добрая Marie, отправлю в Нижний Аннушке. Она мне с прошедшей почтой писала. Все они там здоровы.—Напрашивают хорошей погоды, которая должна меня туда доставить.

(На обороте) Николаю брату.

№ 95. М. Н. Пущиной [111]).

С. Марьино. Воскресенье, 13-го апреля 58.

Ту почту я писал к Михайле *).

О Министрах умолчу, потому что ни старых, ни новых личностей не знаю. Уверен только в одном, что хуже преж-

*) Опущены мелочи.

него не будет: это большое утешение при всех изменениях на Руси. В судьбах ее никак не отчаиваюсь!—Об этом обо всем будем когда-нибудь говорить *).

Жена очень равнодушно получила отказ. Теперь, в виде опыта, написала к Министру, что согласна **отдельно** передать Костромское имение по оценке Министра и просит об этом доложить государю. Увидим, что будет. По настоящему это согласно с волей царя, но может быть найдут, что они только в **сложности** согласны на свою оценку *).

Обнимаю вас **вкупе**—крепко за себя и за жену.

Верный твой *И. П.*

№ 96. А. Е. Тимашеву [112]).

Милостивый Государь Александр Егорович.

Его Сиятельство, князь Василий Андреевич Долгоруков, в благосклонном своем внимании, еще в прошлом ноябре месяце изволил меня уведомить об исходатайствованном им мне высочайшем разрешении приезжать в Петербург и Москву и вместе с тем уведомил меня, что все надлежащие распоряжения по сему предмету им уже сделаны.

Ожидая исполнения и не получая до сих пор нового билета, по жительству моему в Бронницком уезде, я обратился с просьбою к господину московскому генерал-губернатору через правителя его канцелярии.

С нынешней почтой Д. С. С. Корнилов уведомляет меня, что на доклад его граф Закревский, имея в виду, что разрешение мне приезда в Москву и С.-Петербург испрошено было князем Долгоруковым, не согласился ни переменить моего билета, ни сделать отметку об отмене заключающегося в нем ограничения, и что граф находит, что мне следует обратиться в сем случае к князю Долгорукову.

---

*) Опущены мелочи.

Обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшею моею просьбою, которую Вы не откажите доложить князю. В надежде на Ваше ходатайство при сем честь имею представить билет, выданный мне в Тобольске, и гербовой лист для написания нового.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам истинное уважение и совершенную преданность, с коими имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою *Иван Пущин.*

1858 года, апреля 16 дня, Бронницкаго уезда, с. Марьино.

№ 97. Н. И. Пущину [113].

С. Марьино. 9 мая 1858.

Вчера ты меня целовал, а сегодня я тебя целую, любезный друг Николай. Не стану распространяться в изъяснениях желаний и проч., а скажу просто, что жалею о плохом устройстве телеграфов, которые не берутся доставить меня к вашему обеду *).

Eudoxe привезла мне ваш листок от 3 числа с грамотками детей. Благодарю вас всех. Я все это прочел в Москве, где нашел Eudoxe 5-го числа. 7-го мы отправились в карете, забравши и Ваню, в Марьино. Погода благоприятствовала путешествию — мы с ясным солнцем явились к жене, встретившей нас у шоссе. Все подробности расскажет вам сама Eudoxe.

Вчера в очарованном замке был пир велий! Подарки со всех сторон сыпались на именинников. Ваня благодарит тебя, добрая Марья, благодарит и твоего Ваню за чудесные книги. Он все приступает мне рассказывать, что прочел, но мне некогда его слушать. Жена от доски до доски их прочла. Доказательство, что Генкель не даром трудился над этим изданием. Я давно читал в журналах похвалу ему. Ваня сам теперь не пишет, но громит грамотой. Eudoxe его наградила чудесным

*) Опущены мелочи.

несессером, из которого выдвигается и перо, и карандаш, и ножичек. Он и от этого в восторге.—Бегает напропалую по саду. После Духова дня возвратится в Пансион.

Нынешним летом поездка моя в Москву убедила меня, что я могу двигаться. Надеюсь, что и дальнейшие мои планы с помощью божьею будут приведены в исполнение. — История их расскажет *).

Ваня мой здесь—со мной праздновал твои именины. Во вторник поедет в Пансион.

№ 98. Н. И. и М. Н. Пущиным [114]).

Нижний. 12 июня 1858.

На-днях я просил Eudoxe сказать тебе, любезный друг Николай, что я в Нижнем не раз склонял и склоняю твое имя с Далем и Шумахером.

Теперь пора самого тебя отыскать этим листком, который выписывается рано утром. Ты бы удивился, увидя, что я в пять часов уже кончил все утренние дела, выпил чай и за письменным столом. Этот порядок вещей, не знаю отчего, завелся с тех пор, как я путешествую. Я нисколько им не тягощусь, хотя уверяют, что мало сплю. После обеда отдыхаю с час. Сегодня особенно **свеж** проснулся. Солнце, после долгого ненастья, которое я сюда привез, как будто уж не нужна мне хорошая погода. Ею пользовался в Москве и дорогой в Нижний.

Ты и Марья Николаевна без рассказов понимаете с какой радостью мы обнялись с Аннушкой: ее искренняя сердечная веселость при встрече утолила страждущее чувство мое.—Марья Александровна душевно участвует в наших ощущениях. Мы проводили втроем большею частию en petit comité, как нельзя лучше. Жаль только, что до сих пор не видать моей чародейки. Она от меня осталась в Марьине. Нужно было вы

*) Опущены мелочи.

ждать ответ Костромского Управляющего. Этот ответ должен быть разрешить: может ли она заехать в Нижний и уже отсюда пуститься в тамошнее имение. Здесь получил письмо от 4 числа. Она еще не трогалась с места. Так что я начинаю думать, что уеду отсюда, не повидавшись с нею. И тогда уже она не будет здесь—это лишняя дорога.—Для полноты теперешнего моего настроения мне и нам всем очень недостает ее.

Здесь я нашел все лучше, нежели ожидал, по некоторым рассказам. Разумеется, приходится и поворчать, но это об мелких подробностях. Все уладится. Директрисса грешит излишнею добротою—этот недостаток не из числа опасных для такой натуры, как Аннушка. Она от нее, т.-е. от М. А. учится благоволению ко всем, любить всех. А это наука не лишняя для жизни.—Мы с Аннушкой толкуем о многом—она меня понимает. Пребывание мое здесь будет иметь свой плод, как я надеюсь. Покаместь она остается, иначе и быть не может: и жена того же мнения—мы не раз трактовали с нею об этом предмете, нам обоим близком *).

С Далем я ратоборствую о грамотности. Непременно хотелось узнать себе, почему он написал статью, которая всех неприятно поразила. Вышло недоразумение, но все-таки если бы он ее не писал, если не мог, по некоторым обстоятельствам, написать, как хотел и как следовало. Это длинная история. — С Шумахером с удовольствием вижусь—он бывает у М. А. Сегодня кормит нас ухой с ершами, запросто. Нельзя было отказаться. Она совершенно здорова. Приветствую вас. Дожидаю денег!

Верный твой *И. П.*

P. S. Евгений Калужской уведомляет меня, что в ночь на 1 июня у него родилась дочь. Писали до молитвы. Не знаю еще, как назовут новую Княжну.

---

*) Опущены мелочи.

№ 99. Н. И. Пущину [115]).

(С. Марьино) 17 августа (1858 г.)

Ты любезный друг, уже много раз должен был слышать, что я давным давно получил твой листок от 12 июля *).

При случае поблагодари Даля, за предложение приютить меня, хотя вряд ли я этим воспользуюсь, если предстоит быть опять в Нижнем. Я уверен, что его предложение не фраза, но я не иначе у кого-нибудь останавливаюсь, как если уже настоящим образом близок.

Недавно получил письмо от Елены Александровны Бестужевой. Она с сестрами возвращается в Россию. Велит мне даже писать ей по данному адресу в Москву.—Михаил Бестужев еще не возвратился с Амура и у него есть опасение на счет удачных его расчетов с компанией, у которой имел занятия. Все его предположения быть в Америке и через Англию и Петербург возвратиться в Сибирь к жене кажется **вышли пуф**. По крайней мере письмо Елене Александровне довольно туманно—дальнейшие объяснения она обещает при свидании. Может быть даже побывают у нас в Марьине, если их появление в Москву совпадет с таким временем, когда мы дома.

Нам предстоят, **по программе,** поездки, но еще не обозначаются сроки этих поездок.—Все зависит от того, когда вернется жена моя.—Между тем в Калуге и Туле добрые люди в ожидании.—Разумеется для нас не выставлено лошадей и никто не отлучен от своего дела, а все таки мне неловко, что заставляю себя ждать в каком бы то ни было виде *).

Обнимаю тебя.

Верный твой *И. П.*

№ 100. Н. И. и М. Н. Пущиным [116]).

(С. Марьино) Среда, 28 августа (1858).

Этот раз пишу к вам, добрые друзья мои Николай и Marie, глядя на вашу фотографию! *)

*) Опущены мелочи.

Добрым Пущиным передам твой привет, лишь бы добраться до них. Поздравь Михаила Сергеевича с С. С.—лучше бы рад был поздравить его с каким-нибудь новым назначением.

Что ты мне ничего не говоришь о перемещении Пирогова в Киев. Ребиндеру будет трудно после него в Одессе, где Пирогова все оценили и полюбили. Дуров мне много о нем говорил.

Принесли почту: в числе девяти конвертов одно от жены от 19 ч. из Давыдова. Сейчас опять пишу ей в Москву. Столько поздравлений по стечению сошлось, что надобно ее встретить где-нибудь ими.

Крепко обнимаю вас обоих, друзья мои. Передайте листок Маше. Покамест довольно—и в Царское Село сегодня пойдет весточка.

Он же таковой же.

Пусть эту подпись об'яснит тебе Адмирал Шафер, по лицейским преданиям *).

№ 101. М. Н. Пущиной [117].

(С. Марьино) 14 сентября (1858).

10-го числа получил я, добрая Марья Николаевна, твои листки от 3-го числа, а на другой день явилась домой моя хозяйка *).

Теперь пожалуйста напомни ему (Николаю) на счет Знаменского, которого письмо ко мне я тогда отослал, прося похлопотать у Синодального обер-прокурора. Знаменский никакого ответа на свою просьбу не получает: а потому я прошу, если Николай имеет возможность устроить это дело, то чтобы передал его Штейнгелю. Может быть барон через своего зятя уладит эту статью. Другой дороги не знаю, а хотел бы успокоить Знаменского *).

---

*) Опущены мелочи.

Ты меня спрашиваешь, что я скажу о графе Амурском? Это слово, в виде прилагательного имени, как-то плохо звучит, но если приятно графу новому, то почему же не называть его так, хотя верно родится много шуток по этому случаю.—В моих глазах собственно Муравьев не вырос после этого титула. Я всегда отдаю ему должную справедливость и душевно желаю, чтобы упрочилось и развилось настоящим образом Амурское дело—тогда История оценит его настоящим образом.—Сегодня прочел, что новый граф и полный генерал. Просто потоп наград.

Когда ты, Николай, устроишь твои каналы, дорожки и пр., пр., на твоей Горке, то и я тебе дам какой-нибудь титул.—Надобно еще придумать. Между тем довольно—обнимаю вас всех вкупе.—Перебросьте и на Мойку мой привет. Сегодня туда не пишу.

Верный твой *И. П.*

№ 102. Д. И. Завалишину [118]).

С. Марьино. 22-го сентября (1858).

Любезный Дмитрий Иринархович, познакомится с Евгением Александровичем Савичем—он капитан Артиллерии и будет командовать батареею в Чите, где никого не знает. Ты пожалуйста не откажи ему в совете, как старожил. Ты его полюбишь.

Я это пишу тебе, но не уверен, застанет ли тебя Савич за Байкалом. Сто лет ничего не знаю об тебе. Не знаю, намерен ли ты воспользоваться манифестом. Одним словом желаю только, чтоб ты направил моего Артиллериста в новом вашем месте—и что-нибудь сказал мне. Пиши в Бронницы, на мое имя. Ты верно знаешь, что я женат и что жена моя—Н. Д. Фонвизина. Бог благословил наш союз в прошлом мае. Это соединение вне обыкновенных форм, разумеется, должны быть толки, но мы соединились не для других, а для себя и совершенно счастливы.

Обнимаю тебя, любезный Завалишин. Если будешь в Москве—отыскивай меня—я буду или там или в окрестностях.

Верный твой *И. П.*

Жена поехала в Рязань и Тамбов по своим делам. Если бы была дома, верно поручила бы тебе что-нибудь сказать *).

. . . .

В Нижн.-Новгороде Анненков на службе.

В Киеве—Трубецкой и Быстрицкий.

В Рязанской губернии—Соловьев в деревне у брата.

Бригген у кого-то из родных, кажется, в Черниговской губернии.

Щепин-Ростовский—у племянника, не знаю в какой губернии, в деревне.

Александр Крюков приехал в Москву для свидания с сестрой Черкасской, но сколько я слышал, возвращается в Минусинск. Я его не видал: его не было в Москве, когда я там был в октябре. Без сомнения, знаешь, что в прошлом году наших две могилы: И. Д. Якушкина в Москве; В. К. Тизенгаузена в Нарве.

Вот тебе покаместь все. Меня здесь навещают добрые родные и соседи-друзья. На праздниках был Евгений с Свистуновым и Нарышкин с женой. Они в ста верстах с небольшим. Уже два раза был Павел Пушкин, который живет в Тульской губернии, близ Алексина в деревне. Брат Николай навещал тоже не раз. Летом надеюсь в Петербурге. Мне разрешен въезд в столицы по болезни и потому, что все мои родные в Петербурге. Странно было получить возвращение на родину и не иметь возможности быть там, где родные. Я об этом просил; просьба моя уважена.

Пожалуйста поблагодари Санича за его письмо. Пусть извинит, что не отвечаю ему особо. Совестно сказать ему нечего, да может быть он уже и вспорхнул куда-нибудь из Читы. Я передал его поклон Казанскому, который ему очень благодарен за память.

Жду от тебя весточки. Жена вместе со мной желает тебе всего лучшего. Обнимаю тебя.

Верный твой *И. Пущин.*

---

*) Точки в первоисточнике.

Если есть в Чите помнящие меня, скажи мой поклон.

Не знаешь ли ты Корякина? Я ему отвечал в апреле месяце на его последнее письмо (полученное мною во время моей болезни, когда я не имел сил откликнуться)—и с тех пор ничего не знаю об нем. Мне понравился этот молодой Усковых, но я его предварял в Ялуторовске, что чуть ли он не напрасно пускается за Байкал, особенно после Одессы. У Евгения нашего два сына и дочь. В ожидании скорого умножения семейства и теперь.

№ 103. В. И. Пущиной [119]).

Калуга, 26 сентября (1858 г.).

Вчера в шесть часов вечера, с заходящим солнцем, мы въехали в Калугу. Здесь нашел я письма, посланные по моему распоряжению из Марьина. Между прочим, твое письмо, любезная Варя, к жене. Она вряд ли тебе ответит теперь, но поручает мне обнять тебя за нее. Может быть этот листок угодит ко дню твоего рождения, то прими его за искреннее поздравление и за желание тебе всего лучшего.

К сожалению, мы здесь не нашли ни Евгения Оболенского, ни Батенкова. Одни Свистуновы дома. Может быть, отсутствующие временно возвратятся, пока мы в Калуге, а мы непременно думаем выехать 29-то числа, чтобы к 1-му октября быть дома, где нас, то-есть жену, ожидает Пашенька Мирбах с мужем (это ее воспитанница, вышедшая замуж в прошлом году). Они приехали в Марьино на другой день нашего выезда, и срок отпуска его кончается. Невольно надобно поспешить, хотя и здесь торгуются с нами.

Погода благоприятствует нашему путешествию. Вообще все идет и хорошо и отрадно. Из Высокого от Нарышкиных я писал к Annette 20-го числа. Теперь ты доставишь нынешние дополнительные сведения об нас всем, если еще вы не собрались на Мойке.

Eudoxe можешь сказать, что я был с Нарышкиным у Семякиных. Они хотели на другой день приехать обедать в Высокое, но их задержало что-то служебное. Таким образом, и

почти не успел с нею познакомиться. Случайно она заехала к нам в Туле в гостиницу вольных почт во время нашего выезда. Тут она видела и жену мою. Затем сама написала к Барощевой. О поездке моей к дочери друга Кондратия будем говорить, когда я буду к вам. Очень доволен, что отыскал Настиньку прежних лет, а теперь Пущину. У них встретил брата ее мужа, который отец Навакщенова. Ему поручил передать мой привет Навакщенову: он, говорят, уже старик в полном смысле слова. Да кажется иначе и не может быть, потому что он гораздо древнее меня.

Сейчас будет Свистунов, повезет меня к сестре Оболенского, с которой я не видался с 825 года. Там увижу всю семью Евгения, между прочим, двух княжон, рожденных уже здесь. Все они так долго нас ждали, что почти уже перестали ждать, а Оболенского нечаянно вызвали в Москву для свидания с прежним его сослуживцем Ростовцевым. Авось, еще возвратится, покаместь мы здесь. За жену и за меня обними всех наших. Будьте все здоровы и благополучны.

Верный твой *И. П.*

Обедаем мы сегодня у Свистунова.

Обнимаем тебя, добрая Варя. Мы здоровы. Дорога не имеет на меня вредного действия.

№ 104. И. И. Пущину [120]).

С. Марьино. 3-го декабря 1858.

Ты извиняешься, любезный друг Николай, что не пишешь. Что же мне делать после этого? Я с самой нашей разлуки не писал к вам на дачу, а сегодня ровно месяц, что мы расстались.

Annette должна была тебе сказать, что я в воскресенье получил твое письмо от 25-го ноября, и в ту почту не мог откликнуться. Теперь благодарю тебя и добрую Марью Николаевну за ваш листок. Благодарю тебя за справки по Маремьянству, хотя все они не совсем удовлетворительны. Что-ж делать. Я понимаю, какая трудная задача все эти розыски. Помимо тебя я хлопочу по делу Филатова. В Москве, в Сенате,

говорят мне (тоже через моего агента), что оно отослано в Гос. Совет. В Совете я справляюсь через Корфа: отвечают, что дело не поступало! Значит, надобно опять начинать с азбуки. Таким образом не будет конца. Маремьяна на время оставила отыскивать Филатова, хотя очень хотелось сказать отцу (почтмейстеру Ялуторовскому), чем решена участь его сына. Старик меня бомбардирует письмами.

Пожалуйста, не затрудняйся с книгами Аммосова. Когда будет можно, возврати их, обняв его, скажи ему, что мне за льдом нельзя было с ним проститься.

Кюхельбекера как-нибудь отыщите с Герольдмейстером. Надеюсь, что придет та суббота, в которую ты уведомишь об этом Устинью Карловну. Еще прошу о гербе Завалишиных. Я не видал ее, проезжая Москву, но просил Бестужеву сказать ей, что герб отыскивается. Ты верно читал в ноябре **Морск. Сборника** статью Дмитрия. Написана дельно, но, видно, с большим нерасположением к гр. Амурскому.

Разумеется, добрая Marie — Николай, наши свидания все как на почтовых, и нет возможности потолковать, à parte. Но слава богу, что и так удалось повидаться. Пожалуйста, явись к Варе и потребуй от нее карточку из второго выпуска. Тут моя фигура не так болезненна, как на той, которую я оставил Николаю в мае 857 года. Узнают ли меня дети? Поцелуйте всех за меня и жену. Она вместе со мной обнимает тебя и твоего мужа. Это время я не могу похвалиться здоровьем. Все как-то неловко. Жена об этом заботится. Надеюсь, что с переменой тяжелой погоды и мы поправимся. Сейчас буду писать к Казимирскому. С ним был удар, но слава богу теперь поправляется. Получил позволение поехать на воды. В Генваре или феврале думает тронуться из дома. Ты меня спрашиваешь, Marie, об Ване: он здоров, я его всякий день навещал, пока был в Москве. Учится изрядно.

Верный ваш *И. П.*

И. И. Пущин в процессе декабристов

В биографическом очерке охарактеризовано поведение И. И. Пущина в процессе декабристов (см. главу третью). Здесь приводятся наиболее существенные выдержки из его показаний и показаний его брата М. И.,—необходимые для более точного уяснения роли И. И. Пущина в процессе 1826 года. В книге Н. А. Гастфрейнда о Пущине дело его напечатано с пропусками и значительными неточностями. Полностью оно будет напечатано, вместе с делами других заговорщиков, в научном издании комиссии по истории декабристов при Центроархиве—к предстоящему столетию восстания 1825 года. Для своей работы я имел возможность использовать точную копию дела Пущина из архива В. И. Семевского и пополнения к нему из архива Н. Ф. Дубровина.

Первое показание И. И. Пущина дано им 17 декабря, немедленно по доставлении его, согласно распоряжению Николая Павловича, в Алексеевский равелин. Вопросы следственной комиссии уясняются из ответов Пущина.

«Состою я в обществе более четырех лет, принят в оное служившим в Киевском гренадерском полку шт.-капитаном Беляевым, находясь тогда в Петербурге за казенною приемкою. Вышедши из военной службы, определился я в уголов

ную палату, где познакомился с служившим тогда дворянским заседателем, отставным подпоручиком Рылеевым *). Находя в частных разговорах наших, что мысли наши сходны, я ему объявил о существовании общества, в которое его принял. Цель общества была—ограничение законами власти правительства. По правилам же общества, всякий из сочленов был неизвестен о действиях других, почему, решительно не знаю, есть ли отрасли и где оные находятся.

В день несчастного происшествия по утру узнал я о присяге, через ранний отъезд отца моего—сенатора Пущина, поехавшего для сего в Сенат. Надеясь, что некоторые полки, по слухам, дошедшим, присяги не примут, я поехал к Рылееву, и с ним отправились на Дворцовую площадь; не найдя на оной никого, возвратились домой. Несколько времени спустя, через Синий мост, пошли к Сенату и, не доходя оного, встретили Якубовича, который сказал, что Московский полк на площади, вызывая Константина. Узнав об оном, мы поспешили присоединиться к нему... В каре оставался до тех пор, пока оная не расстроилась от выстрела картечного. Тогда взошел я в кондитерскую лавку, и в оной остался до вечера; после чего возвратился домой. На другой день по утру был у брата в казармах, но не застал его: я услышал от человека, что Г. Сазонов повез его во дворец. Возвратившись оттуда домой, был в оном безвыходно до взятия меня под стражу—вчерашнего числа в 8 часов утра.

Брату моему **) о существовании общества никогда не говорил и, как цель в нем, считал лишним подвергнуть его опасности. Но за два дня до происшествия, обедавши у батюшки, когда пронесся слух об отречении, спрашивал я о духе его эскадрона насчет присяги, тогда он отвечал мне, что эскадрон будет присягать вместе с Измайловским полком и будет делать

*) Пущин знал об аресте Рылеева, который был взят еще 14 декабря ночью.

**) См. ниже выдержки из показаний М. И. Пущина в процессе 1826 года.

согласно с сим, а что, впрочем, ничего не замечает, по давнишнему его за болезнью отсутствию. Все показал по истине и ничего прибавить не имею. Коллежский асессор Иван Пущин».

Следующий допрос был учинен Пущину 20 декабря.

«В обществе московском нахожусь я столь недавно, что членов оного знаю немного. В сношении был я из оных с г. Черевиным, свитским офицером, и видал у него Токарева, служившего в министерстве юстиции. С сим последним в сношении я не был, но по разговорам видел, что к обществу принадлежит. Сам я никого не посылал *) и не знаю, послал ли кто-нибудь, ибо после происшествия я никого не видал. Все сие показал по истине и прибавить ничего не имею».

«По требованию комитета, сим имею честь показать: Зовут меня Иван Иванов сын; от роду мне 27 лет. Вероисповедания я греко-российского, на исповеди и причастии бываю ежегодно. Ныне царствующему императору присягал. Воспитывался в императорском Царскосельском лицее. Во время воспитания моего привязан равно ко всем предметам, а приготовляя себя к военной службе, в окончательном курсе наиболее обращал внимание на военные науки, кои преподавал нам полковник (что ныне генерал-майор) Эльснер, руководствуясь для фортификации курсом Сен-Поля, а артиллерии и стратегии по собственным запискам. Особых лекций по выпуске из Лицея никаких не слушал. Свободный образ мыслей по естественному ходу духа времени заимствовал я от чтения политических книг, коим занимался по выходе из Лицея в свободное время от службы. Никто не способствовал к укоренению сих мыслей во мне».

Все эти ответы давались либо при личном допросе Пущина ген. В. В. Левашевым, либо на письменные вопросы комиссии. Видя упорство Пущина в стремлении не давать прямых

*) Комиссия спрашивала, извещал ли Пущин московских заговорщиков о предстоящем 14 декабря восстании. См. ниже показание от 14 марта 1826 года.

показаний, следственная комиссия вытребовала его 28 декабря на допрос в полном своем присутствии.

«Убежденный в горестном положении отечества моего,— отвечал Пущин комиссии после торжественного священнического увещания,—я вступил в общество с надеждою, что в совокупности с другими могу быть России полезным—слабыми моими способностями и иметь влияние на перемену правительства оной. Принят был я в общество в 1821 году г-м Беляевым, как видно в первом моем показании, данном 17-го числа сего месяца г-ну генерал-адъютанту Левашеву. С означенным Беляевым познакомился я у давнишнего моего приятеля Павла Черевина, который служил в Гвардейском генеральном штабе и, к сожалению друзей его, скончался в прошлом году в Москве. Приняв меня в члены общества на известных условиях, Беляев по службе своей уехал в полк и оставил меня в сношении с Черевиным, у которого в управе находился я вместе с князем Евгением Оболенским. Того же года в мае месяце выступил я в поход с конной артиллерией, где я тогда служил, и таким образом был разлучен с вышепомянутыми лицами до возвращения в С.-Петербург в 1822 года в июле месяце; тут даже сношения мои с ними не могли быть часты, ибо батарея, в которой я находился, расположена была в Пелле. В продолжении сего времени никакого приобретения по обществу я не сделал.

В декабре месяце по домашним обстоятельствам подал я просьбу в отставку для определения к статским делам. В начале 1823 года уволен из военной службы и по высочайшему повелению определен сверхштатным членом в С.-Петербургскую уголовную палату для узнания хода дел, согласно изъявленному мною желанию служить в присутственных местах, где всякий честный человек может быть решительно полезен другим. Тут и познакомился я с Рылеевым. Узнав его хорошо в короткое время, принял членом в общество и просил деятельности в принятии других. Таким образом, Управа наша по отъезде Черевина на Кавказ состояла из меня, Оболенского,

Рылеева и Бестужевых (Николая и Александра). Имея в виду распространение числа членов, мы составили думу, в которую избраны наличными членами Оболенский, Бестужев и я, а по отъезде моем в Москву вместо меня — Рылеев. Дума сия независимо заведывала действиями подведомственных ей членов, которых число потом умножилось действиями оставшихся в Петербурге...

Предположено было для необходимых издержек общества вносить каждому члену десятую часть своего дохода; то было ли это выполнено, мне неизвестно; я же, с моей стороны, не мог ничего внести по расстроенным домашним моим обстоятельствам».

«Находясь в здешней палате сверх-штатным членом без жалованья и получа уже несколько раз отказ в производстве в заседатели,— отвечал Пущин на вопрос комиссии, не для того ли он перевелся на службу в Москву, чтобы распространять там круг действий заговорщиков,— я вознамерился найти место, где бы мог с некоторым к себе вниманием со стороны правительства быть употреблен с пользою. Посему написал я к лицейскому товарищу моему Данзасу, который служит чиновником в Московском губернском правлении, чтобы он предложил услуги мои тамошнему военному генерал-губернатору, князю Голицыну, и его сиятельство определил меня судьею 1 департамента Надворного Суда. Места сего, хотя и в низшей инстанции, я никак не почитал маловажным, потому что оно дает направление делу, которое трудно, а иногда уже и невозможно исправить в высшем присутственном месте. Следовательно, переезд мой в Москву был совершенно далек от цели распространения нашего общества, которое по наблюдениям моим не могло там делать успехов; ибо во всех лицах, которых я там встречал, я находил или людей еще очень молодых, или таких, кои преданы совершенно рассеянию общества и ни о чем полезном не думают. Посему, а более еще по беспрестанным занятиям моим по службе, я никаких приобретений для нашего общества не сделал; а существует ли там подобное,—

мне ни от кого объявлено не было. О свиданиях моих там с покойным Чревиным я имел честь объяснить 20-го числа сего месяца г. ген.-ад'ютанту Левашеву.

В обществе нашем не находилось, сколько мне известно, никого из людей высшего состояния; но мы надеялись, что найдутся таковые, которые, видя нас с вооруженною силою, захотят действовать согласно нашей цели для блага отечества.

По приезде моем в Петербург за шесть дней до происшествия 14-го числа, слыша о распространившемся слухе — об отречении Константина Павловича от престола и об нежелании некоторых гвардейских полков присягать наследнику его, я полагал, что воспользоваться сим неудовольствием войск весьма можно для исполнения цели общества. Возможность сего предприятия основывал я на военной силе, которая в состоянии будет отстранить царствующий дом от престола и, руководимая членами общества, требовать от высших правительственных мест учреждения временного правления впредь до собрания государственных чинов для совещания о новом государственном устройстве...

В день происшествия я поехал с Рылеевым на Дворцовую площадь, ходил по бульвару все в ожидании войск; долго ходивши и не видя никого, мы возвратились домой, натурально рассуждая о плане нашем и отчаиваясь в успехе. Потом, часу во втором, пошли опять через Синий мост и, пройдя оный, встретили Якубовича, который об'явил нам, что Московский полк у Сената. Мы туда поспешили: я остался у каре до самого того времени, как все войско от картечных выстрелов разбежалось. Занимался тем, что ходил по фасам и разговаривал с солдатами в ожидании других полков. Оружия при мне никакого не было. Куда Рылеев от меня ушел, — я не знаю. Мне совершенно неизвестно, кто ранил графа Милорадовича...

Об кольцах *) никогда ни от кого не слыхал и полагаю, что не могли они быть заказаны для общества, ибо у нас при-

*) В вопросе читаем: «До 5 тысяч было заказано колец, кто их делал, с какою надобностью, для кого и с каким намерением?»

нято было за правило не иметь никаких знаков, могущих навлечь подозрения».

О существовании такого общества в корпусе, вверенном генералу Ермолову,—читаем мы в показании Пущина от 9-го января 1826 года,—я до сего времени никакого сведения не имел, следовательно и намерения, цель и средства оного не могли быть мне известны. С капитаном Якубовичем я виделся в Москве во время нахождения его там проездом из Тифлиса в С.-Петербург, но никаких тайных по обществу сношений с ним не имел, и уже в нынешний мой приезд сюда узнал, что он принят в наше общество. В справедливости слов моих ссылаюсь на самого г. Якубовича *).

Рылеев, будучи принят мною в члены общества, объявил мне, что он надеется через Николая Бестужева приобрести несколько членов во флоте, и мы в собраниях наших полагали, что сие будет тем полезно, что во время действия, которое определено не было, лишит возможности царствующую фамилию уехать заграницу и искать помощи чужестранных государств. Вот вся надежда, которую я имел на флот, и не знаю, с кем из членов Рылеев вступил в сношения по отъезде моем в Москву; ибо в нынешний приезд мой о сем обстоятельстве и упоминаемо не было. Относительно же показания полковником Пестелем действия обществ я предварительно не был и самого его никогда не видал, а слышал только лестный отзыв о его дарованиях: что заставляло меня думать, что он принадлежит к обществу».

«Мне совершенно неизвестны,—показывает Пущин 10-го января,—отрасли общества, находящиеся внутри государства; и потому кроме поименованных мною членов в прежних показаниях, с которыми я был в сношениях, никого больше не знаю».

«Подтверждая прежде данное мною показание,—заявлял Пущин следственной комиссии 11-го января,—что я в Москве никаких приобретений для нашего общества не сделал.

*) См, письмо И. И. от 30/V 1825 г.

сим честь имею с требуемою откровенностью *) объяснить следующее. В начале прошлого 1825 года, не находя никаких средств к распространению общества и желая хотя несколько содействовать к общему благу в духе оного, я учредил между находящимися там знакомыми моими, которые все или женились в Москве по выходе из военной службы, или там вновь определились в гражданскую,—союз, имеющий целью личное освобождение дворовых людей. Обязанность члена состояла в том, чтоб (непременно) не иметь при своей услуге крепостных людей,—если он в праве их освободить; если же он еще не управляет своим имением, то по вступлении в управление оным через пять лет должен непременно выполнить обязанность свою. Сверх того при всяком случае, где есть возможность к освобождению какого-нибудь лица, оказывать должен пособие — или денежное или какое-нибудь другое по мере возможности. Об учреждении сего союза сообщил я тогда же Рылееву и Оболенскому. Вот что может быть подало повод сделать на меня показание об заведении управы нашего общества в Москве, о которой верно бы я при начале объявил, если б она существовала моими действиями. Поименовывать членов сего союза я почитаю излишним, ибо оно не входит в состав требования комитета, который, конечно, не найдет ничего предосудительного в цели сего союза, покровительствуемой некоторыми узаконениями в царствование покойного императора» **).

*) В вопросе сказано: „Комитет имеет на вас определительное показание, что вы в Москве завели Думу и Управу тайного общества, а в предыдущих ответах ваших вы в том не сознались. Комитет требует и т. д.“.

) Сдержанность показаний Пущина возмущала комиссию. „Комитет замечает вам,—сказано в вопросе, вызвавшем это показание, что на заведение вами Управы тайного общества в Москве имеются многие определительные показания, что как вас уже спрашивали о принадлежности вашей к другим обществам, то и надлежало вам назвать вышеозначенный союз, а **не умствовать и не рассуждать, входит ли знание о сем союзе в состав требований и обязанностей комитета или нет...“

«В пополнение данного мною показания сим честь имею объявить,—писал Пущин 12-го января в ответ на вопрос комиссии:—прошлого года возвратился я из Петербурга в Москву в феврале месяце в бытность там в отпуску Евгения Оболенского. С ним начали рассуждать о средствах действовать для общества в Москве... Составили управу, в которую я выбран председателем для сношений с Петербургом».

«Точно показывал я Павлу Колошину,—отвечал Пущин комиссии в тот же день на другой ее вопрос,—листок об обществе соединенных и убежденных, который заключал в себе в нескольких словах цель и обязанности членов общества... Когда я показал листок сей Колошину, с которым я по давнишнему дружеству и родству был очень откровенен, то он прочитал его и сказал мне, что ему до этого дела нет, а потом уже о сем не было упоминаемо даже в разговорах. Когда же и кем был Колошин принят в тайное общество, я не знаю... В продолжение пребывания моего в Москве я никакого действия со стороны Колошина в духе общества не замечал, а напротив, он, сделавшись семьянином, отклонялся даже от разговоров, немного вольных, и вел себя с чрезвычайною осторожностью. Вот причина, по которой я не показывал его членом нашего общества, ибо я могу только называть тех, кои достоверно мне известны или мною приняты».

«О принадлежности к обществу Кутузова, Львова, Шереметьева я известен не был,—продолжает Пущин свою политику отрицания в показании от 30-го января 1826 года,—и потому мне неизвестно, кем и когда они в оное приняты... Никого из поименованных в вопросном пункте лиц ни при совещаниях о происшествии 14-го декабря, ни при самом происшествии я не видал».

А 21-го февраля он показывал: «По требованию комитета сим имею честь ответствовать, что, сколько мне известно, князь Голицын к обществу не принадлежал, и я с ним нигде не встречался»

Не слыхал, не видал, не помню,—вот основная линия ответов Пущина комиссии. Так, в показании от 9-го марта, на вопрос о Граббе-Горском, он заявлял: «Это было от меня довольно отдаленно, так что ничего нельзя было слышать; равным образом мне неизвестно определительно, до каких пор он оставался на площади, ибо я не обращал на него внимания».

В обширных вопросных пунктах, на которые Пущин отвечал в показании от 14-го марта, требуются «чистосердечные, без всякой утайки, объяснения» о происходившем на собраниях у Рылеева. На это Пущин отвечал: «12-го декабря я был у Рылеева поздно вечером на весьма короткое время; Каховского в тот день там не видал и означенных в вопросном пункте слов от него никогда не слыхал... Принято было арестовать царствующую фамилию; я никаких особенных мнений не слыхал... К Семенову писал я единственно с тем намерением, чтобы уведомить его о действиях общества, и сказал: когда вы будете читать, все будет кончено, потому что при отправлении письма пронесся слух о скором назначении дня присяги: в окончании ж прибавил, что успех в руках бога!»

О письме Пущина в Москву к С. М. Семенову и М. Ф. Орлову от 11-го декабря 1825 года комиссии сделалось известно из показаний нескольких лиц. Так как Орлов сжег его, то письмо приводится ими на память. Отдельные фразы письма в их показаниях в общем совпадают, что дает возможность составить следующий сводный текст письма Пущина: «Когда вы получите сие письмо, все будет решено. Мы всякой день вместе у Трубецкого и много работаем. Нас здесь 60 членов. Мы уверены в 1.000 солдатах, коим внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна наблюдаться. Случай удобен; если мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов. И покажите сие письмо Михаилу Орлову». Семенов в своем показании так излагает письмо Пущина: «Он с 50 или 60 человеками, имея на своей стороне тысячу или полторы гвардейских солдат и надеясь, что прочие к ним пристанут, намерены провозгласить импе-

рапортом цесаревича Константина Павловича, но что план, как оное произвести, еще не сделано, и чем это все кончится, он не знает; что он и сидит в Москве, чтобы по первому зову явиться на площадь, и когда получу сие письмо, все уже будет кончено. В заключение просил показать сие письмо нашим сочленам».

Во всеподданнейшем докладе следственной комиссии письмо Пущина приводится в общем сходно с текстом, сообщенным М. Орловым, но к нему есть любопытное добавление, очень характерное для Пущина: «Прощай, вот хлеб обществу и пр.». В докладе сообщается, что письмо это Пущин отправил в Москву через американскую компанию, где служил Рылеев. С. Н. Кашкин, приводя на память несколько слов из письма Пущина, показал, что в письме было упоминание и о том, что «будут требовать законного государя».

«По требованию комитета, сим честь имею показать», отвечал Пущин 28-го марта на специальный вопрос, «что действительно барон Штейнгель на счет сообщил и много ему конституции говорил мне занимательные в разговоре с ним пункты слова; относительно же изъясненного им мнения о предприятии 14-го декабря и о царской фамилии, объясняю, что я об этом не слыхал, но оно должно быть справедливо, потому что согласно с его образом мыслей, сколько он мне известен». В. И. Штейнгель ссылался на Пущина в доказательство умеренности своего образа мыслей. В своих записках Штейнгель рассказывает, что Рылеев дал ему рекомендательное письмо к Пущину, сказав, что познакомиться с Пущиным ему будет очень приятно. К этому Штейнгель добавляет: «Действительно, познакомиться с Пущиным было для меня чрезвычайно приятно».

Следующее показание—в ответ на строгое требование следственного комитета—относится к 29 марта. В нем, как и в других показаниях, видно стремление выгородить товарищей, умалить их роль в заговоре, умолчать об участниках и [illegible]него: «По требованию комитета, сим имею честь отвечать следующее. Во время пребывания кн. Евг. Оболенского в

Москве, один раз только было собрание членов тайного общества, в котором находились лица, показанные мною прежде. По отъезде его я предложил собраться членам и мы съехались у г. Тучкова; тут были: полковник Нарышкин, Кашкин, Горсткин, князь Константин Оболенский и двое Семеновых. Было рассуждаемо о возможности ввести в России конституцию, но все единогласно утверждали, что они не видят сей возможности, и полагают, что отечество наше не готово к такому перевороту, а что общество не имеет средств к произведению оного. При сем случае Тучков изъяснил, что мы говорим о конституции для России, когда не видим еще примера—формы для возделывания земли свободными людьми и способа управления ими; он предложил, чтобы общество лучше сначала приискало способы осуществить сию идею, дабы убедиться в возможности уничтожения рабства. Смею уверить комитет, что никакая насильственная мера не была предлагаема членами, находившимися в моей управе; я слишком хорошо знаю их образ мыслей, чтобы иметь право решительно сие утверждать; доказательством к малому содействию их в делах общества служит то, что даже практический союз, между ими учрежденный, не был до сего времени распространен. В описываемом мною совещании Павел Колошин, сколько я могу припомнить, не был по болезни жены его. Тут также Константин Оболенский сообщил нам, что он отправляется по назначению своему в Рязань, и требовал наставления; ему решительно объявлено было, чтоб он вновь членов не принимал боясь его неосторожности в выборе».

Уклончивость и осторожность—в показании от 12 апреля «По требованию комитета сим честь имею показать следующее,—издевался Пущин над следователями.—Точно общество, к которому я принадлежал, в 1824 году, если не ошибаюсь, приняло разделение на соединенных и убежденных, как уже показано мною при начале следствия. Относительно прежнего хода оного я ничего подробно не знаю; все изменения общества должны быть известны тем, которые к оному принадлежали прежде меня и знали состав оного».

6-го мая Пущин был вызван для дачи показаний по поводу известной комитету попытки приехавших в 1825 году в Петербург кн. Барятинского, кн. Волконского, М. Муравьева-Апостола, Повало-Швейковского, Давыдова, А. В. Поджио и Пестеля объединить действия северного общества с действиями южного для введения в России республики. По сведениям комитета, Пущин разделял это мнение. На это Пущин отвечал: «...Я всегда был того мнения, что отечество наше должно быть управляемо ограниченною монархиею и что общество, составленное из нескольких лиц, не может решительно определить— так или иначе должно быть управляемо государство, заключающее сорок миллионов жителей. Оно должно по произведении переворота представить собранным от всех сословий депутатам назначить тот образ правления, который общим мнением признается полезнейшим и для всех благодетельным. Намерение сие южного общества никому мною не было сообщаемо. Сколько мне известно, никто из петербургских сочленов моих сказанного намерения южного общества не разделял»...

Исключительная осторожность— характерная черта в показаниях Пущина. В только что приведенных ответах на вопрос 6-го мая читаем: «...Предположение об [illegible] партии под названием Cohorte perdue и времени его правления мне совершенно неизвестно»... И в том же показании, в ответ на очень обширные вопросы комитета с перечислением участников и подробностей совещания заговорщиков в 1823 году в квартире Пущина, он заявил: «Точно показанные лица у меня в 1823 году в совещании один раз были; я [illegible] помню только, был ли полковник фон-дер-Бригген. Насчет же составления Рылеевым в Кронштадте тайного общества и сделанного им предложения о присоединении к северной управе, я сего обстоятельства не могу себе привести на память; равным образом замечание о конституции саперного офицера мне неизвестно». И утверждения о том, что Назимов и Вольховский «по обществу никакого участия не принимали», что со-

чиняющих (возмутительных) Тургенева, Оболенского и Рылеева он не видал, что он не знает, кто написал песню «Вдоль Фонтанки речки», и тщательно ничего не знает о результатах предположения Рылеева действовать согласованно с флотскими офицерами, и о сем вовсе не помнит, что предлагалось в обществе о истреблении царской фамилии. Хотя, говорит Пущин,—я не могу припомнить и сказанного Рылеевым разговора, но вероятно он был, если он утверждает сие. Мне неизвестно, чтобы общество приняло какие-нибудь меры для исполнения предположения об увозе императорской фамилии за границу... Я был такого мнения, что должно действовать, услышав о надежде, которую имеют на некоторые полки, но противился грабежу и излишнему кровопролитию... Краснокутского я не знаю, но слышал, что он к обществу принадлежал. Мне совершенно неизвестно, принимал ли он участие в намерениях 14-го декабря и обещал ли содействовать в сенате, равным образом я никаких мер к влиянию на сенат не принимал...»

Но уже на следующий день Пущин был вынужден, с очевидною горечью за слабость друга, показать по этому вопросу: «В полной мере утверждаю показание сие Рылеева с присовокуплением, что поручение сие не было сделано кн. Трубецким, а было общее нами предложено в совещании за нужное. Кроме сего, я никаких поручений не имел к исполнению 14-го декабря». Это весь ответ Пущина от 7-го мая на следующий вопрос комитета: «Поручик Рылеев утвердительно показывает, что кн. Трубецкой поручил ему вместе с вами в случае успеха в намерении общества идти в правительствующий сенат для представления оному к подписанию манифеста к народу русскому о введении нового правления в России». Когда же комитет запросил Пущина, знает ли он, что Г. С. Батеньков хотел поднести сенату для подписи манифест об установлении в России нового образа правления,—Пущин решительно и кратко ответил, что не знает «совершенно».

Наступил момент высказаться точно по вопросу о том, когда Пущин вступил в тайное общество и кто его ввел туда.

В показании от 16-го мая 1826 года Пущин еще издевается над комитетом: «Показанные мною подробности о г. Беляеве, как видно из объяснения моего от 18-го генваря, известны мне от покойного Черевина, у которого я с ним виделся. Из разговоров моих с сим последним он заметил мой образ мыслей и тогда спросил меня, принадлежу ли я к обществу, где Черевин. Как я ему отвечал, что нет, то он сказал мне: «Ваша дружеская связь с Черевиным дает мне право принять вас в общество, он вам все объяснит». Таким образом, я был в сношении с Черевиным, который мне открыл, что ему было известно. Где же теперь сей Беляев и был ли ему кто-нибудь знаком из членов, — я совершенно не знаю, и ни от кого об нем по смерти Черевина, которым он в общество был принят, не слыхал». Но когда следователи потребовали имена показывавших по этому вопросу и точные их заявления, Пущин 19-го мая ответил:

«По требованию комитета сим честь имею ответствовать, что, действительно, в 1817 году принят был полк. Бурцовым здесь, в Петербурге, в члены общества. Признаюсь откровенно, что не хотел объявить его, полагая его совершенно отдалившимся от общества. К крайнему стыду моему, объявляю, что Беляев есть вымышленное лицо, которое мною при начале упомянуто. Сие отклонение от истины, от ложного стыда мною употребляемое и усугубленное из излишнего чувства сострадания к Бурцову, теперь слишком кажется мне гнусным, чтоб еще продолжать таковую для меня о сем переписку. Совесть моя слишком много меня наказывает за сей проступок. Предаю себя совершенно в рассмотрение комитета и в полной мере чувствую, сколь я дурно поступил». Это последнее показание И. И. Пущина и, конечно, самое издевательское по отношению к следственному комитету.

Брат его Михаил Иванович родился в 1800 году и был выпущен из 1 кадетского корпуса саперным офицером в 1816 году. К моменту восстания он был капитаном гвардейских саперов, и за недонесение об известном ему заговоре был предан

суду вместе с другими членами тайных обществ. Был лишен чинов и дворянства и отдан в солдаты до выслуги, при чем послан в Красноярск. Но уже к концу 1826 года переведен на Кавказ, где принимал самое деятельное участие в русско-турецкой войне 1827—1829 г. И. Ф. Паскевич и Н. Н. Муравьев высоко ценили М. И. Пущина за его хорошее знание военного искусства, за выдающуюся инициативу и очень отличали его: в звании солдата он фактически руководил всеми осадными работами в указанную войну. Уже в ноябре 1828 г. он был произведен в первый офицерский чин. При взятии Ахалцыха М. И. был ранен пулею в грудь навылет, и в 1830 году был уволен из военной службы. Потом он прозябал при Николае I в гражданской службе, но после 1856 года Александр II, приняв во внимание его выдающиеся заслуги в русско-турецкую войну 1828 года, дал ему чин генерал-майора и назначил комендантом Бобруйской крепости.

М. И. Пущин оставил очень интересные записки (о своем аресте, о военной службе, о свидании с А. С. Пушкиным на Кавказе и др.), напечатанные в «Русской Старине» за 1881 год и в «Русском Архиве» за 1908 год. Не принимая участия в заговоре, он лишь за два дня до восстания был, по совету брата И. И., у Рылеева, выслушал разговоры собравшихся там членов тайного общества, решил не примыкать к ним и даже отговаривал брата от выступления. Это не спасло его от ареста и наказания. В показаниях он был откровенен, но без особенной болтливости. О своих сношениях с заговорщиками сообщил правду, призная, что заявил Рылееву (по поводу показаний и следствию) о готовности повести свой эскадрон по тому же пути, по которому пойдут 14-го декабря остальные войска, руководимые членами тайных обществ.

М. И. Пущин в показаниях ссылался на то, что забыл подробности разговора с Рылеевым и другими, но знает только, что, будучи влеком чувством любви к брату и желанием уничтожить вредное его намерение, чтоб через то спасти брата своего, которого, если бы стал сам убеждать, то никак бы не

успел, зная настойчивость и твердость его характера во всяком предприятии». «Вечером 13-го числа вместе с братом хотел провести у Рылеева и там надеялся все сделать, чтоб отклонить их обоих... Прихожу... Тут нашел Арбузова, Бестужева, Корниловича и двух, которых не знаю... Первое движение мое было уйти, но опять чувство, мной водимое, заставило меня остаться и все сделать, что было в силах моих, чтоб остановить их намерение...

Рассказав очень подробно, как он убеждал заговорщиков отказаться от мысли о бунте и как они, невидимому, убедились его доводами,—М. И. Пущин закончил свое обширное показание от 29-го декабря 1825 года следующими словами: «Остается сказать мне, что в первом показании моем не показал я всего здесь вышеописанного единственно потому, что по сердцу своему не мог показать причины, побудившие меня действовать, не обвиняя через то брата моего; не знав совершенно, какое участие принимал он в деле сем, готов был лучше ничего не сказать в оправдание свое, чем через сие ввести брата своего, может быть, не принимавшего никакого участия в происшествии 14-го числа. Но теперь, видев сам из окна караульного дома брата своего, привезенного с прочими в крепость, и посему не сомневаясь в его участии в деле сем, открываю все, что знал и делал и чего никому совершенно не сообщал, кроме священника и призвании меня в тайный комитет».

В одном из последних показаний М. И. Пущин старается выгородить своего товарища по полку и друга М. А. Назимова, но вскоре был уличен в том, что перед 14 декабря писал к нему и сообщал о готовящихся крупных событиях, приглашая прибыть в Петербург. Есть еще покаянные письма М. И. Пущина к Николаю Павловичу, но они к делу его брата не относятся. О дальнейшей судьбе М. И. Пущина сказано выше.

Примечания

К запискам

К странице 81.

1) Евгений Иванович Якушкин (род. 22 янв. 1826 г., ум. 27 апр. 1905 г.)—сын известного декабриста И. Д. Якушкина. В 1853—1855 г.г. Е. И. по командировке ездил в Сибирь, был в Ялуторовске, где познакомился со многими декабристами, которые полюбили его за прекрасные душевные качества. Особенно полюбил его И. И. Пущин, с которым у Якушкина установились тесные дружеские отношения до самой смерти И. И. По настоятельной просьбе Е. И. Якушкина написал Пущин свои записки о Пушкине, и ему обязана русская литература этим ценным вкладом в Пушкиниану. Е. И. Якушкин был одним из деятельнейших участников крестьянской реформы и оставил ряд очень крупных научных трудов, главным образом, по вопросам обычного права. О нем—у В. И. Семевского, «Русское Богатство», 1905 г., № 5: 257—261.

2) Дом Бронникова в Ялуторовске, где Пущин жил с июля 1843 до выезда в Россию, в сентябре 1856 г. В Ялуторовске жили также декабристы И. Д. Якушкин, М. И. Муравьев-Апостол, Н. В. Басаргин, В. К. Тизенгаузен, Е. П. Оболенский, А. В. Ентальцев. Оболенский до своей женитьбы, в 1846 г., жил также в доме Бронникова. См. письма И. И. к Энгельгардту за 1845 г.

3) Биограф Пушкина, академик Л. Н. Майков, отмечает «обстоятельность и точность» сведений, сообщаемых Пущиным.

К странице 82.

1) Скромность—основная черта характера Пущина: его воспоминания—важнейший источник для истории лицея за первый период его существования.

5) В гвардию офицерами были выпущены из лицея в 1817 г.: Вл. Дм. Вольховский, Сем. Сем. Есаков, Ив. Ив. Пущин, Петр Фед. Саврасов, Ал-др Алексеевич Корнилов, Ал-др Павл. Бакунин, Ив. Вас. Малиновский. О них—Н. А. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина по Царскосельскому лицею», три тома, Спб. 1913 года.

К странице 96.

6) Царскосельский Лицей открыт 19 октября 1811 г. во дворце, на половине великих князей Николая и Михаила Павловичей, которым Александр I хотел дать воспитание в кругу товарищей-сверстников из лучших дворянских фамилий. Первый параграф устава лицея намечал его целью «образование юношества, предназначенного к важным частям службы государственной». В 1844 году лицей был переведен в Петербург. О Царскосельском лицее см. И. Селезнев «Исторический очерк Императорского бывшего царскосельского, ныне Александровского лицея», Спб. 1861; Д. Ф. Кобеко «Императорский царскосельский лицей». Спб. 1911; Я. К. Грот «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». Спб. 1899; К. Я. Грот «Пушкинский лицей». Спб. 1911; названные книги Н. А. Гастфрейнда.

К странице 94.

7) Лицеист I вып. М. А. Корф в своих воспоминаниях о лицее рассказывает об этом: «Один из наших «дядек, следственно из участников в надзоре за нашею нравственностью, с лишком 20-летний Конст. Сазонов, в два года своей бытности в лицее совершил в Царском Селе и окрестностях шесть или семь убийств и был схвачен и заподозрен в прежних только при последнем».

К странице 98.

8) В лицейском журнале «Лицейский мудрец» за 1815 г., в № 3, в отделе «Политика», помещен рассказ об истории с гоголь-моголем. Проф. К. Я. Грот полагает, что автор рассказа—И. И. Пущин («Пушкинский лицей», 292).

К странице 101.

9) Пущин, по памяти, неправильно приписывает эти стихи И. И. Дмитриеву: это начало анакреонтической оды Г. Р. Державина «Мудрость».

К странице 102.

10) По табели об успехах, прилежании и дарованиях воспи-

танников лицея за первое полугодие 1811—1812 г.г. Пушкин оказал «посредственные успехи, ленив, не плохих дарований». В ведомости за след. полугодие, в графе о математике, про него же отмечено: «острота, но для пустословия, очень ленив и в классе нескромен, успехи посредственны». В выпускном свидетельстве Пушкина, после отзывов о занятиях его разными предметами лицейского преподавания, сказано: «сверх того занимался математикою».

К странице 104.

11) О литературном даровании Кюхельбекера—в исследовании Н. А. Котляревского «Литературная деятельность декабристов», «Рус. Богатство», 1901, №№ 3 и 4. Ср. отзыв Пущина о том же в письме его к Энгельгардту от 25 мая 1845 г.

К странице 106.

12) По поводу этого примечания Пущина Д. Ф. Кобеко в статье «Шесть упраздненных мест» («Пушкин и его современники», вып. V, 74—81), о шести лицеистах—первокурсниках, умерших до 1831 г.,—говорит: «Показание это, кажется, ошибочно. В войне за независимость Греции принял участие и был в 1827 г. убит граф Андрей-Максимилиан Броглио». В протоколе участников лицейского обеда в 1851 г., по случаю 40-летия лицея, в перечне живых лицеистов, читаем: «Пущина нет, Брольо—безвестно отсутствующий».

К странице 111.

13) По рассказу И. И. Пущина (Е. И. Якушкину), 15 XII 1825 года, на другой день после восстания, к нему заехал кн. П. А. Вяземский и спросил, чем он может быть полезен Пущину. И. И. просил его взять на хранение портфель с бумагами, среди которых были стихотворения Пушкина, Дельвига, Рылеева и несколько записок Пущина по общественным вопросам. Об этом см. в письмах Пущина к брату Н. И. за 1857 г. Бумаги Пущина находятся теперь в архиве Якушкиных.

К странице 132.

14) Розенберг не мог вернуться из Петербурга после смерти Пушкина в Петровский завод в январе 1837 г., так как Пушкин умер лишь в конце месяца. Верно это описка.

К странице 135.

15) В таком же виде письмо это приводится в академическом издании переписки Пушкина, под редакцией В. И. Саитова, с

пометкой в скобках: «первая половина 1824 г., Одесса», но с орфографическими поправками. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», Спб. 1910, стр. 95,—относит это письмо к середине марта и пишет по этому поводу: «Письмо из Одессы в Москву, неизвестно к кому, послужившее главным поводом к удалению его из Одессы. Как видно из воображаемого разговора с императором Александром I, оно писано к товарищу».

К странице 136.

16) Дальше в тексте записок издания 1907 г. приводится несколько документов, относящихся к дуэли Пушкина с Дантесом: два анонимных пасквиля, полученных Пушкиным, письмо его к графу А. Х. Бенкендорфу (от 21 XI 1836 г.; в переписке под ред. В. И. Саитова, т. III, № 1106), письмо к барону Г[illegible]рену (от того же числа; у В. И. Саитова, № 1105), письмо Гекк[illegible]рена к Пушкину (у В. И. Саитова № 1139), записки виконта Д'Аршиака к Пушкину и к кн. Вяземскому, письмо Пушкина к Д'Аршиаку (у В. И. Саитова № 1146), письмо К. К. Данзаса к Вяземскому. Не находясь в прямой связи с записками Пущина о Пушкине, не добавляя к ним ничего нового и не разъ[illegible] сами по себе роковой дуэли Пушкина,—документы эти только обременили бы книгу. Их не привел В. Е. Якушкин, когда он опубликовал последние страницы записок Пущина, «Рус. Вед.», 1899, № 143, от 26 V. Не приводит их проф. К. Я. Г[illegible] в [illegible] статье о Пущине, где он печатает те же страницы [illegible] Пущина, «Истор. Вестн.», 1905, № 8. Не печатаются [illegible]. Истории дуэли и смерти Пушкина посвящено исследование П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», Петр., 1916, два издания а также «Пушкин и его современники», выпуски 25—27; в этом исследовании—все документы о смерти Пушкина, в том числ[е] [illegible] неизвестные Пущиным.

Записки Пущина о Пушкине печатались—в извлечениях—[в] «Атенее», 1859 г., т. 8, ч. 2-я, март и апрель, стр. 500—537; в «Полярной Звезде», 1861 г., т. 6, стр. 105—118; в «Моск. Ведом.», 1859 г., № 107; в книге Л. Н Майкова «Пушкин», Спб. 1899 [г.], стр. 43—91 (в исправленном виде, но без заключительных стр[а]ниц); в «Русских Ведомостях», 1899 г. № 143, 26 мая (опущ[енное] у Майкова); в статье К. Я. Грота о Пущине, в «Истор. Вестн.», 1905 г., № 8, стр. 440—442 (то же); в отд. издании: «И. И. Пущин. Записки о Пушкине», Спб. 1907, стр. 96+2 (полностью). Опубликованные А. И. Герценом и приписанные им Пущину, много раз перепечатывавшиеся, записки о 14 декабря 1825 г., написаны И. Д. Якушкиным со слов Пущина, Оболенского и других участников восстания.

К письмам

К странице 137.

Письма И. И. Пущина печатаются здесь, в значительной части впервые, с подлинников и по тексту, опубликованному в очерках и статьях, посвященных Пущину, а также в других изданиях. Расположены в хронологическом порядке и снабжены историко-биографическими и библиографическими примечаниями. Правописание—новое: никаких особенностей в этом отношении у Пущина нет. Из 104 писем, помещенных ниже,—64 печатаются здесь впервые, 9—в значительно дополненном виде, другие—с поправками по подлинникам. Даты, где их нет в подлинниках, проставлены в скобках—установлены по содержанию писем. Источники воспроизведения писем с указанием принятых здесь сокращений: 1) Пушкинский Дом при Академии Наук—Пушк. Дом; 2) собрание профессора К. Я. Грота—Арх. Грота; 3) К. Я. Грот «Пушкинский Лицей—1811—1817—бумаги 1 курса», Спб. 1911 г.—Грот—Лицей; 4) К. Я. Грот «Из лицейской старины—И. И. Пущин», «Истор. Вестн.», 1905 г., № 8—Грот—Пущин; 5) К. Я. Грот «Празднование лицейской годовщины при Пушкине и после него», сборник «Пушкин и его современники», вып. XIII, Спб. 1910 г.—Грот—Годовщины; 6) Я. К. Грот «Декабристы в Сибири», «Русский Архив», 1879 г., т. III—Грот—Русск. Арх.; 7) Я. К. Грот «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», Спб. 1899 г.—Грот—Пушкин; 8) Д. Ф. Кобеко «Императорский Царскосельский Лицей», Спб. 1911 г.—Кобеко—Лицей; 9) Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук под ред. В. И. Саитова, переписка, Спб. 1906 г., т. I—Саитов—Пушкин; 10) Н. А. Гастфрейнд «Товарищи Пушкина по Царскосельскому Лицею», Спб. 1912—1913, три тома—Гастфрейнд—«Лицей»; 11) его же отдельный оттиск отсюда «И. И. Пущин». Спб. 1913—Гастфрейнд—Пущин; 12) «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», М. 1902, ч. 10-я—Щукин. Другие указания—в примечаниях.

Настоящее письмо не первое из дошедших до нас писем И. И. Пущина. Вот предшествующее ему по времени написания:

Позвольте и мне написать вам несколько слов, почтеннейший Степан Степанович. Извините, что до сих пор сего не сделал; но право времени ни минуты не имел свободной. Праздники провел я в Петербурге—и теперь опять в кругу милых моих товарищей—но все не то: вас не нахожу—Козырь вскрылся—нырнул в лощку—а нас военных покинул. Худо Степан Степа-

нович—но уж так и быть все прощу вам—если только вы не забудете любящего и почитающего вас друга.

Иван Пущин.

Маслов много, много вам кланяется.

Это, неимеющая самостоятельного значения, [illegible] ного письма лицеистов, в том числе и Пушкина, к инспектору Лицея С. С. Фролову, от 4 апреля 1817 года, перед выпускными экзаменами. Этот самый Фролов причинил Пущину большую неприятность еще в 1814 году по поводу устроенной им совместно с Пушкиным и Малиновским пирушки (см. об этом выше, в записках Пущина). Лопка—имение Фролова.

17) Письмо взято у Гастфрейда—Лицей, т. I, 158—159; адресовано лицейскому товарищу автора Влад. Дмитр. Вольховскому (род. 1798, ум. 7 марта 1841); о нем в указ. книге.

Егор Ант. Энгельгардт, директор Царскосельского Лицея (1816—1823). О нем—«Русский Архив», 1872, № 7—8, также у Кобеко, Селезнева, Гастфрейда. Род. 12 авг. 1775, ум. 5 января 1862. См. письма Пущина к нему.

И. И. был тогда подпоручиком гвардейской конной артиллерии.

Володя—В. Д. Вольховский.

Малиновский—лицейский товарищ обоих корреспондентов. Ив. Вас., сын первого директора Лицея, впоследствии женившийся на сестре Пущина, Марье; см. ниже письма Пущина к нему; о нем у Гастфрейда, т. III; род. 1796, ум. 10 февр. 1873.

Саврасов—Петр Фед., лицеист I курса; род. 1799, ум. 23 июля 1830; о нем у Гастфрейда, т. III.

Бурцов—Ив. Гр., член тайных обществ, принявший Пущина в заговор; о нем у Б. Л. Модзалевского—«Архив Раевских», т. I, 405—407 и др.; род. 1794, ум. 23 июля 1829. О Нарышкине, Оленском и др. декабристах, упоминаемых в письме,—ниже.

К странице 138.

18) Взято у Кобеко—Лицей, 231—233. Подлинник в Пушкинском лицейском Музее при Пушкинском Доме.

Яковлев, Мих. Лукьянович, лицеист I курса; род. 19 [illegible] 1798, ум. 4 янв. 1868; о нем у Гастфрейда, II.

Павел Ив. Калошин, член тайных обществ, [illegible] Пущиных; род. 1799, ум. 22 янв. 1854; у него в Москве [illegible] Пущин. о нем у Б. Л. Модзалевского—«Записки В. П. [illegible] 1906, и в сб. «Пушкин и его современники», вып. 4.

По предположению Д. Ф. Кобеко, точками в фразе «жить мне у Павла прелестно...» заменено название тайного общества, к которому принадлежали Пущин, Вольховский и Калошин. Буквы в скобках и точки в других местах письма поставлены там, где письмо порвано при вскрытии.

Кашкин, Серг. Ник., член тайных обществ; род. 17 апр. 1799, ум. 7 ноября 1868; о нем у Б. Л. Модзалевского в книге Н. Н. Кашкина «Родословные Разведки», Спб. 1913, т. II.

Чер[illegible] И. [illegible] офицер, друг Пущина, ум. [illegible] 1826 г.; о нем в показаниях И. И. о тайных обществах.

Семенов, Степ. Мих., декабрист; род. 27 дек. 1789, ум. 10 июня 1852; о нем у Б. Л. Модзалевского в «Записках» Зубкова, в изд. Зензинова «86 портретов...» М. 1906, в воспоминаниях М. И. Муравьева-Апостола, изд. «Былого» под моей редакцией, Спб. 1922; в письмах Пущина к брату Н. И.

Тучков Ал-й Ал-евич, член тайных обществ; род. 26 дек. 1800, ум. в 1879; о нем у Б. Л. Модзалевского в «Записках» Зубкова, в Воспоминаниях его дочери Н. А. Огаревой-Тучковой, М. 1903.

Князь Голицын Дм. Влад., московский ген.-губернатор (1820—1843); род. 1771, ум. 1844. М. И. Пущин в своих записках рассказывает о свидании в 1830 г. с Голицыным, который говорил ему о своей любви к И. И. Пущину.

К странице 140.

19) Взято у Сайтова—Пушкин; впервые напечатано у В. Е. Якушкина в «Рус. Ведомостях» 1897, № 37; первое письмо Пущина после посещения им Пушкина в его изгнании в селе Михайловском; см. «Записки» Пущина—выше.

Вяземская—княгиня Вера Фед., жена известного поэта и друга Пушкина—П. А. Об этих деньгах Пушкин сообщил Вяземскому в письме из Тригорского от 28 января 1825 г. В другом письме (конец января 1825 г. из с. Михайловского) Пушкин сообщает Вяземскому, что Пущин привезет ему отрывок из «Цыган».

В письме к Пушкину от 10 марта 1825 г. К. Ф. Рылеев пишет: «Думаю, что ты получил уже из Москвы Войнаровского. По некоторым местам ты догадаешься, что он несколько ощипан... Знаю, что ты не жалуешь мои Думы; несмотря на то, я просил Пущина и их переслать тебе. Скоро ли ты начнешь печатать «Цыган»?

В письме к Рылееву от 25 января 1825 г. (посланном, конечно, с Пущиным) Пушкин писал: «Пущин привезет тебе отрывок из моих «Цыганов». А Рылеев при от'езде Пущина из С.-Петер-

бурга в с. Михайловское писал [illegible] ты, потому что холодное *вы* не ложится под перо». Т[illegible] П[illegible] служил сближению двух своих друзей поэтов.

К странице 141.

20) Взято у Саитова—Пушкин; впервые у В. Е. Якушкина.

Семен Иоанникиевич Селивановский—известный московский типограф и издатель. Об этом предложении Пушкин пишет 7-го апреля 1825 г. Вяземскому: «... Сейчас получил я [illegible] и Думы, с письмом Пущина.—Предложение Селивановского, за три поэмы 12.000 р., кажется, должен я буду отклонить по причине новой типографской плутни...». Тогда же он писал брату Льву: «Селивановский предлагает мне 12.000 р., а я должен от них отказаться—эдак с голоду умру—с отцом да с Ольдекопом...».

Ломоносов—Серг. Григ., лицеист 1 вып. О нем—у Гастфрейнда, т. I.

Слова «знаменательный день» относятся к годовщине воцарения Александра I, [illegible] 12 марта 1801 года после убийства отца. В [illegible] общности политического настроения Пушкина и декабристов в 1825 году.

21) Взято у Саитова—Пушкин; впервые у В. Е. Якушкина; о подлинниках писем Пущина к Пушкину см. «Временник Пушкинского Дома на 1914 г.», стр. 19.

Письмо Пушкина, о котором говорится в этом письме,—до нас не дошло—см. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», СПБ. 1910, стр. 115; княгиня—В. Ф. Вяземская, см. письмо от 18 февр. 1825 г.

К странице 142.

22) Печатается с копии руки племянника автора, Ант. И. Малиновского (архив Грота). Значительная часть этого отрывка у Грот—Пущин. Точки—в местах, опущенных Малиновским. Якубович, Нарышкин, Назимов—декабристы; о них—ниже.

К странице 143.

23) Послано брату в Ревель. Взято из рукописи А. И. Малиновского (архив Грота), который привел его в выдержках. Напечатано у Грота—Пущин.

Дело о смерти Времева заключается в следующем. В 1825 г. в Москве был арестован известный композитор Александр Александрович Алябьев, родовитый дворянин, сын сенатора (род.

4 августа 1787 г., ум. 22 февраля 1851 г.), обвинявшийся в нанесении побоев помещику Времеву у себя в доме во время азартной карточной игры. Времев через 3 дня после этого умер—от насильственного разрыва селезенки, но влиятельные друзья Алябьева приложили все усилия, и композитору удалось избегнуть кары за убийство. Однако, Пущин настаивал на обвинении Алябьева в убийстве, и только после ссылки Ив. Ив. на каторгу по декабрьскому делу друзья Алябьева сумели добиться для него сравнительно мягкого приговора: он был лишен прав и сослан в Тобольск. Когда Пущин жил в Ялуторовске, близ Тобольска, Алябьев был уже помилован и жил в Москве. О деле Алябьева см. статью А. В. Безродного в «Истор. Вестнике» 1905, № 4, где говорится на основании документов сенатского архива, что о смерти Времева дано было знать московскому земскому суду.

24) Взято из рукописи А. И. Малиновского (Архив Грота), напечатано у Грота—Пущин. Послано брату в Петербург. Отъезд М. И. Пущина из Петербурга вызван был ожидавшимся тогда переводом его на службу в Северский конно-егерский полк. Об этом вел. кн. Николай Павлович писал командиру полка С. Р. Лепарскому с указанием, что М. И. Пущин заместит его при повышении Лепарского по должности (о чем Лепарский впоследствии говорил М. И. Пущину). Сожаление И. И. по поводу перевода брата из Петербурга, может быть, находится в связи с его планами привлечь М. И. в тайное общество: к концу 1825 г. деятельность тайных обществ особенно усилилась.

К странице 144.

25) Печатается впервые по двум копиям, сохранившимся в делах III Отделения. Первое из известных мне писем Пущина после восстания 1825 года. Составляет очень интересный по содержанию дневник путешествия Пущина с фельдъегерем Желдыбиным (о нем в следующем примечании) из Петербурга в Сибирь. Писалось в тетрадке, сложенной в ⅛ листа, карандашом (кроме последних строк, писанных чернилами), вследствие чего некоторые места стерлись. В тексте я отметил такие места указанием в скобках, равно как в скобках привел характерные разночтения или необходимые по смыслу дополнения из второй копии. Повидимому, было передано Пущиным для доставления его семье, вместе с другими упоминаемыми здесь письмами, жандарму, который вместе с фельдъегерем Желдыбиным сопровождал декабристов в Сибирь. На обратном пути в Россию, близ гор. Мологи, Ярославской губ., жандарм потерял, отправленный

местным губернатором в III Отд[illegible] [illegible]-щами. Под надкладкой на[illegible] приводимое здесь письмо П[illegible]. Сохранился ли подлинник и был ли он доставлен по адресу—неизвестно.

Товарищи Пущина по путешествию в Сибирь—декабристы Ал. Викт. Поджио и Петр Ал. Му[illegible].

Михайло произведен в офицеры—сообщение несколько преждевременное, доказывающее, однако, что уже в конце 1827 года в столице много говорили о М. И. Пущине и его военных подвигах на Кавказе. О нем см. в приложении—«И. И. Пущин в процессе декабристов».

Annette и малютки со мной—портреты сестры Анны и детей сестры Ек. Ив. Набоковой.

О новом коменданте—см. примеч. к след. [illegible].

К странице 145.

О Кошкуле—см. след. письмо.

К странице 146.

Eudoxe — сестра Пущина—Евдокия Ив. Бароцци.

Catherine — сестра Пущина—Екат. Ив. Набокова. Генерал Ив. Ал.—ниже—ее муж.

Николя—брат Пущина; к нему—письма Ив. Ив.—ина.

К странице 147.

Якушкина, Анастасия Вас., известная красавица, рожденная Шереметева, и ее мать—известная в московских славянофильских кругах Над. Ник.—«духовная мать» Гоголя (ее старшая дочь Пелагея Вас. была замужем за другим основателем тайных обществ—М. Н. Муравьевым, впоследствии Муравьевым-Вешателем). Якушкина хотела поехать в Сибирь, но какие-то влияния ее матери помешали ей выполнить это намерение. И. Д. Якушкин, раньше страстно хотевший видеть жену в Сибири, позже стал также убеждать ее не ехать за ним, чтобы не оставлять без материнского надзора двух сыновей, рожденных [illegible] отправления их отца на каторгу.

Уварова, Ек. Серг., сестра декабриста М. С. Лунина, ждала его в Ярославле две недели, но не виделась с ним. Из-за энергичных попыток видеться с братом был отдан даже под суд фельдъегерь Желдыбин и вообще возникла обширная переписка между ярославским губернатором и III Отделением, сама она едва не пострадала из-за этой истории. Подробности—в книге «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма. Редакция С. Я.

Штрайха. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Спб. 1923 г.

К странице 148.

Горсткин—Ив. Ник., декабрист.

Медокс—Ром. Мих., авантюрист и самозванец. О нем и об его отношениях к декабристам в России и в Сибири, а также об его сношениях с III Отделением по поводу декабристов готовится мною к печати специальная работа, основанная на неизданных материалах.

Алексей—слуга Пущина. О нем—выше в «Записках о Пушкине».

К странице 150.

Чернышевой отказано—Александра Григорьевна, жена декабриста Н. М. Муравьева, рожд. гр. Чернышева, поехала в Сибирь за мужем и жила с ним до своей кончины там в 1832 г.

Marie —сестра Пущина, позднее замужем за И. В. Малиновским.

Варя и Лиза—сестры Пущина.

Егор—брат Пущина.

К странице 151.

Евгений—декабрист, кн. Евг. Петр. Оболенский.

Лавинский—Ал. Степ., иркутский генерал-губернатор, высший начальник декабристов на каторге и в ссылке.

К странице 153.

Егор Антонович—Энгельгардт, директор Лицея.

26) Опубликовано П. Е. Щеголевым в еженедельнике «Отклики», № 23, приложение к газ. «День», № 158 от 13 июня 1914 г., откуда перепечатывается. Подлинник в архиве главного штаба. Письмо—к отцу из Иркутска, где декабристов на несколько дней задержали перед отправлением в дальнейший путь, на каторгу. Доверившись сопровождавшему его жандарму, И. И. передал ему письмо для отца, но жандарм сдал письмо своему начальству.

Об отношениях Николая I к женам декабристов, пожелавшим сопровождать своих мужей (сам И. И. Пущин не был женат, но выражение «наши жены» свидетельствует о степени его взволнованности по поводу насилий над кн. Е. И. Трубецкой, кн. М. Н. Волконской и др.), об издевательствах, которым они подвергались со стороны царских чиновников, о препятствиях, которые им ставились в их стремлении облегчить тягостный жребий мужей,—см. в статье П. Е. Щеголева «Жены декабри-

стов и вопрос об их юридических правах» («Исторические этюды», СПБ, 1913); в сборнике В. И. Покровского «Жены декабристов», М. 1906; в записках кн. М. Н. Волконской, П. Е. Анненковой, И. Д. Якушкина, бар. А. Е. Розен и др. См. «Русские женщины» Некрасова.

Annette —сестра И. И. Пущина. Ген.-майор Плуталов—комендант Шлиссельбургской крепости; умер внезапно в 1827 г. у ног Николая I, при подаче еженедельного рапорта.

Суворочка—лицейский товарищ Пущина, Вл. Дм. Вольховский, которому выпало несчастье присутствовать при казни 5 декабристов и выполнении приговора над остальными (в том числе и И. И.)—в качестве представителя военного ведомства. Фридберг—генерал, заместитель Плуталова.

Желдыбин—фельдъегерь, отвозивший декабристов, в том числе и Пущина в Сибирь. Он оставил по себе самую скверную память, и Пущин недаром писал, что Желдыбин не позволил бы свидания. П. Е. Анненкова пишет в своих записках: «Желдыбин был ужасный человек: он обходился жестоко с теми, кого вез, не давал им ни есть, ни отдохнуть, бил ямщиков и загонял несколько лошадей... Соблазнительны были для этого изверга прогоны и разные сбережения от сданных на его руки арестантов. Позднее Ив. Ив. Пущин был отправлен с этим самым фельдъегерем. Мало, что этот зверь Желдыбин заставлял безпощадно мчаться первые жертвы свои, но он еще чуть не заморозил всех».

Кошкуль, муж двоюродной сестры Ив. Ив., Александры Павловны Пущиной.

К странице 155.

27) Взято из архива Грота, где сохранилось в копии Е. А. Энгельгардта. В Читу Пущин прибыл 5 янв. 1828 г. Напечатано у Грота-Пущин. Сравнить письмо от 14 марта 1830 г.

К странице 156.

28) Печатается с подлинника (архив Грота). Было напечатано у Грота—Пущин и Грот—Лицей.

В Иркутск И. И. был доставлен 24 ноября 1827 г.

Сестры И. И. жили с родителями, но мать, Александра Мих., урожденная Рябинина, уже несколько лет была душевно-больной, а отец, Иван Петрович, был в это время дряхлым 72-летним стариком. И материальные дела семьи были более, чем неважны. Любопытное сообщение об этом в одном официальном, строго секретном для современников, документе. Распределивши с де-

кабристами, правительство Николая I стало зорко следить за настроением общества, которое сильно пострадало в этой борьбе реакционного режима с русскими идеалистами. Естественно, что в некоторых, правда, немногочисленных, кругах общества высказывалось недовольство жестокой расправой: не все родственники декабристов были подобны военному министру А. И. Чернышеву, который домогался осуждения графа З. Г. Чернышева в надежде получить его огромное наследство. Для осведомления о настроении общества шеф жандармов А. Х. Бенкендорф решил учредить тайную розыскную канцелярию, имевшую задачей узнавать в гостиных и салонах, кто позволяет себе мыслить неблагонамеренно. Попутно эти выпытыватели должны были также, по рецепту самого Николая I, утирать слезы невинных страдальцев от неправды людской. Суждено было попасть в число таких опекаемых Николаевскими жандармами и отцу И. И. Пущина. Случайно или по чьей-нибудь просьбе заведующий сыскным аппаратом, директор канцелярии III отделения и ближайший помощник Бенкендорфа, Мих. Макс. фон-Фок обратил внимание и на Ив. Петр. Пущина, который когда-то был генерал—интендантом и теперь переносил гонения со стороны властей, конечно, за грехи своих сыновей-декабристов. В одном из своих донесений, представлявшихся в подлинниках самому Николаю, в письме на имя Бенкендорфа от 6 августа 1826 г. (т.-е. немедленно вслед за приведением в исполнение приговора над декабристами),—фон-Фок писал: «Имею честь представить вашему превосходительству резюме нескольких замечаний, сделанных в аристократических кружках (кроме самого автора донесения и его платных агентов, работали также в этом деле и добровольцы из общества, желавшие помочь императору искоренить крамолу). Старый Пущин, генерал-интендант флота, семидесятилетний старец, более полувека состоит на службе. Жена его уже 20 лет находится в состоянии умопомешательства; из одиннадцати человек детей, двое умерли гражданскою смертью, а остальные должны потерять все свое состояние, потому что этого желает начальник штаба морского ведомства Моллер, сумевший так представить дело, что Пущин, который за учреждением министерства, ни за что не может уже отвечать, так как только исполняет предписания этого министерства,—должен выносить на себе всю ответственность по счетной части. Тот же Моллер не допускает, чтобы жалобы Пущина доходили до государя, так что бедный старик находится в ужасном положении. Не смотря, однако, на это, ничего не сделано, чтобы успокоить его, хотя один из сыновей его (Михаил) и оказался виновником только в том, что, зная об умысле заговорщиков, не донес об этом. Старик в отчаянии. Недавно он подал государю 3-е прошение, изложив

в нем самые убедительные доводы в доказательство тому, что не имеют право делать его состояние ответственным за [illegible] морскому министерству». Из дальнейшего текста [illegible] («Русская Старина», 1881 г., № 9) видно, что автор не [illegible] имел в виду интересы Пущина, сколько желал подложить [illegible] Моллеру. Неизвестно, чем кончилось заступничество жандарма за И. И. Пущина, который был в 1829 г. назначен сенатором.

Фриц—Фед. Христ. Стевен, лицеист 1 вып. О нем у Гастфрейнда, т. I. В 1825 г. Стевен был переводчиком комиссии финляндских [illegible] проходила по ведомству Финляндии в России или в самой Финляндии. Род. в 1797 г., ум. 1 августа 1851 года.

Владимир—сын Е. А. Энгельгардта. Суворочка—В. Д. Вольховский.

Марья Як.—жена Е. А Энгельгардта, рожд. Whitaker.

К странице 158.

29) Печатается с подлинника (архив Грота). Напечатано [illegible] Грот-Пущин и Грот-Лицей. Сохранился только полулист (обычного почтового формата), второй оторван. На нем могло быть письмо к сестрам. Письмо отослано с оказией. В Чите помогала переправлять «нелегальные» письма жена местного горного начальника Ф. О. Смольянинова (побочная дочь известного Иркутского ген.-губернатора Якобия; его другая дочь была матерью декабриста И. А. Анненкова). О ней—в записках П. Е. Анненковой, И. Д. Якушкина, И. И. Горбачевского, у С. В. Максимова («Сибирь и каторга»). В сентябре 1863 г. она еще была жива, ей тогда было 85 лет. Дочь Смольяниновых—Аполлинария Семеновна—жена декабриста Д. И. Завалишина.

Чугунники—лицеисты 1 вып., которым Энгельгардт роздал чугунные кольца в знак прочности их союза.

Мясоедов, Пав. Ник.—лицеист 1 вып., род. в 1799 г., ум. 3 ноября 1868 г. О нем у Гастфрейнда, т. III.

Annette—Анна Пенц—воспитанница Энгельгардта, в замужестве Боссе (архитектор).

Ив. Петр. Пущин скончался 7 октября 1842 г.

Основное содержание этого письма, как и всех последующих писем Пущина к Энгельгардту и Малиновскому—просьба сообщать Пущину о его лицейских товарищах, главным образом, конечно, о Пушкине. Энгельгардт удовлетворял желание любимого своего питомца, но именно о Пушкине он писал ему мало. Радостно отзывались в душе Пущина сообщения о лучшем друге его лицейских лет, и еще радостнее было ему, если эти сообщения исходили от таких корреспондентов, как родной брат. Од-

но такое письмо брата Мих. Ив. приведу здесь. Это письмо М. И. Пущина к И. И. Пущину от 25 августа 1829 г.—за время перерыва в печатаемых здесь письмах И. И. Опубликовано оно в «Щукинском сборнике», вып. III.

«Кисловодск, 25 августа. Вероятно, любезный Jeannot, ты удивляешься, что давно к тебе не писал; не скажу, чтобы не был перед тобой много виноват, но причиною тому мое переселение из Арзерума на минер. воды; хотел испытать силы свои в нынешнюю кампанию и удостоверился, что уже плохой воин—расстроил свое здоровье и теперь снова оное здесь склеиваю. Есть ли не получу облегчения, то буду проситься к статским делам, что бы вам еще заслужить милости царские. Время здесь провожу довольно приятно—лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикою в руках следил турок перед Арзерумом, по взятии оного возвратился оттуда и приехал ко мне на воды. Мы вместе пьем по нескольку стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день. Разумеется, часто о тебе вспоминаем—он любит тебя по старому и надеется, что и ты сохраняешь к нему то же чувство. Отсюда просил у графа нашего главнокомандующего позволения ехать в Калугу, надеюсь на милостивое его разрешение; в ожидании оного буду пользоваться постоянно водами, которые однако ж по сие время не приносят мне ни малейшего облегчения. Доктора здешние утверждают, что для меня потребен будет курс на водах более продолжительный и потому, есть ли по милости божией дотащусь, как-нибудь до сестры, то на будущий год рано опять сюда приеду. Давно, любезный друг, ничего не знаю о своих и о тебе—письма мои гуляют в Арзеруме—не знаю, скоро ли буду оные опять регулярно получать. Вольховский, с которым я жил в нынешнем походе, занемог в Арзеруме и возвратился лечиться в Тифлис. Сегодня получил от него письмо; он тоже интересуется о тебе. Прощай, бесценный друг, уповаю на бога. Будь здоров и помни тебя многолюбящего брата Михаила».

К странице 160.

30) Письмо к сестре—рукою баронессы А. В. Розен (сестра И. В. Малиновского), жены декабриста А. Е., к которому она приехала летом 1830 г. Первое время пребывания Пущина в Петровском писала для него письма, под его диктовку, затем это делали кн. Е. И. Трубецкая и М. К. Юшневская. Однако, и за это время встречаются собственноручные письма И. И., пересылавшиеся с оказией. Подлинник в архиве Малиновских, печатается с рукописи А. И. Малиновского (архив Грота). Отрывки были у Грота-Пущина. Виды Петровского Завода (по рис. Н. А. Бесту-

жевт и др.), а также планы тюрьмы воспроизведены при записках декабристов и в изданиях М. М. Зензинова: «86 портретов», М. 1906, и «Памяти декабристов», альбом, М. 1907.

Евгений—декабрист Евг. Петр. Оболенский.

Елиз. Петр.—жена декабриста М. М. Нарышкина, рожд. гр. Коновницына.

Мих. Ив.—Пущин, вернувшийся из ссылки на Кавказ в 1830 году.

В конце письма приписка от имени самой А. В. Розен, что особенно подчеркивает аутентичность письма.

К странице 162.

31) Писано рукою А. В. Розен, под диктовку И. И. Пущина. Печатается с подлинника (архив Грота). Напечатано у Грот—Лицей. Письмо на почтовом листе большого формата, проколотом в нескольких местах при дезинфекции от холеры, бывшей тогда в России.

Летом 1830 г. Е. А. Энгельгардт совершил служебную поездку на Урал.

Jeannot—лицейское и домашнее имя Пущина.

Саврасов—Петр Федорович, лицеист 1 вып. См. письмо 19 сент. 1820 г. В своем дневнике за 1839 г. лицеист бар. М. А. Корф пишет о нем: «прекрасный, с чистейшей душою, благороднейший человек... он, который в Лицее и после пользовался самым цветущим здоровьем, впал вдруг в жестокую чахотку и умер в Гамбурге, где и похоронен».

Марья Як.—жена Е. А. Энгельгардта

К странице 164.

32) Письмо сестре, рукою баронессы А. В. Розен. Печатается с подлинника (архив Грота). Отрывки были у Грота—Лицей.

Поэт—барон Антон Антонович Дельвиг, лицеист 1 вып., род. 6 авг. 1798 г., ум. 14 янв. 1831 г.

В. И. Штейнгель—декабрист; его записки—в сборнике «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», СПБ. 1905. Здесь же статья о нем В. И. Семевского. Пелагия Петровна—его жена.

Егор Ант.—Энгельгардт.

К странице 166.

33) Подлинник рукою А. В. Розен в архиве Грота. Напечатано у Грот—Лицей.

19 октября—годовщина основания Царскосельского Лицея.

О внучке Энгельгардта—в письме от 22 мая 1832 г. Ф. Ф. Матюшкину, лицеисту 1 вып., с которым он был особенно близок, Е. А. Энгельгардт писал: «... Много в это время было жертв смерти... Я схоронил брата Федора, Мария Яковлевна своего брата и жену его и сынка их: Бетси наша (дочь Е. А., Елизавета Егоровна, баронесса Остен-Сакен, род. 4 июня 1805 г., ум. 11 ф. 1873 г. Муж ее—д. с. с. бар. Ром. Фед.) премилую дочку... И Дельвига нашего мы опустили в мать-сыру землю...» Маленькая Annette —Анна Ленц, воспитанница Е. А. Энгельгардта. Брат Е. А.—Федор-Христофор-Фридрих, подполковник и генерал-адъютант кн. Г. А. Потемкина. Род. 19 марта 1762 г., ум. 29 июня 1831 г. Август Яковлевич Уитэкер, брат М. Я. Энгельгардт.

К странице 167.

34) Писано рукою кн. Е. И. Трубецкой, печатается с подлинника (архив Грота). Отрывок напечатан у Грота—Годовщины.

Лангер—Валер. Плат., лицеист II вып., впоследствии почетный вольный общник Академии Художеств. Нарисовал виды Царскосельского Лицея. О нем у Кобеко—Лицей и у Гастфрейнда, тт. I и II.

Малиновский женился 2 февраля 1834 г. на сестре Пущина, Марье Ивановне.

Сем. Сем.—Есаков, лицеист I вып. (род. в 1798 г.); застрелился в марте 1831 г. после потери во время сражения с польскими повстанцами 4 орудий, застрявших в грязи. О нем у Гастфрейнда, т. III.

Волконская—Мария Николаевна, жена декабриста.

Пущин был особенно близок к ней в это время. Он же был крестным отцом дочери Волконских—Елены, Неттиньки, о рождении которой говорится в письме.

К странице 170.

35) Письмо к сестре и ее мужу И. В. Печатается здесь впервые с рукописи А. И. Малиновского (архив Грота), который привел только отрывок его и добавил (в письме к Я. К. Гроту): «Письмо это было ответом на известие о представлении моих родителей государю и государыне при проезде их величеств через Харьков...».

36) Печатается с рукописи кн. Е. И. Трубецкой, которая [illegible] этого письма проставила кавычки—знак, что письмо не [illegible] нее, а дословно от И. И. Пущина, под непосредственную дик-

товку которого она писала. Подлинник в Арх. Грота. Отрывок напечатан у Грота—Годовщины.

Annette—сестра И. И. Воля—Вл. Ег. Энгельгардт был женат первым браком с 25 июня 1837 г. на Юлии Алексеевне Копьевой (род. 7 января 1814 г., ум. 4 января 1839 г.), от которой имел сына Юрия (13 августа 1838 г., ум. 8 февраля 1840 г.). В доступной мне переписке с семьею И. И. и в других материалах для его биографии нет указаний на какой-то его роман в семье Копьевых, о котором, несомненно, говорит сам И. И. и очень ясно говорит кн. Е. И. Трубецкая в своей приписке к письму Пущина (в подлиннике по-французски; здесь приводится в переводе). Сравнить конец письма от 30 дек. 1838 г.

Вильгельм—В. К. Кюхельбекер, Фриц—Ф. К. Стевен.

Илличевский—Алексей Дамианович—лицеист 1 вып. (род. в 1798 г., ум. 6 октября 1837 г.). О нем статья Н. О. Лернера—Сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауз-Ефрона, т. I, а также у Гастфрейнда, т. II.

Письмо В. А. Жуковского—в форме письма к отцу поэта С. Л. Пушкину—о смерти А. С. Пушкина напечатано в «Современнике», т. V за 1837 г., перепечатано с критическим комментарием в исследовании П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», Петроград, 1916 и 1917 (2 издания). Другие описания смерти Пушкина перепечатаны там же. Пущину были известны в рукописных списках.

К странице 174.

37) Печатается (впервые здесь) с рукописи А. И. Малиновского (архив Грота), который послал только отрывок письма, писанного под диктовку И. И. кн. Е. И. Трубецкой.

Старый товарищ—В. Д. Вольховский, вследствие недоразумений с Паскевичем вышедший около того времени в отставку и вскоре поселившийся в имении по соседству с И. В. Малиновским, с которым вместе он устроил сахарный завод (в Изюмском у., Харьковской губ.). В то же самое время Мих. Ив. Пущин устроил сахарный завод в своем имении «Паричи», Бобруйского у., Минской губ. Это было время увлечения русских помещиков сахароварением. Многие из них потом плакались на разорение.

Побывавшие в это время у Малиновских в «Каменке» А. Е. и А. В. Розены, проездом из Сибири на Кавказ, куда Розен ссылался до выслуги рядовым,—рассказали родным о всеобщей любви и уважении, какими пользовался в Сибири И. И. Пущин. Об этом Малиновские писали ему.

К странице 175.

38) Писано М. К. Юшневской под диктовку Пущина. Печатается с рукописи А. И. Малиновского (архив Грота).

39) Из рукописи А. И. Малиновского (архив Грота), по письму М. К. Юшневской под диктовку Пущина; напечатано у Грота-Пущин. А. И. Малиновский (в письме к Гроту) сообщает, что в конце письма была приписка И. И. к Малиновской «с указанием на сочинение m-me Necker de-Saussure как на руководство для воспитания детей с указанием при том на вышедшую тогда в свет 3-ю часть оного, которой у нас еще нет».

9 июня—день выпуска лицеистов I курса, в 1817 г.

Слова Дельвига — написанная им прощальная лицейская песня «Шесть лет промчалось, как виденье».

Чугунники—лицеисты 1 курса—от чугунных колец, розданных им Энгельгардтом при окончании Лицея в знак прочности их союза.

К странице 176.

40) Печатается по рукописи А. И. Малиновского (архив Грота) с письма рукою М. К. Юшневской.

Annette —А. И. Пущина.

Суворочка—В. Д. Вольховский. Об его отставке см. письмо от 15 янв. 1838 г. В конце письма, как сообщает А. И. Малиновский,—упоминание о вступлении Мих. Ив. Пущина во второй брак с выражением радости И. И. по поводу того, «что для бедного Михайлы прекратится тягостное одиночество, против которого не всякий может вооружиться...» М. И. Пущин был женат два раза; на С. П. Пальчиковой (1831—1834) и на М. Я. Подкользиной (с 3 июля 1838 г.).

41) Печатается (впервые) с рукописи А. И. Малиновского (арх. Грота). Подлинник был—рукою М. К. Юшневской.

«Передать... на Кавказ...»—А. И. Малиновский писал Я. К. Гроту, что это письмо является ответом Пущина на письмо Малиновского из Каменки от 6 октября 1838 г. В последнем всего несколько слов от «старого товарища К. К. Данзаса, который, очевидно, был в Каменке проездом на Кавказ, т. к. село это лежит на большой дороге из Харькова в Таганрог и Ростов-на-Дону».

Малиновские были в Петербурге зимою 1838—1839 г., чтобы принять благословение престарелых родителей М. И. Малиновской (рожд. Пущиной). Какую службу, кроме общественной—по выборам—искал И. В. Малиновский, сын его не знает, но после отставки из военной службы (1825 г.) И. В. не служил нигде, кроме как по выборам—был много лет изюмским уездным предводителем дворянства.

К странице 177.

42) Печатается с подлинника (арх. Грота). Было у Грота — Годовщины (отрывок). Писано под диктовку Ив. Ив.

С выходом в 1839 г. на поселение Пущин получил право писать собственноручно, конечно, под контролем начальства. Но и тогда декабристы пользовались оказией, чтобы пересылать родным «нелегальные» письма.

Annette—А. Бессе (рожд. Ленц).

К странице 179.

43) Подлинник рукою М. К. Юшневской; печатается с рукописи А. Н. Малиновского (арх. Грота). Отрывки—у Грота-Пущин. К сожалению, А. Н. Малиновский сообщил не все письмо. См. ниже.

М. Л. Яковлев—лицеист I вып.

Фриц—Ф. Х. Стевен.

Декабрист Мих. Фотиевич Митьков—сослуживец И. В. Малиновского по л.-гв. Финляндскому полку. О Вольховском, Мих. И. Пущине, сахароварении—см. письмо от 15 января 1838 г. О Влад. Энгельгардте см. письмо от 4 декабря 1837 г.

В конце письма И. И. выражает, как сообщает А. Н. Малиновский, пожелание, чтобы Каменская колония умножилась приездом с Кавказа декабриста А. Е. Розена, женатого на сестре И. В. Малиновского. Затем И. И. говорит, что старшему сыну Розена, Евгению (род. 19 июня 1826 г.), не худо будет в училище правоведения. Мальчику 13 лет, и дома трудно продолжать его воспитание. Выбор училища чуть ли не лучший, сколько я могу судить по малому, что мне известно». Затем И. И. возвращается к освобождению Розена из ссылки и пишет: «Приятно и утешительно уметь порадоваться за других. Евгений (Оболенский) и все мои тюремные товарищи разделяют мои чувства. Скажи это Розену. Жду его письма».

К странице 180.

44) Подлинник рукою кн. Е. И. Трубецкой. Печатается с рукописи А. Н. Малиновского (архив Грота), который приводит только отрывки (упоминается у Грота—Пущин). В письме И. И. возвращается к сообщениям И. В. Малиновского о посещении им родителей Пущина (см. письма от 19 декабря 1838 г. и 2 марта 1839 г.), благодарит за письмо из родительского нашего дома и пишет: «Ты так хорошо умел высказать мне все, что так хорошо понимает твое сердце...» А. Н. Малиновский опустил также то место письма И. И., где Пущин просит И. В. сделать все воз-

можное, чтобы сестры его товарищей по заключению Борисовых отвечали своим братьям на письма и посланные рисунки и портреты. Братья Борисовы — Андрей и Петр Ивановичи—декабристы.

Суворочка—Вл. Дм. Вольховский, вышел в отставку по должности бригадного командира в Бобруйске, где виделся с Мих. Ив. Пущиным, который сообщал брату о хозяйственных намерениях Вольховского.

Эстляндские переселенцы—декабрист барон А. Е. Розен с семьей. О Розене и его эстляндской жизни в его «Записках декабриста», под ред. П. Е. Щеголева, СПБ, 1907, см. также письмо от 2 марта 1839 г.

45) Писано рукою М. К. Юшневской. Впервые печатается здесь. Взято у А. И. Малиновского (в архиве Грота), который сообщил его в выдержках.

«Изменение сибирского существования»—предстоящий вскоре выход на поселение. В конце письма, как пишет А. И. Малиновский,—передается благодарность декабриста Н. П. Горбачевского за участие в делах его сестры Дельсаль, с добавлением: «... Сколько умею, я ему доказываю, что тебя в этих случаях благодарить не нужно, и стараюсь его уверить, что ты не менее его рад, если можешь оказать ей услугу...»

К странице 181.

46) Письмо рукою кн. Е. И. Трубецкой. Печатается впервые с рукописи А. И. Малиновского (архив Грота), который прислал его в отрывках. Еще в письме есть привет семье Вольховского и привет с почтением «доброй вашей тетушке Анне Андреевне» Самборской (сестра матери И. В. Малиновского и М. В. Вольховской). О ней же И. И. писал в письме от 20 июня 1839 г. «... Единственная и добрейшая Анна Андреевна иначе не может жить, как заботясь о других; я так думаю с тех пор, как ее знаю... Vale et mihi fave....» (из рукописи А. И. Малиновского). Еще в письме от 15 июля 1839 г. есть фраза: «...Вдалеке порадовался я вашему свиданию и легко могу вообразить, как приезд ее для вас был утешителен...», относящаяся к посещению Каменского «уединения» женой декабриста Ел. Петр. Нарышкиной, передавшей родным И. И. непосредственный привет от него.

8 мая—день ангела И. И. Пущина, 15 июля—Вл. Дм. Вольховского.

Парпчи—имение Мих. И. Пущина, в Минской губ.

К странице 182.

47) Собственноручное—с пути на место поселения, в Туринск. Печатается впервые с рукописи А. И. Малиновского, который при этом обещал Я. К. Гроту переслать извлечения из собственноручных писем И. И. Пущина к Малиновским с августа 1839 по июнь 1844 г., но прислал только два письма: настоящее и от 27 октября 1839 г.

К странице 183.

48) Письмо собственноручное, печатается с рукописи А. И. Малиновского (арх. Грота). Отрывки были у Грота—Пущин.

Декабристы: В. П. Ивашев (о его женитьбе—ниже, письма И. И. от 29 мая 1841 г.); И. А. Анненков (о его романтической женитьбе на П. Е. Гебль—в ее записках.—Записки П. Е. Анненковой, СПБ, 1914 г.); Н. В. Басаргин женился (вторым браком) на Мар. Елис. Мавриной в 1839 г. Его Записки изданы под ред. П. Е. Щеголева в 1917 г.

Горе Вольховского—смерть его младенца.

Христофор Христофорович Гавен, впоследствии губернатор в Воронеже и сенатор в Москве.

К странице 184.

49) Собственноручное. Печатается впервые с подлинника (арх. Грота). На обороте 2-го листа (обычного почтового формата) написано: «Егору Антоновичу Энгельгардту».

«Лицейский листок»—почтовая бумага с литографированным видом Царскосельского Лицея по рисунку В. П. Лангера (о нем выше). На таких листках Е. А. Энгельгардт писал любимейшим своим лицейским-первокурсникам.

Бывший предводитель (в конце письма)—И. В. Малиновский.

Мрачное состояние, в котором находился в это время Пущин и о котором говорится в письме к Энгельгардту, сильно беспокоило его друзей. Декабрист В. Л. Давыдов с тревогой писал в начале 1840 года декабристу И. И. Горбачевскому, что Пущин скучен и мрачен, и Горбачевский заволновался, написал Пущину, просил его не хандрить, сообщить о своем здоровье. См. письма И. И. Горбачевского к И. И. Пущину за 1840—1843 годы, напечатанные Б. Е. Сыроечковским в «Голосе Минувшего» за 1923 год, № 2. В них Горбачевский просит Пущина писать каждую почту—«такое удовольствие я имею читать твои письма».

К странице 187.

50) Из письма А. И. Малиновского к Я. К. Гроту. Напечатано у Грота—Лицей (в таком виде сообщил этот отрывок А. И. М.) и у Грота—Пущин (короче). Последние строки относятся к политическому направлению Пушкинской музы после воцарения Николая I (сравн. с тем местом записок Пущина, где он рассказывает о своих колебаниях по вопросу о том, привлечь ли ему Пушкина к тайному обществу). И. И. Горбачевский в письме к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г. (Записки Горбачевского, изд. «Задруги», М. 1916) говорит: «Я не могу забыть той брошюрки, которую я у тебя читал,—сочинение нашего Ив. Ив. Пущина о своем воспитании лицейском и о своем Пушкине, о котором он много написал. Бедный Пущин,—он того не знает, что нам от Верховной Думы было даже запрещено знакомиться с поэтом Ал. Серг. Пушкиным, когда он жил на юге;—и почему? Прямо было сказано, что он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании тайного общества. И теперь я в этом совершенно убежден. И он сам при смерти это подтвердил, сказавши Жуковскому: «скажи ему, если бы не это, я бы был весь его». М. А. Бестужев сделал к этому месту письма примечание: «совестно было ему (Пущину) об этом сказать,—но знаю, он догадался,—я часто с ним говорил о Пушкине, сидевши вместе в 3-м отделении Петровского каземата» (в 1826 г., в Шлиссельбургской крепости). Суровый революционер, ригорист до самой смерти, Горбачевский судит о Пушкине с своей точки зрения, при неверном свете, получившемся от неправильной передачи Жуковским в его известном письме к С. Л. Пушкину последних слов великого поэта (критическое исследование этого письма у П. Е. Щеголева в книге: «Дуэль и смерть Пушкина», СПБ, 1916). Да Горбачевскому и вообще трудно было понять Пушкина, как понял его более близкий ему по духу лицеист Пущин, который пишет в своих записках: «Чтобы полюбить Пушкина, настоящим образом, надобно было взглянуть на него с тем простым благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище...». И. Д. Якушкин в своих записках рассказывает, как на одном собрании декабристов в имении Раевских Пушкин с жаром доказывал пользу существования тайных обществ в России и очень был огорчен, когда понял, что участники совещания сторонятся его. Поняв это, поэт встал раскрасневшись и сказал со слезой на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженную и высокую цель перед собой,

и все это была только злая шутка». А в 1827 г., по передаче всегда правдивого Якушкина, когда поэт пришел проститься с А. Г. Муравьевой, ехавшей в Сибирь к своему мужу, Пушкин сказал ей: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести».

51) Собственноручное, печатается здесь впервые (архив Грота).

Лицейское предприятие—составление капитала для помощи семьям бывших лицеистов. Вскоре И. И. прислал для этого фонда 100 руб.

Макс, Чарл (Александр), Воля (Владимир)—сыновья Е. А. Энгельгардта. В письме к Ф. Ф. Матюшкину от 24 января 1839 г. Е. А. писал: «... Бедный Воля овдовел (смерть его первой жены Ю. А. Коньевой; о ней—письмо от 4 декабря 1837 г.), жена его родила благополучно чудесного мальчика Юрия; простудилась, слегла и мы ее схоронили» (в начале 1840 г. умер и мальчик). М. Е. Энгельгардт служил в Варшаве и приезжал на время к отцу. А. Е. Энгельгардт был тогда сильно болен. О нем отец писал Матюшкину в апреле 1841 г.: «... Чарл в прошлом годе по совершенно расстроенному здоровью—он между прочим почти было ослеп—решился поискать помочи за морем. Поехали: он больной, а жена его здоровая. Там она заболела и умерла... Смотреть на него жалко: болезнь, а более того потеря ангела-жены совсем его извели...». В сентябре Е. А. писал, что воды его сыну не помогли: он приехал почти слепым.

В сентябре 1841 г. Энгельгардт писал Матюшкину: «Бедный Jeannot поселен в Туринске и теперь может свободно переписываться со своими и со мной. Недавно еще получил я от него письмецо; он кажется доволен переменою своей судьбы, садовничает, читает и обучает трех сирот бывшего своего товарища, который, схоронив свою жену (Камилла Петровна Ивашева, ум. 28 декабря 1839 г.; о ней в сборнике В. И. Покровского), скоро потом и сам скончался (28 декабря 1840), завещав Jeannot своих детей...». См. еще письмо от 29 мая 1841 г. А. Е. Розен сообщает (Записки, 171), что К. П. Ивашева ум. 30 декабря 1839 г., а В. П. Ивашев—28 декабря 1840 г. Обычно Розен точен в своих показаниях.

К странице 190.

52) Собственноручное, печатается впервые с подлинника (арх. Грота). Написано на обороте листка, на котором—французское письмо М. П. Ледантю (ее старшая дочь—Сидония—мать писателя Дм. Вас. Григоровича; см. еще письмо от 19 июля

(340 г.), приводимое ниже в переводе. М. П. Ледантю прибыла к дочери в 1838 г. (ср. ниже письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту) и после смерти зятя просила о разрешении вернуться, с внучатами, в Россию. Так как поездка в Сибирь была ей дозволена на условии отказа от возвращения когда-либо в Россию, то разрешение было дано после долгих хлопот. Энгельгардт еще долго волновался судьбою семьи Ивашевых. П. А. Плетнев писал 10 октября 1842 г. Я. К. Гроту: Прибыл Е. А. Энгельгардт, рассказал презрогательную историю об одной француженке, которая была гувернанткою в доме Ивашева (это М. П. Ледантю)... Когда Ивашев жил на поселении вместе с лицейским Пущиным, то жена его писала к своей матери, что теперь она совершенно счастлива и одно только присутствие матери могло бы довершить ее благополучие. Старушка решилась прибыть к ней, но в день ее приезда дочь умерла от родов...» Повидимому, это отклик какого-нибудь из недошедших до нас писем Пущина. Об Ивашевых см. еще Записки Н. В. Басаргина (Спб. 1917 г.). См. след. письмо.

Пав. Серг.—Бобрищев-Пушкин и его брат, Ник. Серг., декабристы. Вот письмо М. П. Ледантю к Е. А. Энгельгардту: «Милостивый государь. Посылаю Вам перевод труда Паскаля, которого нет на русском языке. Обращаюсь к Вам, милостивый государь, убежденная в Вашей готовности (помочь) и в ваших литературных знакомствах, надеясь, что Вам легко будет найти соответствующего издателя. Будьте уверены, что всякое Ваше решение по этому вопросу будет предлогом для благодарности тех, кого Вы этим обяжете. Если Вам не удастся сразу найти издателя, то Андрей Муравьев, один из участников этого труда, сумел бы помочь Вам в поисках. Думаю, что Вам уже говорила в Петербурге об этом труде одна особа: Анна Ивановна. Ей будьте добры сообщить о результатах Ваших поисков. Верьте, милостивый государь, глубокому уважению, с каким я имею честь оставаться, преданная Вам Цецилия Ледантю. Туринск, 29 мая 1841 г.

Анна Ивановна—сестра Пущина. Ничего из этого дела не вышло—см. письмо от 29 апреля 1845 г. «Мысли» Бл. Паскаля вышли в Петербурге в 1843 г. в русском переводе Ив. Бутковского. Цензурная пометка: «11 июня 1840 г.». Более ранних переводов в СПБ. публичной библиотеке нет. Позднейших—несколько (80-х годов и др.).

53) Печатается с подлинника (архив Грота). Отрывок был в Грота-Пущин. Сравнить с письмом от 29 мая 1841 г.

О поездке в Тобольск—см. письмо от 19 июля 1840 г.

Вл. Дм. Вольховский ум. 7 марта 1841 г.

Дм. Ник. Маслов—лицеист I курса, род. 1799, ум. 13 февр. 1856 г. О нем у Гастфрейнда, т. I. О Маслове Пущин говорит в своих записках, как об участнике совещаний у Н. И. Тургенева, созывавшихся для выработки различных преобразовательных планов и для издания политического журнала. Маслов занимался статистикой; только случайно он не вошел в тайное общество. В 1841 г. Маслов получил орден св. Станислава I ст., будучи действ. стат. советником и статс-секретарем департамента законов Госуд. Совета.

К странице 193.

54) Опубликовано в «Голосе Минувшего» (№ 6 за 1915 г.), куда сообщено Ив. Павл. Малиновским—внуком адресата. В Ялуторовск Пущин прибыл в июле 1843 г.

Мария Малиновская—сестра Пущина, ум. в сент. 1844 г.

Тоня—Ант. Ив. Малиновский, род. 10 июля 1838 г., ум. 6 апреля 1904 г. О нем у Гастфрейнда, т. III.

Евгений—Оболенский, декабрист, живший в Ялуторовске в одном доме с Пущиным.

«Для управляемых и управляющих»—о взглядах Пущина на крестьянский вопрос—ср. письма к Энгельгардту от 26 февраля и 12 июля 1845 г.

Марья Васильевна Вольховская. сестра И. В. Варя—Варвара Ивановна Пущина (сестра И. И.), прибывшая в Каменку во время предсмертной болезни М. И. Малиновской.

Письма Пущина за 1842—1844 годы не дошли до нас. но они были. Горбачевский в письмах к Пущину за эти годы говорит о полученных от него письмах.

К странице 194.

55) Печатается с подлинника (арх. Грота). Было с пропусками и ошибками у Грота-Пушкин и Грот—Рус. Архив. Послано вместе с письмами от 5 и 21 марта, 29 апреля, 9 и 21 июня и 12 июля, составляя с ними род дневника. Написаны на почтовых листках большого формата, сшитых в виде тетради; почти каждое занимает отдельный листок (ср. письмо от 21 марта).

Анат. Евстаф. Жадовский—лицеист III вып., умер в 1871 г., был в 30 годах СПБ вице-губернатором. Е. А. Энгельгардт, стремясь об'единить лицеистов всех выпусков, пытался собирать их в день 19 октября у Жадовского, который был хлебосолом, но при жизни Пушкина это не удавалось, как потому, что А. С. Пушкин заботился об интимности кружка лицеистов-первокурсников, стараясь сохранить его замкнутость, так и потому, что лицеисты в большинстве не любили Жадовского. Отголосок этой

неприязни—в письме Пущина, который особенно не терпел людей наживы и спекуляции. Повидимому, Жадовский был в числе соискателей на золотые прииски.

Муравьев—Матв. Ив. Муравьев-Апостол, декабрист, Тизенгаузен — Вас. Карл.—декабрист. Современник поселения декабристов в Ялуторовске—С. Семенов рассказывает («Декабристы в Ялуторовске», «Сиб. Архив», 1913, № 6—8), что «они жили особняком. Ялуторовская интеллигенция и чиновники боялись знакомиться с ними, так как декабристы были об'явлены важными государственными преступниками и состояли под особо строгим надзором полиции... Жили декабристы меж собой довольно дружно, иногда собираясь вместе, но большей частью собрания эти происходили тайно от полиции. Чаще всего собирались в большом доме бар. Тизенгаузена... Больше других о прошлом говорил И. И. Пущин. Он рассказывал о своей дружбе с А. С. Пушкиным, о самом поэте, о литературных собраниях, на которых поэт читал друзьям своим стихи. У Пущина было много собственноручных рукописей и писем Пушкина, которые И. И. и показывал собеседникам».

Балакшин — управляющий питейными сборами в Ялуторовске; о нем у Семенова «Сиб. Архив».

Громкое прилагательное—декабристы официально назывались государственными преступниками. Иные из них конверты своих писем к родным в Россию надписывали: «от государственного преступника». Свои письма, даже между собою в Сибири, они должны были пересылать через III Отделение в Петербурге. Сибирская интеллигенция, особенно передовые сибирские купцы, пересылали письма декабристов к их родным со своими пакетами и много способствовали их свободному сношению с Европейской Россией. Эти посредники в сношениях декабристов с волей выписывали для них на свое имя западно-европейские и русские газеты и журналы и все лучшие новинки книжного рынка и, конечно, сами со своими семьями читали их. Таким образом, декабристы были проводниками культуры в Сибири. Правительство преследовало таких посредников, но не всегда успешно: декабристы пользовались огромным сочувствием сибирского населения, которое покрывало эту нелегальную почту.

Фрицка—Ф. Х. Стевен был выборгским губернатором и в 1844 г. был назначен товарищем министра статс-секретаря по делам Финляндии, в связи с чем и переехал в Петербург.

Вильгельм—Кюхельбекер, переведенный в 1844 г. из Акшинской крепости в Смолинскую слободу Курганского округа.

Н. В. Малиновский напечатал биографию В. Д. Вольховского—о ней у Гастфрейнда, т.т. I и III.

К странице 196.

56) Продолжение предыдущего письма. См. примеч. 55.

Как видно из этого письма, взгляды Пущина на крестьянский вопрос не изменились за время его сибирской жизни. Еще до 14 декабря, в тайном обществе, он был одним из ревностных сторонников наделения крестьян землею. (См. В. И. Семевский—Крестьянский вопрос в России, сб. «Крест. строй», т. I. СПБ, 1905).

Сенатор—Мих. Ник. Жемчужников, отец писателей. Отсюда знакомство Пущина с ними. См. ниже—письма к брату.

К странице 198.

57) Продолжение предыдущих писем. См. примеч. 55.

Ялуторовская ланкастерская школа учреждена декабристом И. Д. Якушкиным и его товарищами по ссылке. За ходом преподавания в ней следил и Пущин. Еще до 14 декабря члены тайных обществ учредили в России ланкастерские школы, на которые сильно косилось правительство. Е. И. Якушкин, сын декабриста, хорошо знавший жизнь и деятельность декабристов в Сибири, пишет, что «этот кружок оставил глубокий след в жизни Ялуторовска... Хотя училища назывались приходскими, но программа обучения в них применялась самая широкая».

Жена В. К. Кюхельбекера—Дросида Ивановна—из полубурятской семьи. Глинка—муж сестры В. К. Кюхельбекера Устиньи Карловны.

К странице 200.

58) Продолжение предыдущих писем. См. примеч. 55.

Дочь Энгельгардта—Нат. Егор. Остен-Сакен, род. 16 ноября 1806 г., ум. 8 марта 1845 г.

«Случается кой-кому помочь»—современник ялуторовского поселения декабристов С. Семенов рассказывает, что Пущин отличался особенною отзывчивостью, общительностью и доступностью для народа, помогал обращавшимся к нему и деньгами, и советами, и юридическими знаниями. Не отказывал бедняку-крестьянину или крестьянке—написать письмо сыну-солдату, составить прошение, жалобу или заявление. Пущин пользовался уважением и любовью местного населения, несмотря на то, что на него (еще на Е. П. Оболенского и И. Д. Якушкина) полиция указывала жителям Ялуторовска, как на самого тяжелого государственного преступника».

О переводе Пав. Серг. Бобрищевым-Пушкиным Паскаля см. письма от 29 мая и 6 июня 1841 г.

Малютка Аннушка—дочь Ив. Ив. Пущина, род. в начале 1842 года в Туринске и в июле 1843 г. привезена отцом в Ялуторовск.

О ней—в письмах: 7 июня 1847, 1 августа и 23 ноября 1855, 7 февраля 1856, 8 сентября 1857 и в примечаниях к ним.

«Целая библиотека добрых листков»—в архиве Якушкиных хранится много десятков томов писем к Пущину. У внука его, члена 4-й Госуд. Думы Лавр. Ив. Пущина, было также много бумаг из архива его деда, но во время революции 1917 г. они, кажется, погибли.

Варвара Самсоновна Баранова вскоре после этого вышла замуж за кн. Е. П. Оболенского. О ней ялуторовская воспитанница М. И. Муравьева-Апостола, А. П. Сазонович рассказывает в своих заметках («Декабристы—материалы для характеристики», М. 1906, изд. М. Зензинова): «Когда Пущин привез из Туринска дочь Аннушку, взяли для нее весьма некрасивую няню, 24-летнюю Вареньку. Оболенский вовсе не сближался с ней до брака и женится не вследствие ее беременности (написано по поводу многочисленных и полных ошибок воспоминаний К. М. Голодникова)... Затем Оболенский все-таки женился на няне, и их первенец родился после брака своевременно, в конце года. Он переехал от Пущина задолго до женитьбы, но жил на окраине города в какой-то лачуге, в посте и молитве...». С. Семенов рассказывает в общем то же и добавляет, что В. С. Оболенская, благодаря заботам мужа, вскоре достаточно развилась и получила хорошее образование. Товарищи мужа полюбили ее.

О доме Бронникова—С. Семенов пишет в своих воспоминаниях о Пущине и Оболенском, что они занимали приличный дом, имели выезд и многочисленный штат прислуги («Спб. Архив»).

К странице 202.

59) Продолжение предыдущих писем. См. примеч. 55.

К странице 204.

60) Продолжение предыдущих писем. См. примеч. 55.

Бибиков—Мих. Илар., сын Ек. Ив., сестры декабриста М. И. Муравьева-Апостола и ген.-лейт. Илл. Мих. Бибиков; женился впоследствии на дочери декабриста Н. М. Муравьева—Нонушке; приезжал в Сибирь по служебным делам.

Бедный Михайло—Мих. Ив. Пущин, живший тогда в имении Минской губ.; был опасно ранен в русско-турецкую войну 1828 г.

И. И. Пущин сидел в Шлиссельбургской крепости свыше полутора лет.

Пешель—Фр. Ос.—лицейский врач.

Тарантас»—известная повесть гр. В. А. Соллогуба.

К странице 205.

61) Продолжение предыдущих писем. См. примеч. 55.

К странице 206.

62) Продолжение предыдущих писем. См. примеч. 55. Ваша газета»—«Земледельческая Газета», редактировавшаяся Энгельгардтом, для которой Пущин сообщал приведенные выше сведения о сельской производительности Тобольской губ.

К странице 208.

63) Продолжение предыдущих писем. См. примеч. 55.

Июнь—прошлого года.

В. К. Кюхельбекер был в это время сильно болен и после долгих хлопот получил разрешение на выезд из Кургана в Тобольск для лечения. Но было поздно, и 11 августа 1846 г. он умер после тяжких страданий.

Этим письмом кончается серия имеющихся в моем распоряжении писем И. И. Пущина к Е. А. Энгельгардту. Дополнением к ним, особенно к одному из последних, является письмо Мих. Ив. Пущина к Ф. О. Смольяниновой, которая, как было указано в предыдущих примечаниях, была связующим звеном между декабристами и их родными в России. Конечно, М. И. имеет в виду своего брата, когда передает приветы «близким» адресатки. Да и самое письмо, повидимому, является прямым ответом на просьбы Ив. Ив. Привожу его из Щукинского Сборника, где оно напечатано в ряду других писем И. И., как его письмо. Ошибка редактора сборников П. И. Щукина объясняется схожестью почерков братьев Мих. и Ив. Пущиных. Получив от Д. И. Завалишина это письмо вместе с письмами И. И. к Завалишину и не обратив внимания на то, что содержание самого письма указывает на то, что оно не могло исходить от И. И., Щукин приписал его Ив. Ив. Фел. Осип.—теща Завалишина.

«Милостивая государыня Фелицата Осиповна. Я очень замедлил в исполнении поручения вашего на счет семян и «Земледельческой газеты»; но вы не поставите этого замедления в вину, когда узнаете, что я прибыл в Петербург не ранее 30 ноября и после того вылежал жестокую горячку. При выздоровлении я старался добыть эти семена с нашей дачи через других, но не удалось и потому для получения их нужно было совершенно выздороветь. К этому надо вам сказать, что по приезде сюда я был в своей памяти не более пяти минут, и легко можете вообразить, до какой степени испугал свою женку, которая по моим письмам ожидала встретить меня в полном здоровье. Теперь все это, слава богу, миновалось и я снова здоров. В Москве я нашел Надежду Львовну, которая особенно рада была послушать мои о вас и всех ваших рассказы. Я не мог долго с нею побеседовать, имев мало времени и быв уже нездоров, не полагая,

однако же, что у меня начало горячки. Может быть, вы уже давно имеете от нее известие о нашем свидании, но это не помешает вам принять снисходительно и мое позднее. У меня теперь другого рода горячка, которая чуть ли не хуже прежней. Тогда я в беспамятстве бредил языком, а теперь приходится в полной памяти бредить пером. Прежде я не знал опасности, в которой находился, а теперь могу бояться, что командировку мою признают бесполезною. Сверх всего этого важная невыгода моего теперешнего положения состоит в том, что и посещения свои и переписку должен ограничивать. Прося вас передать мои усерднейшие приветствия всем вашим, имею честь быть навсегда с совершенным почтением и душевною преданностью Вашим, милостивая государыня, покорнейшим слугою М. Пущин. 23 января 1843 г.»

К странице 209.

64) Первое из серии писем к брату Николаю Ивановичу, подаренных Пушкинскому Дому при Академии Наук в Ленинграде родственницей Пущина Э. Н. Набоковой (по сестре его, Екат. Ив., бывшей замужем за И. А. Набоковым) вместе с другими семейными бумагами М. и Н. Пущиных. Письма к Н. И. и его жене — собственноручные, печатаются здесь впервые, с подлинников. Н. И. П. занимал в Петербурге крупные административные посты и часто получал командировки по ревизии. Был он в 1842 г. с ревизией в Сибири и гостил у брата. Жена его — с 30 сентября 1837 г. — Мария Николаевна Завалишина.

Вероятно, речь шла о ревизии по морскому ведомству, в портах Черного моря. Корнилов — вероятно, знаменитый впоследствии адмирал Вл. Алексеевич; ср. письмо от 26 ноября 1854 г.

Як. Дм. — Казимирский, жандармский офицер, позднее генерал, человек добрых сердечных качеств, любимый всеми знавшими его декабристами. Был плац-майором Петровского завода. Особенно был дружен с Пущиным и Оболенским.

Мих. Лар. — повидимому, Бибиков, который и в 1845 г. приезжал в Сибирь с ревизией (см. письмо от 25 мая 1845 г.). Михаил — брат Н. И., Annette сестра его.

Мих. Александрович Назимов, декабрист (род. 19 мая 1801 года, ум. 9 августа 1888 г.), сослуживец Мих. Ив. Пущина по конно-пионерному эскадрону. Женился в 1847 г. на Варв. Як. Подкользиной, сестре Марьи Як. — жены Мих. Ив. Пущина.

Сестра Назимова, Анна Ал. была замужем за Ник. Ал. Набоковым, братом ген. Ив. Ал., который был женат на сестре Пущиных, Екатерине Ив. — [illegible] — имение Пущиных в [illegible] верстах от Пскова.

О почерке—почерк И. И. Пущина был всю его жизнь четкий и красивый.

Добрый Н. Я.— может быть, Балакшин, ялуторовский купец, знакомый Пущина: в одних источниках—он Ник. Вас., в других—Ник. Як.

К странице 211.

65) Печатается, впервые, с подлинника (Пушк. Дом).

У. К. Глинка—сестра В. К. Кюхельбекера, приезжала за его сиротами, которых взяла к себе на воспитание.

К странице 212.

66) Взято из Щукинского сборника. Адресовано декабристу Дм. Ирин. Завалишину в Читу. Его записки—СПБ. 1906 г. В письме упоминаются декабристы А. Е. Розен, М. А. Фонвизин (с женою Нат. Дм.—потом жена И. И. Пущина), Ник. и Пав. Серг. Бобрищевы-Пушкины, Ив. Ал. Анненков, П. Н. Свистунов, Ал-др Мих. Муравьев (его записки в изд. «Былого» под моей редакцией, Спб. 1922 г.), доктор Ферд. Богд. Вольф, Вл. Ив. Штейнгель, Дм. Ал. Щепин-Ростовский, Флег. Мир. Башмаков, Ал. Фед. Фон-дер-Бригген, Ник. Вас. Басаргин, М. И. Муравьев-Апостол (его записки в изд. «Былого», под моей редакцией, СПБ 1922 г.), Вас. Карл. Тизенгаузен, Ив. Дм. Якушкин, Е. П. Оболенский, Мих. Карл. Кюхельбекер, Ив. Ив. Горбачевский, Андрей и Петр Ив. Борисовы.

Марья Казимировна Юшневская—жена декабриста. Жена Д. И. Завалишина—Аполлинария Сем., рожд. Смольянинова, ум. в декабре 1845 г.

И. И. Горбачевский, оставался в Петровском заводе до самой кончины (9 янв. 1869 г.), не желая жить в Европейской России за счет своих родственников и не имея средств переехать туда за свой счет. См. его записки, изд. «Задруга», под ред. Б. Е. Сыроечковского, М. 1916, и его письма к Пущину, «Голос Минувшего», 1923, № 2.

К странице 215.

67) Взято из Щукинского Сборника. В письме упоминаются декабристы: А-др Ив. Барятинский (род. 1798, ум. 19 янв. 1844), Ив. Сем. Повало-Швейковский (род. 1791, ум. 10 мая 1845), Гавр. Степ. Батеньков (род. 25 марта 1793, ум. 29 окт. 1863).

Письмо любопытно для характеристики Пущина, терпеливо сообщавшего все сведения о товарищах Завалишину, с которым не могли уживаться декабристы из-за его ханжества, мания-

ального самомнения и болезненной самовлюбленности. Любопытно оно и для характеристики отношения Пущина к внешней религиозности. Впрочем, он вообще был совершенно безразличен ко всякой религиозности, являясь типичным представителем материализма 20-х годов.

К странице 217.

68) Письмо ген. губернатору Зап. Сибири. Опубликовано А. И. Дмитриевым-Мамоновым в книге «Декабристы в Западной Сибири», Спб. 1905 г. Поездка была Пущину разрешена. Он выехал в начале июня и вернулся в декабре 1849 года. См. письмо от 14 мая 1849 г.

69) Опубликовано в «Голосе Минувшего», 1915 г., № 6. Брат Петр—младший из Пущиных, род. в 1813 г. (был еще старший Петр, умерший в 1812 г. от раны, полученной при Березинской переправе, окончивший в том же году Пажеский корпус). Антоний—Малиновский. Екатер. Федо.—вторая жена И. В. Малиновского, урожд. Зинкевич. Набоковы—семья сестры Пущина, Екат. Иван. 19 октября—лицейская годовщина. Андрей—Малиновский.

К странице 219.

70) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом). Мария Николаевна—жена Н. И. Пущина, Машенька—их дочь (род. 11 ноября 1847 г.), Лиза—сестра Пущина, Аннушка—его дочь. О поездке Пущина на воды см. письмо к кн. П. Д. Горчакову.

К странице 221.

71) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Послано, повидимому, с оказией, хотя для вящшей конспиративности почерк в последней строчке искусственно изменен и подписано письмо выдуманной фамилией «Батин», встречающейся и в других письмах. В тех же целях И. И. в обращении к брату называет его «вы».

Нелинька—дочь декабриста кн. С. Г. Волконского, род. 28 сентября 1835 г., умерла 23 декабря 1916 года. Е. С. Волконская родилась в Петровском заводе, где отец ее вместе с И. И. Пущиным отбывал каторжные работы, и росла на глазах находившихся там декабристов, которые сильно любили ее и всегда интересовались ее судьбой. Особенно любил ее И. И. Пущин. 15-ти лет от роду Е. С. Волконская вышла замуж за чиновника канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири, Дм. Вас. Молчанова, выехала с ним в Европейскую Россию и блистала очарова-

тельной красотой в Москве. Здесь ее посетителем бывал и Л. Н. Толстой, а в числе обвороженных ее привлекательностью и изяществом был также сын декабриста, петрашевец Н. С. Кашкин. Портрет Е. С. Молчановой этой поры—в V т. «Архива Раевских». Вскоре, однако, Молчанов тяжело заболел и в 1857 году умер. Через год Е. С. вышла замуж за П. А. Кочубея, а по смерти его в 1865 г., вышла в третий раз замуж за А. А. Рахманова. О ней еще в дальнейших письмах Пущина.

Ст. М. Семенов, декабрист, род. 27 дек. 1789 г., ум. 10 июня 1852 г., в Тобольске. Семенов—человек обширного образования, большого ума и крупных дарований; в 1816 г. он получил в Московском университете степень магистра этико-политических наук и оставлен был при университете для подготовки к профессуре, но через 3 года вступил в гражданскую службу. Принятый в тайное общество, Семенов был ближайшим сотрудником Пущина по управлению московской управой общества. На его имя Пущин прислал в декабре 1825 г. из Петербурга в Москву письмо о положении дел в столице в связи с подготовкой восстания (об этом—см. показания Пущина). Сосланный в Западную Сибирь «для употребления на службу» без лишения чинов, Семенов выдвинулся здесь благодаря своим богатым способностям и привлечен был к местному административному управлению. Об этом был сделан донос, и высшее начальство приказало сослать Семенова в глухой угол впредь до обнаружения им усердия. Это не спасло Семенова от мстительности Николая I, который, выслушав от А. Гумбольдта похвалу образованности, уму и дарованиям одного сибирского чиновника, сопровождавшего великого ученого по распоряжению сибирских властей в его поездке,—навел справки об этом чиновнике и приказал употребить Семенова на «службу в отдаленном месте без права выезда». Это было в 1830 г. и только через 8 лет сибирскому начальству удалось выхлопотать разрешение на перевод Семенова на службу в центральное управление Западной Сибири. В 1843 г. Семенов был назначен советником Тобольского губернского правления и оставался в Тобольске до самой кончины (у Пущина в письме ошибка в названии месяца смерти Семенова), пользуясь глубоким уважением и сильной любовью всех товарищей и многих знавших его обывателей. Много десятилетий спустя жива еще была в Тобольске слава о благородном чиновнике из ссыльных декабристов, и старожилы передавали рассказы о нем, как о человеке со стойкими, независимыми и честными убеждениями. Биографы отмечают, как мелкий, но любопытный штрих для характеристики независимости Семенова, что за все время своей сибирской службы Семенов, несмотря на то, что занимал крупные административные посты, ни разу не надевал мундира или виц-

мундира (это в жандармский век Николая I). Декабрист М. И. Муравьев-Апостол, рассказывая о настойчивости, с какою князь П. Д. Горчаков привлекал Семенова к управлению всеми административными делами Западной Сибири, и передавая об упорном уклонении Семенова от этой почетной роли, сопряженной с завистью со стороны областных чиновников и соответственными их поступками,—говорит в своих записках: «Прослуживши несколько лет в Тобольске, Семенов, после краткой болезни, скончался там на руках любивших его товарищей по ссылке. Все тамошнее общество, и знатные, и малые люди, любовь и уважение которых он заслужил, проводили его до кладбища». П. Е. Анненкова рассказывает в своих записках, что в 1827 г., когда декабристов провозили через Томск, к месту их каторжных работ, служивший там С. М. Семенов снабдил своих товарищей, чуть не замороженных в пути, теплой одеждой. Умер Семенов от заворота кишек. О нем еще в дальнейших письмах Пущина.

Ферд. Богд. Вольф, доктор, декабрист.

Михаил—М. А. Фонвизин, декабрист.

Нат. Дм. Фонвизина—жена декабриста, впоследствии жена Пущина.

Петр Ник. Свистунов, декабрист.

Сем. Гр. Краснокутский—декабрист.

Лидинька—дочь декабриста А. М. Муравьева, род. 1 августа 1847 г., ум. 23 февраля 1850 г.; похоронена на «Завальном» кладбище, в Тобольске, близ церкви «Семи отроков».

Барятинский—кн. А. П., декабрист, род. в 1798 г., умер 19 января 1844 г.

Кюхельбекер, В. К.—декабрист.

Екатерина Федоровна Пущина, родственница Пущиных, сестра Евд. Фед., жены И. А. Фонвизина, брата декабриста М. А., к которому она приезжала летом 1852 г. вместе с И. А. Фонвизиным.

Больной Михаил—М. И. Пущин.

Петр—П. И. Пущин.

М. И. Топильский—известный своими странностями и прислужничеством директор канцелярии министра юстиции при гр. Панине; был женат на дочери декабриста бар. В. И. Штейнгеля, Юлии.

Владимир Иванович—бар. Штейнгель.

Жилин П. Я.—учитель в Ялуторовске, написал портрет И. Д. Якушкина.

К странице 224.

72) Послано в Читу. Напечатано у Щукина.

Евгений—Е. П. Оболенский.

Декабрист М. А. Фонвизин и его жена Нат. Дм. получили, по хлопотам И. А. Фонвизина, разрешение на выезд в Россию (в начале 1853 г.), в свое имение, с. Марьино, Бронницкого у., Московской губ. М. А. спешил воспользоваться разрешением, чтобы застать брата в живых, но И. А. умер незадолго до его приезда в Москву. Вскоре к мужу прибыла и Нат. Дм., но и сам М. А. прожил после этого недолго: он умер 30 апреля 1854 г.

Пав. Серг.—П. С. Бобрищев-Пушкин—декабрист. Вместе с братом своим, Николаем, декабристом, получил разрешение на выезд в Россию в начале 1856 г., незадолго до общей амнистии всем декабристам. П. С. много лет до того страдал умопомешательством.

Олинька—дочь декабриста И. А. Анненкова.

К странице 225.

73) Письмо из Ялуторовска к протоиерею С. Ф. Знаменскому в Омск. Опубликовано М. С. Знаменским в «Сиб. Сборн.», 1886 г., № 3, стр. 102, в ст. об И. Д. Якушкине, в приведенном здесь виде. У М. С. Знаменского было много писем Пущина и Н. Д. Фонвизиной-Пущиной к его отцу, С. Ф. Знаменскому. В указанной статье он использовал только отрывки из двух писем Пущина, а в ст. о Н. Д. Фонвизиной, «Литерат. Сборн.», изд. ред. «Вост. Обозр.», Спб. 1885 г., говорит об имевшихся в его распоряжении письмах Пущина, но их не приводит. В письме говорится о болезни декабриста И. Д. Якушкина, которого все знавшие его сильно любили, в том числе и прот. Знаменский, служивший несколько лет в Ялуторовске и бывший деятельнейшим сотрудником Якушкина и других декабристов-просветителей. В письме от начала февраля 1854 г., из которого М. С. Знаменский приводит только одну фразу, Пущин говорит по поводу болезни И. Д., которая вызвала и письмо от апреля 1854 г.—«Вообще это наводит некоторый туман на нашем горизонте...» Вячеслав—старший сын Якушкиных, родившийся за год до декабрьских событий, приезжавший вместе с братом Е. И. (род. 22 января 1826 г., ум. 2 апреля 1905 г.) к отцу в Сибирь. Оправившись от болезни, Якушкин получил разрешение отправиться на 4 месяца на воды в Забайкальском крае, но в пути, в Иркутске, где он остановился у старого друга своего кн. С. П. Трубецкого, И. Д. снова заболел и вынужден был пробыть там 2 года. Вернулся он в Ялуторовск лишь в августе 1856 г., перед самым отправлением в Россию, по манифесту от 26 августа 1856 г. Евг. Ив. Якушкина Пущин особенно любил и по его просьбе написал свои знаменитые записки о Пушкине. Ему же И. И. подарил самый подлинник записок. См. еще письмо от 30 июня 1854 г.

74) См. предыдущее письмо к тому же лицу. С. Ф. Знаменского Пущин любил и уважал, несмотря на свое в общем пренебрежительное отношение к духовенству и называл его «уродом в своем сословии». Снимок с кабинета Якушкина в ялуторовском доме его воспроизведен в книге «Декабристы, 86 портретов», М. 1906 г.

К странице 226.

75) Письмо к брату, печатается впервые, с подлинника (Пушкинск. Дом).

Евгений Иванович—Якушкин, сын декабриста.

Нат. Дм.—Фонвизина.

Басаргин—Н. В., декабрист.

К странице 227.

76) Печатается впервые, с подлинника (Пушк. Дом).

Больной—брат, Н. И. Пущин.

Пирогов, Н. И., знаменитый хирург, друг Н. И. Пущина; в октябре 1854 г. выехал в Крым.

Адм. В. А. Корнилов—убит неприятельским ядром в Севастополе 5 октября 1854 г. (см. письмо от 7 июня 1847 г.).

Ек. Ив. Трубецкая, жена декабриста, ум. в Иркутске 14 окт. 1854 г.

Вольф, Ферд. Богд.—врач, декабрист, ум. 24 дек. 1854 г.

Н. Я.—Балакшин.

К странице 228.

77) Письмо к кн. Н. Г. Долгорукой, сестре Ал. Гр. Муравьевой, жены декабриста, рожд. гр. Чернышевой; их брат, гр. З. Г. Чернышев, декабрист. Опубликовано в «Гол. Мин.», 1915, № 6, по копии, снятой для М. И. Муравьева-Апостола (подлинник утрачен). Там же напечатано письмо к Н. Г. Долгорукой И. Д. Якушкина, который также говорит о глубокой любви всех декабристов к А. Г. Муравьевой, обладавшей «ангельским» характером и самоотверженной добротой. Так же говорят о Муравьевой декабристы А. Е. Розен, Н. В. Басаргин и др. Басаргин пишет, что посетив через 17 лет после кончины А. Г. Муравьевой ее могилу в Петровском заводе, Пущин назвал эту могилу «путеводной звездой для путешественников, приближающихся к заводу»—по лампаде, постоянно теплившейся в часовне над могилой по завещанию всех друзей А. Г. по ссылке. Муравьева больше всех других жен декабристов вытерпела страданий за свой самоотверженный подвиг любви и долга и даже не дожила до сча-

стья быть на одной квартире с мужем, милости, дарованной Николаем I женам декабристов после долгих издевательств над ними. Умерла она 22 ноября 1832 г.

В записках Пущина рассказана история стихотворения Пушкина «Мой первый друг», переданного ему Муравьевой в Чите в 1828 г. Ей же, как сообщается в других источниках, Пушкин передал свое «Послание в Сибирь»—ко всем друзьям-декабристам («Во глубине сибирских руд»)—см. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», 1910, стр. 147—148.

К странице 230.

78) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом).

«Ты сделаешь все по ожиданию К. Н.»—повидимому, речь идет об одном из поручений по ревизии, дававшихся И. И. Пущину вел. кн. Константином Николаевичем, сотрудником которого он был в эпоху т. н. «великих реформ». Степ. Мих.—Семенов, декабрист. Михеевна—М. М. Мешалкина, няня Аннушки Пущиной (см. письмо от 29 апреля 1845 г.).

В конце письма говорится о Севастопольской кампании. Як. Ив. Ростовцев,—один из главных руководителей военно-учебного ведомства при Николае I. В молодости был близок к членам тайных обществ, но накануне 14 декабря сообщил Николаю о заговоре, за что император особенно выдвинул его и осыпал милостями во все свое царствование.

К странице 232.

79) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые.

Ник. Ром. Ребиндер, бывший комендант Петровского завода, потом кяхтинский градоначальник, попечитель киевского и одесского учебных округов; женат на дочери декабриста Трубецкого; граф Борх—дядя А. С. Трубецкой, женатый на сестре ее матери.—Евгений—Е. П. Оболенский. Басаргин—Н. В., декабрист, в это время был чиновником земского суда в Ялуторовске. Нелинька—Е. С. Молчанова, рожд. Волконская, дочь декабриста. М. Н.—ее мать, Мария Николаевна Волконская, рожд. Раевская. Федернелке—товарищеское прозвище Ф. Ф. Матюшкина, лициста I вып.

Дорохова—Марья Александровна, рожд. Плещеева (ум. в 1867 г.). В то время была начальницей (с 1853 г.) девичьего института в Иркутске, но уже переведена была в Нижний-Новгород, на ту же должность. Жена известного Руф. Ив. Дорохова (сына героя войны 1812 г.), бреттера и храбреца, дважды разжалованного в солдаты за буйные шалости (убит в сражении с горцами 18 января 1852 г.), героя «Войны и мира» (Васька Долохов),

приятеля Пушкина. О нем и его жене—у Б. Л. Модзалевского («Архив Раевских», т. II). К М. А. Дороховой сватался декабрист П. А. Муханов, умерший (12 февраля 1854 г.) почти накануне свадьбы. См. еще дальнейшие письма.—Аннушка — дочь П. Н.

К странице 234.

80) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Нелинька—Е. С. Молчанова (Волконская). Муж ее—больной Д. В. Молчанов, вскоре умерший. Вениамин—младший брат Пущиных — Петр Ив., тогда больной. Около этого же времени М. И. Пущин писал И. В. Малиновскому о болезни И. И. Пущина. М. И. Пущина—жена Н. И.

«Казенным путем»—через III отделение, его начальству, чтобы не наводить его на мысль о «нелегальной» переписке декабристов.

К странице 235.

81) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Федернелко—Ф. Ф. Матюшкин, один из ближайших друзей Пущиных. О нем М. И. Пущин писал И. В. Малиновскому от 8 сент. 1864 г. Яковлева (М. Л.—лицеист I вып.) и Матюшкина часто видим (они бывают непременно всякую неделю у сестры, по четвергам приезжают на кашу» (Неизд. письмо, из собр. Э. И. Юргенсона). Катерина Феодоровна—Пущина, сестра Евд. Фед. Фонвизиной, приехавшая в Тобольск, к Н. Д. Фонвизиной. Павел Сергеевич — Бобрищев-Пушкин.

Victor Joly—бельгийский писатель на социально-политические темы, пользовавшийся в указанное время большим успехом.

«Вопросы жизни»—знаменитая статья Н. И. Пирогова, напечатанная в июльской книжке «Морского Сборника» за 1856 год (№ 9, т. 23) и включавшаяся позднее в разные сборники его статей (См. собрание сочинений Пирогова, изд. 1914 г. под редакцией С. Я. Штрайха, т. I). Статья эта была написана еще в 1850 году (см. мою статью в газ. «Школа и жизнь», № 16 за 1915 год, а также мою статью «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова в журн. «Русская Школа», № 7—8 за 1910 г.) и была известна в рукописи ближайшим друзьям Пирогова, в том числе Н. И. Пущину, жена которого Мария Николаевна, рожд. Завалишина, была двоюродной сестрой первой жены Пирогова, Екатерины Дмитриевны, рожд. Березиной. В архиве Пущиных, поступившем от Э. И. Набоковой в Пушкинский Дом, нашелся рукописный экземпляр «Вопросов Жизни», переписанный рукою Н. И. Пущина. Повидимому, это и есть тот экземпляр, который был у И. И. Пущина.

Во всяком случае, этот список, несомненно, относящийся к середине 50-х годов XIX столетия, дает возможность установить важный факт для истории творчества Н. И. Пирогова. И я, как редактор собрания педагогических статей Пирогова, и другие авторы, исследователи его педагогически-литературной деятельности, полагали, что появившийся в 1850 г. текст «Вопросов Жизни» был первоначальным, а напечатанный впервые в собрании сочинений Пирогова в 1887 г. текст знаменитой статьи является переработкой текста 50-х годов. Оказывается, что «Вопросы жизни» были написаны почти дословно так, как они напечатаны в 1887 г., а в «Морском Сборнике» 1856 г. появился измененный и сокращенный текст, хотя и более яркий во многих отрывках. Пущинский список и представляет собою позднее опубликованную редакцию «Вопросов жизни», но по написанию первую.

Дорохова Мария Александровна—начальница нижегородского института; о ней см. выше. Старый директор—Е. А. Энгельгардт. А. В. Ентальцева—вдова декабриста. Евгений—Е. П. Оболенский. Евдокия Ивановна Бароцци—сестра Пущиных.

К странице 238.

82) Печатается с подлинника впервые (Пушк. Дом). Племянники М. И. Пущиной—Завалишины, раненые в Севастополе. Об них говорит Пирогов в письмах к жене из Севастополя (изд. 1907 года).

К странице 240.

83) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом). Ник. Ник. Н. Н. Муравьев-Амурский, граф (род. в 1809 г., ум. в 1881 г.), относился к декабристам с большим уважением и, проезжая через Ялуторовск, постоянно останавливался у Пущина, к которому собирались все жившие там декабристы для свидания с Муравьевым. Первый из губернаторов (в Туле, в 1846 г.) поднял вопрос об освобождении крестьян. В 1847 г. был назначен ген.-губернатором Восточной Сибири и удачными переговорами добился возвращения России Амура, уступленного в 1689 г. Китаю.

Конст. Иван.—Иванов, муж О. И. Анненковой. О них—выше, письмо от 9 октября 1853 г. Оболенский Викт. Андр., лицеист XI вып. (1841 г.), вскоре умер в должности чиновника особых поручений при главном управлении Западной Сибири.

К странице 241.

84) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. А. Е. Врангель—автор книги «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири» (1854—1856), Спб. 1912. В это время был в Петербурге,

на службе состоял в Сибири. Н. Д. Фонвизина, потом Пущина, тогда была уже в России. Нарышкин—М. М. декабрист, друг Пущина. Казимирский—Я. Д., жандармский генерал, друг декабристов.

Менделеев—Дм. Ив.—знаменитый химик (род. 27 января 1834 года в Тобольске, ум. 20 января 1907 г.). О семье Менделеевых—в книге Н. Я. Капустиной-Губкиной «Памяти Дмитрия Ивановича Менделеева», Спб. 1908. Сестра Д. И., Ольга Ив. была замужем за декабристом Н. В. Басаргиным, другом Пущина, товарищем его по ссылке в Ялуторовске. В это время Д. И. М-в был болен и по совету Н. И. Пирогова перевелся в Симферополь для поправления здоровья. Вскоре он поправился и вернулся в Петербург. Об отце и всей семье М—вых в названной книге. Непряхина—Ек. Фед., дочь инспектора Тобольской врачебной управы. Вяч. Вл. Штейнгель—сын декабриста, инспектор царскосельского Лицея. Пушкин—П. С. Бобр.-Пушкин, декабрист.

К странице 243.

85) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Одно из «конспиративных» писем, подписанных (собственноручно) вымышленной фамилией Балин. Речь идет о декабристе Мих. Карл. Кюхельбекере (род. в 1798 г., ум. в 1859 г.). М. К. (брат декабриста—лицеиста В. К.) был поселен в Баргузине в 1831 г. и там же умер. Павел Серг. с братом—декабристы Пав. Серг. и Ник. Серг. Бобрищевы-Пушкины. Н. С. был душевно больным. Ив. Ив. очень заботился о нем и хлопотал о материальной помощи для них. Ср. письма от 29 мая и 6 июля 1841 г. Ждал их Пущин из Тобольска. Як. Дм.—Казимирский.

К странице 244.

86) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Зиночка З. С. Свербеева, дочь декабриста С. П. Трубецкого.

«Курьер с известием»—Пущин сильно интересовался политической жизнью в России в ужасные Севастопольские годы. Он один из первых, по крайней мере, в ялуторовской колонии, узнавал важнейшие политические новости. Современник его ялуторовской жизни С. Семенов пишет: «...Благодаря оживленной переписке, осведомленность декабристов о всем, что делается даже за границей, была большая. Я помню, что еще за неделю до получения известий и манифеста о смерти Николая I, к почтмейстеру вбежал сильно возбужденный И. И. Пущин и объявил о смерти императора...»

«Тяжелое наше прошедшее»—болезнь матери Пущиных. Михайло—брат Мих. Ив. «День свадьбы соседа»—в марте 1847 г.

декабрист Н. В. Басаргин (живший в это время в Ялуторовске) женился третьим браком на О. И. Медведевой, урожд. Менделеевой, сестре знаменитого химика.

К странице 246.

87) Письмо брату. Печатается с подлинника (Пушкинск. Дом) впервые. «Вопросы жизни»—статья Н. И. Пирогова. Вас. Льв.—Давыдов—декабрист, род. в 1792 г., ум. 25 октября 1855 г. А. И.—Александра Ивановна, его жена. Ник. Ал.—Бестужев—декабрист, род. 13 апреля 1791 г., ум. 15 мая 1855 г. О нем биограф пишет: «Возвращаясь из Иркутска, куда он ездил по приглашению жандармского ген. Казимирского, с которым он сблизился еще в Петровском Заводе,—Бестужев при переправе через Байкал уступил свою теплую повозку семье одного бедного чиновника и сильно простудился. Давно скрывавшаяся болезнь развилась, и он скончался, отказавшись обратиться к медицинской помощи». О нем см. «Записки бр. Бестужевых» под ред. П. Е. Щеголева, Спб. 1917 г. Як. Дм.—Казимирский. Михайла—Мих. Ал. Бестужев, декабрист, род. 22 сентября 1800 г., ум. 21 июня 1871 г. Елена Александровна—сестра Бестужевых, род. 1792 г., ум. 1874 г. В начале 40-х годов добилась разрешения на переезд из России в Селенгинск к братьям-поселенцам, с сестрами Ольгою и Марией. По смерти М. А. Бестужева сестры взяли на себя заботы о его детях. О них—в записках бар. А. Е. Розена, под ред. П. Е. Щеголева, Спб. 1907.

Ал-й Ив. Тютчев—декабрист, род. в 1800 г., ум. в 1856 г.

Маша и Ольга—дети И. И. Пущина, Аннушка—дочь Ив. Ив. Александра Сергеевна—Ребиндер, дочь декабриста кн. С. П. Трубецкого, Зиночка—ее сестра, в замужестве Свербеева. Николай Романович—Ребиндер, муж А. С., бывший комендант Петровского Завода.

Евгений—Е. П. Оболенский, Матвей—М. И. Муравьев-Апостол, декабристы. Владимир Иванович—бар. Штейнгель, декабрист, род. 12 апреля 1783 г., ум. в 1863 г. О просьбах Штейнгеля через Пущина—см. письма от 19 марта 1831 г. и от 27 сентября 1852 года.

К странице 249.

88) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые; собственноручное.

Беляевы—Ал-др (род. 1503, ум. 1587), автор записок, и Петр (род. 1804, ум. 1865)—декабристы, после Сибири были на Кавказе, вернулись в Россию в 1845 г.

К странице 250.

89) С подлинника (Пушк. Дом) печатается впервые. Оболенский—Викт. Андр., лицеист XI вып. (1841 г.). Его превосходительство—И. И. Пущин. Комюнисты—петрашевцы. Влад. Ив.—Штейнгель.

К странице 252.

90) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом). Марья Як.—жена М. И. Пущина, собиралась с мужем заграницу для лечения. В Паричах был у М. И. Пущина винокуренный завод, действовавший недолго.

К странице 253.

91) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом). Давыдовы—семья декабриста. Дуров—Серг. Фед.—петрашевец, род. 1816, ум. 1896. Барроцова—сестра И. И., Евд. Ив. Барроцци.

К странице 254.

92) Последнее из серии сибирских писем Пущина. Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Н. Д.—Фонвизина. Марьино—ее имение в Бронницком у., Московской губ. Повидимому, И. И. вскоре и выехал из Ялуторовска в Россию. В архиве Н. Ф. Дубровина (Академия Наук, Рукописное отделение) сохранилось письмо неизвестного лица к Е. П. Оболенскому из Ялуторовска от 7 декабря 1856 г. Корреспондент писал Оболенскому, выехавшему в Россию раньше Пущина (манифест об амнистии декабристам датирован 26 августа 1856 г.),—„Пущин, может быть, догнал вас в Нижнем. Он написал ко мне из Ким (?) 26 ноября. Его мы проводили тем же порядком, как и вас...“ В Петербурге Пущин был в декабре 1856 г.

93) С подлинника (Пушк. Дом) впервые. Ни года, ни места отправления установить не удалось. Бумага, на которой писал Пущин в Сибири и в России, в общем одного типа. Губанов — один из состоявших в „марьинстве“—т.-е. в опеке Ив. Ив. Судя по содержанию письма, отчасти и по почерку, можно полагать, что оно послано из Сибири.

К странице 255.

94) С подлинника (Пушк. Дом) впервые. Первое из дошедших до нас писем Пущина по возвращении его в Европейскую Россию. Жена И. И.—Нат. Дм., урожденная Апухтина, по первому мужу Фонвизина (жена декабриста М. А.); об этом браке—

еще в других письмах И. И. к родным и друзьям. О Н. Д. Пущиной—у В. И. Шенрока «Одна из жен декабристов» («Русское Богатство», 1894, № 11 и 12, а также в сб. В. И. Покровского «Жены декабристов», М. 1906), М. Д. Францевой—воспоминания («Истор. Вестник», 1888, № 5 и 6, и «Русск. Старина», 1885, № 11), М. С. Знаменского «Нат. Дм. Фонвизина» («Литер. сборник Восточного Обозрения», Спб. 1885, письма Н. Д.) и др. Н. Д. Апухтина—Фонвизина—Пущина родилась 7 апреля 1805 г., ум. 11 октября 1869 года в Москве, в Покровском женском монастыре, куда удалилась после смерти И. И. Пущина. В ее же московском доме умер 13 февраля 1865 г. другой ее сибирский друг, декабрист Пав. Серг. Бобрищев-Пушкин.

О тайне, скрытой от брата Николая,—брак с Н. Д. Фонвизиной.

Ваня—сын Ив. Ив. Пущина—о нем ниже, в письме от 27 июля 1857 г.

О поездке в Киев декабрист Батеньков писал 24 мая 1857 г. Е. П. Оболенскому: «...Пущин наотрез отказался нас посетить (в деревне Елагиных—Киреевских). Он до того спешит в Киев, что не заедет в Нижний... Полагаю, что уже приехал...» (Арх. Дубровина). Пущин в Киев не ездил, болезнь не позволила. Об этом Батеньков писал Оболенскому 13 августа 1857 г.

Пушкин—Пав. Серг. Бобрищев-Пушкин, его брат—Ник. Серг.

Протянуть ноги—болезнь, которая вообще сильно тяготила Пущина, особенно при его живом характере. Около этого времени он полагал, но безнадежно, ехать для лечения за границу. Так, брат его Мих. Ив. писал в июне 1857 г. Александре Андреевне Толстой (тетке Льва Николаевича) из Швейцарии: «Брат мой Ив. Ив. просит отпуска заграницу и, ежели его отпустят, то мы с ним, вероятно, съедемся в Карлсбаде, чтобы вместе возвратиться домой...» («Толстовский музей», т. I, Спб. 1911, стр. 76).

К странице 257.

95) С подлинника (Пушк. Дом) впервые.

О заграничной поездке М. И. Пущина см. письмо от 10 июня 1857 г., примечания. Вениамин—младший брат Пущиных, Петр Иванович. Марьино—село Фонвизиных, Бронницкого у., Моск. губ., в 50 в. от Москвы. Пикулин—известный московский врач, друг Грановского, Боткина и др. людей 40-х годов.

Екатерина Федоровна—Пущина, родственница Пущина и Фонвизиных, жила в Марьине. Ек. Пав. Данзас—жена Б. К. Данзаса, лицеиста.

Поэт кн. П. А. Вяземский приехал к Пущину на другой день после восстания 14 декабря 1825 г. и спросил, не может ли он быть чем-нибудь полезен. И. И. дал ему на хранение свои бумаги, среди которых были рукописи Пушкина. Портфель этот был возвращен Пущину, как он сам рассказывал об этом Е. И. Якушкину, в 1857 г. После смерти И. И. часть этих бумаг перешла к Е. И. Якушкину, которому также передали бумаги И. И. друзья его П. Н. Свистунов и М. И. Муравьев-Апостол.

Свистунов Петр Никол., декабрист, род. 27 июля 1803, ум. 15 февраля 1889 г. Рябинины—родственники Пущиных по матери.

К странице 259.

96) С подлинника (Пушк. Дом), впервые здесь. Письмо к декабристу А. Ф. фон-дер Бриггену (род. 1792 г., ум. 27 июня 1859 года в Петербурге от острого холероподобного заболевания). О нем—С. Н. Браиловский («Русск. Стар.», 1903, № 3), который опубликовал в разных изданиях письма к Бриггену других декабристов. О всех упоминаемых в этом письме декабристах см. письмо от 22 сентября 1858 г. Елагина—известная Авдотья Петровна, по первому мужу Киреевская, мать славянофилов. Барышников—родственник Н. В. Басаргина. Марья Александровна—Дорохова, воспитательница дочери И. И. Пущина, Аннушки.

К странице 260.

97) С подлинника (Пушк. Дом)—впервые здесь. Сохранилось только это прибавление. Министр—Вяземский, см. письмо от 19 июня 1857 г. Вяземский был тогда тов. мин. нар. просвещения. Лиза—сестра Пущиных. Модест—бар. М. А. Корф, лицеист I в. Шумахер—Петр Вас., поэт: о нем письмо 12 июня 1858 г.

К странице 261.

98) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Морской Сборник—один из лучших тогдашних литературно-политических журналов. Ваня—сын Ив. Ив. Пущина, род. 4 октября 1849 г. в Ялуторовске. Еще подробности о сыне И. И. см. в письмах от 11 и 18 августа, 2 и 4 октября 1857 г. Куйвази—имение Пущиных в Петергофском уезде. Нарышкины—декабрист Мих. Мих. (род. 4 февраля 1795 г., ум. 2 января 1863 г.) и его жена Елиз. Петр., рожд. граф. Коновницына, дочь героя отечественной войны (скончалась 11 декабря 1867 г.).

К странице 263.

99) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом). О физиономии брата Ив. Ив.—сам М. И. писал после этого посещения

(26 ноября 1857 г.) И. В. Малиновскому: «Брат Иван поправился молодцом. Еще при мне ему видимо было лучше, но теперь известия от него самые утешительные...» (Архив Э. П. Юргенсона). Марья Яковлевна—жена М. И. Пущина, рожд. Подкользина. Г. С. Батеньков писал Е. П. Оболенскому 13 авг. 1857 г.: «В Марьине прожил я 16 дней, хозяева даже едва отпустили. Ив. Ив. хворает попрежнему, а в последние 2 дня слегла в постель и Нат. Дм. К счастью нашему приехал Мих. Пущин и его жена Марья Як. взяла на себя труд поить нас и кормить... Киевская поездка отменена» (Арх. Дубровина). В Киев Пущин собирался навестить своего друга, декабриста кн. С. П. Трубецкого. Пущины прибыли в Марьино из Германии. Catherine —Ек. Ив. Набокова—сестра Пущиных. Федернелке—Ф. Ф. Матюшкин. Борис—Б. К. Данзас, лицеист II вып. Кат. Павл.—Е. П. Данзас—о ней письмо 19 июня 1857 г.

К странице 265.

100) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые.

Ив. Дм. Якушкин, один из благороднейших декабристов (род. 28 декабря 1796 г., ум. 11 августа 1857 г., в Москве). Вернувшись в Россию сильно больным, нуждался в лечении, но ген.-губернатор А. А. Закревский выслал всех декабристов из Москвы, и Якушкин поселился в Новинках, на границе Московской и Тверской губ. Описывая прот. С. Ф. Знаменскому мытарства больного Якушкина, Н. Д. Пущина сообщала ему: «Наконец, выхлопотали ему разрешение жить в Москве, но привезли в ужасном состоянии. Но душою он оживился... Я навещала его, лежащего в постели, до того ослабевшего, что он с трудом поднимал голову, но видела его в то же время спокойного, даже подчас веселого и говорливого». На похоронах были перечисленные Пущиным декабристы: М. И. Муравьев-Апостол, Ал-др Ник. Сутгоф и Г. С. Батеньков. Антоний—Малиновский, племянник Пущиных.

К странице 266.

101) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Аннушка—дочь И. И. Потомственным дворянином он называет в шутку себя, так как был по амнистии восстановлен в правах дворянства. Капитан гвардии—М. И. Пущин, бывший до 14 декабря 1825 г. капитаном конно-пионерного эскадрона.

К странице 267.

102) С подлинника (Пушк. Дом), впервые.

Гениальный хирург Ник. Ив. Пирогов был тогда попечителем одесского учебного округа. «Новоселье Лицея»-речь, произне-

сенная им 1 сентября 1857 г. в Одессе, на торжественном акте Ришельевского Лицея, напечатана в «Одесском Вестнике» от 12 сентября и перепечатана во многих тогдашних изданиях. Включена в собрание сочинений Пирогова, изд. 1914 г. том 1-й.

Вл. Мих. Жемчужников (1830—1884), поэт. М. Д. Францева — тобольская воспитанница Н. Д. Фонвизиной. Мих. Мих. Нарышкин, декабрист. Ел. Петр.—его жена. Ал-др Ник. Сутгоф—декабрист. Ек. Петр. Торсон—сестра декабриста. Артель—союз декабристов, основанный по почину и при ближайшем участии Пущина для помощи семьям нуждающихся товарищей. Артель основана еще во второй половине 30-х годов, в Петровском Заводе при выходе первых декабристов на поселение. Ентальцева Ал-дра Вас., вдова декабриста. Ultimatum — история с портфелем у П. А. Вяземского.

К странице 268.

103) Печатается впервые с подлинника в деле о Пущине в архиве третьего отделения. На письме пометка: «Всемилостивейше разрешено: относительно С.-Петербурга без всяких сношений с местным начальством, а относительно Москвы по сношению с графом Закревским... присовокупив, что Пущин с высочайшего соизволения проживал уже в С.-Петербурге и вел себя весьма хорошо». В. А. Долгорукий—начальник III отделения. А. А. Закревский—московский ген.-губернатор, в молодости друг многих будущих декабристов и участник их либеральных бесед, а после воцарения Николая I—свирепый реакционер, особенно грубо преследовавший декабристов после их амнистирования. Из писем Пущина видно, что он в 1858 г. бывал в Москве. Ср. письмо от 16 апреля 1858 г. к А. Е. Тимашеву.

К странице 269.

104) С подлинника (Пушк. Дом) впервые. Пав. Серг.—Бобрищев-Пушкин.

Свои взгляды на задачи женщины-матери и воспитательницы Н. И. Пирогов изложил в письмах (первой половины 1850 г.) к своей второй жене Александре Антоновне, урожд. Бистром. Отрывки из этих писем в рукописи были известны друзьям автора. Письма эти—представляющие собой глубокие религиозно-философские и педагогические трактаты—опубликованы мною в журн.: «Русская школа» (1914, № 11 и 1915 № 3), «Голос Минувшего» (1915 №№ 5 и 6), «Русская Старина» (1915 № 5 и 1916 №№ от 1 по 3), «Летопись» (1916 № 7), «Соврем. Мир» (1915 № 11), «Школа и жизнь» (1915 № 16). В частности, письмо Пирогова к невесте от 12 апреля 1850 г. («Русская Школа», 1914

№ 11), почти полностью было распространено в публике в рукописных списках не только на русском языке, но и в переводах на другие. Так, в Пущинском архиве (Пушк. Дом) сохранился русский список этого письма, сделанный рукою сестры милосердия Крестовоздвиженской общины, ближайшей сотрудницы Пирогова в Севастопольскую кампанию, Елиз. Петр. Карцевой. В заголовке письма—слова: «Идеал женщины», и, судя по всему, такой именно список был в руках Пущина. В том же архиве имеются два списка этого письма в английском переводе. В «Вопросах жизни» и в письме Пирогова от 12 апреля 1850 г. много совпадений, дающих возможность установить происхождение педагогических идей Пирогова. Подробнее об этом—в упомянутых выше моих статьях по поводу писем Пирогова к А. А. Бистром. Сравн. письма И. И. от 22 ноября 1855 г., 7 февраля и 23 апреля 1856 г., 2 октября 1857.

К странице 270.

105) Печатается с подлинника впервые (Пушк. Дом). Розен Андр. Евг.—декабрист. Евг. Калужский — Е. П. Оболенский—жил в Калуге.

К стр. 271.

106) Печатается с подлинника (Пушк. Дом), впервые. Eudoxie — сестра И. И., Евд. Ив. Бароцци. «Указ о крепостных» — известный рескрипт виленскому ген.-губернатору Вл. Ив. Назимову—от 20 ноября 1857 г., подготовивший освобождение крестьян. Об отношении Пущина к крестьянскому вопросу—в письмах его к Энгельгардту за 1845 г. и в примечаниях к ним.

К странице 273.

107) С подлинника (Пушк. дом), впервые. Annette — сестра, Анна Ив. Пущина. В Орловской губ. было имение сестры Ек. Ив. Набоковой. 6 марта 1858 г. М. И. Пущин писал И. В. Малиновскому: «Возвратившись 2-го с. м. из поездки в Орловскую деревню сестры Ек. Ив... заехал из Москвы к Ивану брату, у которого мог только одни сутки провести... 17 дней в Орловском имении меня тоже порядком уходили. Я там должен был разбирать жалобы крестьян на управляющего, который 10 лет грабил и всех нас обманывал, не допуская никаких жалоб крестьянских. Бог помог мне всех успокоить и меня из деревни с благословениями и благодарственным молебном проводили. Я там ввел положение о высочайших указаниях, продал за бесценок усадьбу и отдал землю в оброк весьма умеренный» (Арх. Э. И. Юргенсона).

Вал. Мих. Голицын—декабрист, главный герой романа Д. С. Мережковского «Александр I», род. в 1801 г., умер в 1859 г. Дело его опубликовано В. И. Семевским в «Голосе Минувшего», 1913 года, № 2. Голицын был родственником гр. Остермана-Толстого и, повидимому, об имении из его наследства идет речь в фразе об Остерманской аренде у Голицына. Мих. Серг. Бобрищев-Пушкин, брат декабриста.

К странице 274.

108) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Продолжения, которое, повидимому, было на отдельном листке,—в настоящем собрании нет. Марemьяной-старицей называли Пущина друзья за постоянные его хлопоты и заботы о всех нуждавшихся, за вечную готовность помочь всякому, чем можно. Так и сам он называет себя шутя. Великий князь—верно, Константин Николаевич. Шестаков, М. И., автор статей в «Морском Сборнике». Пав. Серг. и Мих. Серг.—Бобрищевы-Пушкины.

К странице 275.

109) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом). Об Андрониковой см. письмо от 19 июня 1855 г.

К странице 277.

110) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом). Перед этим были еще письма к М. И. Пущиной, от 2 и 19 марта 1858 г. Не приводятся здесь—касаются домашних мелочей.

111) Печатается по подлиннику (Пушк. Дом) впервые. В. И. Семевский по данным архива министерства государственных имуществ установил, только отчасти, что Н. Д. Пущина (Н. Д. была почти единственной наследницей мужа своего М. А. Фонвизина и его брата И. А.) владела имениями в губерниях Костромской, Тверской, Рязанской и Тамбовской, в которых было 2586 ревизских душ и 58 тыс. дес. земли. Имения были заложены и обременены большими долгами. В 3-х уездах в Костромской губ. у Фонвизиной было 53 тыс. десятин. По смерти мужа Н. Д. Фонвизина предложила своим крестьянам посоветоваться, как им лучше устроить свою жизнь, но они просили оставить их в пожизненном владении помещицы, а по смерти ее передать их в казну безденежно. Хлопоты Н. Д. о продаже в казну своих имений остались безрезультатными.

К странице 278.

112) Печатается впервые с подлинника (из дела Пущина, как и письмо от 17 октября 1857 г.). А. Е. Тимашев—тогда началь-

ник III отделения. Ограничение, о котором говорится в письме Пущина—текст манифеста об амнистии декабристам с разрешением им жить, где пожелают, кроме Москвы и Петербурга.

К странице 279.

113) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом).

К странице 280.

114) С подлинника (Пушк. Дом) впервые. Вл. Ив. Даль—лексикограф. В Нижнем Ив. Ив. ездил для свидания с дочерью Анной Ив., воспитывавшейся у М. А. Дороховой, начальницы тамошнего женского института. Петр Вас. Шумахер, поэт. Происхождением датчанин (род. 6 августа 1817 г., ум. 11 мая 1891 г.), он был типичный русский интеллигент 40-х годов. В 40-е годы Ш. служил при сибирском ген.-губернаторе Н. Н. Муравьеве, приятеле Пущина, затем служил в Сибири же управляющим частных золотых приисков. С 1855 г. он жил в Н.-Новгороде, где был т. н. «душой общества», выступая в спектаклях и на литературных вечерах.

К стр. 282.

115) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом). Перед этим было письмо от 3 авг. 1858 г. В нем мелочи.

116) С подлинника (Пушк. Дом) впервые. Пушкины—Бобрищевы-Пушкины, Мих. Серг. Бобрищев-Пушкин, произведенный тогда в статские советники.

Н. И. Пирогов был в результате борьбы местной администрации с его реформаторскими либеральными затеями переведен из Одессы в Киев 18 июля 1858 г. Оттуда его тоже устранили за либерализм в марте 1861 г. Обо всем этом—мои примечания к собранию сочинений Пирогова (изд. 1914 г., т. I).

Ребиндер Н. Р.—бывший комендант Петровской тюрьмы (завода), потом кяхтинский градоначальник, попечитель киевского и одесского учебных округов, директор департамента народного просвещения,—приятель декабристов, женатый на дочери князя С. П. Трубецкого. Дуров—С. Ф., петрашевец (1816—1869), племянник Н. Д. Пущиной. Адмирал-шафер, адмирал Ф. Ф. Матюшкин, лицеист I вып., товарищ и друг Пущина, передавший ему в 1857 году согласие Н. Д. Фонвизиной на брак с ним.

К странице 283.

117) С подлинника (Пушк. Дом) впервые. Знаменский, С. Ф., протоиерей, ялуторовский друг декабристов, особенно Н. Д. Фон-

княжной. Штейнгель, Вл. Ив., декабрист. Зять его—М. И. Топильский, директор департамента министерства юстиции. Н. Н. Муравьев за приобретение для России по айгунскому трактату 16 мая 1858 г. Амура был возведен в графское достоинство. О его приятельских отношениях с Пущиным—см. выше.

К странице 284.

118) Щукинский сборник, вып. 10. В письме перечислены декабристы, судьбою которых интересовался Пущин, поддерживавший с ними почтовые сношения.

К странице 286.

119) Печатается с подлинника (Пушк. Дом) впервые. Послано сестре—Варв. Ив. Пущиной. Настенька Пущина—дочь декабриста К. Ф. Рылеева; о ней в книге Н. А. Котляревского «К. Ф. Рылеев». Спб. 1908; была замужем за Ив. Ал-вичем Пущиным (род. 1809, был в 1855 г. отставным поручиком), происходившим от другой ветви Пущиных. У нее были дети, из которых старший сын род. в 1843 г.

К странице 287.

120) Печатается впервые с подлинника (Пушк. Дом). Последнее из всех известных мне писем Пущина к родным. П. Н. умер 3 апр. 1859 г. и похоронен в Бронницах, рядом с могилой М. А. Фонвизина, у собора. На могиле треснувший теперь памятник с фигурой ангела и с надписью: Блаженны милостивии, яко тии помилованы будут» (сообщение Б. Л. Модзалевского).

Корф—М. А., лицеист I вып. Кюхельбекер—Мих. Карл., декабрист (род. 1798, ум. 1859). Статья Дмитрия—Д. И. Завалишина о графе Муравьеве-Амурском и его управлении Сибирью. Ус. Карл.—Глинка, рожд. Кюхельбекер.

О сыне И. И. (род. 4 окт. 1849) есть сообщение в письме М. И. Пущина к Н. В. Малиновскому от 8 сент. 1864 г.: «Ванюша — целый Иван Иванович— возвращается с восстановленным здоровьем...»

В разных письмах и заметках самого Пущина и его корреспондентов есть указания на следующие недошедшие до нас письма: Ф. Ф. Матюшкину—21 сент. 1820, А. С. Пушкину—ноябрь 1823, Е. А. Энгельгардту—апр. 1824 и сент 1841, М. А. Фонвизину—ноябрь 1825, родным—за 1826 и 1827 годы из крепостей, были письма рукою М. Н. Волконской за 1833—1834 г.г., А. Е. Розену — 3 июня 1838, Е. П. Оболенскому — начало 1840, А. И. Пущиной — тоже, С. П. Трубецкому — окт. 1842, В. К. Кюхельбекеру и другим—1845. Е. Ф. Зинкевич—1845 г.,

Д. И. Завалишину—сент. 1848 и 1857, Н. И. Пущину—май 1855 г., П. И. Пущину—9 апр. 1852, Катаеву—июль 1857 г., Корякину 22 сент. 1858. Кроме этих имеются еще указания на письма Пущина к братьям М. и Н. Бестужевым, С. Д. Комовскому, Н. Д. Фонвизиной. Есть письма И. И. к декабристу П. Н. Свистунову— в главном Госуд. Архиве в Москве, письма к декабристу И. Д. Якушкину—в архиве его семьи.

Во время печатания этой книги мне приходилось обращаться за некоторыми сведениями к Алексею Алексеевичу Шилову и я получил от него очень ценные указания. Сообщения его дали мне возможность внести в мою работу дополнения первостепенной важности. К сожалению, мое предисловие было уже тогда отпечатано и мне здесь приходится выразить А. А. Шилову свою глубокую благодарность.

Литература о Пущине

Бестужев А. А.—характеристика Пущина, как члена тайного общества, в книге Н. А. Котляревского «Декабристы», Спб. 1907, стр. 409—410.

Богучарский-Яковлев В. Я.—биографический очерк в сборнике «Галлерея Шлиссельбургских узников», Спб. 1907, т. I, стр. 1—8.

Гастфрейнд Н. А. «Кюхельбекер и Пущин в день 14 декабря 1825 г.», Спб. 1901, и в «Вестнике Всемирной Истории», 1901, № 1, стр. 42—80.

Гастфрейнд Н. А. «Ив. Ив. Пущин», Спб. 1913, стр. 132, и в книге «Товарищи Пушкина по Царскосельскому Лицею», Спб. 1913, т. III, стр. 19—150.

Геннади Г. Н.—биографическая заметка в «Библиографических Записках», 1861, т. III, № 4, стр. 122.

Герцен А. И.—по поводу кончины Пущина—«Колокол», 1859, № 46, 22 июня, стр. 375 и сочинения, изд. 1919 г., т. 10, стр. 43.

Головачев, П. М.—биографический очерк в сборнике «Декабристы, 86 портретов», изд. М. М. Зензинова, М. 1907, стран. 199—203.

Горбачевский И. И.—характеристика Пущина, как революционера в «Записках декабриста», М. 1916, стр. 300—301.

Греч Н. И.—характеристика Пущина, как человека, в «Записках», Спб. 1886, стр. 407.

Грот К. Я. «Из лицейской старины, И. И. Пущин», в «Историч. Вестнике», 1905, № 8, стр. 423—443.

Грот Я. К. «Декабрист в Сибири», «Русский Архив», 1879, т. III, № 12, стр. 469—480, с письмом Пущина, тоже в книге «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», Спб. 1899, стр. 177—187, и в «Трудах», т. III, Спб. 1901.

Дмитриев-Мамонов А. И.—о Пущине в ссылке, в книге «Декабристы в Западной Сибири», Спб. 1905, стр. 201—203.

Ельницкий А. Е.—биографический очерк в «Русском Биографическом Словаре», Спб. 1910.

Корф М. А.—характеристика Пущина, как товарища, в книге Д. Ф. Кобеко «Царскосельский Лицей», Спб. 1911, стр. 470, еще у Я. К. Грота в книге «Пушкин...», стр. 251.

Модзалевский Б. Л. «И. И. Пущин и П. Н. Иванов», в «Мин. Годах», 1908, № 1, стр. 283—284, справка из дел о декабристах.

Мякотин В. А.—характеристика записок Пущина о Пушкине, как документа эпохи, в книге «Из истории русского общества», Спб. 1906, стр. 226—275.

Оболенский Е. П.—о Пущине в Туринске—«Труды Иркутской Ученой Арх. Ком.», 1914, вып. II.

Пущин М. И. Записки, в «Русском Архиве», 1908, № 11, стр. 410—464, и 12, стр. 507—576, о жизни дома, о родных.

Руммель В. В. и Голубцов В. В. «Родословный сборник русских дворянских фамилий», Спб. 1887, т. I, стр. 305 и дальше.

Семенов С.—о Пущине в Ялуторовске—в «Сибирском Арх.», 1913, № 6—8, стр. 277—282.

Шенрок В. И. «Одна из жен декабристов», в книге «Жены декабристов», В. И. Покровского, М. 1906, стр. 107—213, и в «Русском Богатстве», 1894, №№ 11 и 12, о Н. Д. Фонвизиной и Пущине.

Штрайх С. Я.: 1) Декабрист И. И. Пущин—в газ. «Одесские Новости», 3 апреля 1909 г. 2) то же—в газ. «Киевская Мысль», 3 апреля 1909. 3) «Пущин и Пушкин», в сочинениях Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. 6, стр. 390—405, Спб. 1912. 4) «Пасквиль на декабриста» (по поводу книги Н. А. Гастфрейнда о Пущине)—в «Голосе Минувшего», 1914, № 6, стр. 310—317. 5) «Друг Пушкина—И. И. Пущин», в сб. «Парфенон», II. 1922, вып. I, стр. 71—83.

Якушкин Е. И. 1) По поводу записок Пущина о Пушкине, в «Библиограф. Изв.», 1859, № 8, стр. 251—253. 2) Биографический очерк при Записках Пущина, изд. 1907, стр. 1—5. 3) Воспоминания о Пущине—при записках его, изд. 1907, стр. 83—96.

Официальные сведения об участии Пущина в заговоре декабристов, в сборнике В. Я. Богучарского «Госуд. преступления в России», Спб. 1906, т. I, и сборниках изд. М. В. Саблина «Декабристы», М. 1906 и 1907.

Отзывы об издании записок Пущина (1907)—в «Вестн. Европы», 1907, № 6, «Истор. Вестнике», 1907, № 12, «Русск. Стар.», 1908, № 1. Отзывы о книге Н. А. Гастфрейнда о Пущине в газ. «Речь», 1913, 19 августа, «Россия», 1913, 28 августа.

Остальные указания—в примечаниях к тексту.

Портреты И. И. Пущина

1) В детстве—миниатюра, в Российском Историческом Музее в Москве—поясной, ¾ вправо, в сюртучке, в общей бархатной рамке, включающей еще портрет самого И. И. Пущина—см. ниже № 6-й—и предполагаемые портреты его отца и других родных (сравн. отчет Императ. Росс. Историч. Музея в Москве за 1912 г., М. 1913, стр. 21).

2) 1825 года—в группе, рисованной Д. М. Соболевским, опубликованной Б. Л. Модзалевским в сборнике «Пушкин и его современники», вып. 4, стр. 95; отсюда выделен в отдельный портрет: у Брюсова—Пушкин, сочинения, т. I, у Гастфрейнда—Пущин и др.

3) 1830-х годов—акварель Н. А. Бестужева—при Записках Пущина изд. 1907 г.

4) 1856 года—фотография с портрета неизвестного художника (оригинал неизвестен) была на Пушкинской выставке 1880 г. в Москве и воспроизведена в ее Альбоме.

5) 1856—1857 годов—писанный карандашом художником Х. И. Мазером, в Альбоме Пушкинской выставки 1899 года в Москве, стр. 30.

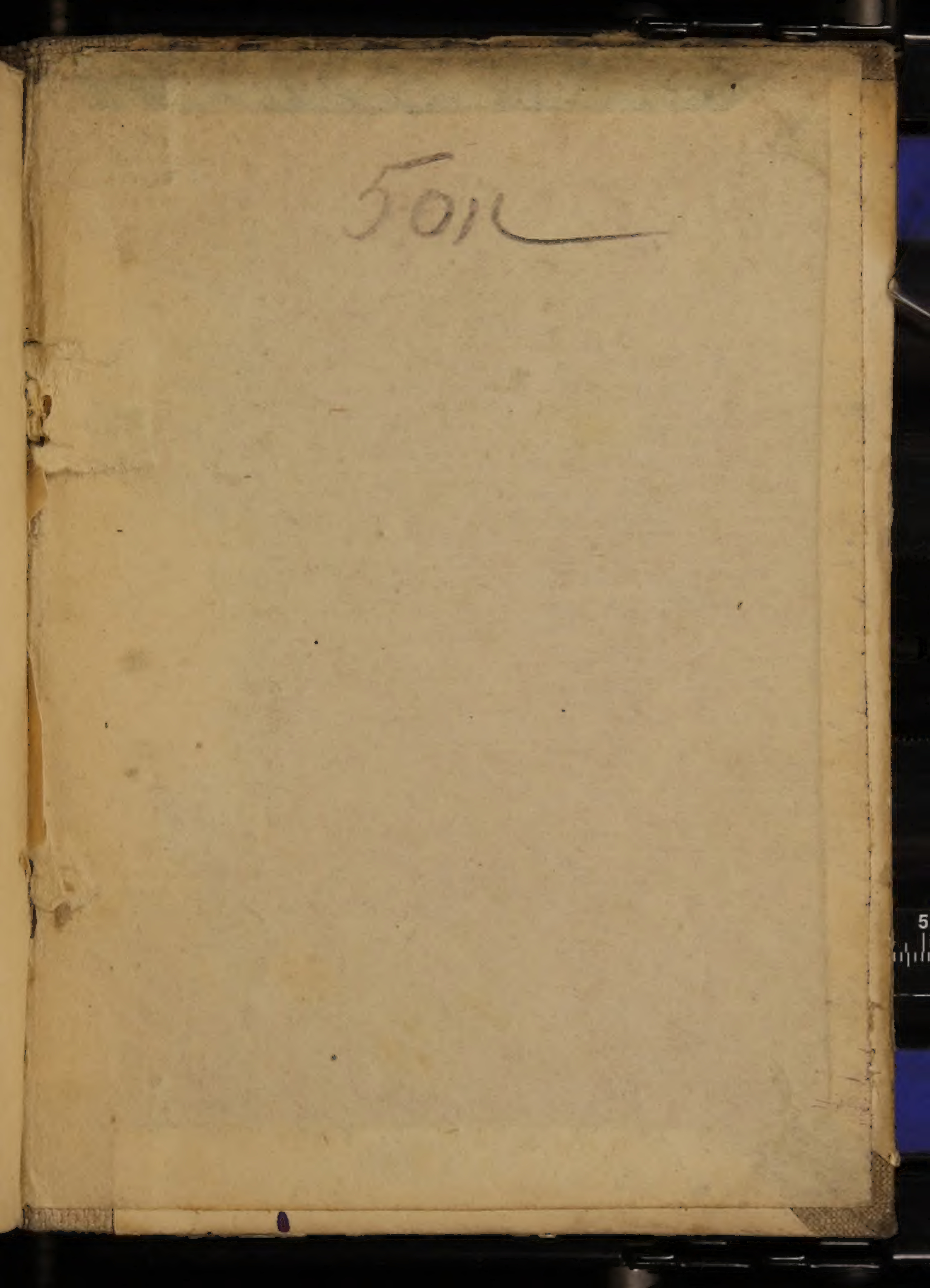
6) 1857—1858 годов—фотография во весь рост, стоит опершись на трость; в семейной группе в Российском Историч. Музее—см. выше № 1.

Есть еще: 1) картина художника Н. Н. Ге—«Пушкин и Пущин в с. Михайловском в 1825 г.»—воспроизведена литографией в красках в журн. «Древняя и новая Россия» за 1874 год, № 4; 2) группа, изображающая декабристов, в том числе и Пущина, в 1828—1830 г.г. у «Чортовой могилы» в Чите—в Альбоме «Декабристы», изд. М. М. Зензинова, М. 1907; 3) была на Пушкинской выставке 1899 г. в Петербурге фотография с портрета 1856 года во весь рост, в кафтане, доставленная туда А. А. Журавлевым, которому она досталась от лицейского товарища И. И. Пущина—С. Д. Комовского; в Альбоме выставки не воспроизведена. В «Голосе Минувшего» за 1915 г. № 6 помещен портрет М. И. Пущина (с георгиевским крестом в петлице), под которым ошибочно подписано: И. И. Пущин.

Указатель имен

[1]) Опущены имена лиц, не имеющих исторического значения, и не указаны страницы примечаний, так как соответственные имена в последних можно найти по ссылкам в тексте.

Содержание

501

Цена 2 рубля

5 р.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Книжный магазин о-ва полит-каторжан „Маяк"
Москва, Петровка, 7.